

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

(2)25'2008

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

(2)25'2008

Научное издание

Екатеринбург 2008

УДК 409.34
ББК Ш 107
П 50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, профессор А. П. ЧУДИНОВ

Заместитель главного редактора:

кандидат филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ

Члены редакционной коллегии:

кандидат филол. наук, доцент С. А. ЕРЕМИНА

ректор УрГПУ, профессор Б. М. ИГОШЕВ

доктор филол. наук, профессор Э. Р. ЛАССАН

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА,

кандидат филол. наук, доцент А. М. СТРЕЛЬНИКОВ

Технический редактор: А. И. СУЕТИНА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО
П 50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2008. Вып. (2)25. – 174 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает три основных раздела – «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Из истории политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш 107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта (грант 07-04-02002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК (2)25

Подписано в печать 15.08.2008. Формат 60x84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. – 10,9. Тираж 500 экз. Заказ
Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru

P.S. Статьи выходят в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

ISSN 1999-2629

© ГОУ ВПО «УрГПУ», 2008
© Политическая лингвистика, 2008

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

(2)25'2008

Editor-in-Chief

A. P. Chudinov

Editorial Board

E. V. Budaev

S. A. Eremina

B. M. Igoshev

E. Lissan

N. B. Ruzhentseva

A. M. Strelnikov

Yekaterinburg 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ		8
--------------------	--	---

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия	Лингвистическая постсоветология	10
Вайс Д. Цюрих, Швейцария	Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы	19
Васильев А. Д. Красноярск, Россия	Игры в слова: <i>россияне</i> вместо <i>русских</i>	35
Гаврилова М. В. Санкт-Петербург, Россия	Политический текст как средство повышения риторической и политической культуры студентов	43
Иванова С. В., Садуов Р. Т. Уфа, Россия	Политическая коммуникация как образец речевого манипулирования	52
Иньиго-Мора И. Севилья, Испания	Тактики вежливого поведения на заседаниях британского и испанского парламентов	59
Маркес А. К., дель Мар Ривас Кармона М. Севилья, Испания	Дискурс легитимизации в ситуации конфликта: язык и власть после 11 сентября	63
Надель-Червиньска М. Катовице, Польша	Русская ментальность и ментальность российская: сопоставление объемов семантического поля	74
Наумова И. О. Харьков, Украина	Европа в зеркале политической фразеологии русского языка	83
Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	Методика описания прецедентных имен	88
Сенковска Э. Варшава, Польша	Методологические проблемы описания общественно-политической лексики польского языка XX – XXI вв.	93
Таратынова Т. В. Челябинск, Россия	Милитарная метафора в представлении избирательной кампании США -2008 (по материалам немецких СМИ)	98
Фенина В. В. Саратов, Россия	Репрезентация культурных ценностей во французском политическом дискурсе	102
Шаховский В. И. Волгоград, Россия	Литературный интекст как ключ к культурной памяти российского социума (на материале публикаций А. Минкина)	115

РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Алексеева М. С. Нижний Тагил, Россия	Прецедентные феномены как источник коммуникативных неудач в рекламе предприятий ресторанного бизнеса	122
Зырянова И. П. Нижний Тагил, Россия	Полипрецедентность в заголовках российских СМИ	126
Кушнерук С. Л. Челябинск, Россия	Теория текстовых миров: перспективы исследования рекламной коммуникации	129

РАЗДЕЛ 3. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Будаев Э. В., Аникин Е. Е., Чащина С. С. Нижний Тагил, Челябинск, Россия	Риторическая критика в американской политической лингвистике	134
Стелцнер Г. Урбана, США	Обращение Ф. Д. Рузвельта к конгрессу 8 декабря 1941 г.: лингвистический анализ	135
Берк К. Гарвард, США	Риторика гитлеровской «Борьбы»	149
Серио П. Лозанна, Швейцария	Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиск настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов	160

РАЗДЕЛ 4. ХРОНИКА

Филатова К. Л. Екатеринбург, Россия Орлеан, Франция	Конференция «Язык, коммуникация и когниция» (Лондон, 4-8.08.2008)	168
Пирогов Н. А. Екатеринбург, Россия	Диссертационный совет Д 212.283.02 в 2008 году	170
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, ЧЛЕНАХ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ И ПЕРЕВОДЧИКАХ		174

CONTENTS

EDITORIAL		8
<u>PART 1. POLITICAL COMMUNICATION</u>		
Budaev E. V., Chudinov A. P. Nizhnii Tagil, Yekaterinburg, Russia	The Linguistic Postsovietology	10
Weiss D. Zurich, Switzerland	Animals in Soviet Propaganda: Verbal and Graphical Stereotypes	19
Vasil'ev A. D. Krasnoyarsk, Russia	Playing on words: <i>Rossiyane</i> instead of <i>rusскиye</i>	35
Gavrilova M. V. St. Petersburg, Russia	Политический текст как средство повышения риторической и политической культуры студентов	43
Ivanova S, Saduov R. Ufa, Russia	Political Communication as a Model of Verbal Manipulation	52
Iñigo-Mora I. Seville, Spain	Politeness Strategies in English and Spanish Parliamentary Settings	59
Márquez A. C., del Mar Rivas Carmona M. Seville, Spain	Legitimization Discourse in Situations of Conflict: Language and Power after September 11	63
Nadel-Czerwinska M. Katowice, Poland	<i>Russkaya</i> mentality and <i>Rossijskaya</i> mentality: Comparison of the Extents of Semantic Fields	74
Naumova I. O. Kharkiv, Ukraine	Europe in the Mirror of the Political Phraseology of the Russian Language	83
Nakhimova E. A. Yekaterinburg, Russia	Methods of Precedent Names Description	88
Senkowska E. Warsaw, Poland	Methodological Issues of the Description of Polish Political Lexis of XIX-XX centuries	93
Taratynova T. V. Chelyabinsk, Russia	Election Campaign-2008 in the USA as the Target Domain for the Metaphors with the Source Domain "War"	98
Fenina V. V. Saratov, Russia	The Representation of Cultural Values in French Political Discourse	102
Shakhovskiy V. I. Volgograd, Russia	Intertexts of Fiction as a Key to the Cultural Consciousness of Russian Society (on the Material of A. Minkin's "Moskovsky Komsomolets" Publications)	115

PART 2. LANGUAGE – POLITICS – CULTURE

Alexeeva M. S. Nizhnii Tagil, Russia	Precedent Phenomena as a Cause of Communicative Failures in Restaraunt Business Advertisments	122
Zyryanova I. P. Nizhnii Tagil, Russia	Polyprecedency in the titles of the Russian Mass Media	126
Kushneruk S. L. Chelyabinsk, Russia	Advertising Communication Viewed in Perspective of the Text World Theory	129

PART 3. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Budaev E. V., Anikin E. E., Chashchina S. S. Nizhnii Tagil, Chelyabinsk, Russia	Rhetorical Criticism in US Political Linguistics	134
Stelzner H. G. Urbana, USA	“War Message”, December 8, 1941: An Approach to Language	135
Burke K. Harvard, USA	The Rhetoric of Hitler’s “Battle”	149
Sériot P. Lausanne, Switzerland	Wooden Language, Language of Other and Our Language. In Search of Real Language in Socialisitic Europe in the 1980s.	160

PART 4. CHRONICLE

Filatova K. L. Yekaterinburg, Russia	Language, Communication and Cognition (London, 4-8.08.2008)	168
Pirogov N. A. Yekaterinburg, Russia	Dissertation Council D 212.283.02 in 2008	170
LIST OF CONTRIBUTORS, EDITORS AND TRANSLATORS		174

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет двадцатый пятый выпуск «Политической лингвистики». Мы стремимся продолжать выпуск узко специализированного журнала, ориентированного на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Параллельное рассмотрение политического дискурса в России, США, Германии, Испании, Великобритании, Польше, Франции и иных государствах позволяет точнее выявить общие закономерности и полнее охарактеризовать национальную специфику. Показательно, что некоторые негативные черты политической коммуникации, которые кажутся нашим соотечественникам исключительно российскими, обнаруживаются и в других странах.

Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои статьи известные зарубежные специалисты по политической лингвистике профессора Даниэль Вайс (Цюрих, Швейцария), Изабель Иньиго-Мора (Севилья, Испания), Маргарита Надель-Червиньска (Катовице, Польша), Аурелия Каранца Маркес и Мария дель Мар Ривас Кармона (Севилья, Испания), Ирина Олеговна Наумова (Харьков, Украина), Эльжбета Сенковска (Варшава, Польша) и Патрик Серио (Лозанна, Швейцария).

Мы благодарны за предоставленные для публикации исследования ведущим российским специалистам, работающим в различных регионах России: профессорам Александру Дмитриевичу Васильеву (Красноярск), Светлане Викторовне Ивановой (Уфа), Марине Владимировне Гавриловой (Санкт-Петербург), Виктору Ивановичу Шаховскому (Волгоград), а также аспирантам Руслану Талгатовичу Садуову (Уфа) и Виктории Владимировне Фениной (Саратов).

Уральскую школу политической лингвистики и лингвокультурологии представляют профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов (Екатеринбург), доценты, докторанты Эдуард Владимирович Будаев (Нижний Тагил) и Елена Анатольевна Нахимова (Екатеринбург), кандидат филологических наук, доцент Светлана Леонидовна Кушнерук (Челябинск), кандидат филологических наук Евгений Евгеньевич Аникин (Челябинск), аспиранты Уральского государственного педагогического университета Мария Сергеевна Алексеева (Нижний Тагил), Ирина Владимировна Зырянова (Нижний Тагил), Татьяна Вячеславовна Таратынова (Челябинск) и Софья Сергеевна Чащина (Нижний Тагил).

Мы выражаем особую благодарность переводчикам – кандидату филологических наук, преподавателю Челябинского государственного университета Евгению Евгеньевичу Аникину,

кандидату филологических наук, доценту Виктору Мечиславовичу Шэтеля (Москва), аспирантам Татьяне Владимировне Аникиной (Нижний Тагил), Марине Юрьевне Калыгиной (Новоуральск), Татьяне Вячеславовне Таратыновой (Челябинск), Ирине Сергеевне Поляковой (Шадринск), Ксении Леонидовне Филатовой (Екатеринбург) и Софье Сергеевне Чащиной (Нижний Тагил), Каждый наш переводчик активно занимается политической лингвистикой, а поэтому хорошо знает соответствующую методологию и терминологию.

В первом разделе традиционно представлены исследования по политической коммуникации. Здесь рассматриваются общие принципы изучения политической коммуникации, методология политической лингвистики, лексика и метафорология политической публицистики и ее жанры. Статья Э. В. Будаева и А. П. Чудинова посвящена лингвистической постсоветологии – рассмотрению зарубежных исследований по проблемам политической коммуникации в современной России.

Во втором разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Все они, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в первый раздел.

Третий раздел, как и в предыдущих выпусках, представляет впервые переведенные на русский язык публикации, которые важны для истории политической лингвистики. На этот раз опубликованы работы американских исследователей, написанные в середине прошлого века. Оба автора (Герман Стелцнер и Кеннет Берк) работали в рамках направления, получившего название «риторическая критика». Предлагаемые публикации, с одной стороны, помогают лучше понять теорию и практику этого научного направления, а с другой – позволяет полнее увидеть особенности идиостиля политических лидеров, которые в период Второй мировой войны возглавляли крупнейшие державы.

В этот же раздел включена широко известная статья швейцарского лингвиста Патрика Серио «Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиск настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов» (исследование было впервые опубликовано на французском языке в 1989 году). Автор рассматривает советские, польские, чехословацкие и югославские публикации, посвященные критике стиля политической коммуникации. Патрик Серио делает справедливый вывод о том, что выявление свойств по-настоящему хорошего политического языка – это задача даже более важная, чем изучение советского «деревянного языка», китайского

«свинцового языка», «новояза» или «языкового сопротивления».

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 июня и 1 ноября. Единственное ограничение – статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Мы не платим гонораров, но и не берем с авторов деньги за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника. Срок выпуска каждого сборника – не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора. Поэтому вся ответственность за содержание и оформление статьи лежит на авторе.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса. Вынуждены подчеркнуть, что сам факт анализа политических текстов, созданных Н. С. Хрущевым, Ф. Д. Рузвельтом или А. Гитлером, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с политическими взглядами соответствующего политического лидера или журналиста.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно познакомиться на сайте cognitiv.narod.ru. На этом же сайте размещены другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки и на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр.Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343); 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Приятно сообщить, что наш журнал теперь включен в Каталог Роспечати и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

С уважением и надеждой на сотрудничество:

Профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов
Доцент Эдуард Владимирович Будаев
Доцент Светлана Александровна Еремина
Профессор Борис Михайлович Игошев
Профессор Элеонора Руфимовна Лассан
Профессор Наталия Борисовна Руженцева
Доцент Александр Михайлович Стрельников
Техн. редактор Анастасия Игоревна Суетина

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Будаев Э. В., Чудинов А. П.
Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОСТСОВЕТОЛОГИЯ¹

Abstract

The paper reviews and classifies modern studies covered by the field of linguistic postsovietology. The field comprises 1) researches into Post-Soviet Russian political communication; 2) comparative investigations of Soviet and Post-Soviet political discourse; 3) studies of Russian political discourse in comparison with transitional discourses in other countries; 4) papers on Soviet political communication published after the collapse of the USSR; 5) researches into political discourses of Ex-Soviet States.

В нашей статье, опубликованной в 2007 году, была рассмотрена история лингвистической советологии – направления в зарубежной политической лингвистике, предметом исследования которого служат особенности политической коммуникации в СССР, а также языковая политика советского государства, функционирование, взаимодействие и эволюция языков народов Советского Союза. [Будаев, Чудинов 2007]. В нашей следующей статье была исследована специфика лингвистической парасоветологии, включающей исследования, которые не в полной мере соответствуют представленному определению лингвистической советологии, однако посвящены смежным проблемам (язык коммунистической пропаганды, тоталитарный дискурс), относятся к другим периодам развития России (досоветскому или постсоветскому) или написаны учеными, которые работали в странах, тесно связанных с Советским Союзом [Будаев, Чудинов 2008].

В настоящей статье речь пойдет о *лингвистической постсоветологии (post-sovietology)*, то есть о направлении в зарубежной науке, которое рассматривает политическую коммуникацию на постсоветском пространстве и прежде всего – в России. Возможно, этот термин воспринимается как не вполне удачный, но его внутренняя форма хорошо отражает направленность соответствующих исследований: исследуется дискурс, который, во-первых, установился *после* советского, а во-вторых – *сохранил многие свойства советского* дискурса.

Библиография публикаций, которые можно отнести к сфере лингвистической постсоветологии, насчитывает сотни наименований. Это свидетельствует о том, что в новой политической ситуации сохранился интерес западных специалистов к языку страны, которая переста-

ла быть врагом, но и не воспринимается как несомненный союзник. Бывшие советологи скрупулезно стремятся понять, в какой степени политические изменения привели к преобразованию политического дискурса в России и что в нем осталось прежним, пытаются прогнозировать перспективы дальнейшего развития российской политической коммуникации и нашей политической системы в целом, ищут возможности для сопоставления закономерностей развития российской и зарубежной политической коммуникации.

Следует подчеркнуть, что к задачам настоящей статьи относится определение оснований для выделения постсоветологических исследований в особое направление и рассмотрение критериев для их классификации, но мы не стремились перечислить все или хотя бы наиболее известные и широко признанные публикации рассматриваемой проблематики.

В наши задачи не входила оценка качества или объективности этих исследований, а также выявление их зависимости от политических или иных условий создания или публикации. Отметим только, что до настоящего времени многие зарубежные специалисты считают, что современная российская политическая коммуникация сохраняет многие советские черты и не в полной мере соответствует западным стандартам. С этими утверждениями можно соглашаться или не соглашаться, но следует учитывать, что иногда «взгляд со стороны», «внешний аудит» позволяет точнее зафиксировать проблемы и дать более объективные оценки. С другой стороны, видимо, настало время оценить и самих «аудиторов», чтобы понять, в какой мере имеет смысл пользоваться их результатами. Очевидно, что свобода от советской цензуры далеко не всегда означает абсолютную творческую свободу и независимость от каких-либо проявлений идеологического контроля. Следует учитывать, что в самых разных странах политическая позиция, противоречащая государственной политике, может негативно сказаться на профессиональной карьере ученого, затруднит получение им грантов и иных знаков материального и общественного признания. Идеологические и культурные различия, а также неизжитые догмы в значительной степени сказывались и на развитии постсоветологии.

С учетом таких факторов, как авторство, темпоральные рамки изучаемого материала, используемые методики и аспекты анализа, целесообразно выделить несколько групп исследований, которые могут быть включены в рамки лингвистической постсоветологии.

1. Зарубежные исследования современной (после 1991 г.) российской политической коммуникации. Особенности коммуникации в постсоветской России постоянно привлекают внимание западных специалистов, которые отмечают, что вместе со свободой слова изме-

¹ Статья подготовлена при финансовой помощи РГНФ (грант 07-04-02002а – «Образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе»).

нился и политический язык России, который, с одной стороны, стремительно развивается, приобретая все новые и новые ресурсы, а с другой – слишком многое некритически заимствует. Примером подобного исследования может служить публикация британского лингвиста Джона Данна, которая так и названа – «Трансформация русского языка из языка советского типа в язык западного типа» [Dunn 1995]. По мнению исследователя, соотношение между «обычным» и «политическим» языком в Советском Союзе, во многом напоминает различия между русским и церковно-славянским в Великом Московском княжестве, основное направление развития русского языка в постсоветский период – это его вестернизация.

Значительное внимание постсоветскому этапу развития русского политического языка в его соотношении с советским этапом уделяется в книге Л. Рязановой-Кларк и Т. Уэйда [Ryazanova-Clarke, Wade 1999] и в двухтомной коллективной монографии под редакцией Л. Цыбатова [Sprachwandel 2000]. В отдельных статьях Л. Рязановой-Кларк детально рассматривается активизация криминальной метафоры в российском политическом дискурсе конца XX – начала XXI века [Ryazanova-Clarke 2004] и элементы таблоидного стиля в языке современной российской прессы [Рязанова-Кларк 1998]. Особого внимания заслуживает исследование Й.-М. Беккера, посвященное исследованию семантических преобразований в политической лексике русского языка в конце XX в. [Becker 2001].

Множество интересных наблюдений над современной российской политической коммуникацией содержится в книге польского исследователя Иоанны Коженевской-Берчиньской «Мосты культуры: Диалог поляков и русских» [Коженевска-Берчиньска 2006]. Значительный интерес западных специалистов вызывает язык российских СМИ, которые освободились от цензуры, но еще не обрели подлинной свободы и не всегда чувствуют свою ответственность перед обществом [Belin 2002; Downing 2002; Urban 1993].

Отдельное внимание уделяется вопросу экспансии внелитературной лексики. В работах Дж. Данна рассмотрены такие явления как российская «политтехнологическая феня» [Данн 2006] и «падонский» или «аффорский язык», который, возникнув в среде Интернет-общения, проникает в язык политики и другие сферы коммуникации [Dunn 2006]. Вместе с тем в периоды социально-политических потрясений обостряются метаязыковые дискуссии, что отмечалось и в эпоху становления Советской России, и в период становления новой российской государственности. Поэтому вполне закономерен интерес исследователей не только к внелитературному языку, но и к другому полю-

су – пуризму и языковой культуре [Gorham 2006; Ryazanova-Clarke 2006].

Значительный интерес представляют психолингвистические исследования Р. Д. Андерсона, в ходе которых анализировалась способность рядовых российских граждан видеть различия между разнохарактерными политическими текстами. К примеру, в одном из исследований изучались реакции россиян на текст политического выступления, относящегося к одному из трех этапов коммунистической эпохи, или текст постсоветского периода, который предьявлялся случайно отобранным жителям Москвы, Воронежа и Пскова. Тексты постсоветского периода принадлежали или «демократам» и центристам или националистам. В каждом городе респонденты легко определяли принадлежность текста постсоветского периода к одному из двух типов, в то время как с определением текста коммунистического периода возникали трудности [Anderson 1997]. Эксперимент показал, что одно из различий между демократическим и авторитарным дискурсами состоит в способности граждан дифференцировать языковые особенности политических лидеров.

В западной науке существует традиционный интерес к особенностям речевого поведения конкретных политических лидеров, особенно президентов, руководителей правительства и парламента. Возможно, с этим связано появление исследований, посвященных речевому поведению российских политических лидеров, особенно президентов Б. Н. Ельцина и В. В. Путина [Fruchtman 2003; Носкаuf 2002 и др.]. [Fruchtman 2003; Gorham 2005; Носкаuf 2002 и др.]. Так, М. Горхем проанализировал тексты интервью и пресс-конференций В. В. Путина за 2000-2005 гг. и пришел к выводу, что эффективность дискурса российского президента основывается на умелом использовании пяти автообразов: *технократ*, *деловой*, *силови́к*, *мужик* и *патриот* [Gorham 2005]. При более широком подходе исследователи обращаются к особенностям российского политического дискурса эпохи Путина в целом. Среди таких изысканий серия работ Я. Фрухтманна [Fruchtman 2004, 2005, 2007].

Как известно, в современной России практически прекращено когда-то весьма активное изучение языка и стиля В. И. Ленина. На этом фоне несколько неожиданно выглядит изданная в Мюнхене книга Маркуса Хюбеншмида, посвященная исследованию речей основоположника советского государства [Hubenschmid 1998].

Большинство современных исследований посвящено изучению лексики. На этом фоне особняком стоят исследование Л. Цыбатова [Zybatow 1995], который рассмотрел изменения в русском языке с точки зрения прагматики, охарактеризовав, в частности, постсоветские

изменения в стереотипах коммуникативного поведения.

Можно заметить, что в последние годы для зарубежных специалистов по российской политической коммуникации открылись новые перспективы. Демократические преобразования на постсоветском пространстве позволили в ряде случаев объединить усилия отечественных и зарубежных специалистов, что привело к появлению совместных исследований (примером может служить коллективная монография [Political Discourse 1998]). Показательно, что в последнее время в России все чаще появляются переводы зарубежных исследований политического дискурса на русский язык [Баргхорн 2000; Вайс 2000, 2007, 2008; Данн 2006; Ласвелл, Якобсон 2007; Лейтес 2007; Серю 2002 и др.].

Итак, рассмотрение западных исследований, посвященных современной российской политической коммуникации, позволяет сделать вывод о том, что интерес зарубежных специалистов к политическому дискурсу нашей страны не только не сократился, но даже активизировался. Новое время поставило новые проблемы, которые закономерно оказались в фокусе внимания как бывших советологов, так и молодых ученых. Вместе с тем необходимо упомянуть об изысканиях, основанных на устаревших крайностях времен «холодной войны» и слишком очевидной предвзятости. Иногда складывается впечатление, что отдельные авторы не способны увидеть различия между советским дискурсом и дискурсом современной России. В таких исследованиях Россия представляется лишь отчасти трансформированной «империей зла», а российский политический дискурс едва ли не автоматически определяется как недемократический. Более чем сомнительная научность подобных публикаций дает нам право лишь упомянуть о существовании такого рода идеологических атавизмах.

2. Зарубежные исследования современной российской политической коммуникации в ее сопоставлении с советской политической коммуникацией. Многие зарубежные исследователи проводят сопоставление советского и постсоветского политического языка, стремясь проследить закономерности превращения советского «новояза» в язык демократического общества. Так, Ричард Андерсон сопоставил метафоры, характерные для трех периодов развития отечественного политического языка: советского (рассмотрены выступления членов Политбюро ЦК КПСС в 1966 – 1985 гг.), «перестроечного» (проанализированы выступления членов Политбюро в 1989 г.) и раннего постсоветского (использованы выступления ведущих российских политиков с октября 1991 по декабрь 1993 г.). В результате исследователь обнаружил, что «метафоры недемократического типа посылают сигналы разделения

общества на верха и низы, высокие чины и починенных, родителя и ребенка, дающего задание и получающего его» [Андерсон 2006: 17]. При смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе. Всякий текст (демократический или авторитарный) обладает информативным и «соотносительным» значением. Когда люди воспринимают тексты политической элиты, они не только узнают о том, что политики хотят им сообщить о мире, но и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отдаляется от народа). Все это, по мнению ученого, дает основание считать, что метафоры сигнализируют о начале политических перемен и даже способствуют этим переменам [Anderson 2001b; 2005]. Схожие результаты Р. Андерсон получил на примере анализа других лексикограмматических явлений, показав, что демократизация в СССР и России характеризовалась сближением политической речи и разговорного языка. [Anderson 1996; 1997; 2001a].

Значительный интерес представляет исследование Дж. Беккера, посвященное сопоставлению представлений о США в советской и постсоветской российской прессе [Becker 2002]. Если в советскую эпоху средства массовой информации стремились отмечать только негативные стороны американской жизни, то в постсоветский период Америка все чаще стала выступать как пример всеобщего благоденствия и ориентир для развития нашей страны. Впрочем нередко наблюдаются и противоположные тенденции. Н. Робинсон исследует эволюции идеологического дискурса с 1917 г. до 1991 г. и рассматривает его роль в распаде СССР [Robinson 1995]. М. Дьюрист предпринял попытку сопоставить цензурные ограничения в дискурсе советских и российских СМИ 1991 и 2001 гг. [Dewhirst 2002]. Дж. Терпин сопоставила содержание советских СМИ при Л. И. Брежневе и М. С. Горбачеве (Turpin 1995), а в монографии Дж. Меррея проанализирован медийный дискурс от эпохи Л. И. Брежнева до президентства Б. Н. Ельцина [Murray 1994].

Заканчивая рассмотрение данной группы публикаций, можно сделать вывод о том, что сопоставление советского политического дискурса (на разных этапах его развития) с дискурсом постсоветской России позволяет отчетливее понять специфику каждого из рассматриваемых этапов развития отечественной политической коммуникации, а также выделить ее

общие закономерности. Видимо, существуют некоторые черты отечественной политической коммуникации, которые проявляются на самых различных этапах ее развития и связаны не столько с политической ситуацией, сколько с особенностями российского общества.

3. Зарубежные исследования российской политической коммуникации в ее сопоставлении с политической коммуникацией в других странах. Существенные свойства современной российской политической коммуникации становятся более заметными при их сопоставлении с особенностями политического языка в других государствах. Так, в книге П. Чилтона рассматривается особенность понимания метафорического термина «общеевропейский дом» в различных странах и отмечается, что «общеевропейский дом» М. Горбачева существенно отличался от «общеевропейского дома» в интерпретации западноевропейских лидеров [Chilton 1996]. В исследовании Е. Болотовой и Й. Цинкена [2001] сопоставляются образы Европы в российской и немецкой прессе и вновь оказывается, что советский дом – это скорее коммунальная квартира в многоэтажке, а не особняк – собственность хозяина, которой он гордится и за которую он несет полную ответственность.

Особенно заметен возросший интерес к анализу советско-российского политического дискурса переходного периода в сравнении с политической коммуникацией других стран, в которых протекали схожие политические процессы [Клочко 2006; Downing 1996; Jones 2002; Political Discourse 1998]. Такие исследования показывают, что современная политическая коммуникация в России все меньше и меньше походит на советский «новояз»: в своих лучших образцах она следует общемировым тенденциям и вместе с тем сохраняет национальные особенности. В то же время нередко отмечаются и негативные тенденции: чрезмерная агональность, нехватка толерантности, подозрительность и излишняя бескомпромиссность, предпочтение критерия целесообразности и полезности принципу законности и моральным критериям.

К числу крупнейших зарубежных специалистов по лингвистической советологии относится профессор Цюрихского университета Даниэль Вайс [Вайс 2007; Weiss 1995, 1998, 1999, 2000, 2002 и др.], который возглавляет исследовательскую группу по изучению советского и европейского политического дискурса. Д. Вайс отличает опора на объемный и разнообразный речевой материал, детальная многоаспектная аргументация, стремление к сопоставлению различных дискурсов («сталинского», «хрущевского» и «брежневского», польского, восточно-германского, «гитлеровского» и советского).

Особенно внимательно автор сопоставляет фашистский и советский политический дискурс.

Например, в названных странах существовал своего рода культ молодости, чистоты и здоровья. Собственное здоровье как полюс, противополжный болезням и немощи политических врагов, демонстрировалось во время различных массовых спортивных мероприятий, которые были тогда неотъемлемой частью политических ритуалов и олицетворяли пышущую здоровьем сплоченность собственных рядов. Как отмечает исследователь, об этом культе здорового тела красноречиво свидетельствует изобразительное искусство тоталитарной эпохи. Физическая закалка молодого поколения считалась одной из наиболее важных задач государства.

С другой стороны, швейцарский исследователь постоянно выделяет существенные особенности сталинского и фашистского дискурса: для первого характерен интернационализм, а для второго – национализм; для первого коллективизм, а для второго индивидуализм; для первого обращенность к будущему, а для второго – культ прошлого. Фашисты умудрялись едва ли всех своих врагов представлять как евреев и им сочувствующих, тогда как образ врага в сталинском дискурсе был значительно разнообразнее. Для фашистского дискурса было характерно обращение к природе и «корням», а в советской пропаганде воспевалась индустриализация как победа человека над силами природы. Сталин всегда позиционировал себя как последователя ленинских идей, воплощающий в жизнь «заветы Ильича», тогда как Гитлер считал себя единственным создателем нацизма. В отличие от ряда других исследователей, Д. Вайс акцентирует не сходство, а существенные различия между советским и фашистским «новоязом» (Вайс 2007).

Сопоставление советского политического дискурса и политической коммуникации в западных государствах показывает, что некоторые явления, традиционно приписываемые тоталитарному дискурсу, были характерны и для политической коммуникации демократических стран. Очень далеко от реальности навязываемое противопоставление благородных героев, распространяющих правду и воспевающих идеалы свободы, гнусным лжецам, которые сознательно обманывают народ и заботятся только о собственной выгоде. В условиях острой политической борьбы невозможно было всегда оставаться правдивыми и объективными, и это относится к практикам политической коммуникации, которые использовались людьми, находящимися как по одну, так и по другую сторону идеологических баррикад.

4. Зарубежные исследования советской политической коммуникации, созданные после распада Советского Союза. При таком подходе главным критерием становится время создания исследования, а не изучаемый период развития политической коммуникации.

Еще в советское время широкую известность получили семантико-синтаксические исследования П. Серио, суммированные в монографии «Analyse du discours politique Soviétique» («Анализ советского политического дискурса») [Seriot 1985], своего рода итогом которой стала метафора «деревянный язык», который определялся как некая «пародия на научный дискурс». Широкий резонанс получили и последующие работы исследователя по советскому языку, его «деревянными» аналогам в других социалистических странах, советской языковой политике [Seriot 1986a, 1986b, 1988a, 1988b, 1991 и др.].

После распада СССР П. Серио продолжил изыскания в этой области. Интересны наблюдения исследователя над советской метафорой языка как «тела нации» и ее связью с серией метафор родства столь характерных для эпохи Брежнева [Seriot 1992]. Как отмечает П. Серио, метафора семейной связи позволяла формировать непротиворечивое представление об обществе без акцентирования национальных различий. Метафоры позволяли примирить представление о русском языке как родном для всех народов СССР (для этого было введено понятие *второй родной язык*) и знание о существовании других гетерогенных языков. Эта метафора для языка органично вписывалась в общую систему метафорических понятий эпохи Л. И. Брежнева (*старший брат, братские народы, братские республики, братские языки*).

П. Серио метафорически описывает советский официальный язык, «как карту, не соответствующую никакой реальной территории (ложь), так и несколько карт для одной и той же территории (двойственный язык)» [Серио 1993: 85]. Вместе с тем исследователь отрицает ту слишком крайнюю точку зрения, согласно которой в СССР сосуществовали два независимых языка: обыденный и советский официальный.

В нашей стране хорошо известна статья П. Серио «Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций» [Серио 1999], которая была написана и опубликована на французском языке еще в середине предыдущего десятилетия. Отталкиваясь от изучения, казалось бы, частного вопроса о функциях отглагольных существительных в докладах Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева на XXII и XXIII съездах КПСС, автор приходит к весьма серьезным выводам. По его мнению, причиной высокой частотности номинализаций является общая тенденция к обобщенности, неопределенности и переложению ответственности: «введенное номинализацией «внетекстовое» не проявляется на эксплицитном уровне, оно не показано, а лишь указано, использовано, введено под именем некоторого объекта реальности» [Серио 1999: 379]. Автор доказывает, что «советский политический дискурс характеризуется двумя противоположными тенденциями:

декларируемыми гомогенностью, единством и монолитностью, с одной стороны, и лежащей в его основе неоднородностью – с другой» [Серио 1999: 381]. Показательно, что однородность, стандартность, следование установкам на единство постоянно подчеркивается; соответственно инновации подаются как следование заветам классиков марксизма и предшествующим политическим решениям.

В конце прошлого века значительное количество исследований были посвящены вопросы о том, «как это случилось», почему прекратил существование Советский Союз? Эти проблемы детально анализируются в сборнике «Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991» [1998], где рассматривается кризис советских институтов и связанного с ними политического дискурса, а также политическая лексика последнего этапа развития СССР. В частности, К. Ричардсон отмечает, что Михаил Горбачев был заинтересован в неопределенности термина «перестройка», что оставляло возможность его различных интерпретаций. Однако в дальнейшем обнаружилось, что даже этот туманный термин оказался недостаточно туманным: оказалось невозможным назвать «перестройкой» упразднение КПСС, применение вооруженных сил в Баку, Тбилиси и Вильнюсе, распад Советского Союза. Все это воспринималось уже не как перестройка, а как разрушение или разгром. Столь же неопределенным долгое время оставалось и понятие «гласность», которое не было синонимом «свободы слова». В связи с этим на Западе термины «перестройка» и «гласность» были признаны «непереводимыми» и обозначались, как «perestrojka» и «glasnost». А. Р. ДеЛюка [DeLuca 1998] проследил, как смена риторики М. С. Горбачева повлияла на внутривнутриполитическую ситуацию в СССР и взаимоотношения Советского Союза с остальным миром. Автор последовательно демонстрирует, что новый политический и медийный дискурс, пропаганда политических символов *перестройки, гласности и нового мышления* меняли общественное мнение и привели не к реформированию, а к развалу системы.

Исследованию дискурса перестройки посвящены и многие другие публикации [DeLuca 1998; Erol 1993; Gibbs 1999; Mossman 1991; Russell, Carsten 1996; Walker 2003]. Так, в монографии профессора Калифорнийского университета в Беркли Э. Уолкера [Walker 2003] были рассмотрены семантические трансформации ключевых символов советского политического дискурса в период перестройки: «суверенитет», «союз», «федерация», «конфедерация», «независимость». По мнению автора, активное употребление этих понятий привело к неожиданным для идеологов нового мышления результатам, потому что под одну и ту же форму выражения подводились самые различные и даже противоположные смыслы. Например, центральным

партийным руководством «независимость» понималась как новое и привлекательное название для автономности, тогда как демократические (а также сепаратистские и националистические силы в союзных и автономных республиках) понимали независимость как подлинное самоопределение. Подобные «коммуникативные недоразумения» сыграли существенную роль в дезинтеграционных процессах и становлении постсоветских государств.

Многие западные исследователи сходятся во мнении, что, планируя изменить советский политический дискурс, М. С. Горбачев надеялся ослабить тоталитарную дискурсивную практику, но не подозревал (или не до конца осознавал), что изменение краеугольных для политического дискурса концептов приведет к фундаментальному преобразованию самой действительности.

Следующая группа работ посвящена более ранним этапам развития советского политического языка. Новые исторические условия позволили иначе рассмотреть речевую коммуникацию в Советском Союзе, полнее охарактеризовать специфику тоталитарного языка в его разных проявлениях. Особого внимания заслуживают монографические исследования, в которых предпринимаются попытки комплексного обзора изменений в русском языке XX в. Среди работ такого рода выделяется монография Ларисы Рязановой-Кларк и Теренса Уэйда [Ryazanova-Clarke, Wade 1999]. Авторы рассматривают новообразования в русском языке по хронологическому критерию: выделяется восемь этапов в развитии языка (послереволюционный, военный, послевоенный и др.). Несколько другие критерии структурирования материала положены в основу коллективной монографии «The Russian Language in the Twentieth Century» («Русский язык в XX столетии») [Comrie et al. 1996]. Исследователи последовательно рассматривают изменения в произношении, интонации, морфологии, лексике, синтаксисе, орфографии, пунктуации, способах обращения и других аспектах. В обеих монографиях изменения в языке рассматриваются в корреляции с социально-политическими изменениями.

Другие публикации посвящены более частным вопросам. Так, в исследовании Петра Червиньского [2007, 2008] детально рассмотрена семантика негативно-оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности. Маргарита Надель-Червиньска [2008] рассмотрела варианты песни В. Высоцкого «Райские яблоки» в общем контексте советского дискурса и показала, что только в тоталитарной модели мышления райская жизнь может восприниматься как некий аналог жизни лагерной, когда праведники напоминают заключенных, а апостол Петр – опытного охранника.

На рубеже веков Даниэль Вайс опубликовал целую серию исследований, посвященных анималистским образам в советской вербальной и невербальной (плакаты) пропаганде. Автор пришел к выводу, что культурное символическое значение животных составляет три смысловых уровня: 1) лексику естественного русского языка, в составе которой укоренились относящиеся к так называемой наивной картине мира среднего носителя языка такие понятия, как *волк*, *собака*, *акула*, *орёл* и т.д. вместе с их коннотациями, оценивающими компонентами, их полисемией (буквальное и метафорическое/метонимическое значение), соответствующими фраземами и возможными синонимами, гиперонимами и т.д., 2) культурно-специфический инвентарь (передаваемый, например, посредством пословиц либо цитат из литературных произведений), благодаря которому появляются новые стереотипы животных, и 3) особую пропагандистскую переоценку определённых обозначений животных вербально и графически [Вайс 2008, Weiss 1999 и др.].

Современный интерес исследователей к периоду заката СССР понятен, но, как показывает обзор, сохраняет актуальность изучение и более ранних эпох. В серии работ профессора университета Флориды М. Горхема рассмотрен широкий круг языковых явлений периода Советской России [Gorham 1996a, 1996b, 1997, 2000a, 2003].

Отдельная интересная тема – язык советских иммигрантов за рубежом. Подобные наблюдения способны показать, как функционирует русский язык в среде его носителей, оторванных от контекста советской политической жизни. Среди таких публикаций выделяется монография Дэвида Эндрюса, проанализировавшего язык советских иммигрантов в США [Andrews 1999], и исследование Клауса Штайнке [Steinke 2000], проведшего подобные исследования на примере ФРГ.

Следует, однако, подчеркнуть, что в нашем понимании необходимо терминологически различать, с одной стороны, изучение Советского Союза (советология), а с другой – изучение постсоветских государств (постсоветология). Иначе говоря, представляется, что при определении границ советологии изучаемый дискурс (в данном случае советский) важнее, чем время создания исследования (в данном случае постсоветская эпоха). Каждый из этих этапов развития отечественной политической коммуникации представляет значительный интерес для политической лингвистики.

5. Зарубежные исследования политической коммуникации в постсоветских государствах. Сама внутренняя форма слова «постсоветология» предполагает включение в сферу интересов специалистов особенностей коммуникации в различных постсоветских государствах. С этой точки зрения значительный

интерес представляют публикации по речевой коммуникации в прибалтийских странах, Украине или Белоруссии. Особый интерес привлекает перманентный политический кризис в Украине [Baysha O., Hallahan K 2004] и проблема свободы слова в Белоруссии. Легко заметить, что политическая коммуникация в постсоветских государствах обнаруживает множество общих закономерностей: так, рассмотренные А. В. Завражиной [2008] средства речевой агрессии в русскоязычном политическом дискурсе Украины едва ли не идентичны тем, что используются в современной российской политической коммуникации.

Вместе с тем имеет право на существование и более узкое определение постсоветологии, которая нередко понимается как исследования, посвященные только постсоветской России. Такой подход связан с тем, что именно Россия воспринимается как наследник и правопреемник Советского Союза, а также с акцентированием различий между постсоветскими государствами, политические лидеры которых часто подчеркивают свое полное неприятие советской эпохи и стремление к абсолютному обновлению. С другой стороны, внимательное исследование выявляет множество однотипных признаков в постсоветской политической коммуникации, что, разумеется, не означает игнорирования национальной специфики.

В целом изучение лингвистической постсоветологии позволяет, с одной стороны, лучше понять общие закономерности и специфические свойства политической коммуникации в отдельных постсоветских государствах, а с другой – точнее разграничить особенности советской и постсоветской политической коммуникации. Приходится с сожалением отмечать, что при исследовании постсоветской коммуникации многие зарубежные авторы не смогли уйти от стереотипов, сложившихся во времена холодной войны. Некоторые западные специалисты исходят из однополярной модели политической коммуникации и предполагают, что политический дискурс в свободной России должен в полной мере соответствовать западной модели. Такой подход едва ли можно считать продуктивным.

Заканчивая обзор разновидностей «постсоветологических» публикаций, необходимо отметить, что эти исследования вносят значительный вклад в дело формирования образа современной России в зарубежном политическом дискурсе. Эти исследования в значительной степени определяют политику США и других западных стран по отношению к нашему государству. Созданные в советскую эпоху стереотипы до сих пор в той или иной степени сказываются на том, как воспринимается Россия в сознании западной общественности и политических лидеров западных стран. Поэтому рассмотренные в настоящей статье исследования должны в полной мере учитываться

российскими специалистами, работающими в сфере политической лингвистики, связей с общественностью и смежных сфер науки и практики.

Постсоветология – это по существу название научного направления, которое рассматривает современную Россию с точки зрения ее взаимосвязей с Советским Союзом. Можно предположить, наука, посвященная исследованию политической коммуникации в России эпохи подлинной свободы и демократии, будет уже совсем иной и поэтому получит новое название.

ЛИТЕРАТУРА:

Андерсон Р. Д. Каузальная сила политической метафоры // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург: УрГПУ, 2006.

Баргхорн Ф. К. Советский образ Соединенных Штатов: преднамеренное искажение // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24).

Болотова Е., Цинкен Й. Русская и немецкая Европа: исследование структуры миров культурных представлений в русской и немецкой прессе // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2001.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая парасоветология // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24).

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Эволюция лингвистической советологии // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23).

Вайс Д. Животные в советской пропаганде // Политическая лингвистика. – 2008. – № 2(25).

Вайс Д. Новояз как историческое явление // Соцреалистический канон / ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. – Санкт-Петербург, 2000.

Вайс Д. Паразиты, падаль, мусор... Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24).

Вайс Д. Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23).

Данн Дж. Что такое «политтехнологическая фенья» и откуда она взялась? // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006.

Завражина А. В. Речевая агрессия и средства ее выражения в массмедийном политическом дискурсе Украины (на материале русскоязычной газетной коммуникации). Автореф. дис. канд. филол. наук. Киев, 2008.

Клочко Н. Н. Образы Европы в современных национальных дискурсах // Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006.

Коженевска-Берчинска И. Мосты культуры: диалог поляков и русских. – Минск, 2006.

Лассвелл Г., Якобсон С. Первомайские лозунги в Советской России (1918-1943) // Политическая лингвистика. – 2007. – № 1 (21).

- Лейтес Н. Третий Интернационал об изменениях политического курса // Политическая лингвистика. – 2007. – № 1 (21).
- Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. – 1997. – № 5.
- Надель-Червиньска М. Категория *несвободы* в тоталитарном контексте и вариативность текста: *Райские яблоки* у Вл. Высоцкого // Политическая лингвистика – 2008. – № 1 (24).
- Рязанова-Кларк Л. Элементы таблоидного стиля в языке российской посткоммунистической прессы (на материале криминальной хроники) // Русистика. 1998, № 1–2.
- Серио П. О языке власти: критический анализ // Философия языка: в границах и вне границ / Ю. С. Степанов, П. Серио, Д. И. Руденко и др. – Харьков, 1993. Т. I.
- Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.
- Червиньски П. Семантика негативно-оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности. Статья 1 // Политическая лингвистика – 2008. – № 3 (23).
- Червиньски П. Семантика негативно-оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности. Статья 2 // Политическая лингвистика – 2008. – № 1 (24).
- Юровский В. Структура и стиль советского политического некролога после 1945 года. // *Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen)* / ed. D. Weiss. – Bern; Frankfurt, 2000.
- Anderson R. D. 'Look at All Those Nouns in a Row': Authoritarianism, Democracy, and the Iconicity of Political Russian // *Political Communication*. 1996. Vol. 13. № 2.
- Anderson R. D. Speech and Democracy in Russia: Responses to Political Texts in Three Russian Cities // *British Journal of Political Science*. 1997. Vol. 27.
- Anderson R. D. The Discursive Origins of Russian Democratic Politics // *Postcommunism and the Theory of Democracy*. – Princeton: Princeton University Press, 2001a. – P. 96-125.
- Anderson R. D. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // *Slavic Review*. Vol. 60. № 2. 2001b.
- Anderson R. D. The Causal Power of Metaphor: Cueing Democratic Identities in Russia and Beyond // *Metaphorical World Politics: Rhetorics of Democracy, War and Globalization*. – East Lansing: Michigan State University, 2005.
- Andrews D. R. Sociocultural Perspectives on Language Change in Diaspora: Soviet Immigrants in the United States. Amsterdam/Philadelphia, 1999.
- Arendt H. The Origins of Totalitarianism. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1973.
- Baysha O., Hallahan K. Media framing of the Ukrainian political crisis, 2000-2001 // *Journalism Studies*. – 2004. – Vol. 5. – № 2.
- Becker J.-M. Soviet and Russian Press Coverage of the United States. – London: Palgrave, 2002.
- Becker J.-M. Semantische Variabilität der russischen politischen Lexik im zwanzigsten Jahrhundert. – Munich, 2001.
- Belin L. The Russian Media in the 1990s // *Journal of Communist Studies and Transition Policies*. – 2002. – Vol. 18. – № 1.
- Chilton P. A. Security Metaphors: Cold War Discours from containment to Common Hous. – N.Y. etc, 1996.
- Comrie B., Stone G., Polinsky M. The Russian Language in the Twentieth Century. – Oxford; New York, 1996.
- DeLuca A. R. Politics, Diplomacy, and the Media: Gorbachev's Legacy in the West. Westport; London: Praeger Publishers, 1998.
- Dewhurst M. Censorship in Russia, 1991 and 2001 // *Journal of Communist Studies and Transition Policies*. – 2002. – Vol. 18. – № 1.
- Downing J. Issues for media theory in Russia's transition from dictatorship // *Media Development*. – 2002. – Vol. 1.
- Downing J. Internationalizing Media Theory. Transition, Power, Culture. Reflections on Media in Russia, Poland and Hungary 1980-95. – London: Sage Publications, 1996.
- Drulak P. Metaphors Europe lives by: language and institutional change of the European Union. Working Paper, Department of Social and Political Sciences, Florence: European University Institute, EUI Working Paper SPS No. 2004/15.
- Dunn J. It's Russian – but not as we know it // *Rusistika*. 2006. № 31.
- Dunn J. The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type // *Language and Society in Post-Communist Europe: Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies*, Warsaw, 1995. – Basingstoke: Macmillan Press, 1999.
- Erol N. Ideology as political discourse: a case study of print media discourses on Glasnost and Perestroika. – East Lansing: Michigan State University, 1993.
- Fruchtman J. Der russische Föderalismus unter Präsident Putin: Diskurse – Realität. – Bremen, 2003
- Fruchtman J. Die Entwicklung des russischen Diskurses über ‚corporate governance‘ und die ‚soziale Verantwortung der Unternehmer‘ // *Corporate Governance in post-sozialistischen Volkswirtschaften*. – Stuttgart, 2007.
- Fruchtman J. Putins wirtschaftspolitische Konzeption // *Nur ein Ölboom? Bestimmungsfaktoren und Perspektiven der russischen Wirtschaftsentwicklung* / Ed. by H.-H. Höhmann, H. Pleines, H. Schröder. – Hamburg, 2005.
- Fruchtman J. "Олигархия" – zum Werdegang eines politischen Schlagwortes // *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik* / M. Bayer, M. Betsch, A. Gattnar (Hrsg.). – München, 2004.
- Gibbs J. Gorbachev's Glasnost. The Soviet Media in the First Phase of Perestroika. – College Station: Texas A & M University Press, 1999.

Gorham M. Coming to Terms with the New Writing Citizen: Soviet Language of State in The Diary of Kostia Riabtsev // *East/West Education*. 1997. Vol. 18(1).

Gorham M. From Charisma to Cant: Models of Public Speaking in Early Soviet Russia // *Canadian Slavonic Papers*. 1996a. Vol. 38, № 3-4.

Gorham M. Language Culture and National Identity in Post-Soviet Russia // *Landslide of the Norm: Language Culture in Post-Soviet Russia (Slavica Bergensia 6)* / ed. by I. Lunde, Tine Roesen. – Bergen, 2006.

Gorham M. Mastering the Perverse: State-building and Language 'Purification' in Early Soviet Russia // *Slavic Review*. 2000a. Vol. 58(1).

Gorham M. Natsiia ili snikerizatsiia? Identity and Perversion in the Language Debates of Late- and Post-Soviet Russia // *Russian Review*. 2000b. Vol. 59 (4).

Gorham M. Speaking in Soviet tongues. Language culture and the politics of voice in revolutionary Russia. – DeKalb, Ill., 2003.

Gorham M. Tongue-tied Writers: The Rabsel'kor Movement and the Voice of the 'New Intelligentsia' in Early Soviet Russia // *Russian Review*. 1996b. Vol. 55(3).

Gorham M. The Speech Genres of Vladimir Putin. Paper presented at AATSEEL Conference, 27-30 December 2005, Washington, D.C.

Hockauf E. Wladimir W. Putins Wirtschaftsmetaphorik. – Bremen, 2002.

Hubenschmid M. Text und Handlungsrepräsentation: Ein Analysemodell politischer Rede am Beispiel V. I. Lenins. – München: Sagner, 1998.

Ivie R. L. Cold War Motives and the Rhetorical Metaphor: A Framework of Criticism // *Cold War Rhetoric: Strategy, Metaphor, and Ideology*. – East Lansing: Michigan State University Press, 1997.

Jones A. The Press in Transition: A Comparative Study of Nicaragua, South Africa, Jordan, and Russia. – Hamburg: Deutsches Übersee-Institut, 2002.

Murray J. The Russian Press from Brezhnev to Yeltsin. – Aldershot: Edward Elgar, 1994.

Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991 / Ed. by P. Chilton, M. V. Ilyin, J. L. Mey. – Amsterdam; Philadelphia, PA: John Benjamins Pub, 1998.

Robinson N. Ideology and the collapse of the Soviet system. A critical history of Soviet ideological discourse. – Aldershot, 1995.

Roxburgh A. Pravda, Inside the Soviet News Machine. – London: Victor Gollancz, 1987.

Russell J. S., Carsten S. The impact of Gorbachëv's new thinking on the Russian language // *Rusistika*. – 1996. – № 13.

Ryazanova-Clarke L., Wade T. The Russian Language Today. – London, 1999.

Ryazanova-Clarke L. Criminal Rhetoric in Russian Political Discourse // *Language Design*. 2004. Vol. 6.

Ryazanova-Clarke "The Crystallization of Structures": Linguistic Culture in Putin's Russia // *Landslide of the Norm: Language Culture in Post-Soviet Russia* / ed. by I. Lunde, Tine Roesen. – Bergen, 2006.

Seriot P. De l'amour de la langue à la mort de la langue // *Essais sur le discours soviétique / Univ. de Grenoble-III*. – 1986. – № 6.

Seriot P. Et ils n'auront qu'une seule langue (Éléments pour une typologie des projets de langue universelle du communisme en URSS) // *Essais sur le discours soviétique / Univ. de Grenoble-III*. – 1988a. – № 8.

Seriot P. La langue, corps pur de la nation. Le discours sur la langue dans la Russie brejnévienne // *Les Temps Modernes*. – 1992. – № 550.

Seriot P. La langue du peuple // *Ces langues que l'on dit simple / F. Gadet (éd.)*. LINX (Univ. de Paris-X). – 1991. – № 25.

Seriot P. Langue de bois, langue de l'autre et langue de soi. La quête du parler vrai en Europe socialiste dans les années 1980 // *M.O.T.S.* – 1989. – № 21.

Seriot P. Langue et langue de bois en Pologne // *M.O.T.S.* – 1986a. – № 13.

Seriot P. Rome, Byzance et la politique de la langue en URSS // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. – 1988b. – XXIX (3-4).

Sprachwandel in der Slavia: Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert / Hrsg. L. Zybatow. – 2 vols. – Frankfurt am Main, 2000.

Steinke K. Russisch in der Diaspora // *Sprachwandel in der Slavia: die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert / Hrsg. L. Zybatow*. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000.

Turpin J. Reinventing the Soviet Self. Media and Social Change in the Former Soviet Union. – Westport: Praeger, 1995.

Urban M., The Russian Free Press in the Transition to a Post-Communist Society. *The Journal of Communist Studies*. – 1993. – Vol. 9. – № 2.

Weiss D. Alle vs. einer. Zur Scheidung von good guys and bad guys in der sowjetischen Propagandasprache // *Slavistische Linguistik 1999. Referate des XXV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Konstanz / ed. W. Breu*. – München, 2000b.

Weiss D. Der alte Mann und die neue Welt. Chruščëvs Umgang mit „alt“ und „neu“ // *Vertograd mnogocvëtnyi. Festschrift für H. Jachnow / W. Girke, A. Guski e.a. (eds.)*. – München, 1999a.

Weiss D. Die Entstalinisierung des propagandistischen Diskurses (am Beispiel der Sowjetunion und Polens) // *Schweizer. Beiträge zum XII. Internationalen Slavisten-Kongress 1998 in Krakau / Locher, J.P. (ed.)*. – Frankfurt/Bern, 1998.

Weiss D. Die Verwesung vor dem Tode. N.S. Chruščëvs Umgang mit Fäulnis-, Aas- und Müllmetaphern // *Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / D. Weiss (ed.)*. – Bern/Frankfurt, 2000a.

Weiss D. Mißbrauchte Folklore? Zur propagandistischen Einordnung des „sovetskij fol'klor“ // *Slavistische Linguistik 1998. Referate des XXIV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Wien, 15.-18.9.1998. / R. Rathmayr, W. Weitlaner (eds.)*. – München, 1999b.

Weiss D. Personalstile im Sowjetsystem? Stalin und Chrusčev im Vergleich // Wege der Kommunikation in der Geschichte Osteuropas. Festschrift für C. Gehrke / (Hrsg.) N. Boškovska, P. Collmer, S. Gilly u.a. – Bern/Frankfurt, 2002.

Weiss D. Prolegomena zur Geschichte der verbalen Propaganda in der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1994. Referate des 20. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens / D. Weiss (ed.). München, 1995.

Walker E. W. Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2003.

Zybatow L. Russisch im Wandel: Die russische Sprache seit der Perestrojka (Slavistische Veröffentlichungen 80). – Wiesbaden, 1995.

© Будаев Э. В., Чудинов А. П., 2008

Вайс Д.

Цюрих, Швейцария

Перевод: Таратынова Т.В.

ЖИВОТНЫЕ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ: ВЕРБАЛЬНЫЕ И ГРАФИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ¹

Abstract

The author examines the regularities of using the images of domestic animals (cows, pigs and some others) in the soviet political texts. The author also compares the verbal and graphic images used in different periods of the history of the Soviet Union.

В настоящей статье автор делает попытку объединить темы двух исследований, впервые представленных на форуме Констанцкого кружка славистов: исследование языка советской пропаганды (ср. Weiss 1986) и зоолингвистики как науки о лексико-грамматической категоризации животных (ср. Weiss 1998a); следует добавить, что его зоолингвистические исследования взяли свое начало именно в Тюбингене.

Однако, если результатом исследования языковой пропаганды, благодаря пятигодичному финансированию Швейцарским национальным фондом и трёхгодичному проекту ИНТАС стал список публикаций, состоящий из 41й статьи (см. www.slav.unizh.ch/Mitarbeiter/weiss/Forschungsprojekte.html) и, к тому же, тематика данного исследования рассматривалась на Констанцском форуме с различных точек зрения, то зоолингвистике, за исключением настоящей статьи, не уделялось должного внимания. Наблюдаемая в настоящий момент лингвистическая незаинтересованность по отношению к «братьям нашим меньшим» контрастирует с усиленным вниманием к миру животных в литературоведении и истории, о чём свидетельствуют, например, сектор «Animals in

Russian Culture» на берлинском восточноевропейском конгрессе ICEES (Международный Конгресс Центрально- и Восточноевропейских Исследований – прим. переводчика) в 2005 году, а также запланированная на конец 2006 года конференция в Лозанне «L'utopie du vivant et les représentations de l'animal dans la culture russe» и конференция “The Other Animals: Situating the non-human in Russian Culture and History”, которая состоится в г. Роаноке (Вирджиния) 17-19 мая 2007 года.

Культурное символическое значение животных составляет также основу настоящего очерка. При этом необходимо учитывать как минимум три смысловых уровня: 1) лексику естественного русского языка, в составе которой укоренились относящиеся к так называемой наивной картине мира среднего носителя языка такие понятия, как *волк, собака, акула, орёл* и т.д. вместе с их коннотациями, оценочными компонентами, их полисемией (буквальное и метафорическое/метонимическое значение), соответствующими фраземами и возможными синонимами, гиперонимами и т.д., 2) культурно-специфический инвентарь (передаваемый, например, посредством пословиц либо цитат из литературных произведений), благодаря которому появляются новые стереотипы представлений о животных, и 3) особую пропагандистскую переоценку определённых обозначений животных в вербальном и изобразительном рядах. Зоологические знания же едва ли имеют значение, так же, как и данные профессиональных языков охотников, рыбаков, пчеловодов, животноводов и т.д.

При систематизированном представлении обращения пропаганды к образам животных необходимо учитывать все возможные параметры. К таковым, прежде всего, относятся следующие:

- Онтологический статус: реально существующие либо фиктивные виды животных.
- Основные категории:
 - суша: четвероногие (животные, звери); пресмыкающиеся и т.п. (гады);
 - вода: рыбы и т.п.;
 - воздух: птицы.
- Отношение к человеку:
 - дикие/домашние животные;
 - полезные/вредители;
- Эмоциональное отношение, напр.:
 - восхищение/презрение;
 - умиление/отвращение;
 - надежда/страх.
- Отношение к другим животным:
 - хищник/добыча.
- Семантика: буквальное / фигуральное (метафорическое либо метонимическое) значение.
- Коннотации: источник / основа
 - повседневный опыт;
 - народные поверья / суеверия;

¹ Tiere in der Sowjetpropaganda: verbale und graphische Stereotypen. In: T. Berger, J. Raecke, T. Reuther (Hgg.), *Slavistische Linguistik 2004/2005*, München 2006, 423-465.

- античная либо христианская культурная традиция.

- Лексика / текст:
 - свободные / фразеологические словосочетания;
 - ± литературная традиция.
- Текстуальная функция
 - референциальная / предикативная;
 - общая / индивидуальная референция;
 - сравнение / метафора;
 - акт крещения (создание зоогенных имён собственных).

• Невербальные коды:

- геральдика (животные, изображённые на гербе):

- графический (на плакатах)
 - горизонталь: ось «лево-право»;
 - вертикаль: верх-низ.
- Политическая аксиология:
 - друг / враг;
 - постоянство / единичный случай.

Очевидно, что в отношении многих выше-названных полярностей фактически речь идёт о скалярных величинах. Данное положение, прежде всего, относится к свободным / фразеологическим сочетаниям и референциальному / предикативному употреблению (по крайней мере, по Арутюновой или Гивону). Кроме того, буквальное значение может комбинироваться с переносным вербально и / или графически.

Среди только что приведённых понятий краткого объяснения, по крайней мере, заслуживает понятие *коннотации*. Здесь мы взяли за основу работу Иорданской / Мельчука (1980): в ней учёные исходят из понимания коннотаций в узком смысле как языковых либо культурно-специфических ассоциаций, прочно связанных с главным словом; равно как и у Исаченко (1972) коннотации рассматриваются как особая, не имеющая отношения к толкованию значения, словарная информация. В отличие от вышесказанного, (а также от западной понятийной традиции) коннотации, напротив, не содержат таких оценочных компонентов как «хороший / плохой», «красивый / уродливый» и т.д.²

Главным преимуществом данного понимания коннотации является, однако, то, что для каждой коннотации требуется *языковое доказательство* в виде производных (метафорических) значений (напр. *свинья* 2), словообразования (*свинство*), фразем, пословиц и т.д. Тот факт, что даже прочно закрепившиеся ассоциации при известных условиях больше не могут считаться коннотациями, авторы иллюстрируют стереотипом тещи в русском языке.

Совершенно очевидно, что коннотации обозначений животных используются в пропаганде очень широко как в вербальном, так и в

изобразительном рядах. Возникающие в связи с этим методические проблемы будут подробно рассмотрены ниже. Здесь же следует указать лишь на связь с проблемой фразеологизации специфических пропагандистских словосочетаний и происхождения соответствующих стереотипных ассоциаций: будет ли допустимым содержание, имеющее своей основой суеверия либо интеллигентско-элитарную традицию?

Этим проблематика лексикографического анализа обозначений животных, однако, не исчерпывается. Помимо проблем, связанных с подбором представлением коннотаций, принципиально ставится вопрос, как должна выглядеть общая лексикографическая концепция, лежащая в основе наших исследований: где должна проходить граница между толкованием значения и энциклопедическими знаниями? Каким образом сгруппировать отдельные сведения? Литературные источники дают совершенно разные ответы: стоит только сравнить толкование слова «свинья» в ТКС (толково-комбинаторный словарь – прим. переводчика) [ТКС 1984: 722] с толкованием английского слова «cow» у Вежбицкой [Wierzbicka 1985: 247]. Если в первом случае характеристика внешнего вида и практической значимости для человека максимально ограничена и многие сведения (например, о свиноводстве) размещены в разделе лексических функций, то у Вежбицкой на протяжении более полутора страниц даётся подробная информация (здесь есть всё: от колокольчика на шее коровы до коровьего навоза), распределённая по категориям «Habitat», «Size», «Appearance», «Behaviour» и «Relation to People». Нам прежде всего будет интересовать вопрос о разграничении знаний языка и внеязыковой действительности, так же как и в случае со стереотипом свиньи под дубом, благодарного пса и лошади на колбасу.

Многие из вышеназванных параметров соответствуют намеченной в работе (Weiss 1998a) категоризации животных в наивной картине мира. Прежде всего, это касается интерпретации *основных категорий*, определяемых биотопом и способом передвижения относящихся к ним видов животных. Следовательно, понятие *животное* охватывает только четвероногих, а также подкатегорию диких животных (*звери*), благодаря чему первое находится на том же таксономическом уровне, что и рыбы, птицы и «животные, вызывающие отвращение» (*гады*), к которым в зоологии относятся земноводные и пресмыкающиеся, а также насекомые. Данная категоризация, несомненно, обнаруживает некоторые «fuzzy boundaries» (размытые границы – прим. переводчика), однако, она, в общем-то, совпадает с категоризацией, предлагаемой Гурой для русского языка; он также отзывает насекомым в автономном статусе и

² К вопросу о специфике коннотаций обозначений животных в русском языке в сравнении со среднеевропейскими языками см. (Исаченко 1972).

относит их к *гадам* (Гура 1997). Различные критерии установления гиперонимических отношений и их не всегда конгруэнтные результаты обсуждаются в работе (Weiss 1998a: 279-285), а сведения о специфических критериях ограничения категории *скотины* имеются у Рахилиной (Рахилина 2000: 17-20). Информации об эмоциональной оценке человеком, а также о пользе либо вреде того или иного вида животных являются составляющей частью толкования значения. Их роль в пропаганде противоречива в том смысле, что в случае буквальной интерпретации соответствующего обозначения животного речь идёт в основном о просветительской работе, имеющей своей целью изменение отношения к денотату, в то время как в переносном значении на первый план выдвигается именно укрепление унаследованного (традиционного) эмоционального отношения (отвращение, страх и т.п.). Однако стоит подчеркнуть, что и наивная картина мира как целое несвободна от непостоянства, и даже противоречий, как это можно проследить на примере собаки.

Техника оперирования *именами собственными* находит также различное применение: то типичная кличка животного, например, *Барбос*, употребляется применительно к человеку, то именами собственными людей становятся имена нарицательные, которыми обозначают животных (например, как *Чайка* и *Ястреб*, употребляемые по отношению к советским космонавтам В. Терешковой и В. Быковскому), или же создаётся новый гибрид из имени собственного человека и имени нарицательного, обозначающего животное, например, *Гиббельзьяна = Гиббельс + обезьяна*. Сюда же относится этимологическая игра слов, например, упоминание Хрущёвым кубинского Залива Свиней в соответствующем контексте (см. ниже пример б). Здесь, однако, следует отметить, что встречающиеся иногда в контексте мира животных синонимы, такие как *пёс / собака* и *конь / лошадь*, в пропагандистском дискурсе, по-видимому, не выполняют различительную функцию; в частности, устойчивые сочетания остаются теми же самыми, ср.: *цепной пёс = цепная собака*. Подтверждение фразеологичности (устойчивости) подобных словосочетаний должно в принципе проявляться во всех тех случаях, где речь идёт не об общеязыковой, уже существующей фраземе, ср. приведённое ниже обсуждение чужого свиного рыла в советском огороде.

При рассмотрении подобной темы *отбор данных*, несомненно, нуждается в подробном комментарии. Двойственная направленность на вербальные и графические пропагандистские документы требует своевременного намечения границы, по меньшей мере, при выборе жанра. В самом деле, это огромная разница: выступает ли Никита Хрущёв, вполне сведущий в делах сельского хозяйства и, следовательно, в содержании сельскохозяйственных животных, ли-

бо сказитель советского фольклора, с помощью сравнения в творительном падеже уподобляющий в былине коммунистическую партию то подпрыгивающей в воде щуке, то бродящему по лесу серому волку³. Так же и тот факт, что медведь, волк, кабан и белка оказывают военную помощь советским пограничникам в борьбе с японскими оккупантами на манчжурской границе, как это описывается в сказке «Как охотник Фёдор японцев прогнал» (Weiss 1999b, 283 стр.), ещё не делает их верными членами собственного лагеря. Иначе это привело бы к переоценке всех ценностей, поскольку волк традиционно символизирует воплощение капитализма и фашизма. По этой причине в настоящей статье мы не стали рассматривать архаизированные крупные формы советского фольклора (былины, плачи, волшебные сказки), тем более что данные жанры находятся на периферии пропагандистского дискурса, а их употребление ограничено периодом с 1934 по 1953 гг.⁴ С другой стороны, малые жанры современного городского фольклора, такие как *частушки* или так называемые советские *пословицы*, вошли в корпус, поскольку населяющая их фауна по частотности и сочетаемости гораздо лучше соответствует узусу пропаганды, несмотря на отдельные отклонения, вроде: «обиженный народ хуже ос жжёт» (Weiss 1999b, 313). Тот факт, что учитывается также не имеющая отношения к фольклору стихотворная продукция, например, произведения придворного кремлёвского поэта Демьяна Бедного, не нуждается в разъяснениях.

Подобное верно и для графической пропагандистской продукции: исследование творчества знаменитых карикатуристов таких, как В. Дени (Deni 1992), коллектива Кукрыниксы (Кукрыниксы 2006) или даже Д. Моора показывает, что они не всегда использовали те же самые образы животных, что и «Окна сатиры РОСТА» (Kummer 2006). К этому доходит *историческая перемена* советской пропаганды, являющаяся особенно очевидной при рассмотрении анималистской субтемы (ср.: Вайс 2000): Ленин и его соратники были, например, более близки риторической традиции международного рабочего движения, чем их последователи, и поэтому им, были не чужды образы змея и гид-

³ Ср.: «Как коммунистическая партия большевиков, как *щук*ой в воде подпрыгивала, как *серым волком* в лесу прихлестывала...», процитировано в (Weiss 1998: 473), Zum archaisierenden Spuk der stalinistischen sogenannten Sowjetfolklore allgemein (см. также Weiss 1999).

⁴ Тот факт, что подобный отказ является вполне обоснованным, явствует также из процитированного в (Weiss 1999b) пассажа из новины Крюковой «Красной Армии честь-славушка великая», где ледоколы мгновенно превращаются в соколов: «Выходили-то тут ледоколики, наши советские соколики», эпитет, который в традиционном жанре пропаганды изначально относится к советским летчикам. Но и этого недостаточно: те же соколы превращаются ещё и в перелётных птиц, ср.: «Не пароходами шли, летели птицей перелётною!».

ры. Здесь следует отметить, что после ухода Хрущёва в 1964 году зоологические метафоры стали всё больше выходить из употребления, что и в несоциалистических странах является показателем перелома тенденции развития, наблюдаемого по процессам демегафоризации либо интеллектуализации; однако, зоологические метафоры до сих пор сохранились в пропаганде стран третьего мира, таких как Иран и Зимбабве. Мотивы «Окон РОСТА» учитывались по причине большого количества отсылок к реальным вредителям из царства насекомых, а возвращение к этому жанру комиксов в окнах ТАСС во время Второй мировой войны частично дополнило нашу картину пропагандистского зоопарка. С другой стороны, из соображений экономии места мы отказались от исследования образов животных в советской рекламе (например, продуктов питания), хотя по официальной терминологии реклама является вполне пропагандистским видом деятельности; читателям, интересующимся этим вопросом, мы рекомендуем обратиться к очерку о советской рекламе продуктов питания (Weiss 2005a), предваряющему более полное исследование (Вайс 2007).

Чтобы наглядно продемонстрировать различное происхождение стереотипов животных на местном материале, мы поместили сюда стенной фриз (ему приблизительно 90 лет) Цюрихского окружного суда:

Как видно, иконографическое значение символа лишь частично определяется коннотацией соответствующего обозначения животного. Это верно для собачьей преданности, змеино-коварства и, возможно, вороватости сороки. Мудрость же совы, хотя и обладает статусом коннотации в Западной и Центральной Европе, в России такого не имеет: эти данные были получены в ходе спонтанного опроса носителей языка с одинаковым уровнем образования (средним и отчасти высшим). Лексема *сова* лишь в одном случае вызвала ассоциацию *мудрость*, во всех остальных ответах доминировала коннотация «ночное животное», на которой основано метафорическое обозначение утомлённого от бессонной ночи человека (в противоположность человеку бодрому по утрам, называемому *жаворонком*). Если же мы обратимся к рассуждениям Гуры (Гура 1997: 568-586), согласно которым в народных поверьях Восточно-Центральной и Центральной Европы сова фигурирует, прежде всего, как провозвестница скорой смерти, но также и рождения, то увидим, что эта птица являет собой наглядную иллюстрацию приведенных выше трех типов коннотаций: наряду с повседневным опытом источниками могут служить (народно-) религиозные представления и традиционное содержание образования. Какие из них должны обладать статусом коннотации в словаре, определя-

ется, однако, вышеназванными языковыми доказательствами. Впрочем, названные ассоциации могут диаметрально противоречить друг другу: так, в народных поверьях Центральной и Западной Европы сова считается как раз символом глупости (Gattiker 1989: 344).

Что же касается двух оставшихся аллегорий на вышеуказанном стенном фризе, то алчность изображается на неконкретизированном примере хищной кошки (пантера? пума?), т.е. на гиперониме; при этом алчность соответствует в данном случае не коннотации, а компоненту значения, так же, как в русском слове *хищник*. И, наконец, наглядное представление любви, вероятно, большинством зрителей не может быть расшифровано: мотив родителя-пеликана, разрывающего себе грудь, чтобы вскормить⁵ кровью своих птенцов и, тем самым, символизирующий не эротическую, а заботливую (родительскую) любовь, хотя и указывает на почтенный возраст (этот образ встречается уже в переведённом на церковнославянский язык трактате «Физиологус»), сегодня, вероятно, знаком лишь меньшинству членов немецкой (или тем более, русской) языковой общности.

После этих прелиминарий самое время представить кандидатов в советский пандемоний. Ограниченный объём моего корпуса текстуальных и графических примеров исключает всякие претензии на полноту; помимо этого, не могут упоминаться и временные ограничения, даже если в отдельных случаях подобные ограничения, например, трудами Ленина либо периодом Великой Отечественной войны кажутся вполне вероятными.

Дифференциации требуют и различные текстуальные вставки – если, например, обозначение животного появляется исключительно в устойчивом сравнении, например: «Будем *драться как львы*» (Н.С. Хрущёв), то этим усугубляется несомненно более слабая политическая соотнесенность, чем в словосочетаниях *фашистские звери* либо *акулы капитализма*. Здесь следует обратить внимание и на аксиологический конфликт: тот же Хрущёв в

⁵ Внимание автора на эту взаимосвязь обратил В. Леманн.

другой речи обыгрывает геральдическую отнесённость этого хищника, говоря о рычании британского льва (см. ниже, пример 30). Гербовые животные американских республиканцев и демократов, слон и осёл соответственно, тоже вдохновляют его на ономастические импровизации (К победе разума, 67 стр.).

Независимо от таких необходимых уточнений сразу же бросается в глаза значительная асимметрия: на стороне своих представлены только орлы (как личный символ Сталина) и сокол (как символ *сталинских соколов*, т.е. пилотов советских ВВС), а голубь, являясь символом мира, изначально занимает аксиологически нейтральную позицию, даже если с пропагандистской точки зрения собственный лагерь приравнивается к лагерю мира. В противоположность этому зверинец лагеря противников населён огромным количеством обитателей, которых можно образно интерпретировать и которые происходят от всех мыслимых биотопов и включают как домашних, так и диких животных:

- звери • волк, тигр, обезьяна;
- домашние животные • пёс / собака, свинья,

- курица, дойная корова, овца;
- гады • змея, крыса, паук, трутень, вошь, клоп, блоха, муха, козявка, жаба / лягушка⁶;
- рыбы • акула, спрут;
- птицы • стервятник.

Из выдуманых животных ранняя советская пропаганда использует по меньшей мере змея и гидру, позднее (прежде всего, в период Второй мировой войны) упомянутых человекообразных существ, в основном в виде приматов либо свиней; но голову Гитлера насаживали и на туловище лошадей, змей и коров. Среди гиперонимов наивной картины мира обнаруживаются, по крайней мере, следующие: *хищник, зверь, гадина, нечисть*. Возможны также и гипонимы – вместо обезьяны, например, *мартышка*, собаки – *моська*. Помимо аксиологически «заряженного» употребления, названия отдельных видов упомянутых животных употребляются также в нейтральном значении, прежде всего, в сравнениях. Как будет показано дальше, имеются и универсально-нейтральные виды животных, например, лошадь в роли упрямого животного и средства продвижения; в це-

ЛЮДОЕД - ВЕГЕТАРИАНЕЦ. ИЛИ ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ

Адольф Гитлер объявляет себя убежденным вегетарианцем. Он выставляет медаль со своим портретом и надписью: «Я — решительный противник убийства животных, Адольф Гитлер».

Этот добрый
Человечек
Заявил себе медаль:
— Мне зарезанных
Овечек
И барашков
Очень жалко

Как известно,
У медали
Есть другая сторона,
И из ней
Мы прочтали
Резкие заявления:
— Не нужна мне кровь овечья,
А нужна мне человечья!

Рис. 1.

⁶ Поскольку пока оба этих вида встречаются в фотодокументах лишь один раз, их трудно разграничивать. В этой связи следует напомнить, что лексема «лягушка» в русском языке в отличие от немецкого, польского и чешского языков, обладает в основном лишь отри-

цательной коннотацией «мокрая, скользкая»; соответственно употребление этой лексемы в качестве уменьшительно-ласкательного имени едва ли возможно (ИСАЧЕНКО 1972, 81); таким образом, степень её отвратительности несущественно отличается от таковой у жабы.

лом же названия сельскохозяйственных животных, употребляемые в своём прямом значении и являющиеся темой хрущёвских речей, ещё не поляризованы по аксиологическому признаку: т.е. не соотносятся с лагерем своих либо противников. Кроме того, некоторые животные косвенно причисляются к противоположной стороне по той причине, что метонимически они указывают на смерть и гибель врага, например, ворон и чёрная кошка как спутница прорицательницы, предсказывающей несчастье. С другой стороны, вера в подобные приметы, связанные с животными, в ранней пропаганде как раз бичуется как символ умственной отсталости (см. ниже пр. 32). Кошка, впрочем, фигурирует и как объект склонности юных немцев мучить животных⁷, ср. «Шаловлив был юный Фриц, Резал кошек, вешал птиц» (Кукрыниксы 2006: 46). Мотив жестокого обращения с животными, может, однако, употребляться и в противоположном по смыслу контексте: на рис. 1 (Кукрыниксы 2006, 18) вегетарианство Гитлера и неприятие жестокого обращения с животными («мне зарезанных овец / И барашков очень жаль») противопоставляется его убийственно-жестокому обращению с людьми (не нужна мне кровь овечья, а нужна мне человечья)⁸.

Каким бы предварительным не казался этот список, определённые пробелы всё же очевидны. Так, до сих пор в моих материалах ни разу⁹ не упоминается *русский медведь*, если не принимать во внимание советский фольклор, а равно и *лисица* как воплощение хитрости (однократно употреблённая Хрущёвым пословица «голодной лисе курицы снятся» не является соответствующим доказательством) или *заяц* как символ трусости; столь употребительное в бытовой речи ругательство *скот* или *скотина* также до сих пор не представлено, если не учитывать относящееся к Лавалю сравнение «Французов продаёт как скот? Вот, вот!» [Окно ТАСС, надпись: «Подлую тварь – на фонарь!» (Кукрыниксы 2006: 56)]. Данный случай ещё раз наглядно демонстрирует проблематику однократных сравнений: на основании одного-единственного примера французам нельзя приписать безучастность крупного рогатого скота, поскольку фактически предметом обсуждения является поведение агенса. Аналогичным образом и слон не становится символом советской державы в заявлении Хрущёва, что Бундесвер лает на Красную Армию как

моська на слона (см. ниже пример 22). Здесь следует напомнить о существовании идиом с полностью десемантизированными обозначениями животных: если Геббельс врёт как *сивый мерин*, то по этой причине мерин не может быть отнесён к врагам.

1. Домашние животные

Мы начнём обзор политического зверинца с наиболее близкого человеку раздела: *домашних животных*. В нём речь пойдёт о четвероногих, лишь в одном случае мы упомянем и кур. Затем последуют дикие обитатели суши (*звери*). От обсуждения *гадов*, *птиц* и *рыб* из соображений экономии места приходится отказываться, однако, можно сослаться на достаточно подробное описание первых (в особенности пауков, клопов, блох и мух) в работе (Weiss 2000) и, прежде всего (Weiss 2005b); см. также о птицах (басня о куликах) (Weiss 2002: 239 и далее).

На рис. 1 уже продемонстрирована определённая практическая польза животных, а именно их съедобность. Пока будет и в дальнейшем рассматриваться полярность «полезный – вредный»; в то же время можно проиллюстрировать и различные эмоциональные стереотипные оценки тех или иных видов животных. Чередование примеров всегда подчиняется принципу «сначала буквальное значение, затем образное». Пусть первым домашним сельскохозяйственным животным будет *корова*. Во времена Хрущёва её особое значение в качестве поставщика мяса и молока возросло в период пропагандистского упоения производственными цифрами, ведь тогда и в сельском хозяйстве было объявлено мирное соревнование двух систем (ср. реанимированный тогда с особым рвением ленинский лозунг «Догнать и перегнать Запад!»). Текстовых примеров, подобных приведённому ниже, в то время было очень много:

- (1) От каждой коровы надоено по 3112 килограммов молока, тогда как в среднем по колхозам и совхозам республики надоё молока составил 1520 килограммов. Конечно, армянские руководители могут сказать: сейчас 1520 килограммов, а семь лет тому назад в среднем удои были всего по 300 килограммов от коровы, а ему все мало. (Оживление в зале.) Да, мало! Не мне мало, вам мало, потому что растёт республика, растёт её хозяйство, растут её экономика, культура, растут потребности народа. (Аплодисменты.) То, что было сделано за семь лет, за это благодарим. За последние годы мы увеличили производство продуктов животноводства в 2 — 3 раза и выше (Коммунизм – мир и счастье народов 1, 91).

⁷ Кстати, такой же стереотип засвидетельствован и в характеристике юношеских годов Саддама Хусейна.

⁸ О мотиве людоедства в советской пропаганде см. (Weiss 2000: 251).

⁹ У Хрущёва встречается однократное сравнение походки Мао Цзэдуна с походкой медведя.

Тот факт, что западный соперник не всегда принимал всерьёз подобное бахвальство, мало волновал "генсека", ср. его ответ на одной из пресс-конференций:

- (2) Б. Катлер. Г-н Хрущев, меня также интересует *мясо*. Я слышал, что специалисты говорят, что ни одной стране в мире еще не удавалось увеличить производство мяса *в три с половиной раза за четыре года*. Может быть, у вас, коммунистов, есть какой-нибудь способ обеспечения того, чтобы *каждая корова давала близнецов?*

Н.С. Хрущев. Это тоже возможно в природе (оживление, смех). В природе бывает, что не только близнецов, но и тройню приносят коровы, но, конечно, мы не на это делаем ставку. Расчет следующий: при решении этой задачи главное место в нашем мясном хозяйстве будет занимать *свинина*, потому что свинья – плодовитое животное, и здесь возможности увеличения мяса неограниченные; *птица* также будет иметь большое значение – тут тоже возможности большие. Я считаю, что по производству *говядины* мы в этом пятилетии будем еще иметь *некоторые недостатки* и поэтому мы держим сейчас курс, чтобы больше производить свинины не *сального* направления, а *беконного*. Ведь живут англичане, и не плохо живут, когда питаются беконом. Так почему же русским, украинцам и другим народам Советского Союза *бекон* не под силу для переваривания? По-моему, это также очень хороший и вкусный продукт. Если вы имеете какое-либо отношение к сельскому хозяйству, то вы должны также учитывать следующее: до этого времени *забой крупного рогатого скота* у нас шел главным образом в годовалом возрасте, то есть забивали *телят*. Мы сейчас хотим несколько придержать забой телят с тем, чтобы забивали крупный рогатый скот в двух трехлетнем возрасте. В этом случае ресурсы могут вырасти в 2-3 раза, ведь ресурсы растут в зависимости от того, забивают ли *теленка* месячного возраста, годовалого возраста или забивают скот 2-3-летнего возраста. А нам, *чтобы догнать Соединенные Штаты*, надо увеличить выпуск продуктов точно в 3,15 раза (За прочный мир).

Таким образом, вроде бы уже прояснилась и связь между скотоводством и свиноводством. Но прежде чем мы оставим тему крупного рогатого скота, следует обратить внимание на его эмоциональные потребности. Следующие два плаката того же периода полностью проясняют ситуацию: корова и телёнок нуждаются в эмоциональном отношении, и кто лучше женщины мог бы обеспечить подобное отношение (рис. 2 и 3)?

От пользы до злоупотребления коровой:

этот мотив тоже не чужд советской пропаганде, прежде всего, если нужно было разоблачить досоветское невежество. На этот раз она запрашивает наше сочувствие, прибегая к уменьшительно-ласкательной форме:

- (3) Раньше все грехи валили на бедную нашу коровушку, считая ее малоудойной. Оказалось, и она способна на чудеса, надо только ее как следует кормить. У крестьянина прежде корова содержалась впроголодь. Весной, чтобы она не подохла, раскрывали крыши сараев и скармливали ей гнилую солому. Откуда же было взяться молоку, если к весне оставался скелет, обтянутый кожей (Воспоминания, 465).

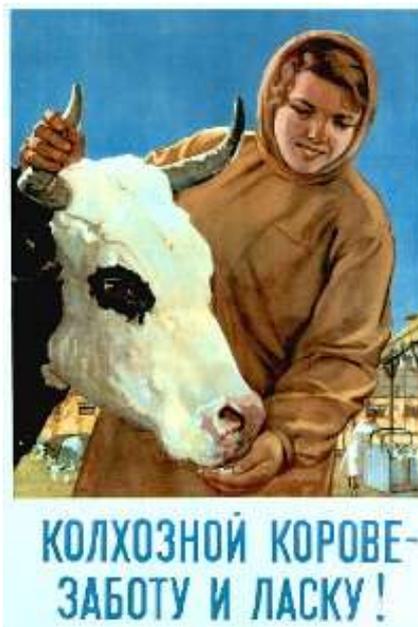

Рис. 2.

Рис. 3.

Корова, используемая в корыстных целях, предстаёт перед нами прежде всего в образе *дойной коровы*, подводящем нас к метафорическому образу крупного рогатого скота. Конечно, в данный период дойная корова оказывается на вражеской стороне, ср. карикатуру времён Суэцкого кризиса в 1956 году, где три персонифицированных западных державы выдаивают из вымени Ближнего Востока нефть и кровь

(рис. 4; если подключить воображение, то в очертаниях вымени можно узнать южное побережье Аравийского полуострова).

Рис. 4

Мотив дойной коровы встречается и на военном плакате коллектива Кукрыниксы (2006: 40): на этот раз корова изображается с головой Гитлера. Но показательно, что и Хрущёв потом употребляет этот мотив в своих мемуарах, на этот раз применительно к социалистическим братским странам, считающим СССР дойной коровой:

- (4) Много разных вопросов возникает в отношениях между социалистическими странами. Если их не ставить и не решать, то даже рассориться можно. Нам бывает обидно оттого, что другие социалистические страны смотрят на Советский Союз, как на огромную дойную корову. А ведь мы живем хуже большинства тех стран, которым помогаем. Жизненный уровень определяется потреблением на душу населения. Возьмем, к примеру, потребление мяса. В 1964 году в ГДР приходилось в год на человека до 75 килограммов, у чехов – до 65, у поляков – под 50, следующими шли венгры, потом лишь – Советский Союз, а ниже нас по мясу болгары – по 26 килограммов (Воспоминания, 325).

Потребление мяса на душу населения снова оказывается показателем благосостояния, благодаря этому даже реально существующие советские коровы косвенным образом попадают под прицел.

Поскольку пример 2 является своего рода мостиком от говядины к свинине, свинья будет нашим следующим кандидатом. Рис. 5 ещё раз наглядно демонстрирует её гендерную составляющую. В следующем произведении колхозной лирики поросёнку сразу же достаётся всё внимание всего общества, и, помимо прочего, эксплицируется связь с кукурузоманией то-

гдашнего первого лица государства:

- (5) Поросятам я отдам
Все свои старания
Поросенок, что ребенок, –
Требует внимания.
Кукурузу силосуем
Всем своим народом!
Это значит – голосуем
За свинью с приплодом.
Смоленск, 1956.

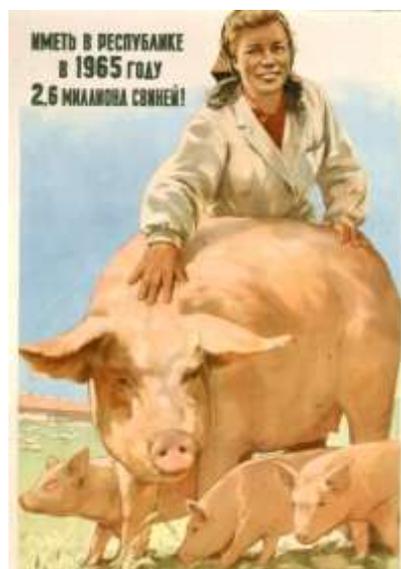

Рис. 5.

Данные примеры в полной мере показывают, что свинье как реально существующему сельскохозяйственному животному обеспечено прочное место в лагере «своих». По-другому дело обстоит со свиньёй в метафорическом значении – она сразу же переносит нас в царство «чужих». Так, Хрущёв, проведя ономастический экскурс, сразу же посылает к свиньям и участников неудавшейся американской интервенции в Залив Свиней:

- (6) Под руководством мужественного патриота и революционера Фиделя Кастро кубинцы быстро разгромили американских наемников, сбросили их в залив *Кочинос*, что порусски означает «Залив свиней». Туда им и дорога! (Смех в зале. Бурные аплодисменты.) (Коммунизм – мир и счастье 2, 24).

Серьёзным кандидатом на роль топоса является метафора чужой свиньи, сующей своё рыло в советский огород, ср. следующий пример:

- (7) ...если посмеют они *сунуть свои свиньи рыла в наш советский огород...* (1951 г. цитата взята из работы Ржевский 1951)

Здесь, казалось бы, напрашивается срав-

нение с действием человека: *сунуть свой нос не в свои дела* значит вмешаться в чужие дела; и того, чего человек добивается носом, свинья достигает с помощью рыла. Но на самом деле имеется в виду большее: враг не просто вмешивается, он вторгается на нашу территорию. Цель подобных действий, по всей вероятности, будет разъяснена в одном из Окна РОСТА, приведённых ниже: пока только напомним, что *рыло* является производным от *рыть*. Если что и вызывает определённые сомнения с языковой точки зрения, так это устойчивость данного сочетания. Обычные справочники (Душенко 1997; Мокиенко, Никитина 2005) здесь помочь не могут, зато Интернет сразу же даёт необходимое разъяснение:

- (8) В речах наших вождей неизменно звучало, что мы готовы достойно встретить врага, ответить ударом на удар, пусть только посмеет "сунуть свиное рыло в наш советский огород". Нас убеждали, что враг будет разгромлен на своей территории. www.chrab.chel.su/archive/10-08-04/3/A132185.DOC.html

Более того: оказывается, что это сочетание до сих пор «бесчинствует» у «правых» русских в виде устойчивой цитаты. Ср.:

- (9) И нам надо держать порох сухим, дабы никому неповадно было даже помыслить о том, чтобы «сунуть свиное рыло в наш советский огород». www.pravaya.ru/look/7829

Литературная генеалогия, в свою очередь, раскрывается в следующем отрывке, отсылающем нас к существовавшему ранее образу врага:

- (10) Конечно, Питер даже в этой стезе остается Питером, но, кажется, *свиноподобье рыл есть повсеместная российская константа*. Это уже – не русские, не украинцы, не белорусы, не евреи и татары, а какая-то иная народность – *чиновники*. Все те же и там же – *по Гоголю, по Салтыкову* – мерзкие рожи, *свиные рыла*, гнусные хари... www.litafisha.ru/periodica/?id=299&t=t&n_id=34

Наш топос представлен даже в кино: в сценарии колхозной баллады «Трактористы» 1938 года есть сцена, где поначалу во вторжении обвиняют настоящую свинью (при этом наша фраза подвергается украинизирующему остраниению)¹⁰, в которой собеседник сразу же признаёт свинью метафорическую – олицетворяющую кайзеровскую империю Вильгельма:

- (11) А що же – выпрямляется дед. – У меня бердан пристрелянный... – он вскидывает старенькую свою берданку к плечу, прицеливается в пугало (голова пугала – огромный полосатый арбуз).
Громкий выстрел...
Арбуз разлетается в куски.
– О так *всякого борова, який полезет у наш баиштан!* – молодецки говорит дед и отставляет ногу.
– Правильно, диду, – восхищенно орет Кирилл Петрович. – Помнишь, старый, *как мы их в восемнадцатом!*¹¹

Символом стала политическая свинья в Окнах РОСТА (Kummer 2006: 305): под деревом, означенным «РСФСР», роется свинья в цилиндре (опознавательном признаке капиталистов), сопровождающий текст гласит: «*подрывало корни/белогвардейское рыло*», что с одной стороны является ответом на заданный в предыдущей выборке вопрос: «А что в это время делают кадеты / Большевики и эсеры?», с другой стороны, вероятно, объясняет цель свинского вторжения на нашу территорию. Следовательно, в данной выборке графический код представляет основной источник метафор – цель метафоризации, обладающую метонимическими свойствами реципиента, в то время как вербальный код называет только реципиента – цель, а на источник лишь намекает посредством метонимии. Поскольку немецкий глагол *wühlen*, как и русский глагол *подрывать* тоже может иметь метафорическое значение «подкапывать», то такой образ больше всего подходит для метафоризации сталинской фобии перед иностранными шпионами.

Ввиду того, что результатом подрывной деятельности свиньи является потрава полей, у нас возникает вопрос, не о кабане ли здесь идёт речь. Но подтверждение того факта, что имеется в виду именно кабан, не встречается ни в графических, ни в вербальных источниках. Как бы то ни было, «*сунул враг своё рыло в наш советский огород*» – пропагандистская фраза, первоисточник которой ещё не известен¹², но которая в определённой степени восходит к литературе 19-го столетия. Её лексикографический статус зависит от того, какое значение мы придаём пропагандистскому дискурсу в рамках русского литературного языка: если мы отнесём фразему к последнему¹³, то в этом случае при склонности к подрывной деятельно-

¹¹ Последняя формулировка наводит, естественно, на вопрос «Кто кого?» – всё-таки брестско-литовский мир сами большевики считали тогда позорным. Но подобные исторические тонкости были полностью чужды сталинской пропаганде 30-х годов, проходящей под знаком нового советского патриотизма.

¹² Возможно, в этой формулировке данная фраза восходит к песне В. Мурадели, процитированной в примере 31.

¹³ Некоторые носители языка считают усечённый вариант *соватья в чужой огород* уже фраземой.

¹⁰ Украинизмы в пырьевских комедиях являются, как правило, украшением, а не показателем каких-либо постоянных характеристик персонажей.

сти иметься в виду будет коннотация лексемы *свинья*; иначе мы имели бы дело с энциклопедической информацией по московской лексикографической концепции.

Но как обстоят дела с коннотациями лексемы «свинья» в русской бытовой речи? Ведь ТКС 1984 года насчитывает не менее пяти коннотаций, а именно: 1) чрезмерная полнота, 2) нечистоплотность, 3) неразборчивость, всеядность, 4) примитивное и наглое поведение, хамство, 5) неблагодарность. Опять же, пункт 1-ый встречается на плакатах Окна РОСТА, где спекулянт изображён в виде толстой свиньи в человеческой одежде (Kummer 2006, 202); затем – конечно же, на более поздней карикатуре – Геринг также изображается толстой свиньёй. Нечистоплотность свиньи (2), напротив, имеет свои пределы в отличие от Пастернака, таковых не знающего: так как «Доктор Живаго» был опубликован за рубежом, некий С. В. Ефимович в 1958 году щеголяет в своей речи следующими перлами (потом заявил, что это Хрущёв продиктовал ему этот пассаж):

- (12) Свинья ... никогда не гадит там, где кушает ... Поэтому, если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал (Душенко 1997, 321).

Метафора свиньи «приклеилась» к Пастернаку: так, в ЛГ 28/03 Евтушенко вспоминает, что в московском Дворце спорта он был свидетелем того, как тысячи комсомольцев, никогда не читавшие «Живаго», аплодировали требованию выгнать Пастернака из страны «как свинью, подрывающую рылом наш советский огород» (указание С. Курт). Таким образом, проявляется наконец *figura etymologica*.

У карикатуристов Второй мировой войны свинья приобретает ещё одну ассоциацию, которую в вышеупомянутом перечне коннотаций уместнее всего было бы отнести к примитивному поведению: *бескультурье*. Рис. 6 и 7 наглядно демонстрируют эту черту у нацистов: сопроводив стихами «Зачем свинье культура и наука? Ведь кругозор её до крайности убог: «Майн Кампф» – предел её *свиного хрюка*. А идеал – фельдфебельский сапог!», В. Дени просто насаживает свиную голову с чертами лица Гитлера на нацистский сапог, топчущий культурные ценности (Deni 1992: 127); в работе (Кукрыниксы 2006: 43) нацисты со свиными рылами разбивают бюст Гоголя (заголовок: «Фашизверги в Сорочинцах»). Подобная враждебность в отношении образования лучше всего подходит на роль полной противоположности собственной системы ценностей, в которой тогда традиционное образование (иначе, чем в начале 20х годов) занимало очень важное место.

Наше следующее сельскохозяйственное животное – лошадь. Её роль упряжного животного в сельском хозяйстве является совсем не-

однозначной. Плакат на рис. 8 (Bonnell 1997) датируется периодом принудительной коллективизации, обращение предельно ясно: вместо того, чтобы забивать скот или продавать его перед вступлением в колхоз, как это повсеместно происходило в действительности, крестьяне должны сдавать его в колхоз целым и невредимым: и, таким образом, корова и лошадь единодушно следуют за крестьянкой¹⁴.

Рис. 6.

Рис. 7.

¹⁴ Материалы по вопросу о гендерно-исторических предпосылках этого и аналогичных плакатов см. в (Bonnell 1997: 101-114).

Рис. 8.

Рис. 9.

Если лошадь здесь оказывается незаменимым спутником колхозницы, то на более позднем плакате у первой снова выбивают почву из-под ног. Легко видно, что создание плаката следует в данном случае преобладающему и в тогдашней вербальной пропаганде противопоставлению «раньше – теперь»¹⁵: слева представлены сцены из Старого мира с их хлопотными личными заботами, а справа – прекрасный коллективизированный и механизированный Новый мир, главным героем которого, что неудивительно, является трактор, изображённый справа сверху. Этот трактор заменяет лошадь слева: не напрасно же его в пропаганде облагораживают, называя *стальным* или *железным конём*. И конечно, сияющий светлый

¹⁵ С текстовыми примерами различных жанров по данной тематике можно ознакомиться в раб. Вайса (ВАЙС, 1998b, 480u.1999b, 281. ff.).

образ на переднем плане это трактористка; правда, её машина скрыта за типичными для этого времени лозунгами.

Именно на плакате лошадь используется как верховое животное, точнее, как боевой конь. Всадником в большинстве случаев является красноармеец. Как видно на рис. 10, первый олицетворяет более простой вариант, второй демонстрирует распространённую в военной пропаганде историческую параллель, в данном случае с победой Александра Невского над немецкими рыцарями, и является своего рода случайностью: с момента последнего немецкого поражения прошло как раз 700 лет. Если на рис. 10 имеет значение вертикаль – «верх», которая в работе Лакоффа и Джонсона (1980: 16 и далее) обозначает «высший по социальной иерархии, доминирующий», то становится ясно, кто должен сидеть на коне. На рис. 10 семиотируются сразу все три размерности пространства: наряду с вертикалью «победители – побеждённые» историческое значение приобретает глубина, поскольку очевидные современные события протекают параллельно событиям, имевшим место 700 лет назад (седая старина подчёркивается цветовым разрешением в бледных тонах); а латеральное соотношение «лево – право», на рис. 9 ещё изображавшее временную ось, в данном случае обозначает географическое положение (оба раза враг нападает с Запада).

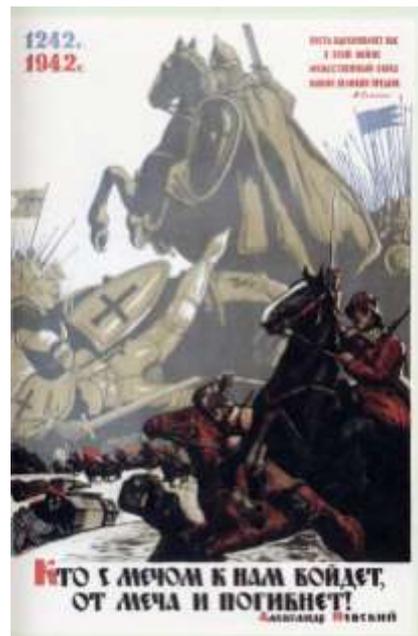

Рис. 10.

Вербальный ряд тоже имеет двойственную природу. Словам внизу плаката, сказанным якобы Невским, соответствует выдержанная в тонах, отображающих действительность, цитата Сталина, также эксплицирующая историческую параллель. Историческая параллель на плакате, возможно, несколько преувеличена в том отношении, что в реальной суматохе войны со-

ветские всадники могут победить немецкие танки, но пропагандист имеет полное право на подобную поэтическую свободу¹⁶.

По причине только что рассмотренного значения вертикали вообще-то можно было бы ожидать, что верховая лошадь находится на службе только у «своих». На самом деле это не так: противник иногда тоже подъезжает верхом, но в этом случае его сбрасывают на землю. Такова судьба и сидящего на лошади задом наперёд Дуче в «Проекте памятника Муссолини» (Кукрыниксы 2006: 87). Иногда и упряжная лошадь не справляется со своей службой, как, например, кобыла с чертами лица Гитлера на рис. 11, которая согласно приведённой вверху плаката цитате Крылова упала на днепровских позициях со сломанной оглоблей, в то время как провозвестник несчастья Геббельс беспомощно мечется в воздухе (Кукрыниксы 2006, 112).

Опять же именно представитель советской власти проводит литературную параллель, ср. указание на источник внизу справа.

Рис. 11.

В русском контексте использование лошади как поставщика мяса считается, скорее, маргинальным; однако в советском многонациональном государстве должны учитываться самые разные вкусы. В следующем фрагменте речи, с которой Хрущёв выступал в Казахстане, генсек даёт понять, что ему, в отличие от слушателей, эта пища скорее чужда, но он полностью открыт новому; при этом он кокетливо переходит от жирности конины к собственной полноте:

- (13) Вам надо, товарищи, всемерно развивать табунное коневодство как мясное коневодст-

¹⁶ В советском фольклоре послевоенного времени встречаются еще более яркие анахронизмы: например, над немецкими танками одерживается верх с помощью *дубинушки* (Weiss 1999b: 298).

во. Думаю, что мне нет нужды вам говорить о том, что конина – вкусное и питательное мясо. Как видите, я становлюсь как бы казахом. (*Продолжительные аплодисменты*). Вчера меня угощали здесь кониной. Она мне понравилась, вкусное мясо, но очень жирное. Правда, может быть, мне это показалось, так как я сужу о жирности мяса, учитывая свою комплекцию. (Веселое *оживление в зале*.) Но я со всей серьезностью хочу сказать, что конское мясо это питательный, высококалорийный продукт и дешевый. У вас в республике, да и не только у вас, а и в других наших республиках есть много людей, которые привыкли к этому мясу, любят его. Пусть кушают на здоровье! (*Аплодисменты*.) Тем более, что это дело сугубо добровольное: не хочешь, не кушай.

[...] А то, я вижу, здесь табунщики сидят, и они, как и те, которые слушают меня по радио, могут сказать или подумать: наверное, Хрущёв изменил свою точку зрения о конском мясе, ничего здесь об этом не сказал. (*Аплодисменты*.) (Коммунизм I, 204)

Во всех вышеприведённых примерах лошадь изображалась в своём буквальном значении – сельскохозяйственным животным. Но советской пропаганде было не чуждо и метафорическое значение. Здесь вырисовывается существенное отличие от коровы и свиньи: целью метафоризации на этот раз является не человек, а абстрактное понятие «средство передвижения», с которым мы уже познакомились на примере трактора, представленного стальным конём. По клавишам метафоры особенно ударяет Хрущёв. Так, лошадь у него поднимается даже в воздух и становится космическим кораблём. Ср.:

- (14) Как изменилась доля женщин нашей страны! Теперь они, образно говоря, *оседлали космического коня*, и примером этого является героический подвиг Валентины Терешковой. (*Аплодисменты*.) (К победе, 171)

Контекстом является его приветственная речь в честь первой советской женщины-космонавта, послужившей поводом для длительного экскурса на тему изменения роли женщин в советском обществе. Однако ему самому метафора кажется такой смелой, что он прибегает к маркеру *образно говоря*, которым потом постоянно отграничивал свои метафоры Горбачёв. Но в остальных случаях конный транспорт и у Хрущёва превращается во всё более абстрактное существо. В следующих примерах лошадь представляет определённые политико-тактические смыслы и играет при этом роль скорее инструмента, нежели средства передвижения:

- (15) Делая ставку на разъединение социалистических стран, империалисты особенно рассчитывают оживить националистические предрассудки, которые остаются в наследство от старого мира. Мы должны прямо сказать врагам социализма: *и на этом коньке вы, господа, далеко не ускачете!* (К победе, 146)

В аксиологически нейтральном облике лошадь встречается нам в пословице, ср. «На старом коне, как говорится, высоких барьеров не возьмёшь!» (Коммунизм II, 61). В любом случае, на метафорических лошадях может ездить и противник. В следующем примере – он взят из речи Хрущёва во время его визита в США в 1959 году – дело доходит до конного соревнования между Востоком и Западом, в котором побеждает молодая лошадь; таким образом, в жизнь воплощается старый ленинский лозунг «Догнать и перегнать Запад!»:

- (16) Вам нравится капитализм, ну что же, Бог с вами, живите при капитализме, продолжайте ехать на своем *старом коне*. А мы на *новом, свежем, социалистическом коне*, и нам будет легче *догнать и перегнать* вас. (Жить в мире и дружбе: 333)

Метафора лошади в этом случае полностью лишена смысла, поскольку здесь она воплощает целую идеологию (социализм против капитализма); она (метафора) выступает как средство достижения цели, т.е. средство передвижения в самом абстрактном смысле. На следующих скачках империалисты сделали ставку на клячу и тут же сели в лужу:

- (17) Империалисты не раз делали ставку на *дохлую кобылу* и всякий раз садились в лужу. (Н.С.Хрущев, Жить в мире и дружбе)

И, наконец, можно использовать лексику *конёк* буквально – в значении «любимой темы», ср.

- (18) Они въехали на коньке холодной войны в конгресс и хотят держаться в том же седле. (Жить в мире и дружбе: 344)

Таким образом, метафора лошади среди прочих метафор транспортных средств оказывается самой неспецифичной: если метафора железной дороги как ленинского *локомотива революции* ассоциируется с прогрессом и, следовательно, лагерем «своих» (Weiss 2003: 321), то лошадь может находиться в распоряжении любого – она послушно рысит туда, куда захочет всадник. По всей вероятности универсальное использование лошади является всё-таки отражением предмодернистской картины мира; недаром именно Хрущёв так почитает метафору лошади. Как бы там ни было, в поле зрения

карикатуриста иногда попадают и другие верховые животные, например, кряхтящий под тяжестью хана, толстопузого кади и не менее тяжёлого муллы *верблюды* на одном из Окон РОСТА (Kummer 2006, 117) или *осёл*, на котором Гитлер в отчаянном родео скачет галопом по знаменитой благодаря фильму Эйзенштейна «потёмкинской» лестнице в Одессе. (Кукрыниксы 2006, 122). У Хрущёва осёл годится только на то, чтобы малевать хвостом картины, ср. его знаменитый комментарий по поводу современного советского искусства: «...*грязную мазню, которую может намалевать любой осёл своим хвостом*»¹⁷. Полностью изолированным оказывается вариант идиомы *врёт как сивый мерин* – *врёт как сивый Геббельс*, вошедший в пантеон «советских пословиц» (Weiss 1999, 314); как и в исходном варианте, здесь не прослеживается связь с настоящим меринком.

История *овцы* ещё короче: там, где она не упоминается в буквальном значении сельскохозяйственного животного¹⁸, всегда олицетворяет стереотип невинной жертвы в советской пропаганде и, всегда подчиняется врагу (в прототипическом случае волку, см. ниже). Правда, один раз и сам немецкий противник войны превращается в овцу в мундире как на плакате под названием «молодец среди овец / Против молодца – сам овца» (Кукрыниксы 2006: 42). Конечно, и библейская роль заблудшей овцы, в свою очередь, мало привлекательна для лагеря «своих», подобное выражение в лучшем случае можно вложить в уста другого, ср. следующую цитату из выступления перед американской публикой:

- (19) Вы против нашей концепции, а мы против вашей. Что же нам делать? Живите себе в условиях капитализма, со своими концернами и со всем тем, что вы имеете. Не помогайте *"заблудшей овце господней"* – советскому народу, который избрал путь строительства социализма! Вам же лучше будет, если мы скоро провалимся и вернемся в царство капитализма. Почему вы должны волноваться, если мы, как вам кажется, не на правильном пути?

Столь едкую иронию вызвал отказ США от предоставления Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования.

Курица в моём корпусе представлена на данный момент однократно – персонификацией, а именно как ипостась знаменитостей нацистского мира Геринга и Гиммлера, в то время

¹⁷ Для ознакомления с контекстом см. раб. Вайса (ВАЙС 2002, 237)

¹⁸ Соответствующие примеры опять-таки насыщены панегирикой производственных цифр и являются малополезными, ср.: «Чабан колхоза села Хындзореск, Горисокого района, тов. Тунян от 369 овец получил по 5,4 килограмма шерсти и от 100 овцематок по 127 ягнят.» (Коммунизм I, 92)

как Гитлер изображён нахохлившимся петухом (рис. 12, Кукрыниксы 2006, 104). В центре внимания здесь оказывается недостаточная пригодность к полётам домашней птицы, другими словами её периферийный статус в пределах естественной категории птиц: куры не могут добраться до Альбиона, и вопрос Гитлера в 1940 году: «Куда бы нам лучше высадиться?» в 1943 году переходит в беспокойное кудахтанье: «Куд-куд-куда они могут высадиться?». К тому же вторая сцена разыгрывается под дождём, из-за чего нацистская знать превращается в *мокрых куриц*, о чём свидетельствует как их внешний вид («жалкий вид»), так и психическая конституция («о безвольном, бесхарактерном человеке»); картину дополняет сгорбленная поза. И, поскольку, помимо прочего, глаза у них сощурены, у зрителя возникают ассоциации со *слепой курицей* и, следовательно, ещё одним физическим недостатком. Итак, в данном примере вербально и графически актуализируются не менее пяти языковых элементов из куриного мира – компонент значения, две фраземы, одна из которых двузначна, лексическая функция *Sop*; кроме того, две важных человеческих эмоции (гордость и подавленность) наглядно представлены осанкой.

Рис. 12.

В остальных же случаях курица изображается конкретным поставщиком яиц, например, в несколько изменённой пословице, восходящей к известному сказочному мотиву «Умерла та курица, которая носила барам (в оригинале: татарам) *золотые яйца*». Либо она становится объектом лисьего вожделения – когда в пословице «Голодной лисе куры снятся» Хрущёв высмеивает напрасные мечты реакционеров о смерти коммунизма (Коммунизм I, 339).

Также и *кролик* представлен в моём корпусе лишь периферийно, хотя в голодные годы после 1930 г. он был востребован как дополни-

тельный поставщик мяса, что иллюстрирует следующий отрывок из мемуаров Хрущёва:

(20) Кажется, шел 1932 год. В Москве была голодуха, и я как второй секретарь горкома партии затрачивал много усилий на изыскание возможностей прокормить рабочий класс. Занялись мы *кроликами*. Сталин сам выдвинул эту идею, и я увлекся этим делом: с большим рвением проводил в жизнь указание Сталина развивать *кролиководство*. Каждая фабрика и каждый завод там, где только возможно и даже, к сожалению, где невозможно, разводили *кроликов*. Потом занялись *шампиньонами*: строили погреба, закладывали траншеи. (Воспоминания, 26)

В пропаганде кролик пока не представлен в качестве источника метафоры, в частности отсутствует коннотация плодовитости (ср. *множиться как кролики*). Таким образом, последним домашним животным для обсуждения остаётся собака. В своём буквальном значении она совершенно не интересует пропагандиста, зато полно «собачьих» метафор, целью которых являются человеческие, а точнее вражеские отношения. Помимо зафиксированного в словаре значения *лѣс 2* «о человеке, вызывающем презрение, негодование своими поступками», наиболее употребительным значением является прежде всего таковое *собаки-сторожа* или *сторожевого / цепного пса*. В этом значении лексема «собака» употреблялась ещё в Окнах РОСТА (Kummer 2006: 308-310): сторожевыми псами капитализма выступают белые генералы, обозначаемые здесь как *капитализма собаки сторожа*, а выражение «цепные псы империализма» используется десятилетиями как политическая фразема с постоянно меняющейся отнесённостью. Эту фразему к тому же переняли языки социалистических братских государств (например, ещё в 70е годы польская пресса ругала южновьетнамского президента, называя его *pies łanuchowy imperializmu*). На рис. 13 белые генералы времён гражданской войны изображены представлены цепными псами Антанты, брызгающими слюной, скалящими зубы, однако, согласно сопроводительному тексту, внушающими мало страха: «На *псов* надежды очень мало, победы путь не так и прост, Колчак расшибся близ Урала, Бедняге отдавили хвост». Если установить связь с общеязыковой коннотацией собаки, то таковой будет не верность, а разве что собачья преданность¹⁹; решающим фактором здесь является отсутствующее самоопределение, референт в состоянии – пока он на цепи – лишь тявкать и при случае с замиранием чувств наблюдать, как его хозяин сам гложет кость, как в композиции «Фашист-

¹⁹ Так полагает Апресян (1974/1995: 67), который, обращаясь к выражению *сторожевой пѣс царизма*, приписывает заглавному слову *пѣс* коннотацию *холопская преданность*.

ская псарня» на рис. 14 (Кукрыниксы 2006: 15).

На плакате коллектива Кукрыниксы (2006: 156) саркастическое воздействие оказывает именно надпись: «Завоеватели, связанные дружбой»; можно видеть собаку с подписью «Виши», Антонеску, Квислинга и Муссолини – которых Гитлер держит на поводке и которые не проявляют друг к другу ни малейшего интереса. Характерным признаком данного стереотипа является то, что цепные псы изображаются в основном стаей, что среди прочего обуславливает необходимость в «маркировке» цели, поскольку элементы одежды (например, фуражка, эполеты) не достаточны для идентификации.

Рис. 13.

Рис. 14

Получше дела обстоят с *гончей собакой*: чтобы взять след дичи, ей всё-таки нужно передвигаться свободно – роль, которая, по мнению Хрущёва, уже во времена Бисмарка была нем-

цам не по вкусу, да и сейчас не по душе немцам ГДР. Ср.:

- (21) Канцлер Бисмарк, который, как известно, был прозорливым политиком буржуазной Германии, говорил: Я не верю, чтобы между Германией и Россией могли бы возникнуть какие-либо распри, если только в Германии не одержат верх какие-либо безответственные партии и лица. Дружба России для нас важнее всего. (Возгласы: "Правильно!"). Он с возмущением отвергал попытки иностранных держав навязать Германии роль *гончей собаки*, которую *натравливают* на Россию. (Н. С. Хрущев, За прочный мир)

Наряду с собачьей преданностью в наивной картине мира существует, однако, и противоположный стереотип: неблагодарный пёс, кусающий своего хозяина в руку. В следующей цитате старейшая испанская коммунистка Долорес Ибаррури так характеризует поведение Энвера Ходжи, проводящего политику выхода Албании из московского лагеря:

- (22) Ходжа выступил с антисоветской обвинительной речью. Он показывал клыки больше, чем сами китайцы. Тогда очень хорошо выступила Долорес Ибаррури, старейший революционер, человек, преданнейший коммунистическому движению. Она сказала: „Как это так? Выступление Ходжи подобно тому, как *пес, которому поддают хлеб, бросается и кусает руку подающего*“. Это было очень метко сказано. (Хрущев, Воспоминания, 347)

Не совсем ясно, какой же лексикографический статус следует отводить этому стереотипу: не имеется ли в виду коннотация? Если это так, то тогда, пожалуй, отсутствует языковое доказательство (фразема, деривация и пр.). Описанное в начале цитаты агрессивное поведение (скалить клыки), напротив, могло бы встретиться у Вежбицкой как компонент семантической экспликации, в ТКС же оно едва ли упоминалось бы как составляющая толкования. В целом же метафорическая собака хоть и производит неприятное впечатление, но реальной угрозы не представляет: скорее, она заслуживает нашего презрения. А в некоторых случаях она вообще опускается до уровня забавной комнатной собачки как в следующем сравнении величины армии ФРГ и Советской армии:

- (23) Кое-кто на Западе пытается доказывать, что агрессивных устремлений боннской военщины нечего опасаться, так как, мол, нынешняя армия ФРГ представляет собой не больше чем *моську, которая лает на слона*. Да, действительно, у боннской военщины, как говорится, *кишка тонка*, чтобы навязать свою волю могучему Советскому Союзу и всем социалистическим странам, способным

нанести сокрушительный удар по агрессору.
(Хрущев, Коммунизм 2, 316)

Упоминание собачьего тьякья во второй раз уже не оказывает желаемого воздействия, и для усиления экспрессивности оратор добавляет шутивную идиому *кишка тонка*. Истериическое преувеличение типично для сталинской пропаганды, примером может служить следующий пассаж из речи генпрокурора на Московском показательном процессе, где поганые псы должны быть расстреляны; последующее изменение формы расправы, т.е. раздавливание гадов (*гадины*) больше не является катехриси-сом в этом виде дискурса:

(24) Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продавших врагу нашу родину, расстрелять, как поганых псов! ... раздавите проклятую гадину! (Вышинский, 22.8.1936)

В целом можно констатировать, что собака в советской пропаганде действительно вела собачью жизнь. Даже в посткоммунистической России в основном собака является источником ругательств и исключения из ряда своих. Так, бывший ленинградский мэр и шеф Путина, ныне покойный А. Собчак ссылается на «Собачье сердце» Булгакова, говоря: «Я прекрасно понимаю, каким количеством Швондеров и Шариковых я окружён» (цит. по Мокиенко, Никитина 2005: 470); даже от самого Путина узнаешь, что слухи, по которым взрыв на Каширском шоссе Москвы был на самом деле организован собственной ФСБ, *собачий бред* (От первого лица 2000, 137).

Подводя итоги данного обзора «политических» домашних животных, можно утверждать, что удельный «вес» буквального и переносного значений меняется в зависимости от их вида: например, у коровы доминирует без сомнений первое, у собаки же встречается в основном только второе. Однозначное референциальное и аксиологическое отнесение допускает только метафора: в этом случае целью всегда является только чужой / враг. Что касается овцы и дойной коровы, то, как источник метафоры они не на стороне врага; благодаря своей роли жертвы они указывают на него лишь метонимически. Упоминание лошади не содержит оценочного компонента даже в метафорическом употреблении – в качестве транспортного средства либо средства достижения цели.

Графический код отражает различное соотношение источника и цели метафоры: собака и лошадь изображаются всегда полностью, у свиньи же в основном рисуют только рыло. Во время Второй мировой войны противнику «примеряли» все мыслимые образы животных: так, голову Гитлера насаживали на тело дойной коровы и свиньи (а также змеи и обезьяны); немецкий солдат превращается то в овцу, то в

собаку и т.д. Что касается вербальной метафоризации, то использование исходных коннотаций оказывается преимущественно выборочным: наиболее систематически коннотации представлены у свиньи, поскольку они все негативны, зато верность собаки вовсе не отражается. Наряду с фразеологизмами общего языка важную роль играет и набор литературных цитат, которые в большинстве случаев эксплицируются как таковые. В целом, пропаганда близка обыденной речи в том смысле, что в последней эмоциональное отношение людей к домашним животным определяется не страхом, а скорее презрением.

ЛИТЕРАТУРА:

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. – М., 1974.

Вайс Д. Новояз как историческое явление // Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. – Санкт-Петербург, 2000.

Вайс Д. Советский дискурс о еде // Еда по-русски. Русский пищевой дискурс: информация, манипуляция, стереотипы. – М., 2007.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997.

Душенко К. В. Словарь современных цитат. – М., 1997.

Зализняк А. Грамматический словарь русского языка. – М., 1977.

Иорданская Л., Мельчук И. Коннотация в лингвистической семантике // Wiener Slawistischer Almanach. – 1980. – В. 6. – S. 191-210.

Кукрыниксы. Графика 1941-1945. – М., 2006.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии / 2-е издание, исправленное и дополненное. – М., 2005.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М., 2000.

Ржевский Л. Язык и тоталитаризм. – München, 1951.

ТКС. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики / И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. – Вена, 1984.

Bonnell V. Iconography of Power. Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. – Berkeley-Los Angeles, 1997.

Deni V. Ein russischer Karikaturist im Dienst der Propaganda. Museum für Kunst und Gewerbe Hamburg, 1992.

Finková D., Petrová S. The militant poster 1936-1985. – Prague, 1986.

Gattiker E., Gattiker L. Die Vögel im Volksglauben. Eine volkskundliche Sammlung aus verschiedenen Ländern von der Antike bis heute. – Wiesbaden, 1989.

Isačenko A. V. Figurative meaning, derivation, and semantic features // The Slavic Word. – 1972. – P. 76-95.

Kania S. Polska gwara konspiracyjno-partyzancka czasu okupacji hitlerowskiej 1939-1945. – Zielona Góra, 1975.

Kummer R. Nicht mit Gewehren, sondern mit Plakaten wurde der Feind geschlagen! Eine semiotisch-linguistische Analyse der Agitationsplakate der russischen Telegrafienagentur ROSTA. – Bern-Frankfurt e.a., 2006.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago & London, 1980.

Weiss D. Kleine Einführung in die russische Zoölinguistik // Slavistische Linguistik 1997. Referate des XXIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens in Tübingen / T. Berger (Hrsg.). – München, 1998a. – S. 273-324.

Weiss D. Die Entstalinisierung der Propaganda (am Beispiel der Sowjetunion und Polens) // Schweizer Beiträge zum XII. Internationalen Slavisten-Kongress in Krakau, August 1998 / J.P. Locher (Hrsg.). – Frankfurt-Bern, 1998b. – S. 461-506.

Weiss D. Der alte Mann und die neue Welt. Chrusčevs Umgang mit „alt“ und „neu“ // Vertograd mnogocvètnyj. Festschrift für H. Jachnow // W. Girke, A. Guski e.a. (Hrsg.). – München, 1999a. – S. 271-292.

Weiss D. Mißbrauchte Folklore? Zur propagandistischen Einordnung des „sovetskij fol'klor“ // Slavistische Linguistik 1998. Referate des XXIV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Wien // R. Rathmayr / W. Weitlaner (Hg.). – München, 1999b. – S. 283-324.

Weiss D. Die Verwesung vor dem Tode. N.S. Chrusčevs Umgang mit Fäulnis-, Aas- und Müllmetaphern // Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / Ders. (Hg.). – Bern-Frankfurt, 2000. – S. 191-257.

Weiss D. Personalstile im Sowjetsystem? Stalin und Chrusčev im Vergleich. In: N. Boškovska, P. Collmert, S. Gilly u.a., Wege der Kommunikation in der Geschichte Osteuropas. Festschrift für C. Goehrke. – Bern; Frankfurt, 2002. – S. 223-252.

Weiss D. Stalinistischer und nationalsozialistischer Propagandadiskurs im Vergleich: eine erste Annäherung // Slavistische Linguistik 2001. Referate des XXVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Frankfurt / H. Kuße (Hg.). – München, 2003. – S. 309-356.

Weiss D. Ungeziefer, Aas und Müll. Zu den Feindbildern der Sowjetpropaganda Oesterreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften / Ph. Sarasin (Hg.). – 2005a – B. 16. – Heft 3. Fremdkörper. – S. 109-122.

Weiss D. Sowjetische Nahrungsmittelwerbung: eine erste Annäherung // Slavistische Linguistik 2003 / S. Kempgen (Hg.). – München, 2005b. – S. 325-362.

Wierzbicka A. Lexicography and Semantic Description. Ann Arbor, 1985.

© Вайс Д., 2008

Васильев А. Д.
Красноярск, Россия

**ИГРЫ В СЛОВА:
РОССИЯНЕ ВМЕСТО РУССКИХ**

Abstract

The author compares the meaning and usage of the words and expressions "the Russian citizens" (the people that live in Russia but do not belong to the Russian ethnic group) and the Russians (the people that belong

to the Russian ethnic group). The author concludes that in the contemporary political communication the usage of these words is often the means of manipulation.

Всякая игра что-то значит...

«Ради чего» – в этих словах, собственно, самым сжатым образом заключается сущность игры.

И. Хейзинга

Один из признаков развития значения слова видят в изменении его лексических связей, в которых оно проявляет себя в языке: «так сказать, движение внутри значения, изменение его объёма» [Ковтун 1971:81]. При изучении судеб как отдельных слов, так и крупных лексических пластов принимают во внимание, что смысловые изменения в лексике вовсе не обязательно имеют внешне-формальное выражение: чаще при семантических сдвигах в словах возникает специфическая сочетаемость, образуются новые конструкции и т. п. Отсюда – закономерный вывод о сугубой важности возможно более полного учёта контекстных данных в историко-лексикологическом исследовании: «внутри-словные смысловые изменения и контекст представляются разными сторонами одного явления, в равной мере показательными для происходящих сдвигов в лексике» [Веселитский 1972: 14].

Контекст, содержащий исследуемое слово (извлечённое таким образом «из недр своего существования с грунтом» [Котелова 1995: 17]), может рассматриваться как фрагмент речевого потока, где обычно и создаются условия для закономерных и вместе с тем часто неожиданных смысловых переходов, смещений [Сорокин 1965: 540]. Правила семантической синтагматики слов (имеющие силу закона) предписывают в качестве основного критерия наличие двух у слов, «помимо специфически различающих их сем, одной общей семы» [Гак 1972: 374] (см., например, также вывод о необходимости согласования коннотативных сем, или коннотем) [Тулина 1992: 83-84].

Коннотация – «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального или окказионального характера», в широком смысле – это любой компонент, которым дополняется предметно-понятийное (денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы, приобретающей, таким образом, экспрессивную функцию «на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому или со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, сферу языковой деятельности, социальные отношения участников речи». В узком же смысле коннотация определяется как «компонент значения, смысла языковой единицы, выступаю-

щей во вторичной для неё функции наименования, который дополняет при употреблении в речи её объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования» [Телия 1990: 236].

Разнообразные ассоциации, порождаемые словами у носителей языка, в свою очередь, создают новые смысловые цепочки (или, если – весьма условно и приблизительно – пытаться изобразить графически, некие расходящиеся концентрические или пересекающиеся, совмещающиеся круги и т.п. сложные фигуры). Это способствует выполнению одного из важнейших предназначений языка; вербально воплощаются не только рациональные суждения, но и эмоциональные оценки, что в двуединстве формирует коннотативную лексику, играющую ключевую роль в становлении и укреплении социокультурных норм, морально-этических установок, духовных ориентиров и т.п. Полагают, что прагматические структуры сознания, отвечающие за субъективную оценку всего наблюдаемого и переживаемого человеком с точки зрения его интересов и ценностной ориентации в мире, являются исходными – по сравнению с когнитивными (тот же автор указывает, что в эти структуры, вырастающие на наследственном базисе, укладывается и организуется собственный опыт индивидуума, тысячекратно обогащённый и скорректированный благодаря языку «коллективным опытом человечества» [Никитин 1988: 20] – скорее всё-таки прежде всего ментальным опытом своего народа). Вероятно, во многом с этим связана возможность вычленения и т.н. прагматического (эмотивного) значения, именуемого также прагматическим аспектом лексического значения. В согласии с общей концепцией семиотики его определяют как закреплённое в языковой практике отношение говорящих к употребляемым знакам и (что представляется особенно важным) соответствующее воздействие знаков на людей. В лексической семантике прагматическое значение считают «специфическим языковым выражением оценки обозначаемого с помощью маркированных единиц, оценочным эмоциональным, стилистически характеризующим компонентом лексического значения» [Новиков 1982: 99-100], что в координатах несколько иной терминологии может быть отнесено также к специфике коннотации.

«Не следует забывать, что слова живут не вне контекстов их употребления» [Филин 1984: 171]; это справедливое положение следует учитывать при анализе как отдельных коммуникативных актов, так и целых функционально-стилевых пластов, среди которых совершенно особую и при этом кардинально важную роль сегодня играет та разновидность употребления языковых средств, которую традиционно именуют публицистическим стилем русского языка

(хотя в наши дни, вследствие своеобразно понимаемой многими речедателями свободы слова, диапазон этих средств значительно расширился и вряд ли полностью соответствует привычным ещё относительно недавно критериям).

Полагают, что, наряду с двумя основными сферами коммуникативной практики общества, то есть кодифицированной литературной речи и разговорной речи, «на наших глазах происходит формирование третьего речевого массива – *речевой системы СМИ*» [Коньков 2002: 76]. При этом и «политический язык воспринимается как *особая система национального языка* [курсив наш. – А.В.], предназначенная для речевой коммуникации» [Чудинов 2003: 11].

Объективно существует ряд признаков, объединяющих медиа-дискурс и политдискурс по общности критериев, которые можно лишь конвенционально назвать экстралингвистическими, поскольку они так или иначе связаны с самой сущностью языка в многообразии выполняемых ими функций, в его психической и социальной обусловленности, с его до конца ещё не осознанным и не исчерпанным потенциалом – который, однако, успешно используется в манипулятивных целях.

Для их достижения применяется, например, регулируем частотность словосочетаний, имеющих в своём составе определённые вербальные символы, особо значимые для формирования стереотипов общественного сознания, пробуждая в нём направленные ассоциации. Причём далеко не всегда обязательно вводить принципиально новые лексико-фразеологические единицы – достаточно смоделировать такую устойчивую сочетаемость, которая наполнит уже известное слово-символ иным, чем прежде, содержанием и придаст этому слову нужную, с точки зрения владельцев-распорядителей информационных потоков, коннотацию. Ср.: «Идея не может для себя изобрести соответствующий знак, который может быть ей передан и который, не будучи создан специально для неё, может ей соответствовать при условии потери прежнего соответствия» [Гийом 1992: 74].

К числу таких ключевых символических слов (особенно важно учитывать, что они почти «незаметны», «обычны» и потому не осознаются в этом статусе многими носителями языка [Романенко 2003: 128]), несомненно, относятся этнонимы. Собственно, самоназвание народа (намеренно не употребляем здесь термин *нация*, используемый сегодня в официальном российском дискурсе как полный аналог американо-английского *a nation* [Васильев 2006]) чрезвычайно важно со многих точек зрения, в том числе и семиотической (именно оно выступает в качестве первого компонента универсальной оппозиции 'свои' / 'чужие'); и лингвокультуроло-

гической – как воплощение особой, конкретной этнической ментальности. В поисках необходимого иллюстративного материала обратимся к свертхтексту российского телевидения как наиболее распространённого и очевидно эффективного пропагандистского орудия.

Хотя "насчет *русского* характера очень сильно всё преувеличено, это неотшлифованный характер" [В. Черных. РТР. 22.11.98], о некоторых его чертах заявляется совершенно безапелляционно. Так, в преддверии юбилея, комментируя события последних дней Великой Отечественной войны, ведущий говорит: "Подвела ... наша изначальная ущербность, наша *русская* безалаберность" [Воскресенье. Останкино. 7.5.95]. Ср. также: "Почему те, кого мы любим, нами так легко забываются? Наверное, такова наша генетическая природа" [В. Мережко. Мое кино. ТВ-6. 27.2.99]. "Наш характер отличает импульсивность, крайность: целовать – так королеву, украсть – так миллион" [Человек и закон. 3.2. 99]. "... Традиционное *русское* неуважение к законам" [М. Гуревич. Дела. Афонтово. 18.7.96]. "Признаём, что как бы лень является нашей национальной чертой" [А. Исаев. Час пик. 9.4.98]. "Конечно, любовь к халяве – истинно *русская* черта" [зам. декана МГУ – по поводу открытия благотворительной столовой для студентов. Доброе утро, Россия. РТР. 15.12.98]. "Справиться с привычками *русского* человека мусорить и ломать чрезвычайно сложно" [Новости. Афонтово. 30.9.99]. "... *Русский* народ, традиционно готовый винить во всем власти" [Романовы. Крушение династии. ОРТ. 15.7.98]. "В нашей *русской* ментальности сидят химеры ужасающие... Неповторимые, загадочные и удручающие глубины *русской* души..." [М. Захаров. Вести. РТР. 4.5.97]. "Демократия – слово, для нас странное... Свобода – слово, странное для нас, для нашего менталитета" [М. Захаров. Тихий дом. ОРТ. 12.5.99]. "Репрессивная система отражает жестокий менталитет нашего народа. Я всё время прихожу в ужас: какие мы жестокие, какие мы кровавые!" [А. Приставкин. В мире людей. ТВ-6. 6.2.98]. "Привычка к крови наша постоянная..." [К. Ларина. Третий лишний. Ren TV – 7 канал. 1.2. 99]. "Мы не научились чувствовать своей исторической вины перед самими собой" [С. Ковалев. ТВ-6. 3.11.98]. "Нельзя с нами, *русскими*, честно и открыто" [М. Жванецкий – на вечере памяти Б. Окуджавы. ОРТ. 13.6.99] и т.п.

Поэтому совершенно естественным и закономерным оказывается, что "били его (подростка) в нашей *русской* милиции" [Скандалы недели. ТВ-6. 14.2.99], что "слишком сильно загрязняют среду *русские* машины" [ИКС. КГТРК. 28.10.94] (и "не забывайте, что вы купили *русский* автомобиль; поэтому не удивляйтесь, что обнаружите скрытые дефекты" [Авто. ТВК, 7.4.98]). Или: "... *Русские* ребята во Франции воруют... (В. Познер:) Ужасно то, что я

слышал о наших: *русские* крадут, *русские* то, сё..." [Человек в маске. ОРТ. 8.2.99]. В сообщении о трагическом происшествии – гибели десятилетнего мальчика как бы вскользь упоминается, что повинна в этом "медведица с *русским* именем Маша" [Совершенно секретно. РТР. 30.7.98]. Поводом для негативизации *русского* оказывается и система школьного образования, якобы ущербная, поскольку "во всем [?] мире принята двенадцатилетняя система школьного образования" и "именно поэтому *русские* аттестаты за границей недействительны" [Новости. Афонтово. 28.12.99], а следовательно, "переход на 12-летнее школьное образование позволит сделать *русский* аттестат престижным во всем мире" [Новости. Афонтово. 17.1.00].

Нередко в пределах атрибутивного сочетания сталкиваются (в духе "стёба", т.е. ёрничества) прилагательные *русский* и *народный* (последнее некогда было стилистически приподнятым, а ныне стало иронически окрашенным); например, в анонсах телепередач, вроде: "*Русская* народная программа "Плейбой" [ТВ-6. Янв.-февр. 2000] или "*Русская* народная передача "Городок" [РТР. 1999-2000] (ср.: "В России появилась новая народная игра – размышления вслух о здоровье президента" [Вести. РТР. 17.1.99]). Также: "Конкурс *русского* компромата" [Пресс-экспресс. 26.11.96]. "Национальная *русская* демократическая забава – накопление компромата на политического противника" [Вести. РТР. 26.11.98]. "Пеняют на телевидение... Это такая старинная *русская* забава теперь: если что-то не нравится, разбить зеркало" [М. Швыдкой, председатель ВГТРК. Вести. РТР. 24.1.99]. "Борьба Брынцалова с *русским* экономическим и политическим маразмом" [Ren TV – 7 канал. 4.1.99]. "Еще один любопытный механизм *русской* бюрократии..." [Человек и закон. 3.2.99] и т.д.

Отсюда – логическое оправдание сентенций (которые одновременно во многом и задают программируемый тон), подобных следующей: "Я (будучи за границей) называю свою не-престижную *русскую* национальность и готова отвечать [?!] за принадлежность к этой неблагополучной нации" [В. Новодворская. Зеркало. РТР. 26.10.97].

См. также следующие примеры: «Нужны ли будут они [детские площадки] в России через полвека, когда на России будет поставлен "*русский* крест?" [анонс программы М. Гуревича "Живые мысли" 7к. 30.07.05]». «Пройдёт ещё три года, и именно *русская* атомная подлодка [К-19] в 1972 году поставит мир на грань катастрофы [РТР.29.12.04]». «*Русский* народ ничего не хочет делать, но считает себя непобедимым» [7 канал.18.11.06]. «*Русских* можно внести в Книгу рекордов Гиннеса... Самый разобщённый народ» [депутат Госдумы А. Чехов о русских, оказавшихся в «ближнем зарубе-

жье». – 24.Rep TV. 20.02.02]. «Русский террор будет намного хуже, чем чеченский!» [Д. Рогозин. Неделя 24.Rep TV. 09.09.06]. «Горбачёв сделал ошибку, вырубив виноградники. Кардинально решить эту проблему можно, только вырубив русский народ» [В. Новодворская. РТР. 10.12.94]. «Пётр Первый, будучи в Брюсселе в 1717 году, сильно перебрал. Ну, с русскими это бывает – вы же знаете» [Д. Крылов. Непутёвые заметки. ОРТ. 21.09.03]. «Русский человек вне дома любит выпить» [М. Турецкий – "Хор Турецкого". Детали. Прима ТВ.25.09.06]. «Русские моряки вызывают беспокойство и опасения у населения [Японии]... Последнее убийство в приморском городке местные [японские] газеты назвали "разборками русской мафии"» [Честный детектив. РТР.21.10.07]. «Может ли забота о будущем победить русскую безалаберность?» [о нежелании "россиян иметь 5-6 страховых полисов", как в "цивилизованных странах" – но, может быть, это из-за мошенничества российских страховщиков? – Афонтово. 03.02.07]. «Подпись под снимком: "Она подышает" – вот это уже уровень русской журналистики» [О. Кушанашвили. Секретное досье. Rep TV. 24.09.07]. «Красноярские сортиры. Исследование русской души. Взгляд из туалета» [анонс передачи М. Гуревича "Живые мысли". 7 канал.14.01.06]. «Если к какому-нибудь хорошему делу добавить слова по-русски, всё встанет с ног на голову... В банке кредит дают, только не забудьте – по-русски» [Т. Устинова. Час суда. Rep TV. 09.09.05].

Одной из наиболее распространенных (вследствие почти повседневного употребления) магических формул, служащих возникновению и закреплению негативного облика всего русского, является словосочетание *русская мафия*. Несмотря на робкие единичные попытки как-то конкретизировать семантическое наполнение этого и подобных ему выражений ("в Москве задержаны члены русско-чеченской преступной группировки" Вести. РТР. 10.11.94) или отметить их явную условность ("власти ФРГ все более обеспокоены действиями так называемой русской мафии – преступных группировок из Армении, Киргизии..." Телеутро. Останкино. 6.3.95; "Американская полиция нанесла новый удар по русской мафии: арестованы 25 человек, большинство из которых эмигранты из России и других республик СНГ". Новости. Останкино. 8.8.95), всё же очень часто употребляются высказывания типа: "По Брайтону спокойно разгуливают русские воры в законе" [Человек и закон. Останкино. 21.9.95]. "Процесс над человеком [С. Михайловым], которого на Западе считают чуть ли не главарем русской мафии, закончился безрезультатно" [Вести. РТР. 13.12.98]. Небезынтересно, что упомянутый в последней цитате персонаж довольно четко осознаёт отрицательно-оценочный потенциал, заложенный в словосочетании *русская мафия*, и последст-

вия его реализации: "Вопрос дальнейшего бизнеса русских бизнесменов за рубежом имеет большое значение... Имидж русской мафии начинает распространяться не только на бизнесменов [!], но и на журналистов... Но... русские не обязательно [!] могут быть преступниками, они могут быть и бизнесменами..." [Вести. РТР. 13.12.98]; ср. мнение другого отечественного предпринимателя: "На русских людей, которые пересекают границу, уже ставят штамп: "русская мафия" [А. Быков. События: анализ, прогнозы. Афонтово. 21.2.99].

Кроме того, при внимательном рассмотрении семантики словосочетаний, связанных с понятием 'русская преступность', могут выясниться довольно любопытные обстоятельства. Так, например, "русскоговорящий бандит", захвативший автобус с заложниками в Германии в конце июля 1995 г., оказался бывшим советским гражданином Леоном Борщевским, теперь – гражданином Израиля, сменившим в эмиграции фамилию на "Бор" и имеющим соответствующий паспорт (Вести. РТВ. 30.7.95). Интересная версия происхождения словосочетания *русская мафия* была предложена телезрителям в одном из выпусков передачи "Совершенно секретно" (РТР. 26.4.98), который был посвящен исключительно рассказу о деяниях бывшего советского, затем российского гражданина Григория Львовича Лернера – потом гражданина Израиля, ныне именующего себя Цвей Бен Арии, – совершившего хищение на сумму 33 миллиона рублей в ценах 1989 г.: "русский мафиози – так окрестили Лернера израильские спецслужбы... Русская мафия – это выходцы из России (совершающие преступления в Израиле)". Создатели этой передачи объявили, что автором термина [!] *русская мафия* является бывший министр общественной безопасности Израиля Моше Шехель. Однако в показанном здесь же интервью с ним экс-министр выступил против правомочности использования самого этого "термина", утверждая, что не только не изобретал его, но "получил этот термин от российских властных структур". Впрочем, всё остаётся по-прежнему, ср.: «Иммигранты из России привезли в Израиль миллиарды пусть грязных, но долларов... Когда-то их называли русской мафией, теперь говорят об отмывании денег... Так говорят о каждом русском человеке, у которого есть деньги – говорит израильский адвокат Хайм Гольд... Тема вездесущей русской мафии (Гусинского, Березовского, Невзлиной, Могилевича и прочих) вновь заполнила страницы таблоидов» [Человек и закон. ОРТ. 21.04.05]. «Власти Испании, не различающие граждан бывшего СССР, поспешили возвестить о разгроме русской мафии. Но большинство задержанных оказались гражданами Грузии, остальные – молдавские и украинцы» [Вести. РТР. 21.06.05]. «Русская мафия готова взять под контроль весь земной шар... Жан-Клод Ван Дамм против рус-

ской мафии» [анонс х/ф «Взрыватель». Афонтово. 11.02.03].

Многое, впрочем, зависит от точек зрения на представителей описываемого сообщества: «Кто он? Один из самых разыскиваемых преступников мира или обычный бизнесмен переходного периода?» Именно этим вопросом задаётся журналист официального – правительственного – российского издания, рассказывая об украинско-израильско-венгерско-российском предпринимателе Семёне Юдковиче Могилевиче (он же Сергей Шнайдер, он же Шимон Махелвич, он же Сева): «Могилевичу приписывают организацию мифической [!] «русской мафии», массовый рэкет и вымогательство у иммигрировавших в США и Израиль выходцев из стран бывшего СССР, организацию уголовных преступлений..., организацию сети публичных домов, торговлю оружием» [Артемьев 2008: 9]. Несмотря на то, что автор цитируемой статьи неоднократно говорит, что обвинения эти в суде не доказаны и носят характер «мрачных слухов», он всё же упоминает: по мнению ФБР, Могилевич «крайне опасен» [там же].

Известны неоднократные (но и единообразные – подчеркнуто будто бы заранее обречённые на неудачу) попытки постоянных телеперсонажей прояснить семантику, а тем самым – и более или менее отчетливо представить денотат слова *русский*. Иногда такие высказывания подаются как констатации объективной реальности, иногда – в форме риторических вопросов: "Вообще *русский* – слово очень непонятное" [А. Любимов. Один на один. Останкино. 17.9.95]. "Кто есть *русский* человек? Ответьте на этот вопрос мне, простому *русско*му человеку Григорию Израилевичу Горину" [Национальный интерес. Ren TV – Афонтово. 23.1.97]. "Мы не знаем, что такое *русский* человек" [В. Ерофеев. Текто. ТВ-6. 18.8.98] и т.п. (правда, декларируемая неудобопонятность слова *русский* вовсе не мешает выдавать в эфир формулировки вроде "агрессивный *русизм* левой оппозиции" [Новости. ОРТ. 19.4.97]). Имеет свою традицию и псевдолингвистический подход, которого придерживается, например, Н. Михалков: "Да *русский* вообще – это имя прилагательное!" (и тем якобы отличается от других этнонимов не в лучшую сторону) [Зеркало. РТР. 21.2.99]; как заметил по поводу аналогичного выступления одного литератора О. Н. Трубачёв, "имей он чуть больше знаний..., то согласился бы, что дело обстоит иначе. Названия (самоназвания) наций, народов вообще, как правило, адъективны: все эти *Español*, *Italiano*, *Français*, *Deutsch*, *American*, *Magyar*, *Suomalainen* – прилагательные; ... они типологически однородны с нашим самоназванием" [9. С. 266].

По-видимому, старательно акцентируемая невозможность сформулировать лексическое значение слова *русский* призвана поставить под

сомнение идентификацию национальной принадлежности большинства носителей русского языка; кроме того, негативное воздействие на самосознание личности оказывает постулируемая таким образом принадлежность индивидуума к этносоциуму, четкое определение которого будто бы весьма гипотетично.

Следует сказать, что и само по себе точное установление чьей-либо национальности посредством слова *русский* (чего, как правило, в текстах телевидения почему-то избегают, когда речь идет о представителях большинства населения Российской Федерации) во многих случаях представляется довольно проблематичным. Ср.: "Основоположником жанра видеоклипа можно считать русского певца Леонида Утесова" [Афонтово. 4.11.97]; "Ведь все, уехавшие в Израиль из России, – *русские*" [Е. Миронова. Телеутро. Останкино. 3.10.95.]; ср.: "Свыше миллиона наших соотечественников, живущих в Израиле..." [Вести. РТР. 29.4.98]; "... число наших соотечественников, проживающих на земле обетованной, приближается к миллиону..." [Новости. ТВ-6. 17.5.99]. "Многие российские театры за рубежом ... играют в синагогах для *русской* эмиграции" [В. Вульф. ОРТ. 16.2.98]. "В прессу уже просочилась информация о *русских* корнях Моника Левински" [Скандалы недели. ТВ-6. 4.4.99]. "Вся *русская* эмиграция по всему свету читает именно журнал "Огонек" [Вести. РТР. 23.12.98] и т.п. Возможно, что такие примеры отражают тенденцию, характерную для чужекультурной среды, например: "Те, кого в Израиле называют *русскими*, – репатрианты из России и бывшего СССР" [Вести. РТР. 22.3.99]. "Не исключено, что на земле обетованной вас (вероятных репатриантов) будут называть сначала *русскими*" [премьер-министр Израйля Б. Нитаньяху – в московской еврейской школе, всех учеников которой он призвал выехать в Израиль. Новости. ТВ-6. 22.3.99]. "[Натан Щаранский] полагает, что влияние *русской* еврейской общины на политическую жизнь Израйля будет только усиливаться" [Старый телевизор. НТВ – Афонтово-22. 02.02.01.]. "В этой квартире проживает много *русских*, как называют здесь (в Израиле) всех выходцев из бывшего Советского Союза [Обозрение. Ren-TV. 23.08.01]. «Из них [пассажиры] только 20 – иностранцы, остальные – *русские*, по крайней мере, наши сограждане» "[С.Ким. Новости. Афонтово. 31.07.02]. «Во-первых, я думаю на русском языке... У меня м'ышление или мышле'ние, не знаю, как правильно... безусловно, я русский человек по своему мироощущению, по своим корням... Опять-таки – это моя родина: родилась в Ташкенте» [Дина Рубина. Успех. Ren-TV. 20.06.02]. «Жириновский – воплощённая мечта *русской* политики» [Л. Канфер. Неделя. Ren-TV. 08.04.06]. «*Русский* гангстер Алимжон Токтахунов» [Новости. ОРТ. 01.08.02]. «...Как и десятки тысяч их соотечественников, которых в России

называли евреями, а здесь [в Израиле] – *русскими*» [Сегодня. НТВ. 22.01.03]. «Лейтенант доволен своими *русскими* солдатами» [израильскими военнослужащими, иммигрантами из России. 24. Ren-TV. 25.12.01]. «Сложись судьба Сичкина иначе, он мог бы стать *русским* Чаплином» [1 канал. 11.02.06]. «За какое время *русский*, человек из Советского Союза, становится американцем?» [Ксения Ларина – Славе Цукерману. Успех. Ren-TV. 28.01.02]. «Марк Шагал... тоже *русский* изгнанник» [Пуаро Агаты Кристи". РТР. 12.02.03]. «Ярмарка тщеславия по-*русски*» [анонс док. фильма "Лондонские крыши" – о том, как Б. Березовский, Р. Абрамович и проч. покупают в Англии дорогую недвижимость и футбольные клубы. НТВ. 15.11.05]. «Русские израильтяне – самые читающие люди в мире» [Ночные новости. 1 канал. 21.02.07].

Уже в течение нескольких лет в речевой оборот активно вводится слово *россиянин*, очевидно, призванное заполнить лауну, возникшую после исключения из активного лексикона употребительного ранее (особенно – в текстах средств массовой информации) словосочетания *советский человек*; ср.: *россияне* – 1) 'жители России; граждане России'; 2) 'люди, родившиеся в России; имеющие российское гражданство' [Толковый словарь 2001: 680]. Существительное *россиянин* используется не только в качестве своеобразного гиперонима по отношению к существительным, обозначающим представителей многочисленных национальностей, населяющих Российскую Федерацию, но также и в роли стилистически окрашенного элемента, позволяющего придавать высказываниям официальных должностных лиц высокую торжественную тональность. Именно благодаря частотности в подобных текстах слово *россиянин*, вероятно, уже глубже укореняется в повседневном бытовом дискурсе многих носителей русского языка, утрачивающих представление о четкой соотношенности именовании с реалиями. Этому и служит стимулируемый перенос акцента на государственную, а не национальную принадлежность, сказывающийся в речи прежде всего русских, а также лиц некоторых иных национальностей.

Обычно употребление слова *россиянин* является вербальным индикатором и инструментом нивелирования объектов по национальному (или, может быть, по "вненациональному" признаку); возможно, интенцией говорящего в действительности является добросовестное стремление способствовать интеграции многонационального населения, например: "Это *российское*, это лучшее (о науке). Мы перестали гордиться тем, что мы *россияне*. ... Основное для всех *россиян*, вне зависимости от национальности, вероисповедания, – это культура, это то, что всех объединяет" [М. Кривцова. Доброе утро. ОРТ. 12.98 – хотя можно было бы несколько усомниться в тезисе о единстве культуры, по

крайней мере, в настоящее время, а следовательно, и в безупречности аргументации].

Еще более распространены высказывания, в которых слово *россиянин* выступает как стилистически нейтральное, что, по-видимому, имплицитно должно неоспоримо констатировать реальность существования денотата: "Опра Уинфри для американца – все равно что для любого *россиянина* Леонид Якубович" [Новости шоу-бизнеса. СТС. 10.10.98; впоследствии в анонсе – о той же: "Опра – самая богатая ведущая самого популярного ток-шоу". Ren TV – 7 канал. 1.2.99]. "Для телезрителя, то есть *россиянина*, потасовки на политических мероприятиях уже стали привычными" [Вести. РТР. 31.1.99]. "Свыше десяти миллионов *россиян* работает на продовольственных и вещевых рынках" [Доброе утро. ОРТ. 2.12.98]. "В Анголе разбился самолет АН-12, погибли четыре *россиянина*" [Новости. ТВ-6. 2.2.99]. "Важно, чтобы *российская* экономика покоилась на здоровой основе, чтобы *россияне* жили достойно" [перевод интервью испанского экономиста. Вести. РТР. 31.1.99]. "Потребность в празднике неистребима у *россиян*, как и способность выживать" [Неделя высокой моды в Москве. РТР. 28.11.98]. "Характер *русского* народа, *россиян*, как сейчас говорят..." [министр здравоохранения. – Здоровье. ОРТ. 18.6.99]. "Вчера у нас, у *россиян*, появился новый чемпион по хоккею" [Доброе утро. ОРТ. 16.4.99]. "Немецкая нация в годы войны уничтожила более 20 миллионов *россиян* [?]" [И. Долгушина. Чай вдвоем. 7 канал. 3.09.01]. «[Социологи установили:] большинству *россиян* нравится жить в современной России» [Новости Афонтово. 20.01.07]. «Всё равно... – *российские* и *русские* приоритеты... они как бы известны» [Г. Волчек. Времена. ОРТ. 09.11.02]. «Фёдор Михайлович – замечательный психолог, который хорошо знает душу *русского* человека, *российского*, скажем так» [Д. Михайлова, актёр и режиссёр. НТВ. 09.02.04]. «Плакат с *антироссийским* лозунгом ["*Русские* свиньи"] обнаружен недалеко от Ростова» [Вести. РТР. 10.09.02]. «Положение *россиян* за рубежом обсуждается на встрече в Баку... Посланцы *диаспор...*» [Вести. РТР. 06.09.06]. «[В связи с событиями в Кондопоге и т. п.] «в приоритетном порядке способствовать трудоустройству» *россиян*» [Вести. РТР.06.10.06]. «Уже давно известно, что *россияне* и шотландцы похожи открытым характером и дружелюбностью характером» [Вести. РТР. 05.09.03]. «Поскольку *россияне* сами не заботятся о своей старости ["молчуны"], государству приходится взять заботу на себя» [об инвестициях в Государственный пенсионный фонд и ПИФы. Вести. РТР. 23.07.07]. Приведем также пример демонстративного жонглирования словами *русский* / *россиянин*, рельефно запечатлевший цели эвфемизации: "[Беженцы из бывших союзных республик:] "Всем помогают фонды: туркам, эфиопам..., но – не *рус-*

ским". [Ведущий передачи В. Познер – переадресуя вопрос присутствующему чиновнику:] "Почему не помогаете *россиянам*?" [Мы. Останкино. 13.12.94].

Можно предположить, что столь интенсивное внедрение в публичный дискурс (и общественное сознание) слова *россиянин* и вытеснение им полноценного этнонима *русские* имеют своих инициаторов: ведь «в политических дискурсах идёт борьба за власть в сфере обозначения и, тем самым, за фундаментальные групповые ценности» [Базылев 2005:13].

По некоторым сведениям, «в 1994 году на сахаровских чтениях Е. Боннэр учила президента Ельцина никогда не пользоваться этническим именем *русский*, а заменять его прозвищем *россиянин*... Заинтересованность в этом лично президента и его сопративителей понятна» [Миронова 1997: 6].

Целенаправленно и сконцентрированно возможности и подходы (от умеренных до радикальных) к решению зачастую ими же и создаваемой проблемы декларировались в высказываниях специалистов по вопросам государственной политики и межнациональных отношений. Так, Р. Абдулатипов считает, что "отказаться от графы 'национальность' в паспорте не позволяет отсутствие зрелого гражданского общества... Со временем, когда национальность для *россиян* перестанет быть понятием правоопределяющим, от него можно будет отказаться" [Доброе утро. ОРТ. 25.10.97]. В. Новодворская решительно резюмирует: "Пусть у нас все будут *россиянами*... Убрать национальную идентичность из этнического сознания..." [Зеркало. РТР. 26.10.97]. С точки зрения В. Познера, "в конце двадцатого века делить людей по национальности – это позорище... Об этом надо говорить... не в смысле "кто виноват", а "что делать"... Это важнейший вопрос..." [Мы. ОРТ. 7.12.98]. Эмоционален был в той же передаче В. Зорин, председатель комитета по делам национальностей Государственной думы: "Избавиться от этого кошмара, который мы иногда сами на себя напускаем (т.е. указывать национальность в документах)... Пора всем становиться *россиянами*" [Мы. ОРТ. 7.12.98].

Позднейшие данные отчасти подтверждают достоверность информации об изобретателях нововведения *россияне*. Ср. реплики участников некоего подобия дискуссии (по-видимому, заочной), материалы которой озаглавлены "Россияне или русские"? [Российская газета. № 203. – 14.09.07. – С. 30]:

1) «Слово "россиянин" – искусственное. В английском языке есть только одно слово – "русские", все его используют, и никого это не смущает. Причём речь не об этнических русских, а о многонациональной России. До недавнего времени, когда мы говорили "русские", то подразумевали всех наших соотечественников, людей разных национальностей, но говорящих

по-русски и живущих в атмосфере русской культуры, воспитанных русской культурой» [глава Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл];

2) «Мне кажется, правильнее – "россияне". Это слово позволяет не задевать чувства людей, которые остро реагируют на национальные нюансы, помогая избежать национальной розни. Оно даёт человеку право считать себя полноценным гражданином страны, который трудится на её благо, строит здесь свою семью, живёт. В нашей исторической ситуации это более точное слово. Хотя, конечно, многим оно режет слух своей искусственностью, потому что возникло в устах Бориса Ельцина. Но тот произнёс его в момент, когда очень остро чувствовал пик, после которого могла быть катастрофа. Он почувствовал это слово сердцем. Так что слово "россиянин" – хорошее. Слово "русский" – тоже хорошее, но сегодня оно применяется как "я лучший, я главный". И это начинает раздражать. Когда всё успокоится, все мы будем русскими» [Иван Дыховичный, режиссёр];

3) «Согласен: слово "россиянин" – искусственное. Оно какое-то архаичное и возникло искусственно. Появление этого слова – результат какой-то ложной политкорректности. Я помню, как впервые оно прозвучало в устах Бориса Ельцина. Видимо, его советники боялись слова "русский", потому что от него (как им, наверное, казалось) отдаёт этничностью, им же хотелось уйти от этнического оттенка в этом слове. Но я считаю, что слово "русский" применимо к любому гражданину России, независимо от того, татарин он, еврей или калмык. За пределами России нас всех называют по-английски *russian*, по-французски – *russe*. Мы – гражданская нация и слово "русский" вполне можно было бы употреблять как минимум в обозначении гражданства, независимо от происхождения» [Александр Даниэль, историк].

При некоторой разноформленности высказываний, принадлежащих участникам квазидискуссии, интенции их во многом совпадают.

1) Соглашаясь с митрополитом Кириллом в том, что «слово "россиянин" – искусственное», нельзя не заметить некоторые странности аргументации этой оценки. Непонятна ссылка – как на некий эталон – на английский язык, где *Russian*, а не "русские", по существу, синкретично: это и 'русский' и 'российский', и 'россиянин'; наверное, никого в России и не должно смущать, как англоговорящие употребляют слова своего языка. Иностранцы традиционно и не различают жителей т. н. многонациональной России. Видимо, активность внешних связей затрудняет понимание иерархом этих очевидных фактов.

2) И. Дыховичный, кажется, не осознаёт, что остро реагировать на национальные нюан-

сы пока ещё могут и этнические русские. Он тоже замечает, что слово "россиянин" – искусственное; любопытно объяснение: «...потому что возникло в устах Бориса Ельцина», собственно, и введшего страну в состояние управляемой катастрофы (известно, сколь богат может быть улов рыбы при замутнении воды). Трудно понять, почему "русский" сегодня применяется как "я лучший, я главный" – см. выше-приведённые примеры из теледискурса, вовсе не подтверждающие такой оценки, – и кого именно это раздражает, кроме самого Дыховичного. Его позиция в общем согласуется с позицией X съезда РКП(б) 1921 г., который «направил главный свой удар против великодержавности как главной опасности, то есть против остатков и пережитков такого отношения к национальностям, какое проявляли к нерусским народам великодержавные шовинисты при царизме» [История ВКП(б) 1953: 246].

3) А. Даниэлю слово "россиянин" также представляется искусственным; его активизацию он тоже связывает с именем Ельцина. Правда, Даниэль не объясняет, почему так боялись слова *русский* ельцинские советники и почему им так хотелось уйти от этнического оттенка. Между тем, газета "Известия" 9 июля 1996 года, со ссылками на газету "Вашингтон пост" и журнал "Тайм", сообщала, что штаб по избранию Б. Ельцина в президенты на 2-й срок прибёг к услугам группы американских специалистов (Дж. Гортон, С. Мора, Дж. Шумейта, Р. Дрезнера), которых свёл и доставил в Москву разбогатевший в США эмигрант из Белоруссии Феликс Брайнин. Кроме того, по-видимому, по аналогии с уже известным т.н. гражданским обществом, Даниэль вводит маловразумительный термин "гражданская нация", не удосужившись его истолкованием. Ссылки на иноязычные аналоги, как уже сказано, вряд ли точны и уместны, когда речь идёт о характере использования русского этнонима внутри России.

Можно сказать, что позиции всех участников этой псевдодискуссии в той или иной степени основываются на лозунге прежнего интернационализма.

Если пытаться прогнозировать дальнейшие эволюции компонентов пары *русский / российский*, то кажется не особенно затруднительным предвидеть, что *русский* будет все быстрее утрачивать денотативную основу; более того, оно может перейти в пласт пейоративной лексики. Через какое-то время (вполне вероятно, исторически – довольно непродолжительное) соответствующие речедеятели откажутся от идентификации и самоидентификации при помощи этого слова.

Активно насаждаемое употребление слова *россиянин*, семантически нечеткого и расплывчатого, знаменующее качественно иное направление в решении национальных вопросов, позволит заполнить наметившуюся лауну (ко-

торая в немалой степени из-за него и возникла). Прилагательное *российский*, предлагаемое как нейтральный, эвфемистический эквивалент *русского*, вследствие психолого-пропагандистских манипуляций также способно приобрести негативно-оценочный оттенок, но сегодня пока неизвестно, какое слово придет ему на смену. По крайней мере, довольно скоро собственно русские рискуют остаться без полноценного этнонима, что, в свою очередь, в совокупности с другими факторами может поставить под сомнение само существование русской нации как таковой.

Трудно пока сказать, на какой стадии сегодня находится описанный лингвистический эксперимент; следует ли считать, что какая-то фаза процесса завершена или еще продолжается. Однако можно догадываться о некоторых перспективах, достаточно гармонично согласующихся с экстраполяцией глобалистского мифогена *мировое сообщество* на реальность: "Из печати исчезло слово *русский*. Люди начинают определять себя как *россияне*. Это колоссальный шаг вперед. Но до тех пор, пока люди будут определять себя как *земляне*, пройдет еще немало времени" [Д. Радышевский. Пресс-экспресс. ОРТ. 15.1.97].

Наблюдения над управляемой конкуренцией слов *русский / россиянин* позволяют иллюстрировать ряд важных общетеоретических положений.

Конструируемая посредством телевидения негативизация *русского* – и русских как государствообразующего народа – одновременно является и дискредитацией образа России в целом. А ведь "наш народ, по меньшей мере, не глупее и не ленивее многих других народов, добившихся процветания и уважения в современном мире" [Чудинов 2003: 227].

Десемантизация этнонима *русский* заставляет вспомнить характеристику "последнего круга скептического ада – отделения, где теряется самый смысл слов" [Флоренский 1989: 38]. Употребление лексем, устойчивых словосочетаний, целых словесных блоков, лишённых денотативной основы (вроде *общечеловеческие ценности, цивилизованное государство, гражданское общество* и т. п.), притом тиражируемое через СМИ, надлежащим образом гармонирует со столь же активным переосмыслением привычных слов, составляющих ядро языковой картины мира, выхолащиванием их исконного смысла, что коренным образом меняет мировосприятие и самооценку носителей языка. Подобный же эффект очевидно призвана произвести навязываемая этнониму *русский* за счёт моделируемой сочетаемости с отрицательно-оценочными словами негативная коннотация.

Устанавливаемые таким образом нормы употребления этнонима *русский* и псевдоэтнонима *россиянин*, определяющие некоторые

формы мышления и социального поведения [Уорф 2003: 157], подтверждают верность тезиса о том, что "информационную войну...нет смысла вести против государства, её ведут за государство, за контроль над государством, которое становится инструментом в руках победителя для управления побеждённым народом" [Расторгуев 2003: 273].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Артемьев З. Киевский «Мориарти» // Российская газета. № 20. – 31.01.08. – С. 9.
2. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Известия Ур ГПУ. Лингвистика. Вып. 15. Екатеринбург, 2005.
3. Васильев А. Д. Современные национальные загадки // Материалы XXXV Международной филологической конференции. Вып. 13. Ч. 1. Язык и ментальность. СПбГУ. СПб., 2006.
4. Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М., 1972.
5. Гак В. В. К проблеме семантической синтагматики // Проблема структурной лингвистики – 1971. М., 1972.
6. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
7. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Л., 1953.
8. Ковтун Л. С. О неявных семантических изменениях (к истории значений слов) // Вопросы языкознания. 1971. № 5
9. Коньков В. И. СМИ как речевая система // Мир русского слова. 2002. № 5.
10. Котелова Н. З. Текстовые лексико-фразеологические материалы как лингвистический источник // Национальные лексико-фразеологические фонды. СПб., 1995.
11. Миронова Т. Всеоружие // Советская Россия. № 112. 25.09.97
12. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
13. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.
14. Расторгуев С. П. Философия информационной войны. М., 2003.
15. Романенко А. П. Образ советского риторика. М., 2003.
16. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-е – 90-е гг. XIX в. М.-Л., 1965.
17. Телия В. Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
18. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М., 2001.
19. Тулина Т. А. Роль коннотативного компонента в обеспечении семантической связности слов // Системные семантические связи языковых единиц. М., 1992.

20. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. М.-СПб., 2003.

21. Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка. Проспект. М., 1984.

22. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Paris, 1989.

23. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале. Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Изд. 2-е. Екатеринбург, 2003.

© Васильев А. Д., 2008

Гаврилова М. В.
Санкт-Петербург, Россия

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ
КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ
РИТОРИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ**

Abstract

The author examines the possibilities of using political text at the lessons with University students. The author distinguishes the main forms of using political texts and their role in developing oratorical and political culture of the students.

Политический текст – это и убеждающая речь политика, и документ эпохи, и часть политической культуры, которую необходимо изучать. С этой целью был разработан лекционный курс «Политическая коммуникация XX века», призванный привить студентам традицию бережного отношения к политическим текстам, их вдумчивого медленного чтения, чтобы в дальнейшем студенты могли адекватно оценить политическую ситуацию и сформировать собственную позицию по отношению к тому или иному политическому событию.

Содержание лекционного курса ориентировано на решение следующих задач: расширить границы исторического знания студентов через рассмотрение политического текста в социокультурном контексте, познакомить студентов с особенностями речевого поведения политика, показать историческое развитие речевого образа главы государства, повысить уровень политической и риторической культуры студентов, способствовать развитию коммуникативной компетентности студентов.

Программа курса «Политическая коммуникация XX в.» составлена в соответствии с требованиями к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки дипломированного специалиста по циклу «Общепрофессиональные дисциплины» (региональный компонент) государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по

специальности 350400 «Связи с общественностью».

Специальная профессиональная дисциплина «Политическая коммуникация XX в.» является элективной в цикле социальных и гуманитарных дисциплин.

Курс опирается на знания, полученные студентами при изучении таких гуманитарных дисциплин, как: «Отечественная история», «Политология», «Философия», «Основы теории коммуникации», «Риторика», «Русский язык и культура речи».

Знания, полученные в результате освоения курса, в дальнейшем используются в самостоятельной работе студентов и при изучении профессиональных дисциплин «Коммуникационный менеджмент», «Логика и теория аргументации», «Теория и практика связей с общественностью», «Теория и практика массовой информации», «Социальная психология», «Социология массовой коммуникации», «Политический PR».

Курс включает в себя изучение:

- специфики политической коммуникации;
- коммуникативных технологий в политике;
- особенностей речевого поведения политиков;
- традиций политического красноречия в России;
- жанрового пространства политического дискурса;
- дискурсивных особенностей политической коммуникации в конкретные исторические периоды развития страны;
- речевых портретов советских политических лидеров;
- речевых портретов российских президентов;
- особенностей речевого поведения российских и зарубежных глав государства;
- жанровой системы президентской речи;
- парламентской коммуникации в России.

Цель изучения дисциплины: познакомить студентов с особенностями профессионально ориентированной коммуникации, показать взаимосвязь языка и общества, представить механизмы воздействия семиотических систем на общественное сознание.

Компетентностными характеристиками в освоении данного курса следует считать: 1) умение использовать средства речевого воздействия в профессиональной деятельности; 2) умение оценивать эффективность публичного выступления лидера; 3) умение анализировать жанры публичной коммуникации в исторической перспективе; 4) умение на основе полученных знаний оптимизировать речевое воздействие PR-текста.

Спецкурс рассчитан на 38 лекционных часов, форма контроля – зачет без оценки.

Общие методические рекомендации для проведения лекционных аудиторных занятий.

На лекциях будут использоваться элементы визуальной коммуникации: агитационные плакаты, агитационные и поздравительные открытки, фотоснимки, кинофрагменты, диафильмы, художественные репродукции (живопись и архитектура, городская скульптура, мода, промышленный дизайн, интерьер квартиры) и т.п. На лекции будут звучать фрагменты художественных произведений, записи песен. Для выявления риторических особенностей политической речи будут использоваться тексты выступлений политиков, аудиоматериалы выступлений политиков, фрагменты публичных выступлений политиков, записанные в формате MPEG 4. Обучение проводится с применением активных форм: экспресс-опросы, тесты, дискуссии и др.

СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

Тема 1. Политическая коммуникация как вид профессионально ориентированной коммуникации

Определение понятий: политическая коммуникация, язык политики, политическая речь, политический язык, политический дискурс, политический текст, политическая риторика. Политический текст как документ эпохи.

Сущность и специфика политической коммуникации. Коммуникация как деятельность, направленная на изменение модели мира. Многообразие подходов к определению понятия «политическая коммуникация» (Л. Р. Посикера, Л. Пай, Р. Ж. Шварценберг, П. Б. Паршин). Способы политической коммуникации: коммуникация через печатные и электронные средства массовой информации, коммуникация через организации, коммуникация через неформальные каналы с использованием личных связей.

Территориально-иерархические уровни политической коммуникации: федеральный, региональный, муниципальный. Функциональные уровни политической коммуникации: аппаратная, или бюрократическая коммуникация; коммуникация в публичной политике; парламентская коммуникация; переговорная коммуникация (П. Б. Паршин).

Структура политической коммуникации: содержательный и формальный элементы. Средства политической коммуникации: организации и институты, функционирующие в рамках социальной и политической систем; коммуникативные действия, группа, индивид. Модели политической коммуникации: модель Г. Лассуэлла, модель Ж. М. Коттрэ, модель К. Сайне, модель вещания, диалоговая модель, консультационная модель, регистрационная модель.

Функции политической коммуникации: информационная, регулятивная, функция политической социализации, манипулятивная.

Системообразующие признаки политической коммуникации: институциональность, информативность, смысловая неопределенность,

фантомность, фидеистичность, эзотеричность, дистанцированность, авторитарность.

Типология политической коммуникации: вербальная – невербальная, вертикальная – горизонтальная, личностная – межличностная – групповая – внутригрупповая – массовая, формальная – неформальная.

Политическая коммуникация в информационном обществе. Влияние Интернета на демократические институты и процессы. Типы сетевых ресурсов: информационные, презентационные, интерактивные. Расширение политического участия граждан как цель электронной демократии. Электронное правительство.

Изучение политической коммуникации представителями различных гуманитарных наук. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Концепция Х. Арендт. Политическая коммуникация как форма осуществления массовой коммуникации (У. Липпман, П. Лазарсфельд, Б. Берельсон, Х. Годе, Д. Батлер, Д. Тоукс). Кибернетическое направление в анализе социальных систем (К. Дойч). Структурно-функциональный подход к изучению политики (Г. Алмонд). Лингвистическое изучение политической коммуникации (П. Б. Паршин, М. В. Ильин, В. И. Герасимов, А. Н. Баранов и др.).

Тема 2. Речь как политическое действие

Социальная и коммуникативная роль политика. Речевая деятельность политика как средство самоидентификации личности и способ моделирования сообщества. Политик как языковая и коммуникативная личность.

Смена коммуникативно-риторической традиции как изменение политической стратегии.

Требования к эффективному публичному выступлению политического лидера: оптимистичность, видимая искренность, исходящее от политика чувство тождества и родства с аудиторией, простота идей, социально значимые темы, проявление заботы о благополучии социально уязвимых групп населения, патриотизм, престиж государства, процветание народа, требовательность к себе и своим сотрудникам, знание ситуации, решительность и активность, а также убеждающая речь, т.е. речь, обладающая такими качествами, как ясность, правильность, уместность и красота.

Параметры, влияющие на трудность восприятия речи: словарный состав, структура предложения, количественные характеристики концептуальной насыщенности текста, мера интереса аудитории к теме выступления.

Формы речевого общения политика: жанры предъявления политика обществу, жанры предъявления обществу принятых решений, жанры обсуждения этих решений, жанры публичных массовых действий (Т. В. Шмелева).

Методы исследования речевого поведения политика: лингвистическое направление, психологическое направление, когнитивные исследования, психолингвистическое исследование,

политологическое изучение, социологическое исследование, дискурс-анализ.

Тема 3. Традиции политического красноречия в России

Политическая риторика как частная риторика: условия коммуникации, функции речи, сфера деятельности человека. История ключевых слов русской политической коммуникации: политика, политик, власть, народ, Россия.

Речевое воздействие как основная функция выступления политика (типы слушателей, критерии оценки аудитории, взаимодействие оратора и аудитории, риторические средства). Типы речевого воздействия: убеждать – доказывать – внушать – уговаривать – приказывать – просить – принуждать. Модусы убедительности: логос – этос – пафос.

Речевые средства установления контакта с аудиторией: использование личных местоимений 1 и 2 л. ед. и мн. ч., глагольных форм 1 и 2 л. ед. и мн. ч., повелительной формы глагола, обращений, изъяснительных придаточных предложений, вводных слов, вопросительных предложений. Особенности аргументации в выступлениях политиков: соотношение эмоциональной и рациональной аргументации, расположение доводов, риторические уловки.

Этапы формирования политической коммуникации в России в XX в.: политическая коммуникация периода 1905–1917 гг., политическая коммуникация периода революции (1917–1924 гг.), политическая коммуникация периода сталинского тоталитаризма (1924–1953 гг.), политическая коммуникация периода «оттепели» (1953–1964 гг.), политическая коммуникация периода «развитого социализма» (1964–1982 гг.), политическая коммуникация периода перестройки (1985–1991 гг.), политическая коммуникация периода новой России (1991–1999 гг.), новейшая политическая коммуникация (2000–2007 гг.).

Традиции русской политической риторики: торжественное красноречие, амплифицирующее расположение доводов, коммуникативная стратегия уподобления, метафора и притча, обращение к единомышленникам.

Русский речевой идеал: диалогичность по содержанию, гармонизирующий характер, положительная онтологичность.

Тема 4. Коммуникативные технологии в политике

Немаркетинговые способы организации политической коммуникации: агитация и пропаганда. Сущность и отличительные признаки политической пропаганды: монологическое сообщение, односторонняя коммуникация, выбор канала общения на основе интересов отправителя, игнорирование информационных потребностей получателя, подавление конкурентов, монополизация информационного пространства.

Функции пропаганды: управление интерпретациями событий на основе убеждения реципиента в правомерности взглядов и позиций коммуникатора, контроль за сознанием, перевод знаний и представлений политического актора в сферу поведенческой мотивации, борьба с идейными противниками, обязательный ответ на выпады политического противника (А. И. Соловьёв).

Типы пропаганды: пропаганда действием, идейная пропаганда, положительная пропаганда, негативная пропаганда, социологическая пропаганда, пропаганда средствами искусств, массовая пропаганда, аксиальная пропаганда, прямая пропаганда, неявная пропаганда, официальная пропаганда, неофициальная пропаганда, «белая» пропаганда, «серая» пропаганда, «черная» пропаганда, научная пропаганда. Особенности пропагандистских информационных технологий.

Сущность и отличительные особенности агитации: стимулирование поведенческой активности реципиента, определенные жанры (программные документы партий и правительств, политические требования и директивы, лозунги и призывы), эмоциональная доминанта. Агитационные технологии.

Политический рынок. Политический маркетинг. Маркетинговые способы организации политической коммуникации: связи с общественностью, политическая реклама, создание имиджа, политический брендинг, информационный лоббизм.

История политической рекламы. Функции политической рекламы. Цель политической рекламы. Разновидности политической рекламы.

Понятие лоббизма. Основные субъекты лоббистской деятельности. Виды лоббистской деятельности. Технологии организации лоббистских кампаний: выступление в профильных комитетах законодательного органа, составление законопроектов и вынесение их на обсуждение парламента, организация пропагандистских кампаний в СМИ по поводу готовящихся или принятых решений, проведение научно-практических конференций с участием представителей законодательной и исполнительной властей, организация торжественных приемов и встреч, психологическое давление на депутатов и представителей исполнительной власти, подкуп должностных лиц (преследуется по закону), личные связи, Интернет-технологии.

Имидж и репутация. Имидж политика. Имидж политической партии. Функции имиджа: коммуникативная, номинативная, эстетическая, адресная. Структура имиджа: персональные, социальные и символические характеристики. Типология имиджей: желаемый, субъективный, реальный, идеальный. Имиджевые стратегии: формирование имиджа неизвестного политика, корректировка реального имиджа политика,

«снижение» имиджа конкурентов, мероприятия противодействия возможной кампании дискредитации.

Тема 5. Жанровое пространство политической коммуникации

Определение жанра. Жанр и процессы производства и понимания текста. Факторы, влияющие на изменение жанровой системы политической коммуникации. Критерии классификации жанрового пространства политической речи (Н. Н. Кохтев, Т. В. Шмелёва, П. Б. Паршин, Т. ван Дейк, Е. И. Шейгал).

Структурирование жанров политической речи по параметру институциональности: разговоры о политике в семье, с друзьями, с незнакомыми людьми, со случайными попутчиками и т.д., анекдоты, слухи – самиздатовские листовки и граффити – телеграммы и письма граждан в знак поддержки или протеста – политический скандал – пресс-конференции – публичные политические дискуссии – публичные речи политических лидеров – законы, указы и прочие политические документы – международные переговоры, официальные встречи руководителей государств.

Структурирование жанров политической речи по параметру субъектно-адресных отношений, т.е. дифференциация жанров с учетом вариативности субъекта и адресата в рамках иерархии агентов политики: «политический институт, представитель института, граждане в массе, отдельный гражданин».

Дифференциация по параметру событийной локализации, социокультурная дифференциация.

Первичные (парламентские дебаты, публичная речь политика, лозунг, декрет, переговоры) и вторичные жанры политической речи (интервью, мемуары политиков, аналитические статьи, письма читателей, разговоры о политике, граффити, а также смеховые жанры).

Структурирование жанрового пространства относительно базовой семиотической триады: «интеграция – ориентация – агональность».

Тема 6. Дискурсивные особенности политической коммуникации в конкретные исторические периоды

Политическая коммуникация периода революции (1917–1924 гг.). Орфографическая реформа 1918 г. Смещение границ диалектных явлений, нарушение нормативно-стилистического уклада языка. Манифесты, приказы, декреты, телеграммы – частотные жанры письменной речи. Выступления на митингах и заседаниях – частотные жанры устной речи. Советский образ риторика 20–30 гг.: партийность, коммунистическая убежденность, правдивость, искренность, народность, оптимистичность, революционная страстность, боевитость, простота, скромность. Обновление политической лексики: переименование социально значимых профессий, обилие новых сложносокращенных слов, развитие но-

вых значений слов, изменение оценки и ассоциаций слов на противоположные, уход слов, означающих реалии «старой» жизни, обилие иностранных слов. Патетическая фразеология и образность. Отражение языковых особенностей революционного периода в произведениях советских писателей. Пропаганда революционных идей. Революция как новая религия. Революционные песни. Мифологические мотивы революционной поэзии. Новые обряды. Отношение к одежде. Плакаты. Радио как основной канал политической коммуникации. Изменение привычного хронотопа. Новая государственная символика. Искусство и революция.

Политическая коммуникация периода сталинского тоталитаризма (1924–1953 гг.). Переосмысление значения слов, вырождение живого слова в набор устойчивых формул. Метафорическое представление социальной действительности: частотность зооморфных и военных метафор. Эпидейктические речи о вожде и партии. Речевая агрессия по отношению к «чужим». Художественное осмысление эпохи: литература и живопись. Теория социалистического реализма. Агитационные плакаты. Монументализм эпохи: сталинский ампи́р в архитектуре, организация садово-паркового пространства, тип идеального тела, типовой интерьер квартиры, конструирование одежды.

Политическая коммуникация периода «оттепели» (1953–1964 гг.). Основной политический документ – третья редакция Программы КПСС. Ключевые слова эпохи: кукуруза, целина, студенческий фестиваль, культ личности, спутник, космос, журнал "Новый мир" и др. Основная семантическая оппозиция «коммунизм – капитализм». Новые принципы общественной жизни: карнавализация, легкость, движение, открытость, эклектика. Смена знаков: новый герой эпохи, мода, ощущение новых пространственно-временных отношений, городское строительство, типовой интерьер квартиры, смеховой переворот в кино. Диспут как форма общественной жизни. Художественное осмысление эпохи: живопись (авангард), советский плакат, музыка, поэзия молодых поэтов.

Политическая коммуникация периода «развитого социализма» (1964–1982 гг.). Особенности жанровой системы политической речи. Лозунг. отчетный доклад. Проработка. Анекдот. Политзанятие как коммуникативное событие. Политическая пропаганда как основная коммуникативная технология. Повышенная эмоциональность, преобладание в значении слова идеологических смысловых приращений, клишированность, эвфемистичность, десемантизация дискурса, номинализация, сочинение, ритуализация речевой деятельности, создание идеального адресата политической коммуникации, диглоссия, метафоры родства в воспроизводстве отношений «общество – государство». Художественное осмысление эпохи.

Политическая коммуникация периода перестройки (1985–1991 гг.). Ключевые слова эпохи: ускорение, человеческий фактор, общеевропейский дом, новое политическое мышление, демократизация, социализм с человеческим лицом, гласность, рыночная экономика и др. Особенности номинации новых предметов и явлений общественно-политической жизни. Ресурсы пополнения политической коммуникации: английский язык, криминальный сленг, актуализация устаревших слов. Изменение модальности сообщения. Топоним как вербально-магический знак. Основные семантические изменения: деактуализация значений, отражающих советские реалии; деидеологизация лексики; политизация некоторых групп лексик; деполитизация некоторых политических терминов; активизация некоторых семантических моделей, выражающих оценку личности как общественного явления; метафоризация как выражение оценки общественно-политической ситуации; разрушение прежней смысловой корреляции в политической лексике и возникновение новой. Приобщение к публичной речи новых социальных слоев, возникновение спонтанного политического и экономического дискурсов, отмена цензуры.

Политическая коммуникация новой России (1991–1999 гг.). Ключевые слова эпохи: кардинальные реформы, свобода, собственность, возрождение России, достойная жизнь, гражданин, гражданское общество, мировое сообщество, демократия, правовое государство, цивилизованные государства и др. Возникновение новых устойчивых словосочетаний: миротворческие силы, гарант конституции, русскоязычное население, шоковая терапия, молодые реформаторы, примирение и согласие, красно-коричневые, равноправное партнерство и др. Метафорическое представление социальной действительности: частотность криминальной, военной, бестиальной метафоры, метафоры болезни. Стилистическое снижение политической речи. Иноязычное влияние на уровне слов и лексической сочетаемости. Продуктивность антонимических отношений. Изменения в жанровой структуре политической коммуникации. Новые символы государственной власти.

Новейшая политическая коммуникация (2000–2007 гг.). Существенное обновление лексического состава русского политического дискурса, своеобразная перегруженность синтагматических связей ключевых слов, превращение общезыковых слов в политические термины, изменение соположения значений слов в языковом сознании социума, возникновение новых синонимических связей, отражающих актуализацию и изменения семантики слов; нейтрализация эмоционального фона политических речей, ослабление продуктивности антонимических оппозиций.

Тема 7. Речевые портреты советских политических лидеров

Тематическая направленность произведений В. И. Ленина. Конструктивные принципы индивидуального стиля: научность, доступность, простота изложения, ясность, категоричность, полемическая острота, экспрессивно-эмоциональная аранжировка. Жанровая система. Ключевые слова выступлений В. И. Ленина: власть, интерес, цель, принцип, истина, вера, справедливость, ценность. Риторические приемы: разоблачительные и иронические кавычки, тройной повтор, усложненные повторы, метафоры, аналогия, цитирование, обобщения, гиперболы, дистинкция, контраст.

Тематическая направленность выступлений И. В. Сталина. Коммуникативные стратегии презентации власти в выступлениях И. В. Сталина. Ключевые слова Сталина: я, правильный, ясный, ошибка, головотяп(ство), вредитель(ство), уклон, линия, борьба, победа. Конструирование полисемии слова как средство идеологической борьбы. Жанровая специфика (застольные речи). Речевое воздействие акустики речи. Лаконизм речи: использование плеоназмов и различных видов повторов. Особенности аргументации. Риторические средства: военная и зооморфная метафоры, риторический вопрос, намёк, оксюморон, цитирование. Использование композиционных приемов для упрощения восприятия текста аудиторией.

Тематическое своеобразие выступлений Н. С. Хрущева: защита простого человека, осуждение культа личности Сталина, восстановление ленинских традиций. Жанровая система. Знаменитые речи Н. С. Хрущева: выступление на XX съезде КПСС в 1956 г.; выступление в ООН в 1960 г.; выступление на XXII съезде КПСС в 1961 г. Риторические особенности выступлений Н. С. Хрущева: использование бытовых рассказов для объяснения важных политических решений, метафоричность, просторечия, фразеологизмы, шутки, отступление от темы. Частотность устной спонтанной речи в ситуациях официальной коммуникации.

Тематическое своеобразие выступлений Л. И. Брежнева: противостояние социализма и коммунизма, гиперболизация достижений социализма, построение коммунизма, верность ленинским идеям. Жанровая система. Номинализация, квазисинонимия, семантические оппозиции в речах Л. И. Брежнева. Коллективное авторство. Ритуальность политического общения.

Тематическая направленность выступлений М. С. Горбачева. Ключевые слова: перестройка, гласность, демократия, обновление, плюрализм мнений, демократизация и др. Новая речевая манера советского партийного лидера. Переход от монологических выступлений к диалогическому общению с народом. Знаменитые речи М. С. Горбачёва: выступление на

XXVII съезде КПСС; обращение к народу Президента СССР (Форос, 20.08.1991), прощальная речь (26.12.1991). Сочетание идейного и речевого новаторства с советским новоязом. Метафорическое представление социальной действительности: частотное использование метафор движения, строительства, строения.

Тема 8. Становление жанровой системы президентской речи

Президентский дискурс как сложное многомерное речевое образование: 1) статусно-ролевая природа речевого поведения главы государства; 2) преобладание серьезного модуля общения и социальная обязанность следовать стиливым требованиям формальной (официальной) коммуникации; 3) президентская речь интерпретируется как политическое действие; 4) помимо сообщения и воздействия выступления президента выполняют регулятивную, познавательную функции, а также функцию конструирования общественного мнения; 5) выступления президента принадлежат системе публичных коммуникаций; 6) для выступлений политического лидера характерно сложное взаимовлияние и взаимозависимость устной и письменной формы речи; 7) преобладание речевых ситуаций подготовленного устного выступления политика; 8) президентский текст опосредован СМИ; 9) определенный тематический репертуар; 10) глава государства как субъект речевого действия обладает широкими коммуникативными возможностями; 11) ценностные предпочтения граждан во многом структурируют выступления президента.

Жанровое пространство президентской речи: малые (приветствие, поздравление, телефонный разговор, вступительное слово перед началом переговоров с зарубежными политическими лидерами), средние (выступление, заявление, обращение, беседа, интервью, ответы на вопросы журналистов, подход к прессе, статьи, пресс-конференция) и крупные речевые формы (послание, прямая линия, ежегодное интервью большому числу журналистов). Новые жанры. Жанры, с которыми может выступать только глава государства: торжественная речь на церемонии вступления в должность президента, Послание высшему законодательному органу, кризисная речь (объявление войны), прощальная речь. История инаугурации как политически значимого события в США и России. Сопоставительный анализ инаугурационных выступлений Б. Н. Ельцина и В. В. Путина. Анализ инаугурационных выступлений российских и американских президентов. Послание Федеральному собранию как программная речь президента России.

Тема 9. Речевые портреты российских президентов

Особенности выступлений Б. Н. Ельцина (тематика, жанровая система, речевое поведе-

ние, ключевые слова, способы речевого воздействия). Новые жанры президентского дискурса: инаугурационная речь, послание Федеральному собранию, интервью большому количеству журналистов, радиообращения, прощальная речь. Знаменитые речи Б. Н. Ельцина: пленум ЦК КПСС (октябрь 1987 г.); XXVIII съезд КПСС (июль 1990 г.); обращение к гражданам России во время августовского путча 1991 г.; прощальная речь (31.12.1999). Важные государственные документы: Декларация независимости России (1991 г.), указ о роспуске Компартии РСФСР (23 августа 1991 г.), Конституция РФ (12.12.1993 г.). Риторические особенности выступлений Б. Н. Ельцина: диалогичность, категоричность, образность, повышенная эмоциональность, эллипсис, антитеза.

Дискурсивные особенности выступлений В. В. Путина: категорическая императивность, осложненные повторения, кавычки, усиление рациональной аргументации, парцелляция, особая логичность высказывания, модальность долженствования, отвлеченность, влияние административно-управленческого и юридического дискурсов, статика, усиление аналитических принципов построения речевой структуры, усиление влияния экономических ценностей, концептуальный взгляд на мир. Ключевые слова: рубеж, стратегическое партнерство, ключевая задача, эффективное государство, сильная Россия, рядовой гражданин. Новые жанры президентского дискурса: интервью в режиме реального времени в Интернете, ответы на вопросы граждан России в прямом теле- и радиоэфире «Прямая линия с Президентом России», ответы на вопросы граждан иностранных государств (Украина) «Прямая линия с Президентом России».

Тема 10. Особенности парламентской коммуникации в России

Номинация высшего законодательного органа России как языковой механизм идеологической борьбы. Коммуникативные цели парламентской речи: информация, убеждение, побуждение к действию, несогласие, поправка. Классификация парламентской коммуникации: речи информационного характера, речи аргументативно-аналитического характера, речи императивного характера. Жанры парламентской речи: доклад, выступление, реплика, официальный депутатский запрос, вопрос, информация, дискуссионное выступление. Слово в парламентском общении. Особенности парламентской речи в разные исторические периоды (дореволюционный, советский, период перестройки, 2000-е гг.). Ритуальностью речевого поведения vs (пере)убеждение аудитории в целесообразности и необходимости социально-политических перемен. Речевые портреты партийных лидеров (Б. Грызлов, В. В. Жириновский, Г. А. Зюганов, С. М. Миронов).

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная литература

1. *Гаврилова М. В.* Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). СПб., 2004.
2. Политические коммуникации: Учебное пособие для студентов вузов. Под ред. А. И. Соловьева. М., 2004.
3. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика. Учебное пособие. М., 2006.
4. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.

Дополнительная литература на русском языке:

1. *Баранов А. Н., Казакевич Е. Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.
2. *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2000.
3. *Гринберг Т. Э.* Политические технологии: ПР и реклама: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2006.
4. *Денисов П. Н.* Язык русской общественной мысли конца XIX – первой четверти XX вв. М., 1998.
5. *Дмитриев А. В., Латынов В. В., Хлопьев А. Т.* Неформальная политическая коммуникация. М., 1997.
6. *Ильин А., Кадацкий В. Ф., Никифоров К. В., Пихоя Л. Г.* Отзвук слова. Из опыта работы спичрайтеров первого президента России. М., 1999.
7. Культура парламентской речи. М., 1994.
8. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык. Екатеринбург-Пермь, 1995.
9. *Левин Ю. И.* Семиотика советских лозунгов // Левин Ю. И. Поэтика. Семиотика. Избр. труды. М., 1998.
10. *Лысакова И. П.* Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование. СПб., 2005.
11. *Михальская А. К.* Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996.
12. *Романенко А. П.* Советская словесная культура: образ ратора. М., 2003.
13. *Руженцева Н. Б.* Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004.
14. *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 2003.
15. *Стернин И. А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
16. *Ушакин С. А.* Речь как политическое действие // Полис. 1995. № 5.
17. *Хазагеров Г. Г.* Политическая риторика. М., 2002.
18. *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. М., 2006.
19. *Юдина Т. В.* Теория общественно-политической речи. М., 2001.

Литература на иностранных языках:

20. *Ealy S.* Communication, Speech and Politics. Washington, 1981.

21. *Edelman M.* The Symbolic Uses of Politics. Urbana, 1972.

22. *Edelman M.* Political Language: Words that Succeed and Policies that Fail. NJ., 1977.

23. *Fairclough N. L.* Discourse and Social Change. Cambridge, 1992.

24. Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991 / Ed. by P. A. Chilton. Amsterdam, 1998.

25. Politically Speaking: a Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere / Ed. by O. Feldman. NY., 1998.

26. *Shapiro M.* Language and Political Understanding: The Politics of Discursive Practices. New Haven, Conn., 1982.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ

Предполагается следующая самостоятельная работа студентов:

а) чтение научной литературы по предмету (см. хрестоматия);

б) выполнение следующих практических работ:

«Сравнительный анализ художественного и политического текстов»;

«Речевой портрет политика»;

«Система аргументации в выступлении политика»;

«Риторический образец политической речи»;

«Определение коммуникативной технологии»;

«Определение жанра политического текста»;

«Определение жанров президентской риторики»;

«Сопоставительный анализ речей главы государства»;

«Речевые особенности парламентских дебатов»;

тест, проверяющий умение определять авторство политической речи.

Хрестоматия

Тема 1. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. – М., 2004. – С. 18-68.

Тема 2. *Юдина Т. В.* Теория общественно-политической речи. – М., 2001. – С. 13-39.

Тема 3. *Хазазеров Г. Г.* Политическая риторика. – М., 2002. – С. 25-31, 172-190.

Тема 4. Политические коммуникации: Учебное пособие для студентов вузов. Под ред. А. И. Соловьева. – М., 2004. – С. 98-186.

Тема 5. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. – М., 2004. – С. 232-286.

Тема 6. *Ермакова О. П.* Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 2000. – С. 32-66; *Купина Н. А.* Тоталитарный язык. – Екатеринбург-Пермь, 1995. – С. 6-52; *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над рус-

ским языком последних лет (1917–1926). – М., 2003. – С. 5-27.

Тема 7. *Денисов П. Н.* Язык русской общественной мысли конца XIX – первой четверти XX вв. – М., 1998. – С. 140-156; *Вайскопф М.* Писатель Сталин. – М., 2000. – С. 125-198.

Тема 8. *Гаврилова М. В.* Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). – СПб., 2004. – С. 15-35.

Тема 9. *Гаврилова М. В.* Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). – СПб., 2004. – С. 117-223.

Тема 10. *Баранов А. Н., Казакевич Е. Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.

ФОРМЫ КОНТРОЛЯ

Текущий – фронтальные опросы, выполнение заданий для самостоятельной работы.

Срезовой – выполнение аттестационного теста (см. образец аттестационного теста).

Итоговый – зачет в форме проведения мини-конференции.

Образец аттестационного теста по курсу «Политическая коммуникация XX в.»

Аттестационный тест содержит десять вопросов по пройденным темам и варианты ответов. Тест проверяет знания основных теоретических положений курса. На аттестационный тест отводится 20 минут в ходе десятой лекции.

1. Политическая коммуникация – это

а) сфера вербальной коммуникации, относящаяся к области протекания политических процессов во всем ее жанровом многообразии;

б) взаимодействие (прежде всего, знаковое), служащее целям комфортного существования в среде, состоящей из имеющих свои цели и интересы их отстаивания субъектов;

в) философия управления обществом.

2. Основная функция политической коммуникации – это

а) борьба за власть;

б) регуляция поведения адресата;

в) распространение информации;

г) «определение повестки дня»;

д) проекция в будущее и прошлое.

3. Специфика политической коммуникации заключается в преобладании

а) индивидуального адресата;

б) группового адресата;

в) массового адресата.

4. Кто автор модели политической коммуникации: коммуникатор – сообщение – канал – реципиент – эффект?

а) Т. Ньюкомб;

б) Г. Лассуэл;

в) Вестли – Маклин.

5. Какая коммуникативная технология не относится к маркетинговым способам организации политического дискурса?

- а) политическая реклама;
- б) политический PR;
- в) политическая пропаганда;
- г) информационный лоббизм.

6. Кто автор определения дискурса как комплексного коммуникативного события, происходящего между говорящим и слушающим (наблюдателем) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном, социо-культурном и пр. контексте.

- а) Т. ван Дейк;
- б) Е. И. Шейгал;
- в) М. В. Ильин.

7. Обмен информацией между институтами, структурами, группами, принадлежащими одному уровню организации власти – это

- а) вербальная политическая коммуникация;
- б) горизонтальная политическая коммуникация;
- в) формальная политическая коммуникация.

8. Форма односторонней и монологической организации информационных потоков в сфере власти, формирующаяся без учета мнений реципиента и на основе остро критического отношения коммуникатора к позициям своих конкурентов – это

- а) политическая агитация;
- б) политическая пропаганда;
- в) манипуляция.

9. Какое свойство политической коммуникации описывается в следующем фрагменте текста: «...проявляется в том, что неопределенность выступает в качестве специфического для политического (профессионального) языка явления. Подлинный смысл многих политических высказываний понятен только избранным».

- а) эзотеричность;
- б) фидеистичность;
- в) неопределенность;
- г) авторитетность и дистанцированность.

10. Русское красноречие в своих истоках было

- а) торжественным;
- б) судебным;
- в) совещательным.

Ключи: 1б, 2а, 3в, 4б, 5в, 6а, 7б, 8б, 9а, 10а.

Требования к зачету:

К сдаче письменного зачёта допускаются студенты, набравшие в течение семестра от 65 до 85 баллов (см. положение о рейтинговой системе оценки знаний студентов).

Рейтинговая система оценки знаний студентов

Рейтинговая система оценки знаний студентов представляет собой интегральную оценку результатов следующих видов деятельности студента: 1) посещение лекций (конспектирование и познавательная активность);

2) своевременное выполнение практических работ; 3) успешное выполнение аттестационного теста.

Для каждого показателя рейтинга установлено определенное количество баллов:

- 1) посещение лекции – 3 балла;
- 2) своевременное выполнение практической работы – 6 баллов;

3) успешное написание аттестационного теста – 15 баллов. Аттестационный тест состоит из 10 заданий, каждое из которых оценивается по 1,5 балла. Тест считается успешно выполненным, если студент набрал минимум 9 баллов, т.е. правильно ответил на 6 вопросов теста.

Максимально возможное количество баллов – 100, из которых 48 баллов (посещение лекций), 37 баллов (выполнение шести практических работ), 15 баллов (аттестационный тест).

К сдаче письменного зачёта допускаются студенты, набравшие в течение семестра от 65 до 85 баллов. «Зачёт автоматом», освобождающий от письменного зачёта, получают студенты, набравшие 85 баллов и выше.

За дополнительные, не предусмотренные программой виды деятельности студентов (доклады на конференциях, участие в СНО и олимпиадах и др.), предусматриваются премиальные баллы максимум – 10 баллов.

ФИО студента	Лекция 1	Лекция 2 и т.д.	Аттест. тест	Практ. работа 1	Практ. работа 2 и т.д.	Итого
Иванов И.И.	3	3	15	5	5	100

Форма зачета

К сдаче зачёта допускаются студенты, набравшие в течение семестра от 65 до 85 баллов. «Зачёт автоматом», освобождающий от зачёта, получают студенты, набравшие 85 баллов и выше (см. положение о рейтинговой системе).

Зачёт проходит в форме мини-конференции. Студенты объединяются в группы по 2–3 человека. Каждая группа выступает в качестве докладчика и в качестве дискуссанта. Группа готовит сообщение по одному из контрольных вопросов к зачёту. Сообщение должно быть представлено дискуссантам за неделю до проведения конференции в мультимедийной форме. Каждой группе докладчиков назначается группа дискуссант, в задачу которой входит оценка содержания сообщения, а также пояснительные вопросы либо критические замечания.

Контрольные вопросы к зачету по курсу «Политическая коммуникация»

1. Сущность и специфика политической коммуникации.

2. Структура, средства и модели политической коммуникации.
3. Функции политической коммуникации.
4. Системообразующие признаки политической коммуникации.
5. Типология политической коммуникации.
6. Политическая коммуникация в информационном обществе.
7. Взаимозависимость политического высказывания и политического действия.
8. Особенности русского риторического идеала.
9. Специфика политической риторики.
10. Традиции русского политического красноречия.
11. Политическая пропаганда: сущность, отличительные признаки, функции, типы.
12. Сущность и отличительные особенности агитации. Агитационные технологии.
13. Политический PR.
14. Политическая реклама.
15. Создание имиджа политика и политической партии.
16. Политический брендинг.
17. Информационный лоббизм.
18. Опишите жанровую систему политической коммуникации.
19. Опишите основные черты одного из жанров политической коммуникации: композиция, тематическое своеобразие, языковые особенности.
20. Опишите жанровую систему президентской речи.
21. Отличительные особенности президентской риторики.
22. Опишите основные черты одного из жанров президентской риторики: композиция, тематическое своеобразие, языковые особенности.
23. Речевые средства воздействия на аудиторию.
24. Критерии эффективности публичного выступления политика.
25. Риторические особенности выступлений В. И. Ленина.
26. Риторические особенности выступлений И. В. Сталина.
27. Риторические особенности выступлений Н. С. Хрущева.
28. Риторические особенности выступлений Л. И. Брежнева.
29. Риторические особенности выступлений М. С. Горбачева.
30. Риторические особенности выступлений Б. Н. Ельцина.
31. Риторические особенности выступлений В. В. Путина.
32. Дискурсивное пространство политической коммуникации в 1917–1924 гг.
33. Дискурсивное пространство политической коммуникации в 1924–1953 гг.

34. Дискурсивное пространство политической коммуникации в 1953–1964 гг.
35. Дискурсивное пространство политической коммуникации в 1964–1982 гг.
36. Дискурсивное пространство политической коммуникации в 1985–1991 гг.
37. Дискурсивное пространство политической коммуникации в 1991–1999 гг.
38. Дискурсивное пространство политической коммуникации начала XXI в.
39. Дискурсивные особенности парламентской речи в России.
40. Риторические особенности выступлений лидера одной из российских политической партии.

© Гаврилова М. В., 2008

Иванова С. В., Садуов Р. Т.
Уфа, Россия

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК
ОБРАЗЕЦ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ
(О СПОСОБАХ КЛАССИФИКАЦИИ
МАНИПУЛЯТИВНЫХ УЛОВК)**

Abstract

The article focuses on the classification of the means of manipulation. It attempts at introducing two classifications which used psychology and political science as the bases. On the basis of psychology the classification presupposes the distinction between the deep structure and surface levels. On the basis of political science the classification implies the division into the manipulation strategies and devices. Also the authors dwell upon certain interrelation between the two classifications and suggest their own explanation of the semblance found.

Целью данной статьи является классификация способов манипуляции, к которым прибегает адресант в процессе политической коммуникации. Материалом анализа служат британские СМИ. Предметом исследования выступает манипуляция, которая понимается как «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко 1997: 59]. Целью такого манипулирования в политическом дискурсе является «преобразование языковой картины мира в сознании адресата, пробуждение в нем необходимых эмоций и побуждение избирателей к политической активности» [Чудинов 2006: 71].

В ходе работы нельзя было не заметить существования двух тенденций, наметившихся при анализе способов манипуляции: в некоторых случаях имеет место их простое перечисление, в других, наоборот, предлагаются самые разные классификации, выделенные на разных основаниях и, следовательно, значительно отличающиеся друг от друга. Такое положение объясняется тем, что исследователь имеет дело с очень большим и разнородным материалом. Сюда входят разные по своей природе, интенсивности, длительности и глубине воздействия способы – и их очень сложно привести к единой системе. В связи с этим вопрос систематизации способов манипуляции по-прежнему остается открытым.

По этой причине была предпринята попытка представить две классификации, отличные от существовавших ранее. Предлагаемые в настоящей статье классификации имеют разные основания, но, тем не менее, обладают структурным сходством. Данные классификации не претендуют на окончательность и закрытость, напротив, это открытые системы – они лишь дают направление для упорядочивания способов манипуляции. По большому счету, составить полную и закрытую классификацию на

данный момент не представляется возможным, в первую очередь, по причине того, что не существует единой терминологии в этой области. Разные авторы дают разные названия одним и тем же способам, акцентируя тем самым определенную «грань» или степень воздействия, и бывает сложно разобраться об одних и тех же ли приемах идет речь. Так, например, прием «коммуникативный саботаж» в разных работах получает название «тематическое переключение» (Е. Л. Доценко) или «логическая диверсия» (Ф. А. Кузин). «Имплицатуры» (М. Ю. Федосюк) также именуются «скрытыми генерализациями» (О. Н. Быкова). Подобных примеров можно привести множество. Более того, очень часто границы этих понятий весьма размыты, и уловить разницу между ними сложно, а, порой, и невозможно. Следовательно, включить в классификацию все известные на настоящий момент способы манипуляции было бы некорректно, поскольку это может привести к «наложению» терминов, то есть одно и то же явление будет внесено в список под разными названиями. Более того, спорным станет и то, какой именно из аналогичных терминов необходимо опустить. Отсюда, наиболее логичным является представление открытой классификации, которая в любой момент может быть дополнена еще одним способом манипуляции.

Первая из классификаций представлена в Таблице 1. В основу ее положено психологическое основание. Способы манипуляции в ней разделяются в зависимости глубины воздействия на подсознание человека на два уровня: глубинный и поверхностный. Способы манипуляции обоих уровней находят манифестацию в речи, тем не менее, манипуляции глубинного уровня, в отличие от манипуляций поверхностного уровня, вербализуясь, реализуют связь с подсознанием человека.

Таблица 1.
Способы манипуляции по глубине воздействия

Способы манипуляции	
Глубинный уровень	Поверхностный уровень
Затрагивают глубинные структуры сознания	Поверхностные структуры, служащие для «украшения» речи
<ul style="list-style-type: none"> • Политические мифы; • Театральность; • Теория заговора; • Магия слова; • Магия имени; • Аббревиатура • и др. 	<ul style="list-style-type: none"> • Паралогические риторические приемы в манипулятивной функции; • Нарушение постулата количества с целью манипуляции; • Стилистические приемы; • Приемы неправдоподобного описания в манипулятивной функции; • и др.

Глубинный уровень предполагает включение механизмов, которые проникают вглубь сознания, оказывают влияние на подсознание человека. Здесь необходимо вспомнить аналитическую психологию К. Г. Юнга и его понятие «коллективного бессознательного». Сам автор давал такое определение данному термину: «*Коллективное бессознательное* есть та часть психики, которая отрицательным образом может быть отличена от личностного бессознательного тем фактом, что в отличие от последнего оно не обязано своим существованием личному опыту и, следовательно, не является персональным приобретением» [Юнг 1995: 71]. Таким образом, в бессознательном Юнг выделял личное бессознательное, сформированное на основе нашего опыта, и коллективное, которое досталось нам по наследству от предков и одинаково для всех людей. Автор этой теории утверждал, что «содержание коллективного бессознательного в основном представлено архетипами» [Юнг 1995: 71]. Последние являются его «неотъемлемым коррелятом» [Юнг 1995: 72]; или другими словами, «архетип – это пустая форма, которая должна выводиться или извлекаться посредством абстракции из класса известных по опыту образов и символов» [Коан 2006: 41]. При этом сам автор подчеркивал, что его термин и до своего появления имел аналоги: «мотивы» в исследованиях по мифологии, «representations collectives» (коллективные представления) у Леви-Брюля, «категории воображения» (Юберг и Мосс) в сравнительном религиоведении и т.д. Все это говорит о том, что К. Г. Юнг – не единственный, кто обратил внимание на существование подобных структур в сознании человека. Эти структуры «проявляются во многих ситуациях, местах, орудиях, событиях наших сновидений, определяя соответствующие мотивы фольклора» [Коан 2006: 41]. Архетипы глубоко сидят в сознании каждого человека. Они универсальны, хотя у каждого народа есть свои архетипические особенности: «сформировавшись, они сопровождают народ на протяжении всего исторического пути» [Цуладзе 2003: 60.] Их следы можно найти в истории, мнениях, высказываниях, былинах и даже сказках, которые нам читали в детстве.

Миф также основан на архетипах. К. Юнг утверждал, что «мифы репрезентируют врожденное коллективное бессознательное с универсальными символами и архетипами, а не личное бессознательное» [Заслоу 2006: 401]. По этой причине к глубинному уровню представленной классификации можно отнести политические мифы. По определению А. Цуладзе, «*политический миф* – это миф, используемый для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства» [Цуладзе 2003: 56]. Благодаря наличию в мифах архетипов достаточно «вписаться» в какой-либо из них, для того

чтобы получить «ключ» к каждому из тех, к кому обращаешься. Г. Почепцов добавляет: «Миф предстает пред нами как сценарий развертывания имиджа, в котором сразу заполняются до этого пустые роли друзей и врагов главного героя. Миф является целой конструкцией, в этом его принципиальная выгодность, поскольку большое число нужных характеристик теперь будут всплывать автоматически. В случае подключения мифа уже нет необходимости порождать как бы целые тексты, можно только намекать, подсказывая существенные характеристики, подводящие массовое сознание к тому или иному мифу». [Почепцов 2001: 105-106].

Доказательством справедливости вышесказанного служит следующее высказывание:

E.g. We have before us *an ordeal of the most grievous kind*. We have before us *many, many long months of struggle and of suffering*. You ask, what is our policy? I can say: It is to wage war, by sea, land and air, *with all our might and with all the strength that God can give us; to wage war against a monstrous tyranny, never surpassed in the dark, lamentable catalogue of human crime* (Churchill 1940).

Этот пример – яркая иллюстрация того, как надо выстраивать миф. Здесь присутствуют основные компоненты политического мифа: герой, кому благоволят какие-то силы (божественные, природные) или который наделен каким-либо необычайным свойством, и антигерой, чье присутствие необходимо по тем причинам, что миф – явление динамичное, в нем все время должна происходить какая-то борьба. Впервые, здесь есть образ героя – это нация, включая самого премьер-министра. Этому герою <нации> благоволят божественные силы, он силен (*with all our might and with all the strength that God can give us*). Во-вторых, предстоящая борьба – борьба чрезвычайно сложная (*We have before us an ordeal of the most grievous kind. We have before us many, many long months of struggle and of suffering*), но чрезвычайно важная, потому что ведется против Зла в образе тирании (*wage war against a monstrous tyranny*). Если присмотреться, то мы увидим, что это типичный сюжет так хорошо знакомых нам сказок, поэтому он так нам близок.

Следующий способ манипуляции глубинного уровня получил такую характеристику в работе А. А. Распаева: «*политическая театральность* представляет собой совокупность театральных приемов, перенесенных на «политическую сцену», является неотъемлемым свойством политики, дает возможность, используя театральную основу, воздействовать на публику для достижения политических целей» [Распаев 2007]. При этом, как отмечает Е. И. Шейгал, «общая ролевая структура коммуникативного акта (адресант – адресат) про-

ецируется на архетипную семиотическую оппозицию «свой – чужой» и конкретизируется в вариантах: «друг (союзник, сторонник) ↔ враг (оппонент, вредитель, предатель)» [Шейгал 2000].

Существует и иная точка зрения на театральность. Так, К. Берк выделил четыре основных мотива человеческой коммуникации: иерархия, вина, принесение в жертву и спасение. «С их помощью, в частности, можно описывать развитие политических процессов: иерархия воплощает социальный порядок, отклонение от существующего порядка рождает ощущение вины, от которого избавляются, нанося козла отпущения, воплощающего социальное зло, и принося его в жертву, то есть устраняя «плохого» политика – грехи испулены, зло побеждено, происходит переоценка ценностей и устанавливается новый порядок» [Шейгал 2000].

Таким образом, театральность также затрагивает глубинные структуры подсознания. Она направлена на то, чтобы создать «символическую реальность» [Цуладзе 2003: 203], которая помогает держать «зрителей политического театра» в повиновении.

Что касается *теории заговора*, то данный способ манипуляции близок политическому мифу, строится по тем же канонам. Отличие состоит в основном в том, что у теории заговора более узкая основная цель – дискредитировать оппонента. Теория заговора не «расхваливает» носителя мифа (впрочем, скрытая похвала тоже имеет место – ведь не каждому по силам вникнуть в планы «врага»), а критикует носителя другого мифа.

Рассмотрим следующий пример:

E.g. Put simply, September 11 2001 changed everything. Three thousand people died on the streets of New York. They did so as a result of a terrorist, suicide mission. The mission was planned and organised by the Al Qaida group out of a failed state, Afghanistan, thousands of miles away. The state was run by a fanatical, religiously motivated dictatorship, the Taleban. Even now, the bald facts of what happened are utterly extraordinary. <...>

Eighteen months later, with Saddam consistently refusing to abide by UN Resolutions and with alarm at the proliferation of chemical, biological and nuclear weapons, Iraq was invaded. This time it was more difficult and more costly. Nonetheless, Saddam was removed within 3 months, again by the exercise of overwhelming military firepower.

What was unclear then but is very clear now is that what we were and are confronted with, is of a far more *fundamental character* than we supposed. September 11 wasn't the incredible action of an isolated group, a one-off strike masterminded by Osama Bin Laden. It was the

product rather of a world-wide movement, with an ideology based on a misreading of Islam, whose roots were deep, which had been growing for years and with the ability to mount a radically different type of warfare requiring a radically different type of response. What we face is not a criminal conspiracy or even a fanatical but fringe terrorist organisation. We face something more akin to revolutionary Communism in its early and most militant phase. It is global. It has a narrative about the world and Islam's place within it that has a reach into most Muslim societies and countries. It adherents may be limited. Its sympathisers are not. It has states or at least parts of the governing apparatus of states that give it succour (Blair 2007).

Перед нами пример развертывания теории заговора. Здесь создается образ врага, с которым лицом к лицу столкнулась Британия (о роли Америки – почти ни слова, хотя именно она пострадала больше всего и была самым активным участником войны в Ираке). Для создания этого образа используются всевозможные характеристики: эта организация-враг носит фундаментальный характер (*fundamental character*), это не просто движение, а движение, охватившее весь мир (*a world-wide movement*) – теперь Британии придется, в качестве одной из стран демократий, стран «добра», в меньшинстве, бороться со злом по всему миру (спасать мир), у идеологии этого движения глубокие корни, и росло это движение не один год (*whose roots were deep, which had been growing for years and with the ability to mount a radically different type of warfare requiring a radically different type of response*) – прямая аналогия со многими сказаниями, где Зло появляется не из «Ниоткуда», а является результатом длительного развития, незаметного для героя.

Также Блэр проводит аналогию терроризма с коммунизмом. Дело в том, что трудами многих поколений политиков до Блэра в умах людей Запада на протяжении десятилетий складывался остро негативный образ коммунизма-врага, и поэтому сравнить коммунизм и терроризм – значит пробудить негативные эмоции в сердцах людей и невольно заставить их самих сравнить старого врага и врага нового, сравнить и найти сходство, потому что и тот, и другой, как их учили, несет зло. Таким образом, выстроилась стройная история о том, как против Запада целенаправленно и планомерно готовилась агрессия, которая вылилась в 11 сентября 2001 года.

Магия слова – еще одна разновидность скрытого воздействия. Это, пожалуй, самый простой способ достать из подсознания нужные структуры – ведь достаточно употребить нужное слово, или, как его называет А. Цуладзе, «ритуальную формулу или магическое заклина-

ние» [Цуладзе 2003: 102]. В каждой стране или в каждой цивилизации они разные. В странах Запада, например, это «свобода», «демократия», «конституция» и т.п.. На жителей России эти слова действуют плохо. Во всяком случае, пока. В нашей стране, в силу определенных исторических условий, еще не сложилось какого-то особого, трепетного, отношения к указанным ценностям «свободного мира». Однако же люди Запада, слыша эти слова, ощущают нечто, что заставляет их чувствовать по-иному и поступать в соответствии с теми архетипами, которые есть в каждом из них и которые пробуждаются этими словами-ярлыками. Это как раз пример вышеназванного случая с «архетипическими особенностями» отдельных наций.

Обратимся к примеру:

E.g. Its <Taliban> ideology is anti-democratic, anti-freedom, anti-everything that makes modern life so rich in possibility (Blair 2007).

Такие ценности, как демократия и свобода очень популярны в странах Запада. Они вызывают целое множество ассоциаций и представлений, характерных именно для данного общества. Поэтому любое посягательство кем-либо на них рассматривается как прямая угроза самой безопасности западной цивилизации. В заключительной части своей речи Блэр выражает уверенность, что нация будет бороться с угрозами демократии, терроризмом, несмотря ни на что:

E.g. ... to be as willing to fight terrorism and pay the cost of that fight wherever it may be... (Blair 2007).

Схожий с предыдущим способ обращения к глубинным структурам – это *магия имени*. Как отмечает А. Лосев, «имя вбирает в себя от именуемого все его личностные свойства». За именем человека всегда скрывается его жизнь, его поступки, идеи, которых он придерживался, эпоха, целая страна, в конце концов. Трепетное отношение к имени идет еще от первобытного мышления человека. Дж. Фрэзер писал: «Первобытный человек, не будучи в состоянии проводить четкое различие между словами и вещами, как правило, воображает, что связь между именем и лицом или вещью, которую оно обозначает, является не произвольной и идеальной ассоциацией, а реально и материально ощутимыми узлами, соединяющими их столь тесно, что через имя магическое воздействие на человека оказать столь же легко, как через волосы, ногти или другую часть тела» [Фрэзер 2006: 324-325]. Такое отношение к имени человека – это то, что нам досталось от предков, то, что изначально заложено в наше коллективное бессознательное. Достаточно вспомнить, что если опереться в своих рассуждениях на какой-

либо авторитет, то высказанная мысль приобретает вес и значение. При этом мало кто вдаётся в подробности о том, правильно ли была высказана мысль, и правильно ли она была интерпретирована говорящим.

В качестве примера приведем отрывок речи У. Черчилля:

E.g. ...and as *Kipling* well says, we must "...meet with Triumph and Disaster. And treat those two impostors just the same."
Never yield to force; never yield to the apparently overwhelming might of the enemy (Churchill 1941).

Здесь Черчилль апеллирует к словам Р. Киплинга. Возможно, они не несут особой «героической нагрузки», но всем известно, что Киплинг писал стихи милитаристского толка, где призывал сражаться с врагом, беречь честь мундира. Это как раз тот случай, когда политик использует «магию имени». Дело в том, что, назвав одно только имя этого писателя, Черчилль возвал ко всем чувствам, которые вызывают стихи самого Киплинга. И как итог, он дал, по сути, установку никогда не поддаваться врагу (*Never yield to force; never yield to the apparently overwhelming might of the enemy*).

Большой силой воздействия обладают и *аббревиатуры*: когда человек их слышит, в его сознании возникает определенный образ того, что скрывается за ними. Взять хотя бы «НАТО» или «НКВД»: удивительно, сколько любви и ненависти, сколько ассоциаций может быть вложено в эти четыре буквы. «В пользу» аббревиатур как структур, восходящих к глубинам подсознания, говорит и тот факт, что они могут выступать как отдельные слова, обладающие собственным значением, репрезентирующие определенные понятия, организации, структуры. Очень часто мы знаем, что примерно означает аббревиатура, что за ней стоит, но не можем расшифровать ее: в ход идут ассоциации и самое общее «понятие» о том, что обозначает аббревиатура. Хотя, конечно, данный способ манипуляции нельзя полностью отнести к коллективному бессознательному. Это может быть и личное бессознательное, если основано на личном опыте человека. Более того, нужно заметить, что разные аббревиатуры имеют разную силу воздействия. Так, всем известные акронимы, за которыми стоят мощные структуры, организации, известные своей деятельностью, обладают максимальной силой воздействия в силу наличия обширной аудитории, которой известна данная аббревиатура. Менее известные аббревиатуры, соответственно, «слабее», но и они способны вызывать ассоциации и противоречивые чувства людей.

Таким образом, способы манипуляции, представленные на глубинном уровне класси-

фикации, всегда затрагивают подсознание человека.

Поверхностный уровень призван привлечь внимание, акцентировать мысль, уйти от прямого ответа. Это поверхностные структуры, служащие для «украшения» речи. Данные способы манипуляции нужны для того, чтобы воздействовать на слушателя, не затрагивая глубинных слоев сознания, их используют для того, чтобы сделать речь гладкой и красивой.

Количество способов манипулирования, которые можно отнести к данной ветви не поддается строгому учету, поэтому перечислить их здесь невозможно, да и вряд ли уместно. Достаточно будет указать основные их группы, выделенные Г. А. Копниной. Во-первых, это *паралогические риторические приемы*, которые «представляют собой осознанные и целенаправленные отклонения от законов и правил формальной логики» [Копнина 2007: 66]. Сюда можно отнести, например, *трюизм* [Копнина 2007: 70], основанный на том, что политик начинает свою речь со всеми принятых, нейтральных сообщений, усыпляющих бдительность адресата, а затем открыто высказывается. В этом случае сообщение воспринимается не как вызов, попытка к конфронтации (хотя часто таковой является), а как плавное продолжение мысли политика. Очень часто текст практически полностью может опираться на данный прием. В этот же раздел Г. А. Копнина поместила *коммуникативный саботаж (логическое переключение* (Е. Л. Доценко) или *логическая диверсия* (Ф. А. Кузин), который используется в диалоге при необходимости уйти от прямого ответа, проигнорировать сам вопрос или подменить его смысл, отвечая не на то, что было спрошено, а на то, чем была совершена подмена; и многие другие способы манипулирования.

Во-вторых, *нарушение постулата количества с целью манипуляции*. В данный раздел относятся такие приемы как *апозипеза* (намеренное недоговаривание), *аллюзия* (намек на общеизвестный факт), *генерализация сторонников точки зрения говорящего* (по терминологии М. Ю. Федосюк), когда автор сообщения намеренно говорит «мы», вместо «я» и не уточняет, кто подразумевается под этим «мы», и многие другие.

Третий раздел включает *стилистические приемы*, основанные на «прагматически мотивированном отклонении от языковой норма, ее стилистически нейтрального варианта или речевой нормы» [Копнина 2007: 81]. Это прежде всего *метафора*, эмоционально-оценочные слова – *аффективы*, прием *нагромождения терминов*, используемый для сокрытия информации и т.д.

Последний тип – *приемы неправдоподобного описания в манипулятивной функции*, которые представляют собой «отклонения от кон-

цептуальной картины мира, то есть от стандартного представления человека о бытии» [Копнина 2007: 94], Сюда относят всевозможные парадоксальные предположения [Копнина 2007: 65-94].

Наряду с обозначенным подходом к классификации способов манипуляции возможным представляется и иной взгляд на построение искомой классификации. Вторая классификация представлена в Таблице 2: в ее основе заложена значимость способов манипуляции в процессе политической коммуникации, их «политическая ценность». Данная классификация предполагает наличие **манипулятивных стратегий и манипулятивных приемов**. Выглядит она следующим образом:

Таблица 2.
Стратегии и приемы манипулирования

Способы манипуляции	
Стратегии	Приемы
<ul style="list-style-type: none"> • Политические мифы; • Театральность; • теория заговора; • и т.д. 	<ul style="list-style-type: none"> • Паралогические риторические приемы в манипулятивной функции; • Нарушение постулата количества с целью манипуляции; • Стилистические приемы; • Приемы неправдоподобного описания в манипулятивной функции; • Магия слова; • Магия имени; • Аббревиатура; • и др.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу предлагаемой классификации подчеркнем, что в связи с отсутствием единой терминологии представляется логичным в данной случае использовать термин «способ» манипулирования в качестве самого общего и широкого по смыслу. Согласно словарю Ефремовой «способ» употребляется в двух значениях: 1. **Образ** действий, прием, метод для осуществления, достижения чего-либо. 2. **Возможность**, средство, реальные условия для осуществления чего-либо [Словари и энциклопедии]. Таким образом, с одной стороны «способ» охватывает все стороны и аспекты манипулирования, т.е. такие термины, как «технология», «прием», «метод», «стратегия», «тактика» и др. манипулирования, а с другой – не пересекается с терминологическими системами других исследователей и дает возможность по-новому взглянуть на возможности группировки способов манипулирования, разделяя их на «стратегии» и «приемы». При этом оба термина получают несколько иное истолкование и назначение. Для того чтобы обосновать правомерность исполь-

зования терминов применительно к данной классификации, обратимся к словарям:

- В толковом словаре Даля «стратегия» - ж. *греч.* наука войны; ученье о лучшем расположении и употреблении всех военных сил и средств.

- В толковом словаре Ефремовой «стратегия» - 1. Наука и искусство ведения войны. // *Общий план ведения войны и боевых операций.* 2. *перен.* Искусство руководства общественной и политической борьбой масс. // Искусство планирования какой-либо деятельности, основанное на точных прогнозах.

В специальных словарях также дается определение данного понятия:

- В словаре финансовых терминов «стратегия маркетинга» - выбор перспективной цели производственно-сбытовой деятельности предприятия, форм ведения конкурентной борьбы и концепции маркетинга, рассчитанных на достижение максимальной эффективности работы предприятия на длительный период времени.

- В словаре терминов антикризисного управления «стратегия» - общий, всесторонний план достижения целей [Словари и энциклопедии].

Можно сделать вывод, что составляющими понятия «стратегия» являются такие компоненты значения, как наилучшее расположение и употребление имеющихся средств, планирование, точный прогноз, длительный период времени, на который рассчитано планирование или действие, задел на будущее.

Следовательно, в «стратегии» попадут способы, которые рассчитаны на длительный период действия, которые определяют всю политическую карьеру отдельного политика либо же политику целого государства, иногда на долгие годы вперед, то есть политические мифы, театральность и теория заговора.

Что касается понятия «прием», то в толковом словаре Ушакова этот термин имеет несколько значений: 1. Только единичное действие по глаголу «принять». *Прием пакетов. Приём радиотелеграммы. Приём на детекторном приемнике.* 2. Тот или иной характер встречи, оказываемый кому/чему-нибудь, способ, каким принимают, встречают кого/что-нибудь. *Гостям был оказан радушный прием.* 3. Принятие, поглощение какой-нибудь порции (лекарства) в один раз. 4. Отдельное движение, действие, являющееся законченным элементом какого-нибудь процесса, работы, деятельности. *Она в три приема вынула все из чемодана.* 5. Способ, образ действий при выполнении чего-нибудь. *Ловкие приемы жонглера. Приемы фехтования* [Словари и энциклопедии].

Для нас в данном случае актуально слово «прием» в пятом значении, как способ действия. «Прием» предполагает способы манипуляции, которые используются для «сиюминутной выгоды», «украшения» высказывания, для того

чтобы отвлечь внимание или уйти от прямого ответа.

Надо отметить, что помимо терминов «стратегия» и «прием» в политической лингвистике можно найти и другие термины для обозначения способов манипуляции, как например: «механизм», «тактика» и «технология». Однако представляется, что имеются явные расхождения между данными терминами и тем, что получило название манипулятивных приемов в рамках данной классификации. Так, «механизм» в словаре Ефремовой имеет три основных значения: 1. *Устройство* машины, прибора, аппарата и т.п., приводящее их в действие. 2. *Совокупность* состояний и процессов, из которых складывается какое-либо физическое, химическое, физиологическое и т.п. явление. 3. *перен.* Система, устройство, определяющие порядок какого-либо вида деятельности или процесса [Словари и энциклопедии].

Очевидно, что в нашем случае мы можем опираться только на третье значение, поскольку первые два относятся к областям сугубо техническим. Но и в третьем значении «основой» для термина является алгоритмичность действия, заранее заведенный порядок, действующий сам по себе, без вмешательства посторонней силы, что совершенно неприемлемо для способов манипуляции. Здесь не может быть точных алгоритмов, устанавливающих порядок действия. Именно поэтому представляется необходимость поиска более удачной альтернативы данному термину.

Что касается термина «тактика», то здесь можно выделить следующие значения, обозначенные в словаре Ефремовой: 1. *Искусство* подготовки и ведения боя как составная часть военного искусства. // *Подготовка* и ведение боевых операций. 2. *Приемы* и способы борьбы в спорте, в спортивных играх. 3. *перен.* *Совокупность* приемов и средств общественной и политической борьбы при достижении поставленной цели [Словари и энциклопедии].

Может представиться вполне логичным, что термин «тактика» способен заменить термин «прием» для обозначения краткосрочных способов манипулирования, поскольку «тактика» является элементом «стратегии». Тем не менее, как видно, «тактика» является совокупностью приемов, в то время как в классификации рассматриваются отдельные приемы и их воздействие на аудиторию. Следовательно, термин «тактика» является слишком широким в значении, чтобы быть занесенным в предлагаемую классификацию.

Наконец, термин «технология» имеет следующие значения: 1. Научная дисциплина, изучающая способы переработки материалов, изготовление изделий и процессы, сопровождающие эти виды работы. // *Учебный* предмет, содержащий теоретические основы данной науки. // *разг.* *Учебник*, излагающий содержа-

ние данного учебного предмета. 2. Совокупность приемов, применяемых в каком-либо деле, мастерстве, искусстве [Словари и энциклопедии].

Вновь мы имеем дело с совокупностью приемов, поэтому «технология» не может заменить термин «прием» для обозначения краткосрочных способов манипулирования. Так же не может он заменить термин «стратегия» для обозначения долгосрочных способов манипулирования, поскольку в нем опосредованно представлен компонент планирования, прогноза, расчета на будущий период.

Так, рассмотрев альтернативные термины, мы пришли к выводу, что выбранные термины «стратегия» и «прием» являются наиболее приемлемыми для представленной классификации, поскольку оптимально отражают ее концепцию.

Как видно, все перечисленные в данной классификации способы манипуляции (как те, что были отнесены к «стратегиям», так и те, что попали в «приемы») уже были рассмотрены выше. Поэтому представляется, что не имеет смысла останавливаться на них подробно еще раз. Заметим, что между представленными видами систематизации существуют определенные различия и сходства. Отличия обусловлены тем, что классификации имеют разные основания для анализа: психологическое и политологическое, соответственно. В первой классификации во главу угла ставилась глубина проникновения в подсознание аудитории. Во второй – «перспективность» использования того или иного способа, то, насколько этот способ может стать образующим для формирования политической концепции публичного деятеля или государства. Отсюда, если сравнить обе системы, некоторые способы манипуляции во второй классификации «перекочевали» во вторую из рассматриваемых групп, то есть с «глубинного уровня» в первой классификации в «приемы» во второй. Это произошло потому, что не все структуры, глубоко затрагивающие наше сознание, способны стать основой для построения имиджа политика, основой его линии поведения. Из всех подобных способов, представленных здесь, данному критерию соответствуют «политические мифы», «театральность» и «теория заговора». Представляется, что «магия слова», «магия имени» и «аббревиатуры» не влияют на долгосрочность политического амплуа, не являются средствами формирования имиджа.

Способы манипулирования поверхностного уровня в рамках первой из предложенных классификаций и приемы из второй классификации схожи благодаря примерной идентичности функций, которые они выполняют, а именно: привлекают внимание, акцентируют мысль, помогают уйти от ответа, делают речь гладкой и красивой.

Очевидно, что, несмотря на разные основания, предлагаемые классификации, в целом, обнаруживают несомненное сходство. В связи с этим напрашивается вывод о том, что способы манипуляции, направленные на достижение долгосрочного результата (стратегии) в политической коммуникации, затрагивают именно глубинные структуры сознания. Данные структуры обеспечивают выстраивание целостного образа, прочно основанного на имеющихся архетипах и сюжетных каркасах, подстраиваясь под которые, можно создать целую историю о себе, не заботясь о деталях – они сами возникнут в головах тех, для кого предназначены. Приемы же, как и поверхностные структуры, не имеют подобного эффекта. Как правило, они лишь помогают создать такой образ, помогают сделать речь красивее, просто помогают вести беседу, разговор, учат грамотно «выпутываться» из щекотливых ситуаций.

Подводя итог, имеет смысл повторить, что целью статьи явилась попытка классифицировать имеющийся материал по способам манипуляции. Данные классификации составлены на границе лингвистики, психологии и политологии, что является их несомненным плюсом. Представляется, что они могут помочь понять, какие процессы стоят за выбором тех или иных способов манипуляции, и каким именно образом эти способы помогают воздействовать на подсознание аудитории. Более того, представленные классификации не являются застывшими и раз и навсегда устоявшимися, наоборот, они открыты и могут быть дополнены в любой момент способами манипуляции, имеющимися в арсенале лингвистов на данный момент и теми, которые еще будут выделены в будущем. В целом же манипуляция и способы манипулирования как область исследования остается открытой и притягательной для дальнейших научных изысканий в силу своей гетерогенной природы и разнообразия целевых установок участников политической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. – М., 1997.
2. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: Учебник. – М., 2007.
3. Лосев А. Ф. Диалектика мифа: Дополнение к «диалектике мифа» / Сост., общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого; Примеч. В. П. Троицкого. – М., 2001.
4. Почепцов Г. Имиджелогия. – М., 2001.
5. Распаев А. А. Лингвосемиотическая категория театральности в англоязычном политическом нарративе: автореф. дис. ... канд. филологических наук. – Волгоград, 2007 // <http://www.volsu.ru/Volsu/news/diser/avto/avto114.doc>.
6. Фрээр Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Перев. с англ. М. К. Рыклина. – М., 2006

7. Цуладзе А. Политическая мифология. – М., 2003.
8. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. – М., 2006.
9. Шейгал Е. И. Театральность политического дискурса // Единицы языка и их функционирование. – Саратов, 2000. – Вып. 6 // <http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-00.htm>.
10. Юнг К. Г. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / Сост. В. В. Зеленский, А. М. Руткевич. – М., 1995.
11. Заслоу Р. Мифы // Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха; Науч. ред. А. А. Алексеева. – 2-е изд. – СПб., 2006. – С. 401.
12. Коан Р. В. Архетипы // Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха; Науч. ред. А. А. Алексеева. – 2-е изд. – СПб., 2006. – С. 41-42.
13. Словари и энциклопедии // <http://dic.academic.ru>.
14. Blair Tony Our Nation's Future - the role of work // <http://www.number-10.gov.uk/output/Page11405.asp>.
15. Churchill Winston Address at Harrow School, 29 October 1941. ("Never give in, never, never, never") // <http://www.ryanandassociates.com.au/speeches6.htm>.
16. Churchill Winston First Speech as Prime Minister, British House of Commons 13 May 1940 ("I have nothing to offer but blood, toil, tears and sweat.") // <http://www.ryanandassociates.com.au/speeches4.htm>.

© Иванова С. В., Садуов Р. Т., 2008

Иньиго-Мора И.

Севиля, Испания

Перевод: Аникина Т. В.

**ТАКТИКИ ВЕЖЛИВОГО ПОВЕДЕНИЯ
НА ЗАСЕДАНИЯХ БРИТАНСКОГО
И ИСПАНСКОГО ПАРЛАМЕНТОВ**

Abstract

The author compares the ways of expressing politeness, that are used by the representatives of the British and Spanish parliaments. The author concludes that there are some national peculiarities in the tactics of polite behavior.

Эскандель-Видал (Escandell-Vidal, 1996) отмечает, что в последнее время наблюдаются существенные изменения в способах изучения языковых форм. На протяжении нескольких лет считалось, что тактики вежливого поведения универсальны, но их анализ, проведенный в различных культурах, опроверг это. В языках существует большое количество различий не только в употреблении лингвистических форм, но и в тактиках, используемых при общении.

Обнаружив эти изменения, я поставила целью своей работы показать, как своеобразное поведение представителя определенной куль-

туры влияет на его язык. Материалом для исследования послужили парламентские заседания в Испании и Великобритании. Я провела сопоставительный анализ тактик, используемых английскими и испанскими политиками на этих заседаниях.

Выбор материала обусловлен следующими причинами. Во-первых, заседание парламента – это общественное событие, для которого характерны определенные правила поведения. Я предположила, что при его анализе выступлений парламентариев выявятся важные различия и/или сходства между двумя культурами в отношении того: а) какие ценности выбираются для реализации этих правил поведения; б) как политики нарушают или придерживаются правил; с) как манипулируют языком, чтобы достичь заданных политических целей. Во-вторых, как отмечал Вильсон, «...язык политиков не просто передает сообщение, но создает для слушателя контролируемую познавательную среду, в которой возможна любая интерпретация» (Wilson: 1991:11). В итоге, я надеюсь, что данная работа выявит универсальные и специфические тактики вежливого поведения в рассматриваемых странах.

1. Вступление

Прежде всего, остановимся на понятии универсальности тактик, используемых при общении, а именно: В каком случае тактика является универсальной? Что является показателем универсальности? Существуют различные точки зрения на эту проблему.

Например, если бы мы попросили кого-то подумать, как он/она опишет машину, которую нужно продать, первое, что он/она спросит: кто потенциальный покупатель: это продавец магазина, кто-то незнакомый или мой друг, который хочет купить машину?» Выбор тактик поведения зависит от ситуации. При более детальном рассмотрении мы бы пришли к выводу, что большинство из нас используют различные высказывания, несмотря на то, что в некоторой степени мы все имеем общие культурные корни. Почему мы используем различные языковые формы при общей цели или задаче (продать что-то), одной и той же ситуации (та, которую мы смоделировали) и одинаковых культурных корнях?

Эскандель-Видал (Escandell-Vidal, 1996: 634) говорит о том, что существуют три положения, которые поддерживают все когнитивные теории: 1) разум – символическая система, включающая ряд образов; 2) знания человека – комплексная система положений, упорядоченных правил; 3) восприятие, поведение и понимание во многом зависят от предыдущих знаний. Поэтому становится ясно, что личности, несмотря на общие культурные корни, выбирают различные ценности из своего набора образов, когда определяют свои тактики так, как

«... человек формирует знания на основе своего жизненного опыта и использует эти знания, чтобы предугадать интерпретации и отношения, касающиеся новой информации, событий и опыта» (Escandell 1996:625). Это объясняет, почему существует огромное количество вариантов не только языковых форм, но и тактик, которые используются при вербальной коммуникации¹. Это показывает, почему две личности с одинаковыми культурными корнями имеют гораздо больше общего, чем две другие из разных сообществ.

Таким образом, цель моей работы – показать как принадлежность к той или иной культуре влияет на язык. Именно поэтому, я выбрала две одинаковые ситуации, единственное отличие которых – культурные и лингвистические корни. Я ограничила свою работу изучением парламентских заседаний, где все участники, по крайней мере, в теории, преследуют одну и ту же цель: получить определенную информацию от адресата. Итак, я анализирую тактики, используемые английскими и испанскими политиками во время Часа вопросов. Результаты помогут нам по-новому взглянуть на проблему. Главная цель этой работы – не предложить полный список всех тактик вежливого поведения, используемый политиками в палате Общин и парламенте Андалусии, а указать на наличие существенных отличий.

2. Анализ

При проведении исследования я предприняла следующие шаги:

(1) Я собрала данные из двух официальных докладов (a) *Diario de Sesiones (1995) Parlamento de Andalucia. Sesión Plenaria n. 33, IV Legislatura*. 13 декабря, № 63, стр. 3686-3720; (b) *Hansard (1996) Parliamentary Debates (Oral Answers) House of Commons Official Reports*. 27 февраля, № 58, стр. 703-716. Следует отметить, что оба заседания проходили примерно в одно время, с целью избежать различий, связанных с временными рамками.

(2) Я ограничила свою работу до 14 вопросов в каждом корпусе.

(3) Так как я увидела, что ответы на испанские вопросы были намного длиннее, чем на английские, я сосчитала слова в каждом корпусе, чтобы каждый ответ имел одно и то же количество слов.

(4) Затем я рассмотрела другие свойства², которые могли бы показать некоторые сходства и/или отличия между двумя корпусами: дополнительные вопросы³, общие вопросы, специальные вопросы или вопросы по существу, глаголы и личные местоимения, используемые в вопросах, вводные предложения, риторические вопросы.

(5) После этого я оценила частотность свойств в каждом корпусе и/или то, как они выражены в каждом языке.

(6) В итоге, я проанализировала причины, которые вынуждают парламентариев поступать по-разному в тех случаях, где различия принимались во внимание.

Таблица 1.
Различия в языке британских и испанских парламентариев

	британский	испанский
дополнительные вопросы	вопросы	высказывание личного мнения + вопрос
общие вопросы	92,9%	31,2%
специальные вопросы или вопросы по существу	7,1%	68,8%
личные местоимения, используемые в вопросах	“He” – он традиционное обращение “The secretary of State” – “Министр” “My right hon.” – “Достопочтенный” “The minister” – “Министр” “My right hon. gentleman” – “Достопочтенный джентльмен”	“Usted” – “Вы” Специальное глагольное окончание, обозначающее форму вежливого обращения.
вводные предложения	_____	постутверждения: “Yo le quisiera hacer una reflexión y una pregunta” – “Я хотел бы высказать свои мысли и задать вопрос.” “Y yo se lo pregunto” – “И я спрашиваю вас об этом”

² Хотя я предварительно приняла во внимание больше свойств, в итоге я ограничила своё изучение этими двумя, так как: а) они показывают различия, которые наиболее заметны, и поэтому они приведут нас к более четким результатам; б) я думал, что эти факторы были напрямую связаны с выражением своего Я, и поэтому они могли бы показать различия и/или сходства между особенностями в поведении в обеих культурах; с) я думал, что было целесообразней ограничить анализируемые свойства так, чтобы работа была более точна.

³ Или последующие вопросы, которые задает министр, когда он/она понимает, что на его/её вопрос дан неполный ответ, и поэтому он/она запрашивает дополнительную информацию.

¹ Например, в сопоставительной работе, выполненной Nwoye (1992:327) автор приходит к заключению, что «Доказательства, представленные в двух сопоставительных работах, таких как Strecker, Эфиопия, Ide (1989) и Matsumoto (1989) на японском, так же как и у Gu (1990) на мандарийском наречии китайского языка, показывают, что техники вежливости, в общем, и представления личности, в частности, воспринимаются и реализуются различными способами в данных культурах».

		"Digame usted" – "Вы говорите" предутверждения: "Digalo" – "Говорите"
вопросы, на которые ответил сам спрашивающий	_____	3

Первое отличие касается того, как члены парламенты задают дополнительные вопросы. Британские министры предпочитают использовать вопросительные предложения, в то время как испанские чаще излагают свои собственные мнения о предмете обсуждения и только затем задают вопросы. Во всех анализируемых вопросах испанского корпуса количество слов, предусмотренных для анализа, оказалось больше. Тем не менее, они были приняты во внимание, так как выявили важные свойства тактик, используемых политиками.

Кроме этого, были обнаружены отличия и в способах постановки вопросов. Британские парламентарии предпочитают использовать закрытый тип вопроса (общие вопросы), тогда как испанские парламентарии используют, в основном, открытый тип вопросов (специальные вопросы или вопросы по существу). В действительности общие вопросы, заданные британскими политиками составили 92.9%, у испанских этот тип вопросов составил 31.2% от общего числа примеров. В английском корпусе были обнаружены следующие вопросы:

- (1) "Does the Secretary of State appreciate ...?" – Принимает ли министр во внимание, что ...?
- (2) "Does the right hon. Gentleman realise ...?" – Осознает ли Министр, что ... ?
- (3) "Will the right hon. Gentleman join ...?" – Поддержит ли нас министр ... ?
- (4) "Does the Minister accept ...?" – Согласен ли министр ...?
- (5) "Is he aware that ...?" – Осведомлен ли он, что ...?
- (6) "Does he agree that ...?" – Согласится ли он, что ...?
- (7) "Does my hon. Friend agree that ...?" – Согласен ли наш почтенный друг, что ...?
- (8) "Will he ensure that ...?" – Гарантирует ли он, что ...?
- (9) "Is my right hon. Friend aware that ...?" – Осведомлен ли наш почтенный друг, что ...?
- (10) "Would it not be better if ...?" – Будет ли лучше, если ...?
- (11) "Would it not be helpful ...?" – Не будет ли бесполезно ...?
- (12) "Does my hon. Friend agree that ...?" – Согласен ли наш высокоуважаемый друг, что ...?

(13) "What plans are there to provide ...?" – Какие меры принимаются...? (Эти единственные случаи, использования вопроса по существу).

В испанском корпусе были найдены следующие вопросы⁴:

- (1) "Por que no se han celebrado ...?" – Почему не были проведены ...?
- (2) "Como puede anunciar ...?" – Как можно объявить ...?
- (3) "Como puede decir ...?" – Как он может говорить ...?
- (4) "Pero como es posible ...?" – Но как это возможно ... ?
- (5) "Como es posible ...?" – Как это возможно ... ?
- (6) * "Le parece etico presentarles ...?" – Ему кажется этически представлять ...
- (7) "Como les explica ...?" – Как они объяснили ... ?
- (8) "Cuales son las consecuencias ...?" – Какие последствия ... ?
- (9) "En que se ha plasmado ...?" – В чем он проявился ...?
- (10) "Que medidas en torno al ...?" – Какие шаги предприняты ... ?
- (11) "Donde esta el ...?" – Где он находится ... ?
- (12) * "Es que la economia andaluza ...?" – Является ли экономика Андалусии ... ?
- (13) * "Es que los ultimos datos ...?" – Разве последние данные ... ?
- (14) * "Son eso, indiscutiblemente, razones ...?" – Является ли это причиной ... ?
- (15) "Que ha ocurrido en este tercer ...?" – Что произошло в третьем ... ?
- (16) * "Me quiere usted decir que me va a decir ...?" – Вам сказали, что ... ?

Приведенные примеры показывают, насколько по-разному политики используют одни и те же тактики, пытаясь получить информацию. В результате исследования выяснилось, что британские парламентарии были более заинтересованы в получении информации по определенному вопросу, а не в выражении своего собственного мнения, что напротив является характерным для испанских парламентариев. Британские политики предпочитают использовать общие вопросы в большей степени с целью устрашения адресата⁵. Вопросы по существу дают более широкий спектр возможностей,

⁴ Звездочка обозначает общие вопросы.

⁵ Или его чувства собственного достоинства. Brown and Levinson (1987:13) объясняют эту концепцию следующим образом: ... [личность] включает в себя два специфических вида желаний («хотения личности»), предъявляемых коммуникантами друг к другу: желание не встречать препятствий в своих действиях (негативная личность) и желание (в некотором отношении) быть одобренным (положительная личность).

а общие вопросы выражают некую угрозу по отношению к адресату. Это подтверждается еще и тем фактом, что большинство глаголов⁶, используемых в вопросах, – это глаголы, которые вынуждают адресата выражать свою личную позицию. Данные глаголы показывают, что адресат либо понимает проблему, либо он/она согласен с позицией адресанта. Такие способы постановки вопросов ироничны и выражают угрозу в отношении адресата. Данную тактику можно объяснить так: очевидно, что министр, которому задают вопрос, должен быть осведомлен о том, что происходит в министерстве. Цель подобного вопроса – поставить министра в неловкое положение, когда он может ответить только либо «Нет. У меня нет данных по этой проблеме», либо «Да. Я знаком с проблемой». Оба ответа дискредитируют министра и вынуждают его/ее находить веские аргументы для ответа. В случае отрицательного ответа, это означает, что министр знаком недосконально с проблемами министерства. При положительном ответе, это означает, что, несмотря на то, что он/она знакомы с проблемами министерства, сам факт, что его/ее спросили об этом, говорит о том, что возможно он/она игнорирует их.

Для того чтобы не попасть в неловкое положение адресант использует иную тактику – остаться сдержанным в своих действиях. Он/она не использует местоимения второго лица *you* – вы, когда задает вопрос, а чаще употребляет форму местоимения третьего лица *he* – он, или такие традиционные формы обращения, как: “The Secretary of State, my right hon Gentleman, the Minister, my right hon” и т.д. В данном случае дистанция между адресантом и адресатом увеличивается, и поэтому подобное употребление системы личных местоимений рассматривается как негативная тактика вежливости⁷. Тем не менее, следует отметить, что когда член парламента задает вопрос министру, он/она вынужден употребляет эту форму (она обязательна⁸). Подобное правило показывает существенное отличие между двумя парламентами.

Испанские парламентарии используют другие тактики для достижения своих целей. Как

⁶ Это такие глаголы как: appreciate – оценивать, понимать; realize – понимать, осознавать; join – присоединяться; accept – принимать; is aware that (дважды) – быть осведомленным; agree (4 раза) – соглашаться; ensure – гарантировать, удостоверить.

⁷ Brown & Levinson (1987:70) определяют негативную вежливость следующим образом: «Негативная вежливость, таким образом, по существу, ни на чем не основывается, а реализация таких тактик заключается в убеждениях, что говорящий признает и уважает негативные желания получателя и не (или только минимально) будет вмешиваться в его свободу действий. Следовательно, негативная вежливость характеризуется самоуничтожением, соблюдением установленных норм и правил, сдержанностью, вниманием к ограниченным выражениям твердости своего имиджа, концентрируемых на желании быть свободным в своих поступках».

⁸ Так как все вопросы адресованы Спикеру.

уже было отмечено выше, они предпочитают открытые специальные вопросы или вопросы по существу. Таким образом, степень угрозы по отношению к адресату ниже. В отличие от британских, испанские политики предпочитают употреблять вежливую форму местоимения второго лица «usted»⁹ или специальное глагольное окончание, которое подразумевает использование скрытого «usted». Таким образом, адресант обращается к слушателю в открытой форме. В этом случае адресат находится в неловком положении потому, что ему/ей задают вопрос таким образом, что при ответе вся ответственность ложится на него/нее.

Кроме этого, испанские политики используют специальные вводные предложения, которые запугивают адресатов, так как они не оставляют им никакого выбора (кроме, как ответить на поставленный вопрос). Это такие предутверждения как “Yo le quisiera hacer una reflexion y una pregunta” – “Я хотел бы высказать свои мысли и задать вопрос.”, “Y yo se lo pregunto” – “И я спрашиваю вас об этом”, “Digame usted” – “Вы говорите” и такие постутверждения как: “Digalo” – “Говорите”. В данном случае уровень утрашения возрастает за счет использования повелительных глагольных форм, которые ставят адресата в крайне неловкое положение. Соответственно, дистанция между адресантом и адресатом уменьшается; явление противоположное тому, которое было рассмотрено в британском корпусе.

Последнее отличие касается назначения вопросов. В британском корпусе, человек, задающий вопрос, не дает на него ответа. В испанском корпусе я обнаружила три случая, когда тот, кто задал вопрос, сам на него отвечает. Таким образом, использование риторических вопросов для испанских политиков более приемлемо, чем для британских. В этих случаях цель вопросов не столько получить информацию, сколько высказать свое мнение по проблеме. Тенденция испанских парламентариев выражать свои собственные мнения, когда это возможно, была отмечена ранее.

3. Заключение

Данная работа показывает, что как британские, так и испанские политики искали средства поставить адресата в неловкое положение. Однако тактики, которые они использовали, существенно отличаются. Итак, мы можем согласиться с Эскандель (Escandell, 1996:647), которая говорит: «Концепция межличностных отношений (то есть дистанция и власть) и намерения личности (с положительными и негативными сторонами) – это важнейшие составляющие любой системы вежливого поведения; к тому

⁹ Так же как и во французском языке, в испанской системе местоимений существуют формы *tu/vous*: “*tu*” используется в неформальной обстановке, форма “*usted*” в официальной.

же различия между культурами зависит от выбора ценностей».

Таким образом, в существующих характеристиках человеческих взаимоотношений есть универсалии (O'Driscoll 1996:5): человечество вовлечено в межличностные отношения, и как результат этого, оно использует тактики для достижения определенных целей. У личности есть негативные и позитивные желания, которые она вынуждена удовлетворять, а их составляющие и выбор обусловлены культурой.

ЛИТЕРАТУРА:

Brown P. and Levinson S. (1987) *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: C.U.P.

Diario de Sesiones (1995) *Parlamento de Andalucia. Sesión Plenaria n. 33, IV Legislatura*. 13rd December, number 63, pp. 3686-3720.

Escandell-Vidal, M. V. (1996) "Towards a Cognitive Approach to Politeness" in *Language Sciences*, 18: 3-4, pp. 629-650.

Gu, Y. (1990) "Politeness Phenomena in Modern Chinese" in *Journal of Pragmatics*, 14: 2, pp. 237-257.

Hansard (1996) *Parliamentary Debates (Oral Answers) House of Commons Official Report*. 27 February, vol. 272, n. 58, pp. 703-716.

Ide, S. (1989) "Formal Forms and Discernment: Two Neglected Aspects of Universals of Linguistic Politeness" in *Multilingua*, 8: 2-3, pp. 223-248.

Matsumoto, Y. (1989) "Politeness and Conversational Universals: Observations from Japan" in *Multilingua*, 8: 2-3, pp. 207-221.

Nwoye, O. G. (1992) "Linguistic Politeness and Socio-Cultural Variations of the Notion of Face" in *Journal of Pragmatics*, 18: 4, pp. 309-328.

O'Driscoll, J. (1996) "About Face: A Defence and Elaboration of Universal Dualism" in *Journal of Pragmatics*, 25: 1, pp. 1-32.

Strecker, I. (unpublished manuscript) "Cultural Variations in the Notion of Face".

© Иньиго-Мора И., 2008

**Маркес А. К.,
дель Мар Ривас Кармона М.**

Севиля, Испания

Перевод: Калыгина М. Ю.

ДИСКУРС ЛЕГИТИМИЗАЦИИ В СИТУАЦИЯХ КОНФЛИКТА: ЯЗЫК И ВЛАСТЬ ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ

Abstract

This paper will try to analyse the main characteristics of conflict discourse. We will do so through the analysis of the discourse generated after September 11 by President George W. Bush, Islamic leader Osama bin Laden and the Revolutionary Communist Party. We will also include in our corpora a complimentary text: the speech by Pope Urbano II to the Franks proclaiming the first Crusade in the 11th century in an attempt to generalise our conclusions. We consider that the idea of community is basic in the design of political conflict discourse. In this sense, the dichotomy pertence/non-

pertence to such community conforms an important tool for persuasion.

В данной работе мы попытаемся проанализировать основные характеристики конфликта на примерах выступлений президента Дж. Буша, исламского лидера Осамы Бен Ладена и представителей революционной коммунистической партии после событий 11 сентября 2001 года. С целью обобщить наши выводы, работа дополнена текстом речи Папы Римского Урбана Второго к франкам, призывавшего к участию в первом Крестовом походе в XI веке. Мы считаем, что сообщества являются основополагающими в устройстве политического конфликта. В связи с этим дихотомия релевантность – нерелевантность к такому сообществу служит важным средством убеждения.

Ключевые слова: политический дискурс, критический анализ дискурса, конфликт, интеграция, сегрегация, убеждение, формальные признаки.

Введение

Политический дискурс является частью культуры, принадлежит к политической традиции и поэтому может рассматриваться как институциональный дискурс. В этой работе исходным условием является то, что человеческая природа – общий фактор во всех культурах и поэтому существует несколько общих признаков, проанализировав которые, можно выделить некоторые главные признаки.

В данной работе подробно рассмотрены различные стратегии убеждения, которыми пользовались политические и духовные лидеры в моменты политического кризиса. Стратегии убеждения строятся главным образом на узаконивании ответных атак на врага, представленного жестоким и несправедливым. Чтобы добиться такого узаконивания, должен быть создан отрицательный образ «другого», который в свою очередь является смыслом слова «непохожесть».

Структура работы и методология

Работа состоит из текстов, принадлежащих к разным периодам истории, включая современность. Основные тексты: 1) телевизионное выступление Буша 11 сентября 2001 г.; 2) брошюра революционной коммунистической партии США; и 3) речь Осамы Бен Ладена спустя три недели после атаки, переведенная на английский язык в средствах массовой информации. Соответственно, политическим кризисом, который лежит в основе анализа, является террористическая атака Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке и Пентагона в Вашингтоне, округ Колумбия, а также последовавшая политическая реакция на дискурсивном уровне.

В работе представлены несколько дополнительных текстов для иллюстрации некоторых

идей исследования. Это речь Папы Урбана Второго к франкам, объявляющего о первом Крестовом походе в XI веке, а также коммунистические и пацифистские призывы в Интернете.

В данной работе мы опираемся на дискурсивный анализ [Fairclough 1989, 1995; Van Dijk 1995, 1997, 2003]. В частности, мы следуем модели, представленной Норманом Фэйрклоу в работах «Language and Power» [1989] и «Критический дискурсивный анализ» [1995]. Эта модель соответствует одному из основных подходов в области дискурсивного анализа и также подходит для анализа дискурса, главным образом политического, где наиболее значимы отношения власти.

Модель Фэйрклоу различает три уровня анализа: *описание, интерпретация и объяснение*. Уровень описания наибольшим образом связан с текстом. Здесь проводится анализ грамматических, семантических и стилистических особенностей текста. Интерпретация является когнитивным уровнем анализа. Исходным условием интерпретации служит то, что «тексты создаются и интерпретируются на фоне предположений здравого смысла, которые придают текстовым характеристикам их ценность» [Fairclough 1989: 140]. Стадия объяснения предполагает рассмотрение дискурса как части социальной борьбы и как способ показать, что отношения власти определяет дискурс.

Исследование

В нашей работе мы остановимся на описательной стадии, в частности, выделим общие стратегии убеждения в ситуации военных конфликтов через анализ грамматики текста. В исследовании грамматики Фэйрклоу рассматривает эмпирическую, относительную и эксплицитную ценность. В нашей работе мы учитываем эмпирическую и относительную ценность.

1. Эмпирическая ценность грамматических особенностей.

Эмпирические аспекты грамматики относятся к методам, в которых грамматические формы языка кодируют события или отношения в мире, людей или животных или вещи, вовлеченные в эти события, а также их пространственные и временные обстоятельства, способ появления и т.д. [Fairclough 1985]. Они могут иметь следующие грамматические различия: активные и пассивные конструкции, неполные и полные предложения, утвердительные и отрицательные предложения.

1.1. Активные и пассивные конструкции

Активные конструкции предполагают нейтральный смысл, тогда как пассивные отображают некоторое намерение. Иногда агент выражен неявно, с целью завуалировать действие или причинную связь. Пассивные структуры могут также употребляться для избегания дубли-

рования [Fairclough 1985]. В любом случае, существует причина для использования пассивных структур, обусловленная целью текста.

Анализируемые тексты были созданы для того, чтобы убедить людей в позиции, принятой по отношению к ситуации кризиса. Кризис включает в себя дихотомию, состоящую из несправедливого противника/причины конфликта и жертвы/восстановителя справедливости. Во всех этих примерах мы увидим, что пассивные структуры используются либо для критики причины, либо для легитимизации способов решения проблемы, обычно предлагаемых говорящим. Эта легитимизация необходима, так как в большинстве случаев разрешение проблемы предполагает разрушение причины, что требует морального согласия населения, особенно, если причина – человек.

Текст А. Речь, с которой Буш выступил по телевидению вечером 11 сентября, назовем «текст А».

Уже в первом параграфе действие было установлено непрямо, не через пассивную конструкцию, но скорее через непереходный глагол косвенным способом. Так как действие является главным в пассивной структуре, проанализируем ее.

«Добрый вечер. Сегодня наши соотечественники, наша жизнь, наша свобода подверглись серии спланированных и смертоносных террористических атак».

В самом начале речи агент или причина атак точно установлен. Место, которое занимает составляющее причины в предложении, позволяет говорящему выделить любую информационную часть. В этом случае причина ясна, так как говорящий решил поставить ее в конец предложения [Downing 1992].

Тон говорящего очень мелодраматичен, что достигается повторением. Говорящий использует три параллельные именные группы, содержащие притяжательное местоимение первого лица множественного числа. Эту структуру также можно найти в других американских политических речах. Например, 8 декабря 1941 г., на следующий день после того, как японцы атаковали Перл Харбор, президент Франклин Рузвельт произнес речь на совместном заседании обеих палат Конгресса США, обращаясь с просьбой признать состояние войны. Эта речь известна как «Война началась». Среди прочего, Рузвельт заявляет: «Военные действия уже ведутся. Не вызывает сомнения тот факт, что наш народ, наша земля и наши интересы в смертельной опасности». Речь, состоящая из трех частей, является блестящим ораторским примером, так как дает слушателям чувство полной завершенности. Законченные структуры не нуждаются в дальнейшей доработке [Atkinson 1984]. Кроме того, в речи Буша мы встречаем два прилагательных, которые абсолютно неуместны (террористические атаки по своей природе являются

тщательно спланированными (*deliberate*) и смертоносными (*deadly*)). И для того чтобы придать предложению определенную музыкальность, используется аллитерация, оба слова начинаются со звука /d/. Созданный таким образом тон еще повторится в речи.

«Тысячи жизней были вмиг оборваны жестокими, бесчеловечными террористическими актами». Агенса описывается как сверхъестественная разрушающая сила. Обобщенная характеристика слова «зло» как абстрактный объект, наделенный могучей силой и относящийся к нескольким реальным мужчинам и женщинам, резко отличается от количественного описания жертв. «Тысячи» – это не точное количество жертв, но это слово производит большее впечатление, чем какая-то определенная цифра. В тот вечер еще не было известно точное количество жертв, однако данное число производит сильное впечатление.

Здесь также представлен религиозный контекст, а террористы и зло тесно переплетены в словах автора. Слово «террор» морфологически связано со словом «террорист», а семантически относится к слову «зло».

«Великий народ был вынужден встать на защиту великой нации». В этой строчке президент Буш выражает свои ожидания по поводу реакции населения. Но делает он это не прямо, а намеками. Здесь мы имеем пассивную конструкцию, в которой агент не определен. Он появляется только спустя два параграфа, в которых агентами выступают террористы. Смысл в том, что причиной являются террористы и реакция населения неминуема. Это не просьба, а само собой разумеющийся факт. Защита страны – это не вопрос выбора, террористы силой заставили Соединенные Штаты защищаться.

«Америка была выбрана мишенью для атак, потому что мы – ярчайший маяк свободы и возможностей в мире». В этом предложении субъект нерелевантен, в противном случае он был бы повторяющимся, а дело все в причине атак. Эта причина – величие страны, что, в момент политического кризиса носит с одной стороны положительный характер, а с другой – террористы – отрицательный. Движущая сила зла – зависть, а религиозные темы будут обсуждаться ниже.

Текст Б. В то время как Буш пытается демонизировать террористов и избавиться от всякого возможного обвинения в ответственности за теракты, Бен Ладен взывает к Священной Войне. Он требует мести от имени Бога, и, поэтому, ему нужно любым способом привлечь Всевышнего к событиям, которые только что произошли.

«Это Америка, пораженная Богом в одно из самых уязвимых мест. Ее величественные здания были разрушены, спасибо, Господи, за это. Это Америка, полная страха от северных границ до южных, от запада до востока. Спасибо,

Господи, за это». Эта структура совсем не скрывает действия, она его подчеркивает. Однако описанное действие умело сконструировано, так как террористы на тот момент упоминаются не как агенты атак, а как сам Бог. Этот факт подтверждает, что действия людей Бен Ладена являются всего лишь инструментами Бога, а Бен Ладен со своей правдивостью и авторитетностью – Его верным последователем и оратором.

Почти тысячу лет назад, Папа Римский Урбан II также призывал к Священной Войне, к первому Крестовому походу. По этому случаю, Папа Римский также обращался к Богу как источнику решения сразиться с врагом. Он начал свою речь с того, что назвал себя посланником Бога, *“yo Urbano, como mensajero de la admonición divina, se me ha impuesto venir con Uds, a quienes juzgo como camareros de los ministerios de Dios”* [цитата Фулберто де Картриса, Vento 1994] [«Я, Урбан, как знак божественного предостережения, был послан вам, слугам Божьих желаний»].

Позже, как и Бен Ладен, Урбан представляет перечень преступлений, не свойственных агенту, что может рассматриваться как основа для любого действия в ответ, *“nuestros hermanos Cristianos, socios en Cristo, son azotados, oprimidos y dañados en Jerusalén...la sangre cristiana, redimida por la sangre de cristo, ha sido derramada y el cuerpo cristiano, igual que el cuerpo de Cristo, ha sido sometido a una degradación y servidumbre incalificable.”* [цитата Балдрика де Доля, Vento 1994], [«наши Христианские братья, соратники Христа, подвергаются бичеванию, угнетению и страданиям в Иерусалиме Была пролита Христианская кровь, спасенная кровью Христа, и Христианское тело, подобно телу Христову, было подвергнуто передаваемым пыткам и истязаниям»].

В данном примере целью является сохранить параллелизм между страданиями Христа и страданиями Христиан, которые были свидетелями речи Папы Римского Урбана II. Единственная проблема заключается в том, что агенты разные, и поэтому о них не говорится.

В случае с Бен Ладеном используется та же самая техника, «Его сыновья убиты, его кровь пролита, его храмы подверглись нападению». Здесь Америку обвиняют в действиях против ислама. Однако США не довели их до конца, но смысл в том, что они несли ответственность за свои поступки.

Текст С. Третий текст, который нам предстоит проанализировать – брошюра Революционной Коммунистической партии (РКП), назовем его «текст С». В этом тексте мы обнаруживаем следующее употребление пассивных конструкций: «Война вернулась домой. Даже если Всемирный торговый центр и Пентагон и были символами экономической и военной власти США, то реальность такова, что в результате

погибли множество ни в чем неповинных людей». В данном предложении отсутствует действие, так как в следующей строчке сформулирован точный вопрос: «А на ком лежит ответственность? Кто обратил народ Америки на тропу войны?» РКП обвиняет американское правительство в несчастье, принесенном агрессивной внешней политикой. Чтобы сделать обвинение более весомым РКП старается скрыть тот факт, что люди, совершившие нападение, были террористами. Более того, в роли агенса они видят только правительство США.

Итак, все приведенные случаи использования пассивных конструкций направлены на оправдание того, что было сделано или того, что могло быть сделано в ответ. То есть, мы - хорошие; они – плохие и получают по заслугам. Эта идея не нова и присутствует в истории разных стран.

1.2. Действия и участники действий

Эта часть исследования относится главным образом к местоимениям, так как именно эта часть речи чаще всего стоит на месте участника действия.

Терминология, использованная в данной главе, основывается на модели Анджелы Даунинг [Downing, Locke 1992], которая в своей работе ссылается на идеи М. А. К. Халлидэя [1985]. Он разделил процессы на: 1) физические, 2) мыслительные, 3) относительные и 4) вербальные.

Текст А. Речь Буша отмечена сильным оборотом в строке 16 и мягким в строке 36. Первая и последняя части, которые могут рассматриваться как введение и заключение, имеют мелодраматичный тон, благодаря стилистическим приемам и апелляции к стереотипным для американского общества ценностям.

В первых пятнадцати строках местоимение «они» и его эквиваленты (террористические атаки, зло) в норме выполняют роль агентов в физических процессах: «Тысячи жизней были вмиг оборваны злом». Соответственно местоимение «мы» (Америка, наша страна, великий народ) обычно обозначает объект физического процесса («огромные сооружения, обрушиваясь, наполнили нас неверием») или определяет участника процесса («Наша страна сильная»). Однако в двух последних строках этой части (14-15), изменение в ролях предвосхищает оборот, который последует в строке 16. В этих двух строках, местоимение «мы», обозначающее Америку, является участником мыслительного процесса восприятия, а также агенсом физического процесса: «Сегодня наша нация увидела зло», «в ответ мы пожертвовали самым лучшим, что есть у Америки». Соединение этих двух действий в одном предложении описывает ситуацию, в которой предмет реагирует на побуждение, что отличается от его пассивной роли в начале речи.

В первой части нация изображается жертвой мощной и разрушающей силы. Пассивная

роль местоимения «мы» в этой части подчеркивает невиновность США в террористических актах. Однако во второй части внимание акцентируется на том, что страна является сильной и способна защитить своих граждан от врагов.

Во второй части президент как ответственное лицо заявляет то, что аудитория, возможно, хочет услышать в данной ситуации: надежда не потеряна, и виновные в нападении будут наказаны, а подобное не повторится больше никогда. Два последних предложения первой части формируют представления об активной роли страны.

Начиная со строки 16, президент Буш говорит от первого лица. Этой части характерны физические процессы, в которых агенс – это президент и правительственные институты: «Сразу же после первого нападения я привел в действие срочные правительственные ответные планы», «Наши бригады скорой помощи работают в Нью-Йорк Сити и в округе Колумбия, помогая местным спасательным службам». Другая идея в этой части, кроме профессионализма и оперативности, – это продолжительность совершения действия. Аудитории необходимо знать, что ничто не может нанести ущерб богатству страны. Это самая главная ответственность президента, и он принимает меры, чтобы эта мысль была всем понятна.

В третьей части президент объясняет, каких действий он ждет от своего народа в связи с терактом. Сначала он объясняет меры, принятые совместно с другими странами. Президент начинает с макрокосмического представления о мире, «Америка и наши друзья и союзники... мы стоим вместе, чтобы выиграть войну против терроризма». А затем, он рассматривает микрокосмос своего народа и нации. В этой части он возвращается к мелодраматичному тону, в котором начинал свою речь.

Здесь президент Буш становится говорящим и агенсом в вербальном процессе, где религиозный подход является главным действующим лицом. Местоимение «мы» в этом высказывании выступает в качестве агенса действий, которые произойдут в будущем, или, по крайней мере, говорящий принимает факт их будущего свершения. Стратегия «принятие как должное» часто используется президентом Бушем в речи как орудие убеждения.

В этой части мы видим Буша-проповедника, проповедующего своей пастве. В некоторых случаях он просит их активно участвовать: «Я прошу вас молиться за тех, кого мы потеряли» и в некоторых других моментах он описывает ожидаемое поведение: «Это день, когда американцы всех возрастов и профессий объединяются в решимости поддерживать мир и справедливость».

Текст Б. Бен Ладен также выступает в качестве адресанта: «Я молюсь», «Я говорю». Однако эта роль более активна, чем роль Бу-

ша. Последний использует вербалии только в заключении, тогда как в речи Бен Ладена мы прослеживаем их с начала до конца. Причиной этого может служить тот факт, что Бен Ладен является духовным лидером. Он представляется говорящим от имени Бога и его главная роль – это передать желания Бога, приписав себе его силу. Например, в седьмой строке он заявляет: «Бог благословил одну из исламских групп», а затем он молится Богу о благословении. Смысл этого заключается в том, что Бог передает ему свои полномочия.

Бен Ладен приписывает Богу роль агенса, как будто он знает желания и действия Всевышнего. Во второй строке Бог обозначается агенсом разрушения. Даже когда упоминается определенное действие над башнями-близнецами, пассивная конструкция скрывает реальное действие, совершенное группой людей. В религиозном дискурсе очень важным для человека, который представляет себя посланником Бога и просит людей действовать во имя Бога, является с самого начала четко обозначить то, что они будут поступать так, как хочет Бог. Этот факт также можно проследить и в словах Папы Урбана франкам. Например: *“De Uds. en particular hace su petición porque como ya hemos dicho, Dios les ha conferido sobre todas las naciones la gran gloria de las armas.”* [“К вам обратились с просьбой услышать Его молитвы, потому что, как мы уже сказали, Бог даровал вам власть оружия над всеми нациями”]. Здесь, так же как и в предыдущем дискурсе, говорящий представляет себя тем, чья власть исходит от Бога, так как он является его посланником. Людям рассказывают о Божьей воле.

Бен Ладен представляет Бога агенсом, «павшие под ударом Бога», «Когда Бог благословил одну из групп ислама» а пострадавших участников – местоимением «им» в предложении «Да покажет Бог им свой гнев и воздаст по заслугам». Местоимение «им» обозначает Америку и ее союзников. Союзники также представляются как агенты, поддерживающие американские действия: «Они были несправедливы. Они помогли убийце разделаться со своей жертвой, угнетателю добраться до ни в чем не повинного ребенка» и надменно относящиеся к Богу: «Они хотят замахнуться на Бога своими хвостами, чтобы побороть ислам, подавить народ, прикрываясь словами о борьбе с терроризмом» и по этой причине они наказаны Богом. Этот список американских замыслов, согласно мнению Бен Ладена, соединяет преступления, совершенные против народа с преступлениями, совершенными против Бога. Это может означать, что преступления против исламского народа равны преступлениям против Бога, и защитить его – их прямая обязанность.

Текст С. Обратим внимание на местоимение «они». Это местоимение и все относящееся к нему, обозначают правительство. Местоиме-

ние «они» обычно выступает агенсом и адресантом в вербальных процессах, что подчеркивает активную роль этого участника в дискредитации автора и его последователей.

(а) Агенса в физических процессах

На агенсах лежит ответственность за все нелицеприятное, описанное в брошюре. В одних случаях объектом является население страны, а в других случаях – население Земного шара. Однако существуют отдельные случаи, в которых на месте объектов оказываются участники, осуществляющее влияние: «эти бессердечные империалисты вызвали такое же опустошение в чреве собственного чудовища». В данном случае подчеркивается роль зачинщиков-разрушителей.

В отличие от физических процессов, действие может быть выражено с помощью различных косвенных средств.

Обстоятельства, связанные с происхождением.

«Если посмотреть на стадион в Чили, то можно увидеть тысячи, неподвижно лежащих, прежде любивших друг друга людей, сыновей и дочерей, которые погибли от удачно **проведенного в Вашингтоне политического маневра**», «Отцы и матери несут в гробах своих сыновей, убитых на Восточном Берегу **ракетами американского производства**».

Все эти примеры делают обвинение правдоподобным.

Обстоятельственное придаточное предложение, обозначающее результат

Существует связь между причинностью действия и самим действием. Эта связь существенна, так как данный текст пытается предъявить правительству обвинение в различных нападениях. В связи с этим, важным является найти что-то или кого-то для обвинения, а причина и действие эквивалентны в данном контексте. Эти структуры поддерживают обвинение, «действительность такова, что **в результате** было убито множество невинных людей».

Существительные

«народ самой могущественной в мире державы оказался в заложниках неизбежных ответных действий американской властной структуры».

Распознавание относительных процессов

Наконец, действие стало ясным, «Они являются источником невыносимой боли и страдания во всем мире».

(б) Адресант в вербальном процессе

Что касается адресантов, то все, о чем они говорят, отрицается в одном и том же предложении с помощью адверсативных или аддитивных придаточных предложений («Они говорят о защите народа, но все это время составляют списки погибших»; «Они говорят, что война положит конец террору и готовы всех запугать своей армией»). Поэтому они обвиняются во лжи. Этот факт дискредитирует их по отноше-

нию ко всему, что они говорят, а также дает им право просить у населения все, что угодно. «А сейчас они призывают народ поддержать их в совершении возмездия. Они говорят о войне и справедливости. Нет».

Местоимение «мы» имеет два основных значения. Те, на кого направлено действие в физических процессах, и тот, кто совершает действие в мыслительных процессах. Эти значения относятся к пассивной роли адресата. Автор обозначает себя местоимением «мы», хотя он один пишет брошюру. Подобное употребление местоимения «мы» может расцениваться как стратегия учтивости.

(а) Объект в физических процессах

Напомним, что правительство США обвиняют в причинении страданий народам многих стран. Члены Революционной коммунистической партии выступают на стороне пострадавших. Более того, по их мнению, все человечество является жертвой американской машины власти. Таким образом, жертвы действий правительства США являются объектами событий, например:

«Они показывают нам фотографии ликующей арабской молодежи на улицах захваченной территории», «Правители наживаются на нашей боли».

(б) Субъект мыслительных процессов

В этом случае используются глаголы «помнить» и «напоминать». Эти глаголы обозначают действия в прошлом, и они используются, возможно, потому что цель брошюры – обвинить внешнюю политику США в причастности ко всем беспорядкам, творившимся в мире в последнее время. Эти события не единичны и не случайны. Согласно тексту, правительство США совершало ужасные действия по отношению к другим странам и ранее, и поэтому на него возлагается вина за ответные действия этих стран. Глаголы «помнить» и «напоминать» также выражают просьбу президента Буша не забывать день 11 сентября 2001 года, а также то, что американцы помнят все печальные даты.

Эти глаголы также предполагают наличие у читателей знаний по поводу данных событий. Это способ придать упомянутым фактам правдоподобность. Предположение об осведомленности читателя по поводу того или иного факта или события – хороший способ получить его доверие. На самом деле, такой факт или событие есть та информация, которую говорящий хотел бы, чтобы его слушатели восприняли как правду [Fairclough, 1989].

Примеры:

«Слово Нью-Йорк заставляет вспомнить нас о Багдаде, Белграде, Судане, Западном берегу реки Иордан, Панаме, Индонезии, Хиротиме»; «Но как народ помнит нашу смерть», «В напряженности сегодняшнего дня мы помним уроки истории»; «Мы помним, как они пытались причинить боль каждому, кто, вопреки их воле, помогал врагу».

1.3. Утвердительные и отрицательные предложения

Согласно Фэйрклоу, отрицательные предложения играют важную роль в отношениях к межтекстовой связи и интертекстуальному контексту данного текста. На самом деле, анализируемые тексты взаимосвязаны и мы можем проследить их взаимодействие.

Текст А. В речи президента Буша мы встречаем только три примера отрицания: «Террористические атаки могут разрушить фундамент самого большого здания, но они **не могут** затронуть фундамент Америки», «Америка была выбрана мишенью для атак, потому что мы – ярчайший маяк свободы и возможностей в мире. И **никто** не даст нам погаснуть», «Мы **не будем делать различия** между террористами, которые совершили эти нападения и теми, кто укрывает их».

В девятой и тринадцатой строке мы видим контраст между тем, что совершили террористы, и тем, что, по мнению автора, не повторится вновь в будущем. Президент Буш использует мотивацию террористов к нападениям как возможность объявить о величии своей страны. Подобное отношение неудивительно, так как политическому деятелю такого уровня нечасто приходится объяснять реальные причины нападений. Атаки террористов обычно обусловлены выполнением их требований. Объяснение их требований равняется признанию успеха нападения. Аудитории нужны объяснения, как такое могло произойти. Президент объясняет: «зависть».

Строки двадцать восемь и двадцать девять принадлежат ко второй части речи. Это предупреждение всему миру и Ближнему Востоку в частности. Для этого используется структура «мы не будем делать различия», где выделяется существительное «различия», вместо «мы не будем различать». Это значит, что поведение США будет жестким в отношении любой страны, которая не будет с ними сотрудничать.

Текст Б. Бен Ладен также использует в своей речи отрицательную конструкцию, когда говорит о своих планах на будущее. Но его конструкция более экспрессивна, чем конструкция Буша. Во-первых, он использует клятву для предупреждения (если это можно назвать клятвой). А клятва дается во имя Бога: «Я клянусь Богом». Более того, он не только использует имя Бога, но и его деяния, чтобы завоевать большую власть и авторитет словами «кто поднял небо без колонн». Затем следует отрицательная конструкция: «**Америка и ее народ могут и не мечтать** о безопасности своей страны, пока мы живем в Палестине, и **до тех пор, пока** все войска союзников не покинут землю Мухаммеда, да прибудет с ним мир».

Перед нами отрицательная конструкция, в которой США разделены на две составляющие: Америка как страна и народ, живущий в ней.

Возможно, под словом «Америка» автор брошюры имел в виду правительство и армию, которая представляет явную угрозу мирному населению.

Мы также встречаем отрицательные конструкции в описании мыслительных процессов восприятия: «его храмы были атакованы, и **никто не слышит и не обращает внимания**», «В эти дни израильские танки входят на территорию Палестины..., и **мы не слышим**, чтобы кто-нибудь возмутился и сопротивлялся этому». Своей речью Бен Ладен показывает, насколько велик разрыв между исламом и другими странами, которые «скорбят и оплакивают этих убийц». Происходит разделение. Сначала он представляет свой народ жертвой, послушным ягненком, но вскоре он говорит о разгневанном Боге, готовом на месть: «Когда меч возмездия обрушится (на Америку)».

Наконец, отрицание в начале речи используется, чтобы показать принадлежность говорящего к группе, в адрес которой произносится речь: «Я свидетельствую, что нет другого Бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед – его посланник». Таким образом, подтверждается оппозиция слов «мы» и «они».

Папа Римский Урбан также использует стратегию отрицания в своей речи, чтобы духовно отделить врагов от самого себя и своего народа: *“nos ha llegado frecuentemente un cuento horroroso, es decir que una raza del reino de Persia,..., por cierto, no dirigida en corazón, y confianza al espíritu de Dios,” “por ellos que no copocen a Dios.”* [“Мы часто слышим страшную историю об одном народе из королевства Персии,..., которые ни сердцем, ни рукой **не** верны Богу”, “для них, кто **не** знает Бога”]. Отделение врага от остальных происходит по простому принципу да – нет. Например, мы с Богом, а они – нет.

Папа Римский Урбан также использует отрицание как средство аргументации в убеждении палаты Лордов участвовать в Священной войне. Он считает, что одной из причин этой войны служит непослушание его словам, то есть словам Бога, что может привести к катастрофе. Его аргументация основана на предположениях и гипотезах. Сначала он объясняет, что происходит в настоящий момент, а затем описывает, что произойдет, если они не предпримут каких-либо действий. *“y deberían, además, considerar..., si quizá, El no quisiera que otras regiones del Oriente fueran restauradas a la fe durante el tiempo del advenimiento del Anticristo. Porque está claro que el Anticristo no hará lucha con los judíos sino con los infieles,...y si el Anticristo no encuentra cristianos allí...nadie estará allí para oponerle”* [перевод Губерто де Ногент, Венто, 1994] [и вам также следовало бы иметь в виду..., если возможно, он пожелает, чтобы остальные восточные страны были восстановлены в вере во время наступления Анти-

христа. Потому что совершенно ясно, что Антихрист не будет воевать с иудеями, а только с неверными,...а если Антихрист не найдет христиан,...то никого не будет там, чтобы победить его.”]

Невероятные предположения являются слабым орудием убеждения, но угроза свершения чего-то страшного, в случае послушания берет верх. Мы не несем ответственность за то, что происходит далеко от нас, но когда мы слушаем говорящего, то хорошо представляем себе то, о чем он говорит, и становимся частью этих событий.

Текст С. Первый пример отрицания мы находим в строке 33: «А сейчас они призывают народ поддержать их в совершении возмездия. Они говорят о войне и справедливости. **Нет**». Это отрицание поражает своей выразительностью, которая достигается пропуском придаточного предложения [Halliday 1994]. Этот пропуск придает отрицанию категоричность. В английском языке приняты вежливые и описательные конструкции, поэтому такое категоричное отрицание обращает на себя внимание. Не удивительно, что это заявление Революционной коммунистической партии относится к выступлению Буша по телевидению спустя три дня «Это день, когда американцы всех возрастов и профессий объединяются в решимости за мир и справедливость».

Рассмотрим другой пример подобного отрицания: «Они хотят, чтобы мы объединились с ними и встали под их знамена. **Нет**». Это утверждение основывается на том же фрагменте речи Буша. Однако это отрицание выполняет новую функцию: оно указывает действие, которое явно не обозначено. Используя метафору «встать под знамена», РКП отрицает не только позицию власти, но, что более важно, ставит под сомнение опыт читателей. По традиции в США демонстрация флага или знамени, считается доказательством патриотизма. Именно в периоды конфликтов люди больше всего нуждаются в ярком проявлении патриотизма. Однако среди американцев существует противоречивое отношение к этому символу. Не все люди считают, что страна – есть правительство, выбранное в тот или иной промежуток истории, и его решения. В этом тексте флаг в большей степени является символом поддержки правительства, чем символом страны. Встать под знамена – это способ публично продемонстрировать единство с правительством, выразить ему свою поддержку, и этот символический способ поддержки Буша решительно отрицается.

Кроме того, основания для того, чтобы не поддерживать правительство, четко выражены в отрицательных конструкциях, целью которых является создание контраста образу, представляемому президентом: «Эти правители не имеют права продолжать войну. Они являются источником невыносимой боли и страданий во

всем мире», «эксплуататоры всего мира и жестокие истребители целых народов не имеют права на возмездие».

Наконец, они завершают свое рассуждение отрицательным предложением, которое противоречит цели правительства: «эти надменные лживые существа правят не в интересах своего народа или мира».

В общем, дискурс используется противниками правительства экспрессивно. Отрицание используется во всех текстах с целью оспаривания положений, выражения некоторых имплицативных форм, ироничного представления фактов для высмеивания определенных действий.

(а) Оспаривание положений

«Текущая военная кампания – не просто личный «крестовый поход» Буша... она – следствие огромного желания США управлять целым миром в своих интересах с помощью тех же мощных корпораций, которые доминируют в американской экономике».

В этом примере подвергается сомнению дискурс оппозиционных сил, которые обвинили правительство Буша в ведении такой военной политики. Причиной этого обвинения является тот факт, что президент считает виновниками нападения на башни-близнецы силы зла. Еще один пример употребления коммунистическими группами термина «крестовый поход» мы находим в брошюре под названием «В ад вместе с Бушем и Хусейном». Мы читаем в тексте: «В ад вместе с «крестовым походом» Буша-Чейни!»

(б) Выражение некоторых имплицативных форм

«Совсем **неслучайно**, что последнее столетие является чередой нескончаемых войн в независимости от того, кто стоял у власти: республиканцы или демократы. И неудивительно, что большинство представителей Демократической партии поддерживает войну в Ираке».

Данный текст обвиняет политическую систему страны в целом в работе в интересах крупных американских корпораций и защите доходов этих корпораций на мировом рынке. Смысл данного предположения рассмотрен в предыдущем параграфе, а стратегия отрицания в приведенном примере предполагает, что эта война – еще один результат борьбы за прибыль. Они могли бы сказать прямо, но вместо этого отрицают два предположения. Первое: большое количество конфликтов было случайным, то есть США ничего не могли с ними поделать, и они просто имели место. Второе: Демократическая партия отличается от Республиканской партии. Коммунистическая партия убеждена, что эти две партии имеют одни и те же приоритеты.

(в) Ироничное описание фактов

Хороший пример иронии можно найти в статье П. Козльо «Спасибо, президент Буш»:

«Спасибо Вам за то, что Вы показали, что турки и их правительство **не продаются**, даже за 26 миллиардов долларов» и «Спасибо Вам за то, что Вы **не прислушиваетесь** к нам и не воспринимаете нас всерьез, но знайте, что мы слушаем Вас и **не забудем ни одного Вашего слова**».

Ирония главным образом основана на акте благодарения за действия, которые являются негативными и для Буша, и для автора статьи. Здесь мы видим две оппозиционных стороны, и то, что создает положительное впечатление об одной стороне, для другой оказывается отрицательным. Положительное для автора статьи становится отрицательным для президента, потому что обозначает провал и становится причиной осмеяния американского президента. Пример провала – это неспособность Буша убедить правительство Турции поддержать Америку в войне. Однако когда автор выражает неприятие, благодарность приобретает угрожающий тон. Речь преподносится как урок, который следует выучить во избежание подобных ошибок в будущем. Весь благодарственный текст является предупреждением и с помощью этой нелогичности сообщаемой информации и игры слов достигается иронический эффект.

(г) Стилистический прием

Отрицание даже может стать стилистическим приемом. В тексте «Война с Ираком? Только не от нашего имени!» мы можем найти символ сопротивления. Этот символ представлен в форме стихотворения. Большинство строк начинаются с негативных обстоятельств, где отрицательная частица появляется в тематической позиции. Эта позиция имеет экспрессивную нагрузку, что также подчеркивается повтором. Повтор преследует две цели: 1) усилить тему сопротивления, так как оно критикует и не поддерживает правительство, 2) сделать стихотворение легким для запоминания.

*“Not in our name
will you wage endless war
there can be **no** more deaths
no more transfusions of blood for oil
Not in our name
will you invade countries
bomb civilians, kill more children
letting history take its course
over the graves of the nameless...*

*«**He** от нашего имени
Вы будете вести бесконечную войну,
В которой, может,
и **не будет** больше жертв
He будет переливания крови в нефть.
He от нашего имени
Вы будете завоевывать страны,
Бомбить города, убивать детей,
И наблюдать за ходом истории
Над могилами безымянных...»*

2. Грамматические характеристики ценности отношений.

Грамматические характеристики ценности отношений относятся к тем грамматическим характеристикам, которые отражают отношения, возникшие между автором и адресатом в исследуемом тексте. Обратим внимание на инклюзивность и эксклюзивность местоимений.

2.1. Инклюзивность и эксклюзивность местоимений

Местоимения являются важным средством в анализе отношений между говорящим / пишущим и адресатом. Местоимения очень важны как способ легитимизации аргументации и поэтому как способ убеждения.

Текст А. Буш использует местоимение первого лица, когда выступает в роли главы государства. Мы также встречаем это местоимение во второй части, но иногда оно заменяется на местоимение «мы», когда речь идет о государственных структурах, например: «Мы не будем делать различий между террористами». Однако некоторые из местоимений являются инклюзивными и обозначают слушателей, говорящего и правительственные структуры, что заставляет народ почувствовать себя частью политической машины, например: «Наша армия сильная», «Наши бригады спасателей работают».

Присутствие оппозиционной стороны в конфликте сводится к минимуму и характеризуется бесчеловечностью. Агенты нападений упоминаются только несколько раз. Очень часто в речи автор упоминает «акты массового уничтожения», «террористические атаки», «зло». За этими объектами стоит местоимение «они».

Только в нескольких случаях агенты представлены словом «народ». Эти примеры находятся во второй части речи президента и упоминаются в связи с наказанием. Народ, в отличие от абстрактных объектов, можно наказать. Однако трудно себе представить как «народ» мог напасть на целую нацию, поэтому местоимение «они» остается абстрактным до момента расплаты: «Уже ведется поиск тех, кто причастен к этим бесчеловечным поступкам». Персонализация осуществляется через относительное местоимение «кто», которое используется исключительно по отношению к народу.

Текст Б. Бен Ладен подчеркивает свою роль посланника Бога, постоянно используя местоимение «я» в вербальных действиях в роли говорящего. Его слушателей объединяет одна религия и когда он говорит «мы», он подразумевает исламское сообщество, а местоимение является инклюзивным.

Объект, выраженный местоимением третьего лица множественного числа, меняется на протяжении всего текста. Чаще всего объектом являются США и их союзники, причем последние – в большей степени. «Буш и все те, кто с ним. Они вели себя с позиции силы». Он подчеркивает то, что союзники высказывают свое

мнение в международном сообществе: «Они оплакивают», «они сокрушаются», что сильно отличается от действий участников исламского сообщества. Однако впервые мы встречаем это местоимение в связи с упоминанием о террористах, которые совершили нападение: «Они разрушили Америку» и по отношению к убитым детям: «Их, невинных, убивают в Ираке». Для них Бен Ладен просит у Бога награду: «Я молюсь Богу об их благословении и прощении», для союзников же США он просит наказания: «О, мой Бог, покажи им свой гнев и воздай по заслугам». Говорящий дает понять слушателям, что Бог на его стороне, и все что против него, будет наказано Всевышним. Подобный прием мы можем найти и в речи американского президента. Но Бен Ладен и Буш были далеко не первыми политическими лидерами, которые использовали данную стратегию в своих речах.

Связь между Богом и адресатом также присутствует в речи Папы Урбана, где он использует два основных местоимения: «Uds.» [формальное «Вы»] и «El» [«Он»]. Первое местоимение относится к адресату, франкам, а последнее – к Богу. Эти два местоимения являются центральными в речи. Причину вступления в войну Папа объясняет тем, что франки духовно связаны с Богом и должны выполнять свои обязательства пред ним. Многие местоимения выражают эту идею: *“para Uds. está dirigido este discurso y para Uds. es dirigido nuestra exhortación,” “De Uds. En particular hace su petición,” “que tomen como algo hermoso el morir por Cristo en esa ciudad donde El murió por nosotros.”* [“Эта речь адресуется тебе, а также для тебя и наша проповедь”, “Он умоляет именно Вас”, “представьте, что что-то прекрасное умирает ради Христа в городе, где он умер ради нас.”]

Текст В. В данном тексте местоимения «мы» и «они» представляют две враждебные стороны. Местоимение «Они» обозначает правительство США, а местоимение «мы» обозначает американских граждан и народ, живущий в мире. Как следует из вышеприведенного анализа речи, местоимение «они» выражает агента устрашающих действий, а местоимение «мы» обозначает жертву на протяжении почти всего текста, а в конце выступает в качестве агента. Проанализируем шаг за шагом смысл, передаваемый данными местоимениями.

В первых двадцати семи строках роль жертвы настолько явно выражена, что мы не встречаем местоимения «мы», а вместо этого автор использует местоимения «нас» и «наш». Главным действующим лицом является правительство, но оно никогда не заменяется местоимениями, а только существительными с негативной коннотацией, например: «империалисты», а также скрытыми адресатами, которые имеют отношение к правительству, например: «американские бомбы», «американские крылатые ракеты».

Начиная с двадцать седьмой строки, местоимение «они» противопоставляется местоимению «мы». В этой части речи происходит столкновение двух враждующих сторон, и народ, входящий в группу «мы» характеризуется особым образом: «как пыль вычищается из наших глаз, так и люди самой всемогущей державы в мире » и те, кто относятся к группе «Они»: «эта властная структура и их кровавая военная машина». Эта брошюра относится ко всем американцам, а они в свою очередь противостоят политикам и армии.

Местоимения «мы» в данном тексте являются инклюзивными, и мы можем найти в тексте такой пример, когда значение инклюзивности достигает наивысшей точки и становится всеобъемлющим. Это происходит в конце, где речь идет о населении всего земного шара: «все, кто действительно жаждет справедливости, должны обратиться ко всем людям на планете с призывом сплотиться против преступлений этой системы, усилить сопротивление против каждого акта насилия и малейшего проявления войны» (строки 61-63). С этого момента правительство Америки становится в оппозицию ко всему миру.

Заключение

В настоящем исследовании мы проанализировали методом критического анализа дискурса стратегии убеждения разных лидеров, целью которых было доказать сторонникам правильность позиций в ситуации конфликта. Эти стратегии используются в наши дни и находят отражение в большинстве текстов.

Описанные в данном исследовании стратегии могут быть проанализированы в терминах «интеграция» против «сегрегации»; интеграция говорящего или пишущего в сообщество, сегрегация оппонента от этого сообщества, и стратегии, не допускающие сегрегации адресата от сообщества, к которому тот принадлежит и чья поддержка ему необходима.

1. Стратегии, направленные на интеграцию адресата
2. Стратегии, направленные на сегрегацию оппонента
3. Стратегии, не допускающие сегрегации адресата

1. Интеграция адресата

Во всех исследованных текстах повторяется одна и та же идея: превосходство говорящего или адресата над оппонентом. В связи с этим, идея сообщества является важной и, поэтому говорящий пытается создать в своей речи или тексте атмосферу объединения.

1.1. Воплощение идеи сообщества

Объединяющая атмосфера достигается следующими средствами:

1.1.1. Использование в речи инклюзивного местоимения «мы»

1.1.2. Духовное утверждение и отделение от оппонента через негативные конструкции: дихотомия да-нет / мы-они

1.1.3. Использование религиозных понятий

1.1.3.1. Роль жертвы/агнца

1.1.3.2. Бог как поднимающая на борьбу с врагом сила: Причинять вред сообществу, значит причинять вред Богу.

1.1.3.3. Месть от имени Бога: Крестовый поход

1.1.3.4. Говорящий как посланец Бога

1.1.4. Использование патриотических идей

1.1.4.1. Возвеличивание национальной идеи: историческая память

1.1.4.2. Национальные ценности

1.2. Ответственность каждого индивида перед сообществом

1.2.1. Моральная ответственность как составляющая часть сообщества: несправедливость, неуравновешенность

1.2.2. Критика сегрегации членов сообщества: отмена церковного налога как правонарушение. Система награды/наказания

2. Сегрегация оппонента

Единственный способ, которым можно достичь крепкого сплочения членов сообщества, – это критика третьего участника. Этот третий участник и является оппонентом. Когда происходит сегрегация оппонента, внутри сообщества происходит объединение сил, поскольку сражаться с чужаком намного легче, чем со знакомым. Таким образом, говорящий оправдывает свою критику, которая обычно представляется в защитной реакции, вызванной врагом. Таким образом, сегрегация в большей степени достигается через деградацию, обезчеловечивание и отчуждение.

2.1. Обесчеловечивание

2.1.1. «Демонизация»: Сверхъестественная разрушительная сила (зло)

2.2. Деградация

2.2.1. Гипербола: Узаконивание нападения на основе чрезвычайных неправомерных действий оппонентов

2.2.2. Катастрофизм: перечень нападений

2.3. Отчуждение

2.3.1. Отделение как система критики или защиты

3. Стратегии, не допускающие сегрегации адресата

Поскольку участие адресата имеет важное значение в дискурсе говорящего / пишущего, совсем неудивительно, что говорящий/адресат должен стремиться к сохранению своей позиции. Чтобы добиться такой вовлеченности, используются некоторые недопустимые приемы.

3.1. Страх

3.2. Абсолютная истина

3.3. Идея неизбежности

3.4. Словесная манипуляция

Основным орудием убеждения по праву служит идея сообщества. Более того, мы проследили, что одновременная манипуляция жертвой и агенсом позволяет оправдать совершение военного действия против оппонента. Наиболее часто употребляемым средством достижения равновесия является упрощение дихотомии добро / зло. Простота и ясность – вот главные составляющие в укреплении отношений между политическими лидерами, а также в получении одобрения сообщества на «сдерживание» нападения.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Atkinson M. Our Masters' Voices. The Language and Body Language of Politics. – London: Methuen, 1984.

Dijk, T., van. Discourse Semantics and Ideology // Discourse and Society. 1995. Vol. 6 (2). P. 45-71.

Dijk, T., van. (ed.). Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – London: Sage, 1997

Dijk, T., van. Dominación étnica y racismo discursivo en España y América Latina. – Barcelona: Gedisa, 2003.

Downing A. & Locke P. A University Course in English Grammar. – London: Prentice Hall, 1992.

Fairclough, N. Language and Power. – London: Longman, 1989.

Fairclough, N. Critical discourse Analysis: the Critical study of language. – London: Longman, 1995.

Halliday, M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. – London: Edward Arnold, 1985, rev. 1994.

Halliday, M. A. K. & Hasan, R. Cohesion in English. – London: Longman, 1976.

Vento, A. C. Tres Civilizaciones del Mundo Medieval. Crítica, Análisis y Crónicas de las Primeras Cruzadas. Medieval Studies. – Lewiston: The Edwin Mellen Press, 1998. Vol. 10.

Речи

• “*In President George W. Bush's own words.*” The speech made by President Bush on the evening of September 11, 2001. Speech delivered from the Oval office. www.september11news.com.

• “*War message-Hostilities Exist*” by President Franklin Delano Roosevelt. Speech to the Congress of the U.S.A. December 7, 1941.

• “*Text of Osama Bin laden's taped remarks.*” Aired on an Arab television Station after the US and British strikes Sunday. October 2001.

• “*La Llamada a la Cruzada.*” Speech by Urbano II to the Franks. November 27, 1095.

Брошюры

• “*The Horrors that come from this horrible system.*” RCP, USA. September 14, 2001.

• “*War on Iraq? Not in our name!*” by Not in Our Name Project network. Contains the *Pledge of Resistance*.

• “*To hell with Bush and Hussein: Stand up against the U.S. war drive against Iraq!*” by Communist Voice Organization. Detroit, October 26, 2002.

© Маркес А. К.,
дель Мар Ривас Кармона М., 2008

Надель-Червиньска М.

Катовице, Польша

**РУССКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ
И МЕНТАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКАЯ:
СОПОСТАВЛЕНИЕ ОБЪЕМОВ СЕМАНТИЧЕ-
СКОГО ПОЛЯ «НОВАЯ ЛЕКСИКА»**

Abstract

The author compares the meaning of the notion "Russian mentality" (mentality of the people that live in Russia but do not belong to the Russian ethnic group) and the mentality of the Russians (the people that belong to the Russian ethnic group).

Дня начала зададим себе вопрос риторический: что может показать, к примеру, лексикографический анализ *новых лексических единиц*, появившихся в изданных в России толковых словарях русского языка за период, называемый нами *постсоветским* – период новейшей российской истории, начатый с переломного 1987 года, с объявления *перестройки*. Прежде всего, чтобы осмыслить этот исторически переломный момент в политической и научной жизни страны, обратимся к *комплексному словарю*, под редакцией А. Тихонова [Тихонов 2001]: «*Перестройка*, ж. -и, мн. -и, *перестроек, перестройкам*; произв.: *перестро[й(и)ть]* – *перестрой + к + а*; пере / *строй / к / а*. 1. К 1 зн. *перестроить* (*перестраивать*). Ср.: *переделка*. [...] 2. Перен. Ко 2 зн. *перестроить* (*перестраивать*). Син.: *преобразование, реорганизация, реформа*».

«Перестройка» в свете лексикографических задач

Преобразование и реорганизация огромной страны, с ее неповоротливым тоталитарным строем вылились, как ни странно это покажется на первый взгляд, в преобразование русского языка и реорганизацию подходов к лексикографическому материалу в лингвистических справочных изданиях, начался непростой и длительный процесс деидеологизации (и самого материала, и изданий словарей, и языка в целом). Языковеды стали «замечать», наконец, в русской речи то, что почти целый век вынужденно, в силу различных исторических и конъюнктурных причин, оставляли безо всякого внимания, то, на что закрывали глаза, от чего как бы стыдливо отмахивались. Сначала «заметили» лексемы *просторечные* и *жаргонные*. И включение тех и других в словари русского языка стало подлинной революцией в отечественной лексикографии. Следующим открытием для многих оказалось, что жаргонов в русском языке *множество*, что они в речи активны и продуктивны, а потому представляют богатейший материал для собирания и описания.

В то же самое время и самой *перестройкой*, как явлением новым, необычным и многообещающим, многие – и не только лингвисты – также увлеклись. Увлеклись преобразованиями потому, что поняли: настал исторический мо-

мент, когда, если не все, то многое разрешается. И грех было бы этим моментом не воспользоваться. Как следствие новоявленной узуальной свободы, стали, таким образом, в речевой обиход, на страницы газет и журналов, а потом уже и в толстые словари возвращаться *слова забытые, полузабытые*, а также *переосмысленные* современной эпохой. Стали, причем в немалом количестве, появляться и такие слова, которых раньше не знали, о существовании которых, может, многие носители русского языка даже и не догадывались. Не догадывались хотя бы потому, что не знали ни таких предметов, ни таких процессов, ни таких понятий, которые теперь называли лексемы новые, непривычные или даже совсем не знакомые.

Многие лексемы при этом «импортировались» из-за рубежа, внедрялись в русский язык несмотря на то, что были чужеродными не только по происхождению, но и по смыслу, звучанию. И эти чуждые лексемы становились частью российского бытия – теперь они были освоены, приручены и одомашнены уже в контексте русскоязычном. И они постепенно становились лексемами русского языка, иноязычного происхождения. Постепенно создавалось в лингвистических словарях семантическое поле *новая лексика*, весьма обширное и разнородное по своему составу.

Несколько слов о современном российском менталитете

Лингвистическая проблема тематического разграничения русскоязычной *новой лексики* практически еще ни в самой России, ни за ее пределами серьезно не разрабатывалась, поэтому постараясь, пока лишь в первом приближении, описать само семантическое поле «новые слова» – как семантическое поле, актуализированное в контексте формирующейся сегодня новой российской ментальности¹. Для понимания этого языкового и культурного феномена, каковым стало в постсоветский период массовое внедрение в русский язык так называемой *новой лексики*, следует для начала ответить на вопрос: что же это, собственно говоря, такое – *российский менталитет*?.. Обратимся для этого к одному из словарей: «*Менталитет, ментальность* [<– поз.-лат. mentalis умственный] 1) образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе; 2) психология нации» [Новейший словарь... 2002].

Собственно понятие *русская ментальность* охватывает сегодня объективно гораздо более широкое географическое пространство, чем понятие *ментальность российская*, территориально ограниченная площадью одного го-

¹ Употребление здесь определение *русская ментальность*, а не *русская*, с нашей точки зрения, закономерно, поскольку второе понятие гораздо шире первого.

сударства (за которую условно следует принимать также границы прежнего СССР). Более того, уже около века истинными носителями и хранителями ценностей русского языка и культуры периода, который мы бы охарактеризовали в данном контексте как *период предсоветский*, является русская эмиграция нескольких поколений, а также ее многочисленные потомки – даже в том случае, если носительство это в какой-то части утрачено. Так же, как, например, внутри России во многом, к сожалению, утрачен исконный дух народной русской культуры. Культуры, прежде всего, фольклорной, языческой, а затем, позже насаждавшейся и вторичной по отношению к восточнославянскому язычеству, православной.

Именно поэтому под понятием *российская ментальность* следует сегодня, скорее всего, понимать *менталитет постсоветский*, со всеми, вытекающими из этого понимания, последствиями, далеко не всегда утешительными для носителей данного – нового – менталитета. И лишённые большей части своего культурного наследия, россияне по сей день вынужденно остаются как бы, повторим здесь слова Ю. Любимова, «со своим Дядей Стёпой» и «со свистком»². А тем самым – остаются со всевозможными цензурными запретами (включая внутреннюю автоцензуру), идеологическими купюрами и страхом оказаться за линией оградительных флажков (которыми, случается, и сами себя от самих себя ограждают). Это образное определение известного московского режиссера, в недавнем прошлом опального, как нельзя лучше, на наш взгляд, и передает сущность современного *российского менталитета*.

Тем самым, *российский менталитет* – это сегодня *психология нации*. [Новейший словарь... 2002] *А русский менталитет* – образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих истинному *носителю русской культуры*, которая естественно включает в себя также *культуру языковую*. Утрата языковой культуры, составной частью которой является и язык народной традиции (как *национальное* и *фольклорное*), является, по крайней мере, ощутимой ущербностью – в контексте *русской ментальности*. Поэтому, если говорить о России, где десятилетиями, как известно, уничтожалось наследие национального культурного прошлого, реальными представителями русской ментальности в действительности является лишь определенный про-

цент носителей русского языка и процент, к сожалению, надо признать – незначительный, если рассматривать его в соотношении к населению всей страны в целом. Мысль о соотношении двух типов ментальности у носителей русского языка, первые из которых живут в современной России, а вторые далеко за ее пределами, можно графически выразить сегодня следующей схемой:

Схема № 1.

Сама постановка вопроса – о соотношенности и разграничении понятий *русская ментальность* и *российская ментальность* для языкознания весьма актуальна. Более того, насколько нам известно, с этой точки зрения данная проблема до нас вообще не поднималась, да и само понятие *ментальность*, или *менталитет*, актуально исключительно в контексте русского самосознания, а потому для носителей иных языковых культур остается термином «закрытым», т. е. малопонятным. И потому остается термином, не насыщаемым актуальным смыслом – ни философским, ни лингвистическим, ни психологическим, ни национально-культурным.

Как наглядно видно на нашей схеме, поля менталитета вступают между собой в связь выражено иерархическую. Так, поле «русского» соотносимо с полем «российского» прежде всего по величине – широте и объему. «Русское» на нашей схеме очевидно *шире* и *больше* «российского». Первое поле могло бы включить в себя, полностью поглотив, *меньшее* и *более узкое*. Однако этого не будет уже в силу того, что данные поля не в полной мере совпадают. Естественно соприкасаясь, поскольку обе ментальности имеют общие культурно-исторические корни, они совпадают лишь в определенной своей части. И если бы кто-то попытался определить ту общую для обоих полей часть в количественном отношении, оказалось бы, что для одного и другого поля эта *совмещенная часть* пространства ментальностей составила бы – по отношению к большому целому каждого из менталитетов – часть относительно малую.

В то же самое время именно эта сравнительно «незначительная часть» и является для каждого из пространств русскоязычной духовной культуры частицей самой ценной. А незначительной ее можно, причем условно можно, назвать только потому, что она относится к лю-

² Так, режиссер московского Театра на Таганке Ю. Любимов, в фильме, посвященном 40-летию его работы в этом коллективе, сравнил русскую культуру с *позвоночником* живого существа (человека), из которого насильственно вынули *позвонок*. Любимов в данном конкретном случае имел в виду поэзию *обэристов*, поэтов Объединения реального искусства, или *ОБЭРИУ*. Их творчество, как он выразился в телевизионном интервью, было «надолго изъято из русской советской культуры и заменено стихами про дядю Стёпу – милиционера со свистком».

бому целому как *малое к большому* (к любому целому из двух окружностей ментального, «русского» и «российского»). И потому эта «незначительная часть», т. е. наследие прошлых поколений, в изрядной части, увы, современной Россией утраченное, является для носителей русской ментальной культуры ценной настолько, чтобы постараться ее сохранить для общего будущего. Следует отметить, что т. наз. процессы *идеологизации*, а в настоящее время – *деидеологизации* языка, что, в частности, непосредственно касается также состава единиц семантического поля «новая лексика», непосредственно касалось и касается пространства именно «российского менталитета».

Семантическое поле и иерархические связи между группами «новых слов»

Кстати сказать, та русскоязычная и заимствованная лексика, которую, к примеру, носители российской ментальности воспринимают сегодня для себя как «новую», для носителей русской ментальности как таковой, а значит, обладающих гораздо большим, по отношению к ним, первым, общекультурным и языковым опытом, «новой» отнюдь не представляется. Не окажется она в определенной своей части, собственно, «новой» и для россиян – носителей русской ментальности, поскольку они с этой лексикой, которая многие годы находилась за пределами лингвистических и энциклопедических словарей, так или иначе, сталкивались в контексте своей интеллектуальной деятельности – профессиональной, когнитивной, духовной³. Более того, сегодня, пожалуй, понятие «новая лексика» включает в себя прежде всего представление о деидеологизированном лексическом составе узуального контекста. При этом «деидеологизация» того, что еще так недавно составляло фонд русского языка, причем не только в его закреплённой литературной норме, постепенно начинает приобретать черты знакомой *идеологизации*. Однако *идеологизации* уже качественно иного типа – например, в части лексического состава тематических следующих групп: «политика» (внутренняя и внешняя), «религия»⁴, «экономика» и даже «быт», «от-

дых», где привилегии *номенклатуры* замещаются привилегиями, например, *олигархов*. Нередко со знаком равенства между лицами, привилегированными в советском прошлом, и лицами, привилегированными в настоящем, т. е. в «деидеологизированном» – если верить политическим декларациям – государственном времени и пространстве.

Итак, обратим внимание на то, что «русская ментальность» оказывается сегодня не столько понятием *национальным*, сколько *межнациональным* и даже, если хотите, *наднациональным*. И в этом тоже заключается феномен данной культуры, поскольку в многонациональной и разноконфессиональной России, как *предсоциалистической*, так и настоящего времени, подлинными носителями русского языка и русской культуры были и являются не только представители русской национальности и русского православия. В равной степени это относится как к тем, кто проживает внутри России, так и к тем, кто по разным причинам и в разное время вынужден был ее покинуть. Быть «носителем русской ментальности» – это и есть именно то, что делает личность не поддающейся идеологическим манипуляциям, а потому опасной для носителей тоталитарной идеологии⁵. Именно то, что позволяет ей, личности, в любых, даже самых неблагоприятных, политических и социальных условиях сохранить свое индивидуальное неповторимое «Я», сохранить чувство собственного достоинства и исторически унаследованные ценности – общечеловеческие, культурные, религиозные.

Словарные фонды и семантическое поле «новая лексика»

Прежде, чем перейти непосредственно к описанию семантического поля «новая лексика», занимающего особое место в фондах новейших толковых словарей русского языка, следует дать определение используемому термину. Поэтому для начала мы и ответим на вопрос, что же такое *семантическое поле* и как оно понимается в русском языкознании⁶. Обратимся, прежде всего, к «Лингвистическому энциклопедическому словарю» [Ярцева 1990: 380-381], который отмечает, что некоторые

³ И в этом нет никакого парадокса: культурное наследие, которое они получили как носители русской культуры и для себя сохранили, предполагает высокую языковую культуру и, соответственно, качественно иной словарный запас, позволяющий мыслить, рассуждать, анализировать и делать выводы. Причем в условиях России, страны национально-культурных и философско-религиозных контрастов, истинным «носителем русской ментальности» часто может оказаться и нередко оказывается представитель иной национальности, необязательно «русской», что могло бы, в частности, вызвать протест некоторых представителей современных российских неонационалистических кругов.

⁴ Допустим, еще не так давно чувство «коллективизма», основанное на декларировании относительной *идеологической общности*, выражалось, к примеру, фразой «Наши члены партии все такие [шляпы] носят!» В настоящее время чувство «коллективизма» основывается уже на декларировании, так же, заметим, весьма относительной, *религиозной общности*, а именно – *право-*

славия как формы новой государственной политики и, следовательно, и новой формы *идеологической общности*. Это новое состояние «идеологизированной человекодуши» выражается, в частности, примерно так: «Теперь у нас у всех [преподавателей университета] есть такие [натальные] крестики». Знакомый гоголевский сюжет: в России ревизии подлежат и *мертвые души*, аккуратно заносимые в актуальные списки.

⁵ Тоталитарной идеологии, которая вовсе не исчезла, что было, к сожалению, вполне естественно, в момент декларативного провозглашения политиками конца прежней формы государственности (советского тоталитаризма) и начала, как предполагалось всеми на том переломном этапе, качественно новой эпохи в жизни многострадальной России, на сей раз действительно демократической.

⁶ Поскольку, к примеру, в польском языковедении этот термин неактуален. Так же, в контексте польской лингвистики, непонятна семантика и терминов «менталитет», «ментальность».

особенности *полевой структуры* были отмечены именно при построении *тезаурусов*⁷: «Поле – совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятие, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. [...] О взаимосвязях семантических полей в пределах одного словаря свидетельствует [...] принадлежность многозначного слова к различным семантическим полям. Таким образом, семантические поля характеризуются связью слов или их отдельных значений, системным характером этих связей, взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц, относительной автономностью полей, непрерывностью смыслового пространства, обозримостью и психологической реальностью для среднего носителя языка». При этом едва ли не определяющим видом связи *семантических полей* в лексике является связь *иерархическая*. В то же время, выделяемые нами группы языковых единиц *внутри* семантического поля «новая лексика» вступают в те же отношения и образуют те же, или аналогичные, связи, что и собственно семантические поля внутри общего русскоязычного лексикографического фонда в целом.

И объясняется это тем, что из источников расширения существующего словарного материала за счет так называемой «новой лексики» в той или иной мере и так или иначе, в результате, пополняются все – т. е. внутренние иерархические – семантические поля русского языка. Одно из них может пополняться больше, иное меньше. Но каждое из полей обязательно обладает при этом неким двойственным свойством: с одной стороны, каждое может включать в себя новые лексические единицы (например, продукт словотворчества или объект заимствования), с другой – оно же может выводить (исключать) из своего состава какие-либо другие единицы, что в истории современного русского языка, как отмечалось выше, нередко было связано с процессами *идеологизации* / *деидеологизации*.

И исключенными из того или иного семантического поля единицами оказываются, при ближайшем рассмотрении, *неактуальные лексикографические единицы*: устаревшие или, к примеру, замещаемые в живом языке другими, синонимичными либо семантически более точными и дифференцированными – с точки зрения современных носителей языка (типа *маклер – брокер – дилер*). А неактуальны они для субъектов речи на данном, всегда исторически

конкретном, этапе, что не исключает, однако, возвращения их в активный словарный фонд через какое-то время, в случае новой актуализации забытых лексем. «Возвращенные» единицы языка, нередко в процессе сначала *деидеологизации* или, затем, в процессе новой волны *идеологизации*, включаются в состав прежнего *семантического поля*, к которому относились и ранее, за исключением тех случаев, когда данные единицы в процессе языковой эволюции изменяют свою семантику либо же приобретают дополнительное, новое значение. Тогда такое слово включается в другое семантическое поле, либо принадлежит двум или нескольким полям одновременно – соответственно новой своей семантике.

Поэтому семантическое поле «новые слова» пополняется из четырех источников: первый составляют языковые единицы, в том или ином плане не соответствовавшие литературной норме и потому советскими лексикографами прежде в лингвистические словари не включавшиеся; второй – лексика, подвергавшаяся ранее идеологической цензуре разного типа, что так же не позволяло включать ее в словарные фонды; третий – языковые единицы иноязычного заимствования, пути и способы заимствования лексем при этом различны, допускаются параллельные заимствования и семантическое переосмысление в процессе освоения русским языком новых слов; последний – производные лексем от трех разрядов лексических единиц, названных нами первыми в этом ряду. Новую лексику русского языка можно условно подразделить также на иные три разряда: 1) лексем для языка собственно *новые*; 2) лексем в речи снова *актуализированные* (некогда утратившие актуальность по каким-то причинам, например, историческим); 3) слова в русский язык *возвращенные*, а ранее, по каким-то причинам, искусственно изъятые советской цензурой. Лексические единицы всех этих трех видов мы находим в каждом из четырех основных источников расширения фондов русской лексикографии, и многие из них могут быть в современном языке результатом общих политических процессов, *деидеологизации* и *идеологизации*.

Группы лексики и принципы их выделения

Рассмотрим, в целях дальнейшего описания, содержание и состав основных тематических групп лексем – групп, которые сегодня и определяют новизну лексикографического материала. Уже в самом начале процесса подразделения семантического поля «новые слова» на тематические группы лексических единиц (в контексте общего фонда новейших русскоязычных толковых словарей) пришлось столкнуться с определенными трудностями. Во-первых, в зависимости от оснований, заложенных в основе тематической дифференциации лексических

⁷ Особенности эти отмечались, в частности, П. Роже, Ф. Доризайфом, Р. Халлигом и В. фон Варбургом, первоначальное же осмысление понятия *поле* в языке содержалось в работах Г. Ипсена [Ipsen, 1924] и Й. Трира [Trier, 1931]. Об этом см., в частности, также в работах [Кузнецов, 1980; Уфимцева, 1961; Щур, 1974].

групп внутри самого семантического поля, оказывается возможным выделить различные группы «новой лексики». Во-вторых, можно также в семантическом контексте данного поля по-разному сгруппировать одни и те же языковые единицы. И, в-третьих, какие бы группы мы для себя ни определили, внутри каждой из этих групп лексический материал может быть дифференцирован на основании различных семантических принципов. А потому, как следствие и по той же причине, один и тот же материал потенциально подразделяется на подгруппы не однозначные, а того или иного вида.

Тем самым, выходит, что описываемые внутри конкретного семантического поля тематические группы лексем (а внутри последних, или вторых, описываемые более дифференцированные тематические подгруппы), не являются в русском языке сколько-нибудь жестким *набором тем*, поскольку в определении самих *тем* (или T^n) присутствует элемент субъективный. Выбор T^n обусловлен индивидуальным подходом к языковому материалу конкретного исследователя-лингвиста. Это хорошо видно на примере словарей, в той или иной степени организованных *по тематическому принципу* [Ушаков 1994; Шведова 1998].

Попробуем приблизительно разделить на тематические группы новую лексику иноязычного происхождения, которую фиксируют современные *словари иностранных слов* [Совр. СИС 1993; Комлев 1995; Червинские 1995; Новейш. СИС... 2002; Больш. СИС... 1998]. Эта работа предполагает три этапа, видимо, неизбежные и обязательные в контексте такого лексикографического исследования.

1. Первый этап – приблизительная разметка многообразия тематических групп, в чем-то противоречивых и в чем-то пересекающихся. Групп слишком много, а потому анализировать их сложно, что уже само по себе составляет немалую проблему. Однако при более внимательном рассмотрении предполагаемых групп становится очевидным, что для их выделения необходимо общее основание. Принципы дифференциации лексических групп вначале неконкретны, расплывчаты, а потому приблизительны. И все-таки этот предварительный этап работы полезен, поскольку помогает выработать правильный методический подход к исследуемому материалу (новой иноязычной лексики русского языка) и позволяет отказаться от излишне мелкого дробления фонда языковых единиц на частные тематические группы.

2. В результате становится возможным обобщить дифференцированный материал в группы лексем более крупные, имеющие общее основание. Так, для выделенных трех больших тематических групп новой иноязычной лексики – **общественные отношения** (1); **наука** (2); **культура и искусство** (3) – единым общим основанием будет *сферы общественной дея-*

тельности, актуальные для современного человека. Однако «сферы общественной деятельности человека» (россиянина) лишь результативный выход поиска общего основания для подразделения иноязычного лексического массива на три большие группы (1, 2 и 3), поскольку группы получились, в определенной степени, *универсальными*. Они охватывают весь, интересующий нас материал, и потенциально приложимы к семантическому полю «новая лексика русского языка» как к таковому в целом. И каждая из них подвержена в постсоветский период параллельным процессам *деидеологизации* и *идеологизации* отдельных единиц, словарного состава группы и темы в целом.

3. Вторым этапом в процессе классификации языковых нашего семантического поля, независимо от того, рассматриваем ли мы его узко (только новые иноязычные заимствования) или *широко* (в полном объеме новой лексики в составе словарей последнего десятилетия), является дифференциация лексических единиц внутри каждой из трех универсальных групп. И дифференциация лексикографического материала, как видно на примере заимствованных слов, возможна с тематической точки зрения на *подгруппы*, а затем возможно подразделение и подгруппы на дополнительные лексемные совокупности, более мелкие и конкретные. Последние проще анализировать и описывать, поскольку они структурно и семантически обозримы, а также конечны в своем *наборе единиц, объединенных общей узкой тематикой*.

Допустим, мы выделяем в теме «общественные отношения» пять основных *подтем* – 1) «политика», 2) «религия», 3) «торговля», 4) «правовые отношения» (в том числе и экономические), а также 5) «движения» разных толков. В теме «наука» также пять основных *подтем* – 1) «философия», 2) «медицина», 3) «психология», 4) «парапсихология», 5) «информатика». Тогда и в теме «культура» выделяется столько же основных *подтем* – 1) «искусство», 2) «мода», 3) «кулинария», 4) «спорт», 5) «отдых». Корректировка тематических групп и подгрупп при описании их лексического и семантического содержания является при этом важной частью лингвистического исследования. Примером же «узкой темы» могут служить не только, к примеру, «породы собак» (для подтемы «отдых и хобби»), «национальные блюда» (для подтемы «кулинария»), «обувь» (для подтемы «мода») ⁸.

Классификационные решения при этом могут быть различные. И принципы разграничения тематических групп – подгрупп внутри семанти-

⁸ Поскольку проблема т. наз. «новой лексики» рубежа двух столетий еще не разработана и не описана в русской лингвистике, то мы не можем классифицировать весь тематический состав новой лексики в словарях постсоветского периода, а только ставим проблему и к ней стараемся подойти к ней вплотную.

ческого поля («новая лексика»), в частности на примере лексики заимствованной, иноязычной, тоже могут между собою разниться. На данном этапе описания семантического поля, пожалуй, и не может сложиться более или менее стройная система *тем* и *подтем*, объединенных означенным полем, включенных в его пространство. Представим сегодня лишь некоторые лексические группы данного семантического поля – группы, объединенные (каждая) *узкой* тематикой, или *частной* тематикой, которая также ждет в будущем своего описания.

Казалось бы, в ряду перечисленных «узких тем» есть и такие, которые совершенно не имеют отношения ни к каким идеологическим процессам, имеющим влияние на словарный состав современного русского языка. Однако может оказаться, при ближайшем рассмотрении, что это вовсе не так. Вот, к примеру, «породы собак»: и в советской России были породы *общедоступные* («овчарка», «болонка», «пинчер», в свое время «мопс», а затем «сеттер», «боксер», «доберман») и *малодоступные*, которые трудно было достать, из-за редкости в СССР («пули», «шнацер», «пудель», особенно «королевский»), либо трудно прокормить, из-за больших размеров («дог», «командор», «сенбернар», «мастиф»). Часто привилегированность той или иной из собачьих рас (в частности, в клубах собаководов) актуализировалась и обуславливалась тем, что это «собака как у Брежнева» («датский дог», в 70-80 гг.) или «собака как у Путина» («ретривер», в начале нынешнего тысячелетия). Мода на собак диктовалась также пристрастиями западных кинозвезд – например, стали модными «йоркшир-терьеры» (любимые собачки Элизабет Тейлор).

В тематическую область «национальные блюда» и, соответственно, в словари данной терминологии только в 90-е гг. были возвращены, в частности, лексемы, относящиеся к кулинарной и ритуальной традиции еврейской кухни: «чолент», «хумус», «фалафель», «харо(й)сет», «гоменташ», «цимес», «куг(е)л» и «кугель»⁹, а также др. Слова, хорошо извест-

⁹ Последнее слово интересно тем, что называет в еврейской кухне и русскоязычной традиции несколько вариантов блюд: 1) разного рода запеканки, круглые по форме (сковороды); 2) круглая лепешка, в которую заворачиваются самые разные продукты (зелень, овощи, рыба, мясо и пр.), в Израиле это называют также «пита с начинкой», праобраз современного американского «гамбургера»; 3) круглая мучная лепешка, на которой запекают самые разнообразные компоненты, т. е. то, что через столько лет вернулось в русский лексикон уже под средиземноморским вариантом названия «пицца» (ср. первоначальное «пита»). Все три вариации «кугла» – это возможность сэкономить, используя, на следующий день, остатки субботних и праздничных блюд, кот. готовятся в изобилии, а потому с избытком. Так же, в российской ментальности, в результате манипуляций советской цензуры со статьями словарей и кулинарными книгами, «домашняя лапша» и др. макаронные изделия превратились в изобретение итальянцев. А для носителей русской ментальности, за пределами России, они по-прежнему восходят к *lokhen* (идиш; отсюда слово «лапша») и *nood(e)le* (иврит; что порождает игру слов: макароны – еда нудная).

ные жителям СССР в 20-е гг., а затем старательно вымарываемые отовсюду сталинской цензурой, еще задолго до того, как началась кампания против «космополитизма». В самой подтеме «кулинария» неоднократно сквозь сито идеологической цензуры просеивались также единицы русского языка, называющие 1) «продукты питания» и 2) «деликатесы» (отсутствующие либо появившиеся в общедоступных магазинах, например, отдельные виды «рыбы»), 3) «ресторанные блюда» (в зависимости от того, есть ли в продаже продукты для их приготовления, например, «мясные»), 4) «кухонный инвентарь» (необходимый для приготовления изысканной пищи) и т. п. Так, например, подвергались советской цензуре публикации В. Похлебкина.

С развитием современного российского элитарного «туризма» в языковой обход были введены многочисленные слова-экзотизмы, неактуальные для большинства носителей языка, а потому ставшие предметом саркастических шуток, анекдотов, а также объектом фонетических и грамматических искажений на уровне просторечия. Так же, с усовершенствованиями условий быта представителей «новых русских» и элитарной богатой верхушки, в основном столичной, с одной стороны, появилась новая лексика, малопонятная с точки зрения семантики («гламур», «тренд», «сейшен»), с другой стороны, появились новые предметы и понятия, не имеющие в русском языке никакого названия-определения. Примером последнего может служить оборудованный сложной электроникой «детский горшок с функциями биде».

Иерархические отношения внутри семантического поля (первой величины)

Поскольку *семантическое поле* – это всегда совокупность языковых, в нашем случае лексических, единиц, объединенных общностью содержания, отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений, а сами поля между собой часто вступают в отношения иерархического порядка [Ярцева 1990: 380], то и выделяемые в новой словарной лексике *тематические группы* должно рассматривать как меньшие по объему *семантические поля*, включенные в поле гораздо большее («новая лексика»). Соответственно, *тематические подгруппы*, в соответствие с общим принципом иерархических отношений «включенности», будут представляться составными меньшими *полями*, вписанными в поля меньшего объема – меньшего по отношению к главному и определяющему полю, «новая лексика». Так же можно будет рассматривать затем и меньшие группы «узкой» тематики.

Эти иерархические отношения между разными по объему *семантическими полями* можно было бы, пожалуй, выразить так, как мы приводим ниже, на схеме № 2, где, как видим, I – соб-

ственно семантическое поле (новая лексика) первой величины; **a**, **b**, **c** – три тематических группы-поля второй величины, в него входящие; **a**, **1**, **2**, **3**, **4** и **5** в каждой из последних – тематические подгруппы-поля третьей величины, в составе трех предыдущих, в соответствии с иерархической организацией семантических полей и их взаимной «включенностью»:

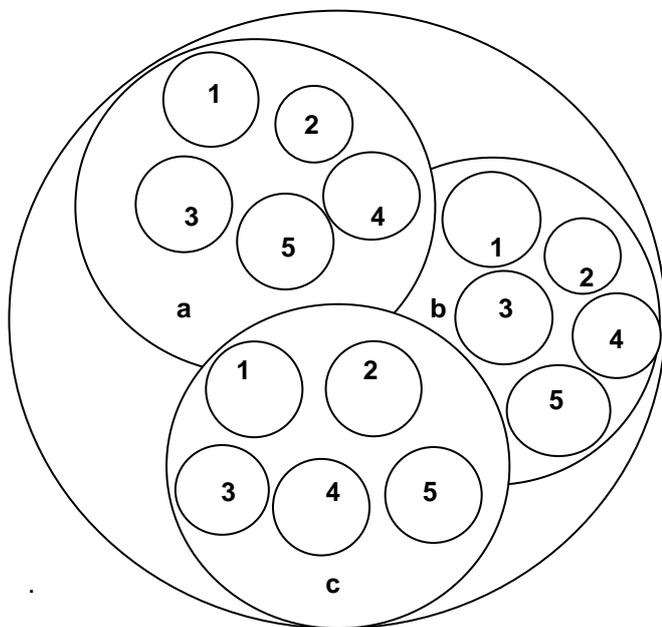

Схема № 2.

Какие бы тематические группы не выделяли бы мы внутри лексического пространства семантического поля «новая лексика» (русскоязычная), иерархические связи, актуальные для полей разной величины – т. е. разного объема и порядка – будут выглядеть так же. Основное поле («новая лексика») будет включать в себя поля меньшего объема (темы «новой лексики»). А эти поля малого объема (темы), в свою очередь, будут объединять в себе поля еще меньшего объема (подтемы «новой лексики»). Частные поля (узкой тематики) окажутся в этом случае составляющими единичного поля (подтемы) – на порядок выше и потому по объему шире. Какие по объему и теме мы не взяли бы группы «новой лексики», выделяются они всегда в контексте семантических полей, актуализированных на данном этапе политического, общественного и языкового развития, для современной российской ментальности, а также в описанных выше параллельных процессах деидеологизации и идеологизации.

Таковыми актуальными полями для носителей российской ментальности являются, например, следующие: 1) «компьютерная техника и ее обслуживание» [1]; 2) «коммерческий туризм как новая форма мелкого бизнеса» [a]; 3) «контакты с Объединенной Европой, самосознание россиян» [b]. Причем, если первое [1], по своему объему и по нашему определению, относится к полям второго порядка (под-

тема), то два остальных [a] и [b] проявляют себя как поля третьего порядка (узкой тематики). При этом «компьютерная техника» [1] соответствует полю-подтеме 5 в поле-теме b («наука»). Малое поле «коммерческий туризм» [a] (по узости тематики) войдет в состав поля-подтемы 4 («спорт» [+ «туризм»]) в поле-теме c («культура»). А малое поле «европейские контакты» [b] (по узости тематики) войдет в состав поля-подтемы 1 («политика») в поле-теме a («общественные отношения»).

Однако, если поле «европейские контакты» выделять в общем семантическом поле «новая лексика» по какой-либо другой системе и, соответственно, на ином основании, то данное поле («европейские контакты») может стать полем третьего порядка (подтема) либо даже полем второго порядка (темой). Таким основанием, к примеру, может быть «интеграция в Европу» (вариант: «... в мир») или же, напротив, «обособление от Европы» (вариант: «... от мира»). В этих случаях оно окажется по объему гораздо больше и новая лексика внутри его будет представлена значительно шире. Так, это же самое семантическое поле второго порядка, как тема, в данном случае может включать в себя такие меньшие поля, второго порядка (подтемы), как:

1. Поле-подтема «политика» (отражающая, с одной стороны, отношение России к Европейскому союзу, с другой же – отношение ЕС к восточному соседу). В связи с этим в русскоязычный лексикон прочно вошли такие слова и выражения, как «европейское сообщество», «эмбарго», «открытый коридор», «система грантов», «совместная программа развития», «международный терроризм», «бандообъединения», «визовый режим», «курс евро», «сдерживание доллара», «игра на понижение», «беспошлинный ввоз / вывоз», «ратификация договора», «наблюдение с спутников», «фракционное голосование», «мониторинг», «мажоритарный», «жидомасон» и «жидомасонская ложа», «государственный менталитет» и «национальная ментальность». Здесь много новых лексем, в основном иноязычных заимствований, однако встречаются и слова вновь актуализированные и возвращенные.

2. Поле-подтема «религия» (отражающая признание / не признание прав представителей других религий, не государственных, нынешнее как российское православие, а также различных христианских толков). В связи с этим в русскоязычный лексикон вошли слова и выражения типа «многобожец», «монотеист», «политеист», «неофит», «фундаменталист», «церковник», «духобор», «литургия», «митрополит», «кирха», «ереси», «жидовствующий», «мормон», «суннит», «шиит», «кришнаит», «конформист», «пресвитерианин», «евангельские христиане», «папский понтификат», «понтифик», «талмудист». Здесь мы сталкиваемся

прежде всего со словами вновь актуализированными и *возвращенными*, хотя появляются и новые лексемы, связанные, например, с созданием новых религиозных сект. Такие слова обычно заимствованные.

3. Поле-подтема «торговля» (отражающая западно-российские, восточно-российские и американско-российские отношения – как реальные, так и потенциальные). Эту группу представляют лексемы иноязычные и от них производные. В связи с данной подтемой в русскоязычном лексиконе и словарях появилась такая многочисленная группа слов и выражений, как «аваль», «авизо», «аллонж», «альпари», «андеррайтинг», «бартерная сделка», «бонификация», «бордеро», «депорт», «дискаунтер», «дистрибьютор», «локо», «лот», «политика мажоризации», «менеджер», «мерчандайзинг», «ностро», «олигополия», «олигопония», «пейджер», «первормер». Последнее слово – редкий пример русскоязычного образования, которое, впрочем, лишь калька, вероятно, с английского.

4. Поле-подтема «правовые отношения», в том числе и экономические (отражает внутригосударственную систему, их регулирующую и сдерживающую, а также правовые отношения за пределами данной страны). В связи с этим в русскоязычный лексикон прочно вошли такие слова и выражения, как «депозитарий», «дерегуляризация», «подзаконные акты», «экономическая ответственность (за ...)», «инжиниринг», «инсайдер», «монополия», «ноу-хау», «консигнат», «консигнатор», «консьюмеризм», «копирйт», «пирамида», «полис», «посессия», «траст», «прайвеси» и «прайвези», «прерогатива», «эсклюзив», «реституция», «субаренда», «секвестр», «ревизия международного договора». В этой группе слова недавно заимствованные соседствуют с хорошо знакомой лексикой, приобретающей качественно иное значение.

5. Поле-подтема «движения» разных толков (отражающая отношения формальные и неформальные в контексте современных экологических, молодежных, политических, религиозных проблем). В связи с этим в русскоязычный лексикон прочно вошли такие слова и выражения, как «моджахед», «панк», «нацист», «рейв», «паблик рилейшенз», «сатанизм», «мутаген», «скаут», «скинхед», «субкультура», «суицидент», «тайм-аут», «токсикомания», «трансгендеризм», «ультранационализм», «движение зелёных», «антиглобализм», «хиппис», «тусовка». Среди иноязычных заимствований немало слов жаргонного происхождения, зачастую искаженных фонетически, грамматически либо семантически.

На данном этапе описания лексики в русскоязычных словарях постсоветского периода мы не ставим перед собой задачи сделать это описание системным и всеобъемлющим, поэтому не будем описывать ту лексику, которая

образует *поля-темы* и *поля-подтемы*, о которых выше уже сказано было немало. Рассмотрим только несколько частных вопросов, связанных с теми единицами русского языка, которые в современных лингвистических словарях, издаваемых в России, составляют обширное семантическое поле «новая лексика».

Основные тематические группы лексем, пополняющие новейшие словари

Собственно говоря, если внимательно приглядеться к материалу, уже изложенному в этой книге, то можно заметить, что описанные нами только что иерархические отношения семантических полей распространяются также на процессы обновления лексического состава русскоязычных словарей.

Так, уже сами большие массивы лексики, описанные нами в главе 2, а именно: *собственно новая лексика (а)*, *актуализированная ранее известная лексика (b)* и *возвращенная в словари лексика прежних лет (с)*, – могут быть представлены, с точки зрения «теории поля»,¹⁰ как *семантические поля второго порядка*. А их, напомним, так же, как и основных тем, заложенных в основание *семантических полей второго порядка*, нами выделено *три*. Основаниями для объединения новой лексики в эти большие группы в данном случае будут следующие:

1) Для *(а)* основанием будет то, что, как правило, лексические единицы данной группы носителям языка совершенно не известны. Одни из них *(1а)* впервые заимствованы из иноязычных фондов – «баристер», «гамбургер», «вертебрология», с возможной адаптацией в новом языковом узусе. Другие *(2а)* могут быть лексемами в новом значении и/ли, возможно, в другой огласовке заимствованные русским языком – повторно, но уже из другого языка (не того же, что прежде). Такая единица может бытовать параллельно с русскоязычной: «консалмент» и «консалтинг», «бит» и «байт», «аккупунктура» и «иглоукалывание». Новая лексема *(3а)* может быть в этом случае также результатом современного словотворчества, образованием от корней своего языка или корней иноязычных: «аллилуйщина», «стержнезация», «политиканка».

2) Для *(b)* основанием будет то, что лексические единицы данной группы носителям языка в принципе известны, однако до недавнего времени встречались в речи нерегулярно. Актуализация их стала как бы веянием времени. Приведем примеры, соответственно подгруппам предыдущего пункта: *(1b)* лексемы иноязычного заимствования – «арьергард» в искусстве, «бакалавр», «гомосексуалист»; *(2b)* лексемы, которые в речи используются параллельно – «астрал» и

¹⁰ Данной, подходящей к нашему исследованию и к анализируемому материалу, поскольку теория поля в языкознании не одна, а их несколько.

«аура», «магистрант» и «дипломник», «хард-металл» и «тяжёлый рок»; **(3b)**, напротив, это освоенные лексемы, новизна которых проявляется в кардинально новом значении и приложению языковой единицы к качественно иному понятию, – «миротворец» с автоматом Калашникова в руках, международное «ВТО», «перестройка» в политике государства.

3) Для **(с)**, в свою очередь, основанием будет то, что лексические единицы данной группы были некогда известны носителям языка, но затем надолго оставлены за пределами советских лингвистических словарей из-за различных идеологических ограничений. Поэтому такие лексемы легко возвращаются и в речь, и в справочные издания. И возвращаются эта лексика в язык с теми же самыми – неизменными, неискаженными – значениями, какие имела в прошлом.

В соответствие с аналогичными лексическими группами двух первых пунктов приведем примеры **1с)** лексем иноязычного происхождения, в том числе нередко впервые открыто, приложимых к явлениям российской действительности, – «русский» + «либерал», «фашист», «геноцид»; **2с)** лексем, долгое время считавшихся устаревшими, вышедшими из употребления, однако обретших в новой российской действительности свое место и применение, – «есаул», «архиерей», «синагога», «раввин»; а также **3с)** лексем русскоязычного происхождения – «Дума», «всенощная», «новопреставленный», «кутья». В контексте общего семантического поля «новая лексика» эти три группы представляются, в нашем понимании, *основными*.

Такие тематические группы, которые также можно назвать, как уже говорилось выше, *полями*, всегда меньше по объему, чем большое целое, или все поле «новая лексика» как таковое. Внутри каждого такого *основного семантического поля* (тематического) несложно выделить по пять малых *полей* (по нашему определению – *подтематических*). Их составляют, по нашим наблюдениям: 1) языковые единицы, не соответствовавшие литературным нормам, с общим основанием «соответствие / несоответствие языковой норме»; 2) лексика, подвергавшаяся раньше идеологической цензуре, с общим основанием «включение / невключение в словарные фонды», по цензурным соображениям; 3) языковые единицы иноязычного заимствования, с общим основанием «русскоязычное / иноязычное происхождение» новой лексемы; 4) лексемы-производные от языковых единиц предыдущих трех групп, с общим основанием «словообразовательная пассивность / активность» включенных либо возвращенных в фонд словаря лексем; 5) новые лексемы-производные от лексики, словарями освоенной, с общим основанием «словообразовательная пассивность / активность» корней и лексем, уже освоенных русскими словарями. И все они, в

той или иной мере, подвержены – в контексте специфической «русской ментальности» – описанным выше процессам *деидеологизации / идеологизации*.

Лексические единицы, воспринимаемые сегодня как «новая лексика»

Перейдем теперь еще к некоторым группам лексики, объединенным и выделяемым нами уже с другой целью, на основании а) общей тематики и б) новизны для фондов русскоязычных словарей. Лексические группы той или иной тематики избираются при этом для описания их состава исходя из того, насколько эти группы актуальны в русскоязычном речевом контексте и насколько значительны по своему объему. Вот тематические группы тех лексических единиц, которые в современных русских лингвистических справочных изданиях воспринимаются носителем языка – в контексте российской ментальности – как «новая лексика»:

I. Новая лексика, связанная с программированием и обслуживанием компьютерной техники (иноязычные заимствования, словообразование, профессиональный жаргон).

II. Новая лексика, связанная с расширением кругозора носителей русского языка (история, политика, экономика, география, экология; заимствование и актуализация в устной и письменной речи историзмов, варваризмов, экзотизмов, а также этнонимов и топонимов).

III. Новая лексика, связанная с изменениями внутри государственной системы – территориальными, законодательными, общественными (иноязычные заимствования, словообразование, профессиональная лексика и профессиональные жаргоны).

IV. Новая лексика, связанная с развитием рынка, торговли и бизнеса – вопросами экономики, финансирования инвестиций, товарного оборота, законности торговых сделок (иноязычные заимствования, активное словотворчество, а также влияние жаргонов – профессиональных, субкультурных и криминального).

V. Новая лексика, связанная с развитием определенных областей науки и техники – космонавтики, генетики, медицины, парапсихологии и др.

VI. Новая лексика, связанная с изменением в духовной и физической жизни граждан страны – с изменением представлений в вопросах религии, философии, искусства, а также учебы, спорта, отдыха.

VII. Новая лексика, связанная с изменениями бытового характера – новые реалии повседневной жизни россиян.

Основанием для выделения таких тематических групп семантического поля «новая лексика» будет, прежде всего, мироощущение носителя русского языка (русской ментальности) и его самооценка в контексте новых, незнакомых или малознакомых для него, реалий жизни. С помощью названных тематических

групп можно не только наметить дифференцированный подход к массиву т. наз. «новой лексики», но и описать русскоязычную «картину мира», характерную для современной – *постсоветской* – эпохи. Тем самым будут описаны и такие фрагменты картины мира, которые характерны исключительно для восприятия носителей русского языка, причем только в специфических условиях России современной *постсоветской эпохи*. И уже этим данный лингвистический материал, на наш взгляд, интересен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen. // Stand und Ausgaben der Sprachwissenschaft. Hdlb., 1924.
- Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Hdlb., 1931.
- Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. Москва, 1980.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва, 1990.
- Новейший словарь иностранных слов и выражений. Справочное издание. Москва – Минск, 2002. (Без составителя.)
- Комплексный словарь русского языка / Под ред. А. Н. Тихонова. Москва, 2001.
- Уфимцева А. А. Теории "семантического поля" и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. Москва, 1961.
- Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. Москва – Ленинград, 1974.
- Русский семантический словарь / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1-2. Москва, 1998.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1-4. Москва, 1994.
- Современный словарь иностранных слов. Москва, 1993.
- Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов (с переводом, этимологией и толкованием). Москва, 1995.
- Большой толковый словарь иностранных слов / Сост. М. А. Надель-Червинская, П. П. Червинский. Т. 1-3. Ростов-на-Дону, 1995.
- Новейший словарь иностранных слов и выражений. Справочное издание. Москва – Минск, 2002. (Без составителя.)
- Большой словарь иностранных слов в русском языке. Москва, 1998. (Без составителя.)
- © Надель-Червиньска М., 2008

Наумова И. О.

Харьков, Украина

ЕВРОПА В ЗЕРКАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Abstract

The paper traces reflection of European history in Russian phraseological units of the English origin. Focus is on concept Europe both in the Russian political phraseology and international terminology.

Aim is to reveal linguistic and historical paths of popular Russian phrases concerning Europe and to present their navigation within historical phraseological space of Europe.

Блики истории подобны ослепительным вспышкам, озаряющим лоскуты исторической фразеологии, пеленгующей путь той или иной единицы родного языка. Тянущийся в обратном направлении шлейф истории одновременно с ее поступью вперед приоткрывает взгляду этимологов порой лишь отдельные фрагменты судьбы той или иной единицы, пряча в исторических покровах изгибы и их отражения на языковых тропах фразеологического пространства.

Истоки знакомых русских фразеологизмов, уходящих своими корнями в недра фразеологии английского языка, часто ведут к потайным лингвистическим родникам, вырывающимся из глубин истории европейского наследия.

Целью статьи является «проследить, откуда, как и кем эти мысли и выражения приводились и, иногда, с незначительными только изменениями, обошли все народы, – это составляет уже настоящее лакомство для умственных gourmets» [Михельсон 1997:V].

Фразеологическое зеркало истории прежде всего высвечивает сквозь фразеологические наслоения лицо главной героини данной статьи – **Европы**.

По данным Оксфордского этимологического словаря английского языка, это слово означает в переводе с греч. 'широкое лицо', что подтверждают происходящие политические события на данном континенте.

Существует и вторая версия, предполагающая параллель с 'востоком'. Ср. «**European** 1603, from L. Europa "**Europe**," from Gk. *Europe*, often explained as "broad face," from *eurys* "wide" + *ops* "face." Klein suggests a possible Sem. origin in Akkad. *erebu* "to go down, set" (in reference to the sun) which would parallel **orient** (q.v.)» [<http://www.etymonline.com>].

К сожалению, этимологические словари русского языка, как и словари иностранных слов русского языка, не включают в свой состав слово **Европа**. «Новейший словарь слов и выражений» дает ошибочную ссылку на происхождение данного понятия. Ср.: «перевод этого слова с древнегреческого языка – "широкоглазая" (разрядка – И.Н.)» [Новейший словарь 2007:308].

В России всегда со словами **Европа**, **европейский** ассоциировались представления о европейской цивилизации, культуре, стиле.

Ср. «**Европеец** (иноск.) – человек цивилизованный (также – западник)

Европейский – культурный

Европеизм – культурность (европейская)» [Михельсон 2006:210].

Екатерина II (1729-1796) полагала, что «Россия есть держава Европейская» (Начало

“Наказа” Екатерины II) [Душенко 2006а:304]. По мнению А. Ф. Кони, «пока у нас господствовало крепостное право и бессудие, государство не могло с полным правом назваться **европейским**» [Кони 1899:244].

К исконно русским фразеологизмам, посвященным **Европе**, в общеупотребительном языке относятся такие выражения, как, например:

– **Священные камни Европы** «Выражение это восходит, по-видимому, к романам Ф. М. Достоевского “Подросток” (1875) и “Братья Карамазовы” (1879)» [Ашукин, Ашукина 1966:600];

– **Галопом по Европам** «Название статьи поэта А. Жарова о поездке по Европе, опубликованной в газете “Комсомольская правда” в 1928 г. Популярности оборота способствовало также его употребление М. Горьким в статье “О пользе грамотности (1928)” [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000:113].

Из переведенных выражений популярность приобретают такие фразеологизмы, как, например:

– **Похищение Европы** «Прототипом послужило название картины М. де Воса “Похищение Европы” (кон.XVI в. Музей изящных искусств Бильбао), передающей содержание мифа о похищении Европы Зевсом [Словарь символов в искусстве 2003:104];

– **Окно в Европу** «Выражение из поэмы А. С. Пушкина “Медный всадник” Вступление: Выражение это, как указал в примечании к поэме сам Пушкин, восходит к итальянскому писателю Альгаротти (1712-1764), который в своих «Письмах о России» сказал: «Петербург – это окно, в которое Россия смотрит в Европу» [Ашукин, Ашукина 1966:475];

– **Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма** «Первая фраза “Манифеста Коммунистической партии», написанного К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1848 г. Первый русский перевод сделан в 1869 г.» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000:402].

Покрываясь наносимыми судьбой и временем историческими отметинами, Европа XXI века одновременно вносит в свой лингвистический арсенал новые выражения, которые оседают в ее языках, главным образом, в английском обличье или в их переводном варианте. Однако исторические прообразы данных единиц нередко восходят к другим европейским языкам.

Так, накануне празднования 50-летия со дня подписания **Римского договора** > англ. **The Roman Treaty / Treaty of Rome (1957)** особое звучание приобретают фразеологизмы, отражающие исторический путь Европы к единению.

Например: **баланс сил** > **balance of power**, **Европейское равновесие (сил) / Европейский баланс** > **European balance of power / European balance**, **европейский концерт** > фр. **Concert européen** (1814) < англ. **concert of**

Europe / European concert, **жандарм Европы** < фр. **de jandarm al Europei** (XIX век) < **policeman of Europe** < **policeman of World / world policeman** (XX век); **пан Европа** > **Pan Europa**, **старая Европа** > фр. **vieux Europe** < англ. **old Europe**, **новый порядок / в Европе** > нем. **neue Ordnung** (Гитлер,1941), ср. англ. **new world order** (Буш,1990) > **новый мировой порядок, Европа от Урала до Гибралтара** (Наполеон I, де Голль), ср. **Europe from Gibraltar to Ural; Европа отечеств** > фр. **L'Europe des Patries** (В. Гюго, 1849, де Голль 60-е гг. XX в.) < англ. **Europe of Fatherlands / Europe of Homelands** и др.

Эти выражения, главным образом, представляют термины языка политики. В современном русском языке они чаще всего употребляются как фразеологические кальки или заимствованные иноязычные фразы из английского языка.

Однако в историческом зеркале Европе высвечиваются европейские языки-прародители данных выражений, которые впоследствии, используя мосты, возведенные английским языком в XX веке, перешагивали из языка-источника через язык-посредник (английский) в русский и другие языки Европы и мира.

Именно приведенные выше выражения и создали фразеологическую почву, на которой взошли впоследствии обильные всходы английских выражений политической терминологии, переведенных с языка-источника на все языки мира, пополняя запасы интернациональной фразеологии.

Например: **Объединенные / Соединенные Штаты Европы** < **United States of Europe**, **Европейский Союз (ЕС)** < **The European Union (EU)**, **единая Европа** < **United Europe**, **Европа двух скоростей** < **Europe of two speeds / two speeds Europe**, **Новая Европа** > **New Europe** (Рамсфилд,2003), **Старая Европа** < **Old Europe** (Рамсфилд, 2003), **Шенгенская зона** < **Schengen zone** (1985) и др.

Постоянное стремление Европы к единению, расширению, разглаживанию полос и границ на своем лице отражалось на всем ее пути в исторических попытках создать то **единое европейское (культурное, образовательное...) пространство** > **common European (cultural, educational...) space**, которое приобрело свое новое название на рубеже XX-XXI вв. Напр.: *«Вся история и смысл ЕС состоит в развитии европейской интеграции и ... по усилению европейского пространства свободы, безопасности и правосудия»*; *«Европейское пространство высшего образования. Совместное заявление европейских Министров образования, подписанное в Болонье 19 июня 1999 года»*; *«Новая Европа и Европейское пространство»*.

Фразеология европейских языков мгновенно отражает изменения выражения лица Евро-

пы, политические изгибы ее черт, как углубленных ударами истории, так и разглаженных попытками достижения гармонии, уравновешения ее внутреннего баланса.

Так, современное выражение **баланс сил** < **balance of power** – калька с английского, которая в глубине истории восходит к своему прототипу итальянского происхождения – **Европейское равновесие (сил) / Европейский баланс**. Фраза **политика равновесия** приписывалась Лоренцо Медичи (1449-1492) [Ковальский 1991:213].

По данным “Оксфордского словаря английского языка”, о **равновесии сил** писал и итальянский гуманист Франческо Гвичардини (1483-1540) [Oxford Dictionary 1989:894].

Там же приводятся сведения о том, о выражение **равновесие сил** < **Balance of Power** упоминали в Англии не позднее 1677 г., **европейском равновесии сил** < **Balance of power in Europe** не позднее 1701 г. [Oxford Dictionary 1989:894] [цит. по Душенко 2006:522]. В 1806 году Фридрих фон Генц (Friedrich von Gentz) вновь внес ясность в это понятие в своем труде “Fragments on the Balance of Power”.

При Петре это понятие вошло в русский политический язык: «... политику имеют, дабы баланс в силах держать меж соседей (разрядка – И.Н.)» (программа торжеств по случаю Ништадтского мира 16 августа 1724 г. [Соловьев 1963:553].

Выражение **баланс (равновесие) страха** > **balance of fear**, введенное в политический лексикон министром иностранных дел Канады Л. Пирсоном [Markiewicz 2005:320] в апреле 1955 г., постепенно все чаще вытесняется в европейских языках прочно обосновавшимся в этих языках выражением **баланс сил** < **balance of power**.

Принцип воссоединения Европы руководил и созданием коалиций против Людовика XIV и Наполеона. Он же являлся основой вначале Гаагского концерта (согласия) в 1710 году, позже – знаменитого Венского конгресса (1814), который получил свое второе название: **Венский концерт / соглашение** < **Concert européen** < **Европейский концерт**. Данное французское выражение, послужившее этимологией для русской фразы **европейский концерт**, нередко заменяется в политической терминологии своими английскими эквивалентами, ср. **Concert of Europe** or **European concert**.. “Concert” по-французски означает также “согласие» [Душенко 2006:522].

В английском языке данное выражение расширяет свое семантическое поле, означая: ‘An agreement or understanding between the chief European powers to take only joint action in the (European) Eastern Question’ [Webster Dictionary 1968:202]. Ср. Соглашение и взаимопонимание ведущих держав Европы о принятии только совместных решений, действий, ка-

сающихся вопросов Восточной Европы (пер. – И.Н.).

Параллельно расширяется значение соответствующей переводной единицы и в русском языке. Ср.: «*Реальные корни Организации Объединенных Наций обнаруживаются в XIX в. в таком дипломатическом образовании, как “Европейский концерт” – первой попытке объединения*»; «*Европейский концерт наций основан на единстве духовного наследия*»; «*Ключевые слова: восточный вопрос, колониальный вопрос, европейский концерт*» и т.д.

Следующим прототипом **Единой Европы** был проект **пан Европа / Пан Европа** > **Pan Europe / PanEurope / Paneurope**. Ср. «*Пан-Европа. Идеята за кооперация между Европейските нации предложен от носителя на нобелова награда Граф Ричард Коуденхоув-Калерги*»; «*“Пан-Европа”, проект создания политического и экономического объединения капиталистических государств континентальной Европы*»; «*Известность он (Коуденхоув-Калерги – И.Н.) получил в 1923 году, после публикации своей книги “Пан-Европа”*».

Важной вехой, признанной началом нового процесса единения в XX веке, явилось подписание **Римского договора** > **(The) Roman treaty / Treaty of Rome**. Эта фраза приобретает особое звучание в наши дни, в связи с празднованием 50-летия этого события. Ср.: «*В Берлине начинаются двухдневные торжества, посвященные 50-летию подписания Римского договора, положившего начало процессу европейской интеграции*»; «*В Брюссель доставили парусник “Римский договор”*»; «*Bulgaria will launch a special edition of postmarks to mark the 50th anniversary of the signing of the Roman treaty*».

Римский договор ознаменовал создание **Европейского Экономического Совета** > **European Economic Council (ЕЕС)**. Возникают понятия **Общий рынок** > **Common Market**, **Европейский Экономический Совет (ЕЭС)** > **European Economic Council (ЕЕС)**.

Идея о создании **Европейского Союза** > **European Union** будоражила умы многих видных деятелей Европы во все времена: короля Богемии Г. Подебради в 1464 г., графа де Салли в XVII веке во Франции, а также и Вильяма Пена, который мечтал создать Парламент государств Европы.

Первый президент Америки, Джордж Вашингтон, предвидел появление **Соединенных штатов Европы** по модели Соединенных штатов Америки. В своем письме Маркизу де Лафайету он писал об этом. Виктор Гюго 1 августа 1852 года в Антверпене в своей речи также предсказал будущее Европы. Ср.: «*Будущее – это Соединенные Штаты Европы, Народы-Братья*». Ср. «*One day, on the model of the United States of America, United States of Europe will come into being*».

В марте 1831 г. Войцех Ястребовский в «Вечном мире между нациями» употребил термин **объединенные нации Европы**.

Виктор Гюго в своей речи на Международном Конгрессе Мира в Париже в 1849 году говорил об **Объединенных штатах Европы**. Он также раньше де Голля впервые произнес фразу **Европа отечеств**, которая зазвучала в полный голос в XX веке.

Известный итальянский философ XIX века Карло Каттаньо также писал о **Соединенных штатах Европы**. Эту же мысль поддерживал и Дж. Гарibaldi в 1867 г.

Л. Троцкий в 1923 г. предсказывал появление **Советских Соединенных Штатов Европы**. Ср. «Л. Троцкий. Разоружение и соединенные Штаты Европы».

В 1931 году были опубликованы две книги под названием «Соединенные штаты Европы» (француза Э. Херриота и англичанина А. Салтера).

Термин **Соединенные Штаты Европы** был использован и У. Черчиллем в его знаменитой речи, которую он произнес в 1956 году в Университете Цюриха.

Ср.: «Амбициозные планы европейских лидеров, планировавших создать **Соединенные Штаты Европы** и расширить союз чуть ли не до пределов Римской империи...»; «**Соединенные Штаты (Государства) Европы** – это вненациональная идея исторического развития, нашедшая свое первое воплощение в формации **Соединенных Штатов**», etc.

Политики Европы продолжают вносить свой вклад в копилку исторических фраз, произнесенных в честь воссоединения Европы. Так, вскоре после подписания Римского договора в 60-е годы появляется фраза Шарля де Голля – **Европа отечеств < l'Europe des Patries > Europe of Fatherlands (Europe of Homelands)**. Данное выражение часто используется в своем исконном виде – на французском языке.

Ср. «Если Франция сказала “нет”, значит, она сказала “да”. Наиболее рельефно такой подход выразил Шарль де Голль в знаменитом лозунге **“Европа отечеств”**. Ср. «Его лозунг **“Европа отечеств”** мешал глобалистским проектам европейской интеграции, минусы которой для Франции де Голль прозорливо предсказывал»; «На начальном этапе интеграции в центре дискуссий был вопрос о том, какой будет создаваемая **Европа – «Европой отечеств»** или **«Европой как отечество»**; «His call for **“A Europe of Fatherlands”** does not have quite the same progressive ring as Charles de Gaulle's **«L'Europe des Patries»**, etc.

Де Голль подарил Европе и фразу, ставшую крылатой во всех языках. Выражение **Европа от Гибралтара до Урала** > “...когда-нибудь Европа будет единой от Атлантики до Уральских гор” (речь в Шатре 19 июня

1965 г.) призывало народы к объединению, сохраняя свою идентичность [Молчанов 1980: 315].

Ср. «Считать Россию не Европой, по меньшей степени, наивно. **Европа** простирается не от **Атлантики до Урала**, а от **Америки до Дальнего Востока**»; «Надо поставить, прежде всего, вопрос, что такое **Европа**? Это пространство от **Гибралтара до Урала**. Россия это не только часть **Европы**, но и Азии»; «Деголлевский лозунг **«Европа от Атлантики до Урала»**, может быть реализован либо при вхождении России в Объединенную **Европу**, либо раздроблением России» и т.д.

Истоки этой мысли можно найти в высказываниях Наполеона I. Выступая в государственном совете в июле 1865 г., он говорил «об объединении европейских стран **“от Геркулесовых столпов [т.е. Гибралтара] до Камчатки”** с Францией во главе» [Ravignani 1969:163]. Ср. «Это исключительно амбициозная, но вполне реальная цель: сделать всю **Евразию — от Гибралтара до Камчатки — континентом свободы, процветания и сотрудничества**».

Таким образом, именно Наполеон I один из первых наиболее прозорливо определил будущее Европы, как бы подтверждая посыл, заложенный в первичном значении слова **Европа** – *‘широкое лицо’ > broad face*. Ср. его слова о расширении Европы на Восток и версию – о роли “востока”).

Он же обратил внимание на появившиеся старческие черты на лице Европы, прозвав ее **старой Европой**. Так, в беседе с Арманом де Коленкуром в декабре 1812 г., согласно «Мемуарам Коленкура» (1812), он сказал: «Война против России соответствует правильно понятием интересам **старой Европы** и цивилизации» [Душенко 2006:338]. Ему же принадлежат слова о роли Востока: Ср. «**Европа** – кротовая нора; великие империи и **великие перевороты были возможны лишь на Востоке**» произнес Наполеон весной 1798 г., перед Египетским походом, согласно «Мемуарам» Луи Бурьенна. [Там же: 287].

В современном русском языке недавно вновь появилась та же фразеологическая калька, но скопированная с английского прототипа выражения **старая Европа**, отколовшегося от фразы, сказанной министром обороны США Доналдом Рамсфелдом. На встрече с иностранными журналистами в госдепартаменте 22 января 2003 года он сказал: «Вы думаете, что Европа – это Германия и Франция. Я так не думаю. Я думаю, что это **старая Европа**. Центр тяжести [**Европы**] смещается на **восток**». Ср. «В отличие от **“новой Европы”**, о которой говорил около двух лет назад шеф Пентагона Доналд Рамсфелд...».

Фраза **старая Европа**, которая очерчивала географические масштабы континента Европы

и была произнесена Наполеоном I в декабре 1812 года, в XX веке значительно изменила характер своего смысла. Но, прислушавшись внимательно к интонации выступления министра обороны США, можно услышать знакомые смысловые обертоны выражения, произнесенного Наполеоном почти два века назад.

Рамсфелд дал рождение фразам **Старая Европа < Old Europe** и **Новая Европа < New Europe** (т.е. страны, недавно вошедшие в НАТО и ЕС). Ср.: «**Душа Европы** принадлежит нам, и больше никому. **Европа** может возродиться только в **новой** самобытной России, которая сама станет **Новой Европой**»; «**"Новая" Европа**. В Европейском Союзе, теперь включающем Болгарию и Румынию, проживает около 500 миллионов жителей»; «А что можно ожидать от **новой Европы?**»; «**СБСЕ и новая Европа** — наша безопасность неделима» и др.

К XXI веку история оставила свой след на лице Европы, исполосовав его историческими морщинами. И если уже в XVI веке возникли понятия **старый** и **новый континенты**, **старый** и **новый свет**, то к XX веку у Европы окончательно складывается репутация старушки. Например:

«**Старушка Европа** отдыхает. Сегодня в моде — *"красота по-американски"*. 21 мая 2001 г.»; «Горькие именины **старушки-Европы** Берлин готовится к торжествам. 25 марта здесь состоится специальная встреча лидеров государств»; «**Старушка Европа** по-разному отмечала международный день солидарности трудящихся» и др.

Ср. «I wonder if **Granny Europe** or complacent America might not find their resiliency muscles flabby when faced with crisis».

Старый континент > vieux continent < Old Continent / Old world

«**Старый континент** так и остался смесью *"высокой"* культуры и архаичных обычаев — Вавилонской башней».

Однако лицо Европы не обретает признаков симметрии как показателя заката или упадка. Оно меняется с каждым днем, вместе с бороздами времени приобретая новые качества, которые отражаются в ее фразеологическом зеркале. Ср.:

Европа двух скоростей > Two speeds Europe / Europe of two speeds. О странах ЕС, которые благодаря более тесной интеграции будут развиваться быстрее, и странах, которые будут отставать. По мнению Маркевича, выражение появилось на рубеже 1993-1994 гг. [Markewicz 2005:571].

Свой вклад в европейскую фразеологию вносит и Россия. В XIX веке она обрела прозвище «**Европейский жандарм / жандарм Европы < фр. de jandarm al Europei**». Так Россию прозвали за нарушение Европейского концрта (Венского договора).

А. Герцен писал: «Он [Николай] принимает на себя обязанность первого жандарма вселенной [**le premier gendarme de la terre**]» («Русский народ и социализм», опубликованной на французском языке в 1851 г., в русском переводе в 1858 г.) [Герцен 1956: 324]. Ср. «**Жандарм Европы**» — так стали называть Россию Николая I в 1850-е... *прямое покушение на европейский порядок и Венскую систему*; «В XIX веке Россия творила во всем мире то, что сегодня творят США (за что, кстати, заслужила от Маркса кличку *"европейский жандарм"*)» и др.

На основе данного выражения в XX веке рождается калька **мировой жандарм / мировой полицейский > gendarme de la terre < world policeman**. Авторство данной фразы приписывает Рузвельту: Ср. «Ему (Рузвельту — И.Н.) принадлежат выражения *политика большой дубинки* и *"мировой полицейский"*. В роли *мирового полицейского / жандарма* выступает Америка»; «У добряка» ЕС ничего не получается, вот тут на арене появляется мрачный, с огромными кулачищами *мировой полицейский* — Буш» и т.д.

В XX веке Россия дарит **Европейскому Совету** образное название **Общий европейский дом < Common European Home / All-European House**. Именно из русского языка данное выражение попало во все языки мира. По данным словаря Душенко, фраза была произнесена М. Горбачевым во время выступления на пресс-конференции в Рейкьявике. 12 октября 1986 г. «Нарастает ответственность за сохранение и упрочение нашего **общего "европейского дома"**» [Душенко 2002:111].

Ср. «Gorbachev first presented his concept of "our common European home" or the "all-European house" when visiting Czechoslovakia in April 1987». Ср. Горбачев впервые ввел в обиход понятие **"наш общий европейский дом"** во время посещения Чехословакии в апреле 1987 г. (пер. — И.Н.)

Прообраз этой фразы прозвучал еще раньше из уст Л. И. Брежнева в Бонне 23 ноября 1981 г, где он сказал: «**Европа — наш общий дом**».

Ср.: «**Common European home. Общий европейский дом**. Не случайно, что впервые руководитель Советского Союза обратился к ассамблее западноевропейских парламентариев именно в Совете»; «**Европейский дом: добро пожаловать — вход закрыт. Последние полтора десятилетия на европейском континенте наблюдается диверсификация миграционного процесса...**».

Другая фразеологическая единица русского происхождения **Шенгенская / шенгенская стена** всего лишь 5 лет назад проникла во все языки Европы, раздвигая границы Европы, постепенно заменяя использование пресловутого **железного занавеса > iron curtain** и **шенгенской визовой зоны > Schengen visa zone**.

На саммите ЕС – Россия в Санкт-Петербурге в июле 2003 г. В. Путин впервые произнес выражение **Шенгенская стена > Schengen wall**, приобретающее все большую популярность в фразеологии Европы.

Ср. «Под Петербургом прошел саммит Россия-ЕС. Владимир Путин сказал, что Россию и ЕС разделяет "**Шенгенская стена**»»; «Именно тогда из уст президента прозвучали слова о «**шенгенской стене**»; «...отделяет "**Шенгенская стена**", которая ограничивает свободу передвижения людей»; «опубликованное 29 июля 2003 года под заголовком "**Разрушить визовую стену между ... российской стороной впервые был озвучен термин "шенгенская стена"**»; «Today, the **Shengen wall is danger for the realization of European integrations and spread of democratic values in Europe**», etc.

Зеркало фразеологии Европы отражает многогранную историю этого континента, в нем высвечиваются лики исторических деятелей, писателей, великих людей своей эпохи, привнесших в ее интернациональные запасы лексики и фразеологии образные слова и выражения, оставляя яркий лингвистический след в политической лингвистике Европы и всего мира.

Русский язык также вносит свои слова и свои фразы в европейскую и мировую фразеологию, одновременно пополняясь новыми образными выражениями, получившими признание во всем мире. Взаимообогащение языков способствует созиданию духа Европы, являющегося вестником взаимопонимания и диалога народов мира.

«Говорят про Россию, что она не принадлежит ни к Европе, ни к Азии, что это особый мир. Пусть будет так, но надо еще доказать, что человечество, помимо двух своих сторон, определяемыми словами – Запад и Восток, обладает еще третьей стороной» (Петр Чаадаев) [Душенко 2006а:357].

ЛИТЕРАТУРА:

Ашукин, Ашукина 1966: *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова: литературные цитаты: образные выражения. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1966.

Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: *Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000.

Бурьенн 1836: *Бурьенн Л.* Записки о Наполеоне. Т. 4. СПб., 1834.

Герцен 1956: *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 7. М., 1956

Душенко 2002: *Душенко К. В.* Словарь современных цитат. М., 2002.

Душенко 2006: *Душенко К. В.* Цитаты из всемирной истории: от древности до наших дней. М., 2006.

Душенко 2006а: *Душенко К. В.* Универсальный цитатник политика и журналиста: 6000 цитат о по-

литике, правосудии и журналистике. 4-е изд., исправл. М., 2006.

Займовский 1930: *Займовский С.* Крылатое слово: Справочник цитаты и афоризма. М., Л., 1930.

Ковальский 1991: *Ковальский Я.* Папы и папство. М., 1991.

Кони 1899: *Кони А. Ф.* Памяти С. Н. Зарудного. СПб., 1899.

Михельсон 1997: *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 1. М., 1997.

Михельсон 2006: *Михельсон М. И.* Толковый словарь иностранных слов, пословиц и поговорок. М., 2006.

Молчанов 1980: *Молчанов Н.* Генерал де Голль. М., 1980.

Новейший словарь 2007: *Новейший словарь иностранных слов и выражений.* Мн., 2007.

Словарь символов в искусстве 2003: *Словарь символов в искусстве: Иллюстрированный ключ к живописи и скульптуре.* / С. Карр-Гоммс; пер. с англ. М., 2003.

Соловьев 1963: *Соловьев С. М.* История России. Кн. 9, 18. М., 1963.

Markiewicz, Romanivski 2005: *Markiewicz H., Romanivski A.* Skrzydlate slova. Warszawa, 2005.

Oxford Dictionary 1989: *The Oxford English Dictionary.* -2nd ed. -vol. I. Oxford, 1989.

Ravignani 1969: *Ravignani P* Ce que Napoleon a vraiment dit. Paris, 1969.

Webster 1968: *Random House Webster's Unabridged Dictionary,* 1968.

© Наумова И. О., 2008

Нахимова Е. А.

Екатеринбург, Россия

МЕТОДИКА ОПИСАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН

Abstract

Here we present a scope of methods applied to description of such precedent names that form metaphorical source "The History of Russia" in modern press. We differentiate between productive and non-productive, one-target and multi-target types of precedent names, describe connotative and denotative, evaluative and non-evaluative use of precedent names.

В арсенале прецедентных имен, которые активно используются в современных СМИ [Гудков 2003, Красных 2003, Нахимова 2007, 2008 и др.], значительное место занимает сфера-источник «Политическая история России». Имена политических лидеров прошлых веков (царей, императоров, президентов, генеральных секретарей и др.), которые в силу их широкой известности легко воспринимаются адресатом, создают богатые возможности для апелляции к соответствующим личностным качествам, ситуациям, действиям, высказываниям и текстам [Нахимова 2007, 2008]. По

справедливому замечанию Г. Г. Слышкина, «историческое знание составляет важный элемент не только культуры, но и лингвокультуры, получая языковую реализацию в виде исторических метафор, цитат и аллюзий» [Слышкин 2007 : 82]. В русской национальной лингвокультуре существует своего рода поле прецедентных имен людей, сыгравших важную роль в развитии российского государства и – шире – мировой цивилизации. Эти прецедентные имена нередко становятся своего рода ориентирами, по которым оценивают деятельность, политические и личностные качества наших современников.

Основная задача настоящей статьи – рассмотреть методику описания прецедентных имен, восходящих к сфере-источнику «История России». Материалом для данного исследования послужило прецедентное имя «Лжедмитрий», которое активно используется в современных российских СМИ.

Герои Смутного времени *Козьма Минин* и *Дмитрий Пожарский*, как и приведенный ими к царскому венцу *Михаил Романов*, уже давно заняли почетное место в истории России, а их имена уже четыре столетия воспринимаются как прецедентные, как своего рода символы служения Отечеству. Вместе с тем важно отметить, что интерес для лингвокогнитивного исследования представляют не только имена национальных героев, заслуживших искреннее восхищение потомков, но и имена властителей, которые воспринимаются негативно, став образцов неискренности, эгоизма и стяжательства. К числу последних относится и прецедентное имя *Лжедмитрий*, аксиологическая характеристика которого заложена в самой его внутренней форме. Негативная оценочность присутствует также в вариантах *Гришка Отрепьев*, *Лжедмитрий* и *Самозванец*.

Источником для данного исследования послужила полнотекстовая база современных печатных и электронных СМИ, содержащая более двух миллионов современных текстов. На этой основе было выявлено более 170 апелляций к указанному прецедентному концепту, зафиксированных в «Национальном корпусе русского языка» и/или представленных на Интернет-сайтах российских общенациональных газет («Завтра», «Известия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Московские новости», «Независимая газета», «Новые известия», «Российская газета», «Советская Россия», «Труд» и др.) и других Интернет-сайтах или Интернет-порталах (Regnum, Yandex, Mail.ru и др.). В процессе исследования учитывалось не только обозначение *Лжедмитрий*, но и его варианты – *Лжедмитрий*, *Тушинский вор*, *Гришка Отрепьев*, *Самозванец* (только в тех случаях, когда имеется в виду именно *Лжедмитрий*).

Историческая справка:

ЛЖЕДМИТРИЙ I (?—1606), самозванец на русском престоле. По официальной историографии, Л. — беглый монах Чудова монастыря Григорий Отрепьев (в миру Юрий), в 1601 г. объявивший себя сыном царя Ивана IV Грозного царевичем Дмитрием, который погиб в детстве от несчастного случая в Угличе. Воспользовавшись заговором бояр против Бориса Годунова, Л. с горсткой польских авантюристов и бандой казаков 7 сентября 1604 г. отправился добывать себе русский престол. Крохотная армия его стремительно росла: население и казаки непрерывно пополняли войско «законного» царя; города открывали ворота без боя. Смерть Бориса Годунова и убийство его сына Федора ускорили победу Л., добывшего себе престол, не выиграв ни одного сражения. Во время своего краткого правления (1605—1606) Л. показал себя человеком широких взглядов, обладающим внутренней свободой, сторонником веротерпимости, что не могло не вызвать опаску у ревнителей отеческой старины. Стремление Л. лично управлять государством перечеркнуло боярскую мечту об управлении страной через царя-марионетку, и Л. был убит боярами-заговорщиками после свадьбы с Мариной Мнишек. Это произошло 17 мая, через 14 лет после гибели настоящего царевича Дмитрия (15 мая 1591 г.).

ЛЖЕДМИТРИЙ II («Тушинский вор») (?—1610), второй самозванец на русском престоле, выдававший себя за сына Ивана IV Грозного — Дмитрия. Неизвестно, кто он и откуда родом; ему приписывали много имен, но чаще всего называют — Матвей Вережкин. Бражник, злодей, пьяница и убийца, Л. II был уродливой карикатурой на первого Л. — блестящего, талантливого и верующего человека. В 1607 г. выступив в поход во главе польских отрядов, желавших пограбить ослабевшую Русь, Л. II завоевал огромные территории Русской земли (1608), основав в своем лагере около местечка Тушино вторую столицу и сделав царя Василия Шуйского жалким затворником в Москве. Зверства тушинцев описаны современниками. В воровском стольном граде появилась и царица — все та же Марина Мнишек. Разбитый в сражении князем Скопиным-Шуйским и шведским отрядом под командованием Якоба Дела-гарди, Л. II бежал в Калугу, где в 1610 г. был убит. (Новейший энциклопедический словарь 2006).

Было бы весьма интересным определить, какая именно часть представленных в данных словарных статьях фактов составляют содержание прецедентного имени *Лжедмитрий*, и

выявить полный состав существенных признаков этого прецедентного имени в современном русском национальном сознании. Отметим также, что в современных СМИ «Лжедмитрии», как правило, не «нумеруются»: видимо, различия между ними воспринимается как несущественные. Главный смысловой признак, служащий основой для сопоставлений и аллюзий, – это «самозванство, неподлинность, обман и национальное предательство».

В современной лингвистике разграничивают денотативное (в первичном значении) и коннотативное (в метафорическом значении или в составе компаративной конструкции) использование прецедентных имен. В первом случае прецедентные имена указывают непосредственно на денотат (или сигнификат), то есть при использовании исследуемого прецедентного имени сообщается именно о человеке, который, выдавая себя за сына Ивана Грозного, стремился стать русским царем. Ср.: *В Православной церкви регламент брачных отношений отразился, например, в днях браковенчания. Не венчают у нас во время постов, накануне постных дней, также накануне дня воскресного и накануне больших церковных праздников. Григорий Отрепьев, прозванный **Лжедмитрием**, например, очень подорвал свой авторитет тем, что венчался в четверг, накануне дня святителя Николая* (С. Николаев. Плата за грехи невоздержанья – Труд, 29.11.2000).

При коннотативном употреблении имеются в виду уже люди совсем иных эпох, которые в чем-то похожи на человека, который в начале XVII века выдавал себя за сына Ивана Грозного и на этом основании претендовал на российский престол. Ср.: *Сей доблестный "офицер", с распухшим лицом швейцара уездного борделя, умудрился влезть во все навозные кучи ельцинского беспредела. Казалось бы, куда теперь Полякову лезть? Сиди себе тихо, замаливай грехи по монастырям. Нет. Вылез, как упырь из могилы. С гордостью заявил, что самолично на какой-то бумаге Руцкого наклевал: "**Лжедмитрий!** Арестовать!.."* (В. Шурьгин. Отморозки – Завтра, 2006, №516).

Рассмотрим наиболее типичные варианты смыслового варьирования, которые зафиксированы в современных российских СМИ при коннотативном использовании имени собственного *Лжедмитрий* (журналисты нередко используются и названные выше варианты *Лжедмитрий*, *Гришка Отрепьев*, *Тушинский вор* и *Самозванец*).

1. Человек, который, стремясь занять престол, выдает себя за сына монарха (как Лжедмитрий, который выдавал себя за сына Ивана Грозного). Ср.: *В каждой стране есть свои **лжедмитрии**. Во Франции таких мошенников насчитывалось несколько десятков. И все они боролись за право именоваться Людовиком XVII. С тех пор прошло два века, но точку*

в этой истории ставят только сегодня (А. Яшлавский. Сегодня похоронят Людовика XVII – Московский комсомолец, 08.06.2004).

2. Человек, который, стремясь получить какую-то выгоду, выдает себя за сына известного человека (но не монарха). Такой вариант отличается от предшествующего только тем, что объектом претензий становятся не права на трон, а какие-то совсем иные права. Ср.: *Пусть он ссылается на кого угодно. Эти "**лжедмитрии**" время от времени заявляют о себе преимущественно со страниц бульварных газет. Один даже требовал эксгумации отца для генетической экспертизы. В связи с этим заявляю: у меня есть единственный родной брат, Аркадий. Других не знаю* (Н. Высоцкий. Интервью – Труд, 25.07.2006).

3. Женщина, которая, стремясь получить какую-то выгоду, привлечь к себе внимание, выдает себя за жену (подругу и т.п.) известного человека (как Лжедмитрий, который выдавал себя за сына Ивана Грозного). Ср.: *Следствия этой фантазии разнообразны, как и возраст поклонников, их род занятий и идеология. Абсолютно привычная картина, когда в ходе очередного тура возникают очередные Лжедмитрии в гофрированных юбках, которые делают сенсационные признания. Это как прогноз погоды: раз группа выехала в тур – быть новым любовницам и внебрачным детям* (О. Сапрыкина. Илья Лагутенко утек от жены к модельерше – Комсомольская правда, 28.09.2002).

4. Человек, который без достаточных оснований выдает себя за законного главу государства (как это делал Лжедмитрий, выдавая себя за законного царя), хотя и не мотивирует это династическими законами. Ср.: *Как и следовало ожидать, "альтернативным президентом Южной Осетии" избран перебежчик Дмитрий Санакоев. Более того, по данным Государственного комитета печати и информации Южной Осетии, под эгидой этого "альтернативного президента", которого уже называют осетинским **Лжедмитрием**, грузинской стороной в форсированном темпе создаются вооруженные формирования под названием "армия Нижней Осетии"* (Без автора. Урановый скандал – Regnum, 14.02.2007).

5. Человек, который, стремясь получить какую-либо выгоду, выдает себя более значительную персону, чем он является в действительности (как Лжедмитрий, он же Гришка Отрепьев, который выдавал себя за законного наследника российского престола). Ср.: *Стало быть, ежели прет напролом гражданское автo без картинок, но с мигалками, знай — жулик, самозванец, словом — **Гришка Отрепьев**... К ногтю его!* (В. Травин. Крякалки души – Московский комсомолец, 28.09.2006).

6. Политический лидер, который, возглавляя государство, проводит антинациональную политику, лоббирует интересы другого государ-

ства (как Лжедмитрий, который был проводником польских интересов в России). Ср.: *Подозреваю, что если в нынешних российско-чеченских взаимоотношениях ничего не изменится, то лет через 50 в Чечне будут писать книги, как отец и сын Кадыровы (фактически Минавы и Пожарские в одном лице) боролись с международным терроризмом и Шамилем Басаевым (400 лет назад это были "польские интервененты" и Лжедмитрий)*. (Т. Алиев. Чеченское общество – Известия, 08.11.05).

7. Человек, который спасаясь от ареста, выпрыгивает в окно, надеясь укрыться за границей (как Лжедмитрий, который в аналогичных обстоятельствах пытался сбежать через окно), а также о любом человеке, который спасается бегством. Ср.: *Харизма, или обаяние, вещь обманчивая, как любое чувство. Вчера Собчак был национальным героем, публика млела от его "выходов" к микрофонам Верховного Совета, его грудная надсадная фистула звенела в ушах народа, как прежде голос диктора Левитана, а сегодня он — жалкий симулянт инфаркта, неубедительный актер клубной самодеятельности — в пижаме кардиологического центра прыгает в окно Европы, как Гришка Отрепьев* (А. Лысков. Харизмы – Завтра, 01.07.98).

8. Человек, который, не имея реальных прав и достоинств, сумел хотя бы не надолго «обольстить» Россию, повести за собой ее народ и стать ее высшим руководителем. Ср.: *Однако назваться «другой Россией» всякий дурак может. Вот оправдать свои претензии, доказать, что и вправду можешь, как некий новый Лжедмитрий, обольстить и покорить Россию, немного сложнее. И задача эта явно не экс-премьера. Опускать российский ТЭК он, может, и рад бы - в случае, если бы оказался в Кремле. Вопрос лишь в том, как там оказаться?* (Н. Васильева. Бесовщина – Комсомольская правда, 08.09.2006).

9. Человек, который, получив широкую известность, говорит, что он все делает во имя интересов родной страны, но в действительности своими действиями приносит вред России (как Лжедмитрий, который нанес большой урон России). Ср.: *Григорьев называл писателей, сплотившихся вокруг "Современника" и "Отечественных записок", включая Некрасова и Салтыкова-Щедрина, "тушинскими ворами", то есть самозванцами, разрушителями России*. (Е. Евтушенко. В начале было слово – Труд, 17.07.2003).

10. Человек, способный воодушевить толпу на бунт, на иные противоправные и вредные действия (как Лжедмитрий, который встал во главе мощного восстания и захватил власть). Ср.: *Поговаривали и о коварных политехнологах в штатском, подстроивших управляемый погром для протаскивания закона об экстремизме — возможном наморднике*

на прекрасное лицо наших демократов. И никто не расценил этот мини-бунт как пока еще первую волну, докатившуюся от громадной бездны деклассированной молодежи без прошлого и настоящего. И если быстро не дать им приемлемого для них будущего, обязательно объявится харизматик. Была бы критическая масса для взрыва, а уж Гришка Отрепьев найдется (Б. Ноткин. На голубом глазу – Московский комсомолец, 13.08.2002).

11. Человек, которого зовут Дмитрий, но не соответствующий требованиям к лидеру, руководителю, идейному вождю (как Лжедмитрий не обладал качествами «подлинного» царевича Дмитрия). Ср.: *Также участники акции раздавали листовки, которые назывались "Патриотизм Rogozina – это блеф. Его имя – Лжедмитрий"* (Без автора. Потасовка на Московской Международной книжной выставке-ярмарке – Труд, 08.09.2006).

12. Человек, олицетворяющий все худшее, что может быть в политике, который стремится к власти или близок к людям власти. Ср.: *Власть распалась на кучку грызущихся клик, между ними туда-сюда снуют юркие люди, донося очередному хозяину на прежнего. От ЮКОСа к "Альфа-груп", от нее к Березовскому, от того к Путину, потом обратно и т.д. Это называется "система сдержек и противовесов". Как будто Гришку Отрепьева с Распутиным скрестили, а их сыночка клонировали и всю эту шуштуру к нам во власть запустили* (А. Карпендер. Крах менеджеров – Завтра, 25.05.2005).

Показательно, что в рассмотренных материалах не обнаружено контекстов, в которых бы акцентировались какие-либо положительные свойства Лжедмитрия, в том числе отмеченные многими специалистами образованность, широта взглядов, веротерпимость, знание народной жизни и понимание мотивов социальных движений.

Можно заметить, что в последние десятилетия чаще всего прецедентное имя Лжедмитрий используется по отношению Борису Ельцину. Это трудно назвать справедливым (Ельцин – первый демократически избранный президент России), но для оппозиционной прессы подобные аллюзии весьма типичны. Ср.: *Даже немогущий Ельцин по ночам исповедуется Пушкину за свои злодеяния, стремясь уподобиться Ивану Грозному, хотя роль ему отведена в русской истории Гришки Отрепьева с его разорением России. Нет за Ельциным никакой присоединенной Казани, один лишь разор и мор...* (В. Бондаренко. Маскарад – Завтра, 15.06.1999). *Чистое фарисейство, будто бы мы, современники, не судьи этому «выдающемуся» властолюбцу. Потомки с нас ещё строго взъищут, что отдали малодушно страну на поругание безумцу, прислужнику её недругов. Не Стенька Разин уральскому «удальцу»*

предтеча, а Тушинский Вор. А ведь чуть ли не в русские линкольны — отцы демократии — Ельцина записали. (Без автора. Из дневника Политолога. Лето красное олигархов – Советская Россия, 03.07.2007). На упомянутой встрече Клинтона с Черномырдиным президент США так оценил «неминуемую победу» Ельцина: «Ничего подобного еще не было за всю тысячелетнюю историю России...». Конечно, Клинтон плохо знает русскую историю: в ней был Гришка Отрепьев, который выдавал себя за царя (Лжедмитрий I). И была боярская Дума, признавшая самозванца в 1605 году царем, как это сделала 7 декабря 1997 года российская Госдума. (А. Морозов, А. Палицын. Двойники – Завтра, 26.05.1998).

В рассмотренных материалах зафиксированы и случаи использования прецедентного имени Лжедмитрий по отношению к другим политическим лидерам последних десятилетий – М. С. Горбачеву, В. В. Путину, а также по отношению к Г. А. Явлинскому, А. А. Собчаку, А. В. Руцкому и др. Вместе с тем в наших материалах не зафиксированы случаи, когда Лжедмитрием называли бы кого-то из коммунистических вождей. Можно заметить, что на рубеже тысячелетий количество обращений к прецедентным именам, восходящим к Смутному времени, значительно увеличилось, поскольку нередко проводятся параллели между Россией на рубеже XVI-XVII и на рубеже XX и XXI вв.

Национальная система прецедентных феноменов постоянно развивается, поскольку каждая историческая эпоха выстраивает свой вариант исторического развития общества и рождает свои представления о качествах той или иной личности. Общеизвестно, что образы Ивана Грозного, Павла I, Николая I Палкина или Александра II Освободителя неодинаково воспринимались в начале XX века, в его середине и в современную эпоху. Эта закономерность в еще большей степени проявляется при рассмотрении отечественных политических лидеров прошлого века: в частности в последние два десятилетия существенно преобразуются оценочные характеристики А. Ф. Керенского, В. И. Ленина, И. В. Сталина. Однако процесс этих преобразований совершенно не коснулся рассматриваемого прецедентного имени: вот уже много веков восприятие Лжедмитрия в российском национальном сознании остается совершенно негативным. В начале XXI века, как и в прошлые столетия, сопоставление с Лжедмитрием (а также Тушинским вором, Гришкой Отрепьевым) воспринимается как оскорбление, как сильное и этически небезупречное средство прагматического воздействия.

Сопоставляя рассматриваемое прецедентное имя с именами других руководителей России и Советского Союза, следует выделить его следующие параметры.

1. Высокая частотность использования и вариативность плана выражения (*Лжедмитрий, Лжедмитрий, Гришка Отрепьев и Тушинский вор, Самозванец*). Показательно, однако, что в современных текстах совершенно не встречается обозначение *Дмитрий Иоаннович*.

2. Стабильная негативная оценочность. В отличие от политических лидеров, которые в одних контекстах оцениваются положительно, а в других – отрицательно (например, *Петр I* или *Екатерина II*), имя *Лжедмитрий* постоянно используется в негативных контекстах.

3. Вариативность коммуникативных смыслов. Существуют прецедентные имена, которые, как правило, используются в условиях акцентирования одних и тех же смысловых компонентов (например, *Иоанн Антонович* – младенец на троне). Для прецедентного имени *Лжедмитрий* характерно богатство возможных смысловых оттенков.

4. Типичность коннотативного использования. Рассматриваемое имя широко используется для обозначения самых разных людей, которые в том или ином смысле стремятся занять «не свое место», выдать себя не за того, кем они на самом деле являются.

5. Дискурсивная нефиксированность. Прецедентное имя *Лжедмитрий* используется не только в политическом дискурсе, но и в рекламных, спортивных, бытовых и иных текстах.

Исследование апелляций к имени *Лжедмитрий* (а также *Лжедмитрий, Тушинский вор, Гришка Отрепьев, Самозванец*) показывает, что функционирование прецедентных имен в современных текстах определяется не только политической ролью соответствующего человека в истории России, но и другими факторами, среди которых, во-первых, личностные качества, события и детали политической биографии, важные для далекого прошлого, во-вторых – стереотипы восприятия, политические мифы и анекдоты, которые определяют восприятие рассматриваемой личности в новую историческую эпоху, а в-третьих – степень свободы и ответственности журналистов и редакторов. В огромной базе данных «Национального корпуса русского языка» нет ни одного случая сопоставления И. В. Сталина, Н. С. Хрущева или Л. И. Брежнева с Лжедмитрием, но пришла иная эпоха, и сопоставление новых руководителей России с самозванцем Гришкой Отрепьевым активно используется оппозиционной прессой.

Представляется, что использование предложенной в настоящей статье методики может создать условия для достаточно полного описания значительного корпуса прецедентных имен, используемых в современной прессе, что в свою очередь позволит полнее понять сущность прецедентности и специфику ее функционирования в отечественных СМИ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
2. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
3. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007.
4. Нахимова Е. А. Прецедентное имя *Керенский* в современных отечественных СМИ // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24).
5. Национальный корпус русского языка // Интернет-ресурс. Режим доступа: guscorpora.ru.
6. Новейший энциклопедический словарь: 20 000 статей. М., 2006.
7. Слышкин Г. Г. Концепт личности как элемент лингвокультурной историосферы (на материале концепта «Талейран») // *Ethnohermeneutik und cognitive linguistic*. Landau, 2007.

© Нахимова Е. А., 2008

Сенковска Э.

Варшава, Польша

Перевод: Шетеля В.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА XX – XXI ВВ.**

Abstract

In this article we analyze new collocations that are typical of modern Polish general public and political discourse. The necessity to register these collocations in dictionaries sets forth the aims as follows: to determine degree of their stability; to provide clear definitions; to find reasons that formed the ground for appearance of such collocations in speech. Such structures' analysis demonstrates modern linguistic trends in political discourse and helps to determine the nominative, axiological and pragmatic functions of these collocations.

Работа над языковым материалом, собранным в «Словаре политических и общественных понятий стран Центральной и Восточной Европы» („Słownik pojęć politycznych i społecznych krajów Europy Środkowej i Wschodniej” – далее: SPPS) в польской языковой версии, а также лингвистическая литература, касающаяся политического дискурса на рубеже веков, дает повод для некоторых размышлений.

Нет сомнения, что в политической коммуникации данного периода самые большие изменения произошли в области словаря и фразеологии (Kudra [Кудра – здесь и далее в квадратных и круглых скобках примечания переводчика] 2001: 3; Borkowski [Борковский] 2003; Dabert [Даберт] 2003; Mosiołek-Kłosińska [Моциолек-Клосиньска] 1999: 52-60)¹. В политическо-журналистском дискурсе оказалось множе-

ство заимствований, производных (дериватов) от чужих основ и исконных слов, а также слова и составные номинации, вошедшие в общепольский язык из специальной терминологии. Эти слова (термины) ограниченной до сих пор сферы употребления можно определить как внутриязыковые заимствования. Явление это было одним из первых проявлений влияния внешних факторов на общепольский язык в период трансформации (трансформацией в Польше называют реформы в перестроечный период – замечание переводчика) [Kwiek-Osiowska 1989: 233-235; Satkiewicz 1994: 143-147]. Тенденция эта удерживается. В данном случае следует обратить внимание на то, что употребление специальных слов в политическом дискурсе влечет за собой семантическую модификацию, обусловленную типом передачи и языковой компетенцией говорящего. Возьмем, к примеру, термин *prywatyzacja* (приватизация), который, кроме того, что выступает в экономических контекстах, ср.: *prywatyzacja uporządkowana* (улаженная приватизация), *prywatyzacja dzika* (дикая приватизация), *prywatyzowanie usług komunalnych* (приватизация коммунальных услуг), *prywatyzowanie usług medycznych* (приватизация медицинских услуг), также употребляется в словосочетаниях, показывающих расширяющуюся сферу их употребления. Затемнение специального значения путем прямой связи с основой *prywatny* в значениях *prywatyzacja wiary* (приватизация веры), *prywatyzowanie władzy publicznej* (приватизация публичной веры), *prywatyzowanie relacji publicznych* (приватизация публичной реляции) „присоединение чужих в сферу „наши””, *prywatyzacja państwa* (приватизация государства), ср.: „(...) *prywatyzacja państwa przejawia się w tym; że stanowisko i instytucje państwowe wykorzystywane są do celów prywatnych, a nie do celów publicznych* (приватизация государства проявляется в том, что должности в государственных учреждениях используются для собственных, частных нужд, а не для общего дела)” (газета „Rzeczpospolita” 5-6 VI 2004). Данного типа сочетания зафиксированы в SPPS, так как доказывают использование семантической модификации в повседневной печати.

Большое текстовое и общественное *выпрямление* (экстензия) специальных терминов негативно отразилось на восприятии официальных сообщений на польском языке. Часть общества значение множества слов воспринимает туманно, поскольку в основе понимания заложено первичное восприятие семантики типичных словосочетаний, – и множество таких инноваций оценено как лишние [Walczak 1998: 500].

В SPPS эти процессы будут учитываться благодаря введению цитат, актуализирующих текстуальное значение лексем. Опора на текст позволит определить смысл и область исполь-

¹ Отмечаю здесь самые важные позиции, поскольку литература вопроса о семантических изменениях в языке политики после 1989 г. весьма богатая.

зования данного слова или словосочетания. Тексты необходимы для интерпретации семантики слов и определения их коннотации, а также это является важным для оценки ситуативной прагматики.

SPPS, включающий языковой материал за 1998-2003 гг., представляет избранный фрагмент лексики в момент образования, показывает некоторые речевые явления. Все это имеет отношение как к семантике слов, так и к отмеченным словосочетаниям, которые в большинстве случаев являются неустоявшимися неологизмами. Именно этим словосочетаниям я хочу посвятить свою статью.

Т. Смулкова отмечает, что неустоявшиеся неологизмы интересны исследователям по нескольким причинам: они «выступают в публицистических текстах, адресованных широкому кругу носителей языка; их исключительно много; их существование является признаком публицистической языковой разновидности; они характерны для письменной речи; принадлежат, по крайней мере в течение недолгого времени, и, в большинстве случаев, к плану речи, именно поэтому на их примере можно отслеживать процессы, тенденции, имеющее влияние на эволюцию современной лексики; позволяют лучше познать процесс дешифровки неологизмов и текстов, их содержащих, (...); позволяют лучше узнать сложную формально-смысловую структуру дериватов (производных); по причине их количества являются важным фактором при определении степени продуктивности словообразовательных средств; они часто результат индивидуальных (авторских) находок, и имеет множество данных на тему функционирования рассматриваемых слов (словосочетаний); они важный источник информации о необходимости в современном польском языке новых номинаций» [Smółkova 2001: 31].

В исследуемом нами материале мы отметили большое количество новых словосочетаний (составных наименований, «союзов слов») с разной степенью устойчивости. Преобладают среди них имена существительные, что свидетельствует о перевесе такой функции языка, как номинативная функция. Их «новизна» определяется лексикографическим критерием – в случае SPPS необходимо определить: входит ли данный союз слов в „Универсальный словарь польского языка” (далее: USJP), поскольку этот словарь является для нас исходным при анализе словника. Союз слов характеризуется тем, что он отпечатан в памяти и воспроизводится в неизменной форме, являясь семантической целостностью [Nowakowska 2005: 24]. Необходимо определение: цитированное соединение является устоявшимся неологизмом или же представляет собой более сложную проблему из-за незначительного количества времени его употребления. В ходе работы делается попытка определить частотность упот-

ребления данной единицы, с опорой на ранние лингвистические публикации на данную тему; определяется источник, происхождения, а также автор текстов; учитываются терминологические группы, существующие в словаре, важные для понимания целей и задач, которые ставил перед собой автор, и отделяются новые единицы от повсеместно использованных, традиционных)². Эти операции позволяют проследить этапы адаптации составной единицы в польском языке.

Проблема семантической интерпретации союзной единицы зависит от использования конкретного соединяющего выражения, от типа текста, контекстуальная семантика является здесь решающей; дополнительным критерием является языковая компетенция исследователя, а также его знакомство с ситуативными реалиями. Это важно именно для неологизмов, неотмеченных в словарях.

Составные (союзные) словные единицы выполняют две главные функции: уточняют семантику определяемого выражения, выделяя отобранный семантический элемент, или же помещают описываемый десигнат в оценивающей перспективе (т.е. определяется потенциал адаптации, вхождения в язык – примеч. переводчика).

Самым важным в отношении исследуемого материала является факт того, что соединения создаются вокруг ключевых слов, имеющих высокую значимость в официальных текстах, характеризующих период трансформации.

Представим примеры. О лексеме *demokracja* я уже писала в другой своей работе [Sękowska 2004: 66-70]; здесь я напомним самые важные положения этой статьи и представлю новый материал. Выражений, отражающих способ функционирования демократии – реального политического строя в Польше – великое множество, напр., *demokracja prawdziwa, normalna, realna, pełna, stabilna* (демократия правдивая, нормальная, реальная, полная, стабильная) т.е. «демократия, выполняющая условия данного демократического строя, предполагаемые как его окончательное свойство». Из этого можно предположить, что существует прототип понятия – сосредоточение черт, принадлежащих данной категории. А поскольку описываемый десигнат – польская демократия – в определенной мере не соответствует стандарту, или же не находится по отношению к нему в идеальном соотношении, то данные определения семантизируют их значения, напр.: «**Строим нормальную демократию**, т.е. страдаем от ее характерных болезней» (*Rzeczpospolita*, 6 VI 2003); «(...) в этом виновата вся политическая

² Кроме отмеченных раньше лингвистических работ сопоставляю исследуемый материал с серией работ: Смулкова Т. (ред.), (2004), «Новый польский словарь. Материалы прессы 1993 – 2000 гг.», ч. I: А-Н, Краков; ее же, ч. II: I – O; ч. III: P – ś.

система, которая потеряла свою прозрачность, и в которой лица, в **нормальной демократии**, отбывая тюремное наказание, занимают ключевые должности и то в большом масштабе» (Tygodnik Powszechny, 19 I 2003). К этим примерам можно добавить словосочетание *gaszkująca demokracja* (демократия, делающая первые шаги) «демократия в первой фазе развития; а также: искривление демократических принципов» [Nowakowska 2005: 47]. Сочетания *dojrzała demokracja*, *kwitnąca demokracja* (зрелая демократия, цветущая демократия) выступают в контекстах, относящихся к государствам т.н. старой Европы.

Слово *демократия* выступает в таких отрицательно-оценочных соединениях, как: *demokracja kulawa*, *parawanowa*, *fasadowa*, „*wiesująca*”, *rozorna*, *peryferii* (демократия хромая, за ширмой, показушная, „митингирующая”, мнимая, кажущаяся, периферийная) – переносные значения определений создают смыслы неправдивости демократических нравов, иллюзорность строя. Например: „(...) создано объединение учреждений, организации, которые напоминают извне демократическое государство с рыночной экономикой (...) учреждения эти за своим порталом, скрывающие механизмы, о которых молчат учебники по конституционному праву, и которые политология называет проявлением глубокой патологии” [Польская показушная демократия // *Więź*, 5, 2003].

На способ реализации системы со стороны технической указывают такие соединения, как: *demokracja elektroniczna* (электронная демократия), *telewizyjna* (телевизионная демократия), *medialna* (медиаальная демократия), *sondazowa* (зондированная демократия), напр.: „Сегодня мы живем в эпохе электронной демократии. Демократия XXI века сводится, с одной стороны, к СМИ – с телевидением во главе, а с другой – к зондированию общественного мнения. Этот телевизионный и массовый характер демократии является причиной углубления пропасти между избирателем и политической группировкой или политиком, за которого избиратель отдал свой голос” (Tygodnik Powszechny, 20 апреля 2003). Кроме этой номинативной функции исполняют они и оценочную функцию.

Указанные здесь определения настолько узнаваемы, воспроизводимы в разных типах текстов разными авторами, что можно признать их в качестве стабильных на данный период. Данному условию не подлежит соединение *demokracja martingowa* (мартинговая демократия); создается впечатление, что это окказиональное образование, ср.: „На наших глазах демократия начинает превращаться в мартинговую демократию, которая не имеет ничего общего с высокими проектами о принципах свободы, рационального самоопределения, законности. Такой закон становится „продуктом” мартинговой культуры. Лицензию на ее

производство получают те, которые лучше провели предвыборную кампанию обещаний и улыбок. Своему успеху они обязаны не принципам, а маркетинговой стратегии – речь в том, что следует понравиться избирателям. Моралистов заменяют таким образом специалисты от макияжа и лифтинга” (Gazeta Wyborcza, 19-20 XI 2005).

В последние месяцы появилось также соединение, которое, исходя от контекста, можно назвать терминологическим скоплением, а именно: *demokracja widowniana* (зрительная демократия): „Западные политологи говорят сегодня о „зрительной демократии”, в которой граждане с одной стороны с интересом наблюдают театр власти, но с другой – замечая тщеславие политики и бессилие ее актеров – отказываются от самоуправления” (Rzeczpospolita, 7-8 I 2006). Кажется, что и это соединение послужило автору доказательством приводимых выводов.

Как видим, указанные здесь контекстуальные употребления доказывают динамичность понятия, делают актуальными элементы до сих пор менее важные, и свидетельствуют о влиянии действительности на язык определенного этапа развития.

Слово *polityka* (политика) в значении сферы действия, имеющее отношение к разным областям жизни в государстве и взаимоотношений с другими странами „оброс” тематическими определениями; кроме слов, отмеченных в USJP, таких как: *polityka gospodarcza* (хозяйственная политика), *rolna* (сельскохозяйственная политика), *kulturalna* (культурная), *społeczna* (общественная), *polityka finansowa* (финансовая политика), *handlowa* (торговая), *przemysłowa* (промышленная), *polityka pokojowa* (мирная политика), *odprężeniowa* (ослабления напряжения), *polityka odwetu* (политика возмездия), *socjol.polit.* (общест.-полит.), *polityka asymilacyjna* (политика ассимиляции), *polityka wewnątrzna* (внутренняя политика), *ekonomiczna* (экономическая), *regionalna* (региональная), *fiksalna* (фиксальная), *oświatowa* (школьная), *międzynarodowa* (международная), *zagraniczna* (заграничная), *bezpieczeństwa* (безопасности), *obronna* (оборонная), *prorodzinna* (просемейная), *edukacyjna* (школьная), *energetyczna* (энергетическая), *pieniężna* (денежная), *monetarna* (монетарная), *informacyjna* (информационная), *kadrowa* (кадровая), *lekowa* (лекарственная – редко), *karania* (исполнения наказания – редко), *ludobójstwa* (геноцида), *naukowa* (научная), *transferowa* (трансферная – о торговле футболистами в клубах); даже деятельность во имя исторической памяти называется исторической политикой (*polityka historyczna*) понимаемой, как „публичная деятельность научных и учебных организации в сфере исторической памяти народа / народов”. Последнее определение, все чаще употребляемое, иногда вызывает возражение по причине заметной внутрен-

ней противоречивости ее смыслов: „Чаще (...) используется определение „историческая политика“. Эта калька из немецкого языка (...) польски нехорошо ассоциируется, хотя бы с культурной политикой. Вот именно, как поступить, если историческая правда для данной ситуации будет неудобной? Если эту правду рассматривать серьёзно, то как тогда ее обойти, промолчать, приспособить?” (Rzeczpospolita, 30-31 VII 2005). Реже встречается выражение polityka pamięci (политика памяти): „В политике памяти происходят принципиальные изменения. В девяностых годах о деятельности союза „Солидарность“ писали неохотно и с трудно скрываемым презрением, отмежевались от него как от „бунта толпы“, несоответствующего либеральным принципам нового государства. Теперь вдруг возвращаются к ней как к источнику, который узаконил III Республику (Rzeczpospolita, 10-11 IX 2005). Также недостаточно точно и чётко выделяется в традиционной лексикографической дефиниции способ поведения лиц, правящих организаций и партийных группировок (ср. в USJP только фразеологизмы: Polityka grubej kreski (политика жирной черты), Strusia polityka (политика страуса), а также знач. 3. перенос. «чьё-то ловкое, продуманное действие для реализации определенных задач») является этим вариантом значения, которое находит множество подтверждений в исследуемом материале; этот оттенок смыслов реализуют выражения: polityka alternatywna (политика альтернативная), twarda (твердая), elastyczna (эластическая), sztywna (жесткая), krótkowzroczna (близорукая), kuluarowa (кулуаров), balansu (баланса), dezinformacji (дезинформации), stopniowania ustępowstw (постепенной уступчивости), podboju (захвата) „провозглашение племенного патриотизма и презрения правил в деятельности какой-то партии“; polityka kija i marchewki (политика палки и морковки) „принуждение кого-то к уступкам путем угроз, но также и обещанием некоторых выгод» [Chlebda 2002: 409-419], polityka janosikowa³. Большинство представленных определений отмечаются как стабильные соединения.

Кроме нейтральной номинации partia polityczna (политическая партия) или partia (партия) с определениями, называющими идейную направленность ее членов, часто встречаются словосочетания, актуализирующие черты этих группировок, напр.: partia kanarowa (диванная партия) „партия, насчитывающая небольшое количество членов“, partia furgonetkowa (партия-

фургончик) „то же“ [Nowakowska 2005: 45], partia sezonowa (сезонная партия), partia niszowa (партия-ниша). Последние соединения показывают, что необходим языковой и ситуативный контекст для определения семантики новых словосочетаний – в соединении, представленном в изоляции не ясно, относится определение niszowy к слову nisza „углубление, ниша“, или же к неосемантизму nisza „ниша“ – „периферийный участок деятельности человека, вытесненного в кювет доминирующим потоком; еще не занятое место, в котором можно начать какую-нибудь деятельность“ [Przybylska 2003: 114]. Следующая цитата указывает на использование неосемантизма nisza: „Нишевой характер партии UPR (примеч. переводчика: Уния реальной политики), KLD (примеч. переводчика: Конгресс либерально-демократический) и UW-PD (примеч. переводчика: Демократическая партия, Союз левых демократов) подходит сегодня к маргинальной модели либеральных и либертианских движений в Европе, в основном во Франции, Германии и Скандинавии. Не те времена (...), когда либерализм был ведущим политическим движением (...) [Mońko: global.net.pl].

Наиболее стабильно первое сочетание, на базе которого образовано kanarowiec (сидящий на диване) [Jadacka 2001: 79]; аналогично образование окказионализма poseł kanarowy (диванный депутат): «Краковский диванный депутат SKL (Stronnictwo Konserwatywno-Ludowe – Консервативно-народная партия – примеч. переводчика) рассказывал полным истерии голосом о мнимых превышениях власти, когда создавался корпус гражданской службы. Страшил при этом прокурором, инсинуируя громадный преступный сговор теперешнего правительства против закона и государства» (цитируется Trybuna 1997 по Dabert'у 2003: 61). Данное соединение выделяется среди других фразем положительно-оценочным качеством и иллюстрируется цитатой из Polityki за 1995 г. (Kudra 2001: 200): „Этот политический комбайн должен был быть особенно продуктивным, решительно побеждая „диванные партии“, которые ведут борьбу в основном при помощи факса и знакомых журналистов“. Это определение используется с оттенком пренебрежения.

Группы людей, руководствующиеся взаимными связями, а не публичным интересом, названы: republika koleśów, republika koleżków (республика корешей, дружков) „о правлении сторонников солидарности. Это выражение – намёк на определение *республика корешей*, использованное Лехом Валенсой“ [Kudra 2001: 202]; *речь посполита корешей* (неодобрительно) «выдвижение знакомых при распределении мест в государственных учреждениях» [Mosiołek-Kłosińska 1999: 58]; синонимическим вариантом является выражение republika kasyków (республика туземных царьков): «Тер-

³ Вторичный ономастик JANOSIK (Яносик) имеет значение: «человек провозглашающий и/или внедряющий в жизнь (популистский) принцип осуществления общественного равенства путем распределения доходов зажиточных людей между бедными», ср. Дерень Б. [2005], „Происхождение собственных имен в словаре и тексте“, Ополе, с. 96.

мин этот имеет отношение к системе власти провинциальных чиновников, которые используют свое место для частных целей» (Rzeczpospolita, 2 I 2004).

К названиям группы людей относится также метафорическое выражение *szeregowa pajęczyna* (красная паутина), неодобрительно: „группа людей бывшей Объединенной рабочей партии, занимающей влиятельные должности в личных целях” [Mosiołek-Kłosińska 1999: 53; Kudra 2001: 192]; слово *паутина* в переносном значении соединено с существительным, обозначающим группы людей, напр.: *паутина агентов*, *паутина людей*; отмечено также выражение *Европа паутин*: „Этот новый феномен (структура сверхгосударственная – ES) вынуждает некоторых социологов и политологов до представления Европейского союза в категориях *Европа паутин*, эластичной сетки процессов и взаимных отношении между государствами” (Rzeczpospolita, 16 I 2004). Подобным типом соединения является *глобальная паутина* „Интернет”, определяющий сеть соединений на большой территории.

Удачные словосочетания являются моделью для создания новых единиц, представляющих похожие общественные явления. Думаю, что хорошим примером будет определение *aksamitna rewolucja* (бархатная революция) „общественные выступления, которые бескровным путем свергнули социалистический строй, благодаря чему власть в Чехословакии получила демократическая оппозиция” [Nowakowska 2005: 44]. По этой модели образована *romagańczowa rewolucja*, *rewolucja tulipanów* (оранжевая революция, революция тюльпанов): «Уже первая после украинской, киргизская революция тюльпанов (в марте 2005 г.) была иной и напоминала более бунт мятежных кланов, чем бархатная революция в европейском смысле этого слова» (Rzeczpospolita, 9 XII 2005).

Некоторые словосочетания со временем изменяют свое значение, напр., многократно представленное в литературе соединение *gruba kreska, linia* (жирная черта) (Nowakowska 2005: 47; Kudra 2001: 176, 178-179; Bralczyk 1999: 200); другие создают полисемантический ряд, напр.: *szara strefa* (серая зона) в значении „нелегальная хозяйственная деятельность”, а также „территория неопределенных, неясных, нераспознанных влияний”: „Центральная Европа это серая зона между Западом и Россией” (Rzeczpospolita, 11 IV 2003); „(...) церковные лица двигались в серой зоне неформальных контактов с представителями коммунистической власти и Службой безопасности” (Rzeczpospolita, 2-3 V 2003).

Семантическое качество выражений, их высокая частотность в определенном промежутке времени является причиной того, что увеличивается численность лексико-синтаксических союзов с данным компонентом; к модным в

настоящее время можно отнести прилагательное *obywatelski* (гражданский), которое выступает в словосочетаниях *świadomość obywatelska* (гражданское сознание), *edukacja obywatelska* (гражданское обучение), *sumienie obywatelskie* (гражданская совесть), а прежде всего терминологизированное *społeczeństwo obywatelskie* (гражданское общество) (чаще всего представленное как предполагаемое свойство), напр.: „(...) самым лучшим партнером рассудительно действующих политиков было бы мифическое „гражданское общество”. Мифическое, потому что, как показывает „Диагноз 2005”, чего-то такого в Польше не наблюдается” (Rzeczpospolita, 20 X 2005); „(...) гражданское общество это демократия, повсеместно связывающая граждан, т.е. – возможность всеобщей деятельности граждан в сфере собственных дел и на благо всего государства” (Rzeczpospolita, 19-20 XI 2005)⁴.

Прилагательное *globalny* и в значении „в мировом масштабе”, и „то, что своим влиянием охватывает какую-то проблему или ее элемент”, соединяется с выражениями разного семантического класса, напр.: *globalna litość* (глобальное милосердие), *globalna panika* (глобальная паника), *globalna szczęśliwość* (глобальное счастье), *g. Etyka* (глобальная этика), *g.prawo* (глобальный закон), *globalny kodeks postępowania* (глобальный процессуальный кодекс), *globalny wywiad* (глобальная разведка), *polityka globalna* (глобальная политика), *globalny gniew* (глобальный гнев), *globalna solidarność* (глобальная солидарность), *globalna pustynia* (глобальная пустыня), *globalne społeczeństwo obywatelskie* (глобальное гражданское общество), *globalny system informacyjny* (глобальная информационная система), *globalny kapitalizm* (глобальный капитализм), *świadomość globalna* (глобальное сознание), *globalna konkurencja* (глобальная конкуренция), *globalne oblicze antypolonizmu* (глобальное лицо антиполонизма), *globalna iluminacja* (глобальная иллюминация). Слова соединяются с названиями состояний, чувств, а также входят в связь с названиями процессов, типов строя, действий (трудно в данному случае определить границу сочетаемости); иногда однако связь не всегда понятна вне контекста, напр.: *globalny gniew* (глобальный гнев), *globalna iluminacja* (глобальная иллюминация), ср.: „Перед Рождественскими праздниками в центре больших городов ставят ёлку по мере мечтаний и амбиций властей, а также жителей города. Как будто метрополии всех континентов (стран не только христиан-

⁴ Прилагательное *obywatelski* (гражданский) был весьма частотным в текстах восстания Костюшки под конец XVIII века: *spota obywatelska* (гражданская добродетель), *gorliwość obywatelska* (гражданское старание), *slawa obywatelska* (гражданская слава), *energia obywatelska* (гражданская энергия), ср. Яворски Я. (2005) „Лексема *obywatel* в публицистических текстах конца XVIII века”, „Poradnik Językowy” 1, s. 85-89.

ских) хотели устроить соревнование в глобальной иллюминации" (Metropol).

Представленные здесь новые составные наименования являются примером явления, распространенного в современном публичном дискурсе; необходимость их учёта в SPPS важна, также как и обозначенные здесь семантические модификации лексем. Раньше мы уже сигнализировали о появлении новых семантических оттенков в использовании лексем *demokracja* и *polityka*; очередным примером является слово *Europa*, которое кроме основного значения «континент» имеет и другие значения: «Европа как культурная общность» (это значение отмечено и в других работах: Strzelczyk 2004: 9-10; Chlebda 1997: 88-90; Batko 2004: 332-334); «Европа как Европейский союз», что отражает сущность времени.

Материал, собранный в «Словаре политических и общественных понятий стран Центральной и Восточной Европы» (SPPS), показывает современные языковые тенденции, что находит подтверждение в политическом дискурсе. Его описание и лингвистический анализ требует широкомасштабного учёта существенных языковых механизмов и плана ситуации, который значительно влияет на количество и качество языковых явлений.

Свои размышления завершу цитатой из текста, относящегося, правда, к 1978 году, но сохранившего в большей степени свою актуальность и в отношении современной прессы: „(...) понятия изменяют форму, исподволь впутываясь в контексты политических событий. В состоянии ли однако прижиться контексты, в которых они родились? Этот вопрос затрагивает устои образа мира. Можно предположить, что они в той же мере устойчивы, как и язык, к которому принадлежат” [Gajewska 2000: 241].

ЛИТЕРАТУРА:

Batko V., [2004], <Спор о Евросоюзе>, т.е. полемика между евроэнтузиастами и евроскептиками // „Język Polski”, ч. 5, с. 331-339.

Borkowski I., [2003], „Рассвет свободного слова. Язык политической пропаганды 1981–1995”, Вроцлав.

Bralczyk J., [1999], Об использовании языка в польской политике 90-ых гг. // Pisarek W. (ред.), „Polszczyzna 2000”, Краков, с. 197-217.

Chlebda W., [1997], Очерк польского географического менталитета” // „Przegląd Humanistyczny”, ч. 3, с. 81-94.

Chlebda W., [2002], Палкой выговор, морковкой надежду // Gajda S., Żydek-Bednarczuk U. (ред.), Язык в общественном пространстве, Ополе, с. 409-419.

Dabert D., [2003], Контролирована речь. Очерк об обиходном языке в Польше после 1989 г., Познань.

Dereń B. [2005], „Происхождение собственных имен в словаре и тексте”, Ополе.

Gajewska D., [2000], Нация и национальная культура в языковой картине мира политической

публицистики времени ПНР // Знания о польской культуре у порога XXI века, Вроцлав, с. 234-241.

Jadacka H., [2001], Словообразовательная система польского языка (1945–2000), Варшава.

Kudra V., [2001], Лексикальная креативность в политическом дискурсе польской прессы 80- и 90-х годов, Лодзь.

Kwiek-Osiowska J., [1989], Влияние экономических реформ на общепольский язык // „Język Polski”, ч. 3-4, с. 233-235.

Mońko M. global.net.pl

Mosiółek-Kłosińska K., [1999], След польских перемен после 1989 г. в обиходном языке // Gruszczyński W., Bralczyk J., Majkowska G., (ред.), „Польский язык в обиходной коммуникации”, Варшава, с. 37-62.

Nowakowska V., [2005], Новые сочетания слов в современном польском языке, Краков.

Przybylska R., [2003], Неосемантическая ниша и нишевое прилагательное // „Język Polski”, ч. 2, с. 112-115.

Satkiewicz H., [1994], Изменения в самом новом лексическом фонде польского языка // Обусловленность и причины языковых изменений, серия: „Język na Pograniczach” № 11, Варшава, с. 143-147.

Sękowska E., [2004], Избранные проблемы описания польского словаря, относящегося к политическо-общественным понятиям // Dubisz St., Porajski-Pomsta J., Sękowska E., (ред.), Словарь политических и общественных понятий стран Центральной и Восточной Европы, Варшава, с. 63-74.

Smółkowa T., Неологизмы в современной польской лексике, Краков, 2001.

Smółkowa T., Новые польские слова. Материалы прессы 1993–2000 гг., ч. I: А-Н, Краков, 2004.

Smółkowa T. Новые польские слова. Материалы прессы 1993–2000 гг., ч. II: I-О, Краков, 2004.

Smółkowa T. Новые польские слова. Материалы прессы 1993–2000 гг., ч. III: P-ś, Краков, 2005.

Strzelczyk J., [2004], Античные и средневековые начала Европы // Средневековая картина мира, Познань, с. 7-22.

Walczak V., [1998], Кто не понимает и чего не понимает? О (не)знании общественно-политического и экономического словаря в разной среде пользователей современным польским языком // Prace Filologiczne, XLIII, Варшава, с. 489-500.

© Сенковская Э., 2008

Таратынова Т. В.

Челябинск, Россия

МИЛИТАРНАЯ МЕТАФОРА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ США-2008 (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕМЕЦКИХ СМИ)

Abstract

The basis of the author's approach to the study of political metaphors is the theory of metaphorical modeling of reality. The analysis of the metaphorical model Election Campaign in the USA is War showed that it is one of the most productive models in German mass media

when discussing presidential elections in America. Metaphor is one of the instruments of cognition. The military metaphor represents the main principle of the election race, i.e. activation of verbal aggression, because ideas of rivalry acquire special significance in this context.

Метафорическая модель «Избирательная кампания – это война» является одной из самых продуктивных в немецких СМИ при представлении политического нарратива «Выборы президента США» (2008 г.).

По мнению исследователей, именно антигуманистическая метафора войны стала наиболее распространенным способом восприятия, осмысления и оценки новейших политических реалий.

В ходе предвыборной гонки за президентство происходит активизация вербальной агрессии, поскольку идеи состязательности и соперничества приобретают первостепенную значимость. Военная метафорика репрезентирует эти принципы, как бы «вскрывая», тем самым, внутреннее восприятие предвыборной кампании ее участниками и наблюдателями.

Дж. Лакофф и М. Джонсон указывали на значимость концептуальной метафоры СПОР – это ВОЙНА (ARGUMENT is WAR), отнеся ее к числу базисных в американской культуре и доказав, что метафоры «максимально структурируют наше восприятие, наше мышление и наши действия». Милитарные метафоры в современной политической речи были предметом исследования в публикациях А. А. Касловой (2003), Е. В. Колотниной (2001), А. Б. Ряпосовой (2002) и ряда других исследователей. Наша задача – рассмотреть специфику использования указанных метафор в политическом нарративе «Выборы президента США 2008» на материале немецкой прессы.

Театр военных действий в данном нарративе представлен достаточно разнообразной милитарной метафорикой. Война ведётся на территории всей страны по заранее разработанной стратегии, ее участники непрерывно сражаются, нападают, атакуют, обороняются; они вынуждены противостоять друг другу; у них есть враги и союзники; как и в любой войне, в ходе избирательной кампании появляются победители и проигравшие, победы и поражения сменяют друг друга; ни одна война не обходится без жертв, не все участники военных действий остаются целыми и невредимыми – то же самое имеет место быть и в результате метафорических боёв за должность президента США. В рамках метафорической модели «Избирательная кампания в США это война (2008)» нами выделены следующие фреймы.

Фрейм 1. Планирование военных действий

Тщательно спланированные действия кандидатов на пост президента, выработанная ли-

ния поведения ассоциируются в сознании носителей языка с концептами *Taktik* (тактика) и *Strategie* (стратегия), что сближает политический дискурс с военным. Следует отметить, что данными концептами немецкие журналисты оперируют, характеризуя в основном линию поведения Хиллари Клинтон, что свидетельствует о восприятии данного претендента на должность президента США как наиболее опытного бойца, противопоставляющего импульсивности и эмоциональности противника выдержку и многолетний опыт.

Ср.: *Sie (Clinton) hat gute Chancen, wenn ihre Strategie auch bei den nächsten Vorwahlen in Nevada und South Carolina aufgeht. (FOCUS, 09.01.08).*

У неё (Клинтон) есть хорошие шансы, если её стратегия раскроется в очередных предварительных выборах в Неваде и Южной Каролине.

Doch Strategin Clinton kann sich damit trösten, dass sie in landesweiten Umfragen immer noch vorn liegt. (Die Zeit, 02/2008).

Однако стратег Клинтон может утешиться тем, что по результатам опросов, проводимых в стране, она всё ещё обгоняет конкурентов.

Sie (Hillary Clinton) wird blitzschnell reagieren, ihre Taktik anpassen und alles in Bewegung setzen, um die Hoffungs-Maschine des Gegners ins Stottern zu bringen. (Die Welt, 04.01.08).

Она (Хиллари Клинтон) среагирует молниеносно, приспособит свою тактику и пустит в ход всё, чтобы застопорить машину надежд противника.

Фрейм 2. Организация военной службы

Данный фрейм представлен слотом «Воинские подразделения»: политическое объединение, всякая группа, действующая совместно, в современной политической речи часто могут обозначаться как *штаб*, *отряд*, *армия* и т.д.

Ср.: *Der Wahlkampf-Stab von Obama verwies darauf, dass die Wahlbeteiligung deshalb sehr niedrig und das Ergebnis somit untypisch gewesen sei. (Die Welt, 30.01.08).*

Избирательный штаб Обамы сослался на то, что именно поэтому активность избирателей очень низкая и результат, таким образом, оказался нетипичным.

Фрейм 3. Военные действия

Милитарные наименования, входящие в данный фрейм, представляют начальный этап конфликтных ситуаций, неизбежно возникающих в ходе всей избирательной кампании, а также агрессивные действия субъектов политики по отношению друг к другу. В этих целях широко используются призывы к бою, выступления с походом, угрозы втянуть в войну того политика и т.д.

Ср.: *Clinton gegen McCain – Auf in den Kampf! (Die Welt, 30.01.08).*

Клинтон против Маккейна – в бой!

Die Demokratin Hillary Clinton und der Republikaner John McCain werden in den Kampf für das mächtigste Amt der Welt ziehen. (Die Welt, 30.01.08).

Представительница демократической партии Хиллари Клинтон и республиканец Джон Маккейн вступают в борьбу за самый могущественный пост мира.

Слот 3.1. Начало военных действий

Выступления и действия участников президентской кампании зачастую носят агрессивный, жесткий, антагонистический характер, т.к. направлены на критику, умаление достоинств политических оппонентов и представлены широким спектром метафор. Наиболее употребляемыми здесь являются концепты борьба, бой (Kampf) и битва (Schlacht).

Ср.: *Clinton will weiter kämpfen.* (FOCUS, 08.01.08).

Клинтон будет бороться дальше.

Sie (H. Clinton) liege gleichauf mit Obama, sei in jeder Beziehung besser geeignet, John McCain zu schlagen. Erfahrener und vor allem härter sei sie im Kampf. (Die Welt, 21.05.08).

Она (Х. Клинтон) занимает одинаковые позиции с Обамой, однако, в любом случае ей удастся лучше разбить Маккейна. Опытнее и, прежде всего, жёстче она в борьбе.

Слот 3.2. Атака (наступление)

Сами же военные действия начинаются, как правило, с атаки (Attacke) и наступления (Offensive).

Ср.: *Im US-Vorwahlkampf hat die frühere First Lady ihre innerparteilichen Rivalen heftig attackiert.* (Die Welt, 17.11.07).

В предвыборной борьбе бывшая первая леди ожесточённо атаковала своих внутрипартийных противников.

Mitt Romney wird am 5. Februar eine letzte Offensive führen. (Die Welt, 30.01.08).

Mitt Ромни пятого февраля перейдёт в последнее наступление.

Clinton stellte klar, dass sie nächsten drei Wochen bis zum 4. März um Texas (und um Ohio) kämpfen wird. Vermutlich mit heftigeren Angriffen auf Barack Obama. (Die Welt, 13.02.08).

Клинтон ясно дала понять, что в течение следующих трёх недель до четвёртого марта она будет бороться за Техас (и Огайо). Предположительно посредством более жёстких нападений на Барака Обаму.

Слот 3.3. Оборона

В состав слота входят метафоры, несущие смысловую оппозицию номинациям с агрессивным прагматическим потенциалом. В нашем исследовании данный слой представлен пока лишь одним метафорическим словоупотреблением, что свидетельствует о предпочтении претендентов на пост главы государства преимущественно тактики нападения.

Ср.: *Hillary Clintons Seitenhieb auf den angeblich bedenkenlos vorsprechenden Rivalen war*

eine Retourkutsche. (Die Welt, 25.07.2007). Удар в спину, нанесённый Хиллари Клинтон якобы бездумно выступающему противнику был её ответным манёвром.

Слот 3.4. Виды боевых действий

Претенденты на пост президента США меляются силой в поединках, словесных баталиях, жестоких битвах, на дуэлях. Чаще всего в центре внимания немецких СМИ оказывается противостояние двух политиков. Бои между ними проходят ожесточённо, и не всегда по правилам.

Ср.: *Die beiden Demokraten Hillary Clinton und Barack Obama liefern sich eine erbitterte Schlacht um die Präsidentschafts-Kandidatur.* (Die Welt, 06.04.07).

Оба представителя демократической партии Хиллари Клинтон и Барак Обама ведут ожесточённый бой за право быть кандидатом на должность президента.

Bei den Demokraten rechnen die meisten Beobachter mit einem Zweikampf zwischen Clinton und Obama. (Die Welt, 17.05.07.).

Что касается демократов, то здесь большинство наблюдателей рассчитывают на поединок между Клинтон и Обамой.

Er (Rudy Giuliani) lieferte sich spannende Wortgefechte mit seinen Opponenten über illegale Einwanderer und Waffengesetze. (Die Welt, 29.11.07).

Он (Руди Джулиани) вёл напряжённые словесные баталии со своими оппонентами о нелегальных эмигрантах и законах о хранении оружия.

Das Duell zwischen dem finanziell gestressten McCain und dem Multimillionär Mitt Romney wird hart. (Die Welt, 30.01.08).

Дуэль между находящимся в стеснённых финансовых обстоятельствах Маккейном и мультимиллионером Миттом Ромни становится жестокой.

Фрейм 4. Противоборствующие стороны

Здесь источником метафорических номинаций становятся концепты противник и неприятель – таким образом, претенденты на кресло главы государства оказываются по разные стороны баррикад.

Ср.: *Auch bei den Vorwahlen in New Hampshire am Dienstag lag Clinton in jüngsten Umfragen hinter ihrem schärfsten Rivalen Obama.*

И в результате предварительных выборов в Нью-Гэмпшир, проходивших во вторник, Клинтон, согласно последним опросам, отставала от своего сильнейшего противника Обамы.

Beide Politiker (Clinton und McCain) wissen, welche harten Gegner sie füreinander sind.

Оба политика (Клинтон и Маккейн) знают, насколько серьёзными неприятелями они являются друг для друга.

Hillarys Rivalen, die zur Umkehr an der nächstbesten Ausfahrt auffordern, könnten mer-

ken, dass ihnen dort kaum ein Wähler folgt. (Die Welt, 19.12.07). Противники Хиллари, призывающие повернуть в первые попавшиеся ворота, смогли заметить, что за ними туда вряд ли последует хоть один избиратель.

Фрейм 5. Участники военных действий

Участниками метафорических боёв могут быть не только противоборствующие стороны, но и их союзники.

Ср.: Die müde Kämpferin (H. Clinton) (FOCUS, 08.01.08).

Уставшая воительница (Х. Клинтон).

Sie (Clinton) muss in Texas und Ohio so überwältigend siegen wie Barack Obama am Dienstagabend: mit Zweidrittel zu einem Drittel der Stimmen. Dies scheint kaum möglich, seit Obama in ihre treuesten Alliierten eingebrochen ist: Frauen, Latinos, schlechter Verdienende, Senioren schlossen sich in gewaltiger Zahl Obamas Koalition an. (Die Welt, 13.02.08).

Ей (Клинтон) необходимо победить в Техасе и Огайо с таким же перевесом как Барак Обама во вторник вечером: две трети против одной трети голосов. Это едва ли возможно с тех пор, как Обама вторгся в ряды её вернейших союзников: женщины, латиноамериканцы, малообеспеченные граждане, пенсионеры в огромном количестве присоединились к коалиции Обамы.

Фрейм 6. Оружие и укрепления

Метафорическая война за должность президента не может обойтись без применения участниками оружия, при этом зачастую требуются «весомые аргументы».

Ср.: Hillary Clinton wird jetzt schwere Geschütze gegen Obama auffahren müssen. (Die Welt, 13.02.08).

Теперь против Обамы Хиллари Клинтон придётся пустить в ход тяжёлую артиллерию.

Под угрозой штурма со стороны противника оказываются и укрепления противоборствующих сторон.

Ср.: Damit hat der Senator aus Illinois (Obama) beweisen, dass er die Bastionen der Clintons stürmen und sogar Republikaner auf sich vereinen kann. (Die Welt, 13.02.08).

Тем самым сенатор из Иллинойса (Обама) доказал, что он в состоянии штурмовать бастионы Клинтонов и даже объединять вокруг себя республиканцев.

Фрейм 7. Исход войны

Данный фрейм представлен противоположными по значению слотами: «Победа» – «Поражение», сюда же мы включили слот «Потери и ранение».

Слот 7.1. Победа

Здесь в разных вариациях источником метафорической репрезентации успеха кандидатов на протяжении всей избирательной кампании выступает концепт победа.

Ср.: Experten hatten Hillary Clinton in New Hampshire eine neue schwere Niederlage prophezeit. Stattdessen schaffte die New Yorker Senatorin einen knappen Sieg. (FOCUS, 09.01.0.). Эксперты прочили Хиллари Клинтон в Нью-Гэмпшире очередное тяжёлое поражение. Вместо этого сенатор из Нью-Йорка одержала небольшую победу.

Der Sieg Hillary Clintons in Kentucky kam nicht unerwartet. (Die Welt, 21.05.08). Победа Хиллари Клинтон в Кентукки не была неожиданной. Die Serie der Wahlsiege gibt Hillary Clinton die Gelegenheit, sich immer mehr als Heldin und Anwätin der kleinen Leute zu profilieren. (Die Welt, 21.05.08). Серия побед на выборах даёт Хиллари Клинтон возможность показать себя героиней и защитницей «маленьких» людей.

Слот 7.2. Поражение

Метафорические выражения, составляющие данный слот, репрезентируют неудачи и промахи претендентов на пост главы государства: ни один участник избирательной кампании не застрахован от этого. Здесь представлены такие концепты как поражение и проигравшие.

Ср.: Verloren ist eine Schlacht, aber nicht der Krieg. Hillary ist als Wahlkämpferin mindestens so gut wie Obama. (Die Welt, 04.01.08). Проиграна битва, но не война. Хиллари, по меньшей мере, такой же хороший боец, как и Обама.

Der Verlierer (Obama) selbst nimmt seine Niederlage eher gelassen hin. (FOCUS, 09.01.08). Сам проигравший воспринимает своё поражение скорее невозмутимо.

Clinton will auch bei Niederlage weiter kämpfen. (Die Welt, 03.01.08). И в случае поражения Клинтон будет бороться дальше.

Слот 7.3. Потери и ранение

Ни одна война, в том числе и метафорическая, не обходится без потерь, жертв, раненых. Претенденты на должность президента США тоже сталкиваются с подобными последствиями своих действий.

Ср.: Die Zahlen für demokratischen Bewerber gehen herunter. Besonders schmerzlich sind die Verluste in den ersten Urwahlstaaten. (Die Welt, 19.09.07).

Количество голосов за представителей демократической партии снижается. Особенно болезненны потери в тех штатах, где проходили первичные выборы.

Korruptions- und Sexskandale erschüttern die Republikanische Partei, und der Irakkrieg hat bis weit hinein ins rechte Lager tiefe Wunden geschlagen. (Die Zeit, 22.11.07).

Коррупционные и сексуальные скандалы подрывают Республиканскую партию, а война в Ираке нанесла глубокие раны лагерю правых.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что, метафорическая модель «Избирательная кампания в США это война (2008)» является наиболее продуктивной и

распространенной в нарративе «Выборы президента» в США. Данная модель представляет собой детально-структурированное образование, её составляют следующие фреймы: «Планирование военных действий», «Организация военной службы», «Военные действия», «Противоборствующие стороны», «Участники военных действий», «Оружие и укрепления», «Исход войны». В немецком политическом дискурсе милитарные метафоры оживляют негативные ассоциации, связанные с концептом «война». Экспликация агрессии, жестокости, конфронтационного характера президентской кампании способствует восприятию выборов как политического противостояния, в основе которого лежит нацеленность на дискредитацию политического оппонента.

Немецкие СМИ творят метафорический образ предвыборной кампании в США в терминах войны, что обусловлено особенностями внутренней и внешней политики этого государства – сильной, авторитетной державы, подтверждающей свой статус, нередко посредством военных операций на территории других стран.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
2. Колотнина Е. В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // http://www.metaphor.nsu.ru/lacoff_1.htm#upper
4. Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999–2000 гг.)»: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование метафоры. Екатеринбург, 2001.

© Таратынова Т. В., 2008

Фенина В. В.

Саратов, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Abstract

The paper deals with non-political values in French pre-election speeches of the main candidates for presidency. Values are integrated into the discourse by means of certain discourse strategies as well as frequency of use. At the semantic level they are represented by lexico-semantic groups and their antonymic groups designating antivalues. At the text level the val-

ues are pointed out by means of various cultural references. The latter factor contributes greatly to dominance of some values of the candidates.

В качестве базовой концепции принимается распространенное в современной аксиологической лингвистике положение о том, что основу любой культуры составляют ценности, которые так или иначе проявляются во всех сферах жизни – коммуникации, быте, искусстве, законодательстве и государственном устройстве [Бабаева 2004; Карасик 2002; 2007; Сорокин 1992].

В разных типах дискурса ценности выражаются с различной степенью кодификации [Карасик 2002: 425]. В некоторых случаях экспликация базовой ценности может выступать препятствием для ее достижения (так, вуалируются истинные цели политического и рекламного дискурса – соответственно власть и продажа товара). Манипулятивное воздействие предполагает апеллирование к ценностям, разделяемым большинством, и скрытое навязывание иных ценностей. В других случаях (религиозное и педагогическое общение) суть дискурса состоит в открытом утверждении ценностей [Карасик 2002: 321].

В отличие от норм поведения, актуальных для обиходного общения, непосредственная апелляция к ценностям больше характерна для институционального, ритуального, идеологического общения, например, для различных типов политического дискурса [Шейгал 2000; Бакумова 2002; Светоносова 2006; Фомина 2006]. Так, во время предвыборной кампании политики, обсуждая направления развития государства, опираются на ценностные доминанты, близкие и понятные всем гражданам данной страны.

Лингвистическое описание французских культурных ценностей (обычно – в связи с соответствующими культурными концептами, «ценностной картиной мира») представлено в ряде исследований [Кирнозе 2001; Грабарова 2004; Седых 2004]. Так, З. И. Кирнозе в качестве наиболее ярких показателей национального характера французов называет такие концепты, как: *дух критицизма, свободолюбие, республиканские ценности, любовь, меритократия, дух рыцарства, индивидуализм, элегантность, бережливость, вкус к комфорту* [Кирнозе 2001]. Э. В. Грабарова анализирует концепт *savoir vivre*, определяющий своеобразие французского отношения к жизни, по трехкомпонентной модели, принятой в лингвокультурологии: образный компонент – это улыбка удовольствия, связанная с удовлетворением обычных земных потребностей в общении, любви, движении, еде, узнавании нового, понимании красоты, моды и т.д., понятийный компонент – это разновидность отношения к жизни, противопоставляемого отношению к смерти, пессимизму и

необходимости выживать, а ценностный компонент – это мажорное отношение к жизни как доминанта французской лингвокультуры и регулятив французского коммуникативного поведения [Грбарова 2004: 7].

Однако систематическое лингвокультурологическое исследование, посвященное ценностям, используемым в французском политическом дискурсе, в частности, в предвыборных речах кандидатов в президенты Франции, насколько нам известно, еще не осуществлялось.

Прежде чем переходить к решению названной задачи, кратко перечислим основные ценностные характеристики политического дискурса в целом, выявленные в исследованиях по «политической лингвистике».

Основной функцией политического дискурса является борьба за власть. Эта функция определяет использование ряда стратегий, многие из которых непосредственно связаны с обращением к ценностям (социальным, экономическим, социокультурным). Так, например, в политической программе партии, цель которой – убеждать и пропагандировать новые идеи, каждый пункт должен быть идеологически аргументирован – ценностями, традициями. Политики стремятся выработать такую идеологическую оценку действительности, которая разделялась бы всеми членами данной группы и, следовательно, обеспечила бы им максимальную поддержку на выборах. Важно, что ценности, будучи результатом длительного развития той или иной культуры (будь то целый народ или отдельная социальная группа), обеспечивают связь настоящего и будущего в сознании представителей лингвокультуры. Программа не будет перспективной и убедительной, если она построена на шюминутных обещаниях, ориентированных лишь на насущные потребности сегодняшнего дня.

Для создания ценностной ориентации в политическом дискурсе используются различные коммуникативно-речевые единицы: речевые стратегии и тактики, жанры, лексика, нагруженная оценочными смыслами, например, лозунги, афоризмы, цитаты, аллюзии к прецедентным текстам, эвфемизмы [Шейгал 2000]. Ценности актуализируются посредством ключевых и тематических слов, метафор, импликаций, аллюзий, аргументативных стратегий [Бабаева 2004: 114].

Ценности являются основой для создания идеологем политического дискурса, таких как *движение вперед*, *национальное достоинство страны*, *великий народ* [Бакумова 2002]. По характеру представляемых ценностей различаются следующие группы идеологем: 1) связанные с общечеловеческими, преимущественно, морально-этическими ценностями (*добро*, *честь*, *совесть*, *разум*); 2) выражающие групповые ценности, ценностные ориентации основных политических сил социума: пат-

риотические (*держава*, *славянское братство*), патерналистские (*справедливость*, *обеспеченность*, *забота*), либеральные (*свобода*, *демократия*, *собственность*, *успех*); 3) обозначающие профессионально-деловые ценности (*опыт*, *честность*, *принципиальность*, *профессионализм*) [там же: 60].

Ценности могут функционировать в политическом дискурсе как мифологемы, основой которых является фантомный денотат – либо несуществующий, либо неясный и размытый. «Мифы санкционируют и укрепляют общественные, в том числе политические, ценности, задают смысловые ориентиры культуры, структурируя принятую в обществе парадигму социального и культурного поведения» [Шейгал 2000: 152]. С аксиологической точки зрения разграничиваются мифы, утверждающие положительные ценности (*Запад*, *капитализм*, *свобода*), и мифы, утверждающие антиценности (*коммунисты*, *демократы*, *олигархи*) [там же: 162].

Т. А. Светоносова, исследующая ценности в российском и американском политическом дискурсе, выделяет основные и дополнительные коммуникативные факторы, указывающие на актуализацию той или иной ценности. К числу основных относятся: «количественная представленность обозначений соответствующих ценностей (антиценностей) в тезаурусе; вербальное представление соответствующего феномена как ценности (антиценности), указание на важность, значимость ценностей для общества и страны (на вред и бесполезность антиценностей); представление ценностей в качестве цели, задачи или объекта борьбы (президенты сообщают и против чего они намерены бороться – антиценности); конкретизация представляемой о ценностях; темпоральная характеристика ценностей» [Светоносова 2006: 8], к числу дополнительных – «метафорическое обозначение ценностей, представление ценностей в качестве прецедентных феноменов, характеристика “наших” и “чуждых” ценностей, обращение в отдельных случаях к этимологической характеристике слов, обозначающих ту или иную ценность, и к словарным определениям» [там же].

Таким образом, можно говорить о трех ипостасях ценностей в политическом дискурсе: во-первых, политик провозглашает ценности как структурные элементы политической программы (чаще всего универсального характера: *демократия*, *свобода*, *равенство*); во-вторых, он обращается к ценностям в рамках стратегий борьбы за власть (и здесь велика вероятность манипулирования общественным мнением, использование мифологем под видом ценностей); в-третьих, будучи носителем и выразителем определенной культуры, политик обращается к ценностям, релевантным для данной лингвокультуры (в этом плане его пропозиции являются искренними). В строгом смысле, только в

последнем случае следует говорить о культурных ценностях.

Актуальным является, с одной стороны, описание политического дискурса с точки зрения лингвокультурных ценностей, с другой стороны, выявление и объяснение культурной специфики той или иной ценности применительно к исследуемым лингвокультурам. Последняя задача предполагает рассмотрение культурно значимых смыслов в лексемах, имеющих собственно политические, экономические, социальные ценности.

Исследование в названном аспекте французского политического дискурса представляет большой интерес, поскольку Франция всегда была страной с уникальной и очень богатой политической и культурной историей.

Материалом настоящего исследования послужили речи двух основных кандидатов в Президенты Франции – Николя Саркози и Сеголен Руаяль, произнесенные перед французским народом во время предвыборной кампании весной 2007 года. Тексты речей опубликованы на интернет-сайтах: <http://www.u-m-p.org/site/index.php/>; <http://www.desirsdavenir.org/index.php/>. Всего было проанализировано 7 предвыборных выступлений (одно выступление в среднем составляет 15-20 страниц письменного текста) общим объемом 49500 слов, при этом соотношение объема речей обоих кандидатов примерно одинаково.

Как известно, последние президентские выборы во Франции были довольно напряженными, проходили в два тура, и в итоге 53,2% голосов было отдано за Н. Саркози (кандидат от правой республиканской партии) и 46,8% – за С. Руаяль (кандидат от левой социалистической партии). Такое соотношение голосов говорит о том, что приоритеты, выдвинутые данными кандидатами, нашли примерно одинаковую поддержку у французских граждан.

При анализе учитывались не только слова, непосредственно называющие ту или иную ценность, но и косвенные апелляции к ценностям (например, через прецедентные тексты), а также указание на антиценности. Учитывались семантические, прагматические, речевые параметры дискурса.

Одним из главных факторов, указывающих на использование ценности, является языковая репрезентация данной ценности и активное употребление соответствующего слова и его словоформ и производных. Ниже приводится таблица частотности употребления ряда слов – имен ценностей (с учетом производных слов и словоформ) в речах Н. Саркози и С. Руаяль:

Таблица 1

название ценности	Sarkozy	Royal
France	214	197
français, les Français	104	71
République, républicain	118	55

travail	127	64
droit, droits	88	46
Etat	59	13
Nation	51	73
valeur	42	44
histoire	29	20
liberté	26	48
citoyen, citoyeneté	15	39
justice, juste	31	61
changer, changement	22	26
responsabilité	15	29
culture	16	15
ensemble	14	30
égalité	14	20
idée	24	19
courage	19	16
avenir	14	16
morale	23	1
mouvement	11	19
salarié	10	36
rassembler	7	17
laïcité, laïque	9	5
identité	16	6
fraternité	13	2
partager	18	5
dialogue	4	18
solidarité	6	14
ordre	12	11
innover, innovation	4	14
développement	12	22
énergie	8	21
activité	6	11
dignité	7	7
mérite	9	1
civisme, civique	10	0
avancer, en avant	6	10
sécurité	8	32

Таблица показывает, что наиболее употребительными для обоих кандидатов являются слова *France, République, travail, droit, Etat, Nation, valeur, justice, liberté*¹. Отметим, что одним из самых частотных является само слово «ценность» (*valeur*), что говорит о большом внимании политиков к ценностям и намеренном употреблении их названий. В одной из речей С. Руаяль прямо говорится о приоритете «человеческих» ценностей над экономическими, политическими и значимости их для Франции:

...les valeurs humaines ... Гуманистические ценности
l'emporteront sur les valeurs boursières et sur ценностями кошелька,
les valeurs financières, лишь они позволят
seules ces valeurs vont Франции снова встать
permettre à la France de на ноги.
se redresser.

¹ Для исследования мы отбирали только те слова, которые относятся к общеупотребительной лексике, и не анализировали политические, экономические или социальные термины, типа *politique d'alternance* (политика чередования), *pouvoir d'achat* (покупательская способность), *revalorisation des pensions* (перерасчет пенсий). Мы не учитывали местоимения, а также слова с очень широким значением типа *homme, femme* в силу их многозначности и разнообразия контекстов употребления.

Мы выделяем следующие коммуникативные стратегии², осуществление которых с большой степенью вероятности предполагает обращение к определенным ценностям:

1) **перформативная**: это прямое указание на ценность, путем называния имени ценности: «Я здесь и сейчас заявляю, что моей ценностью / антиценностью является ...»:

Mes valeurs sont celles de la droite républicaine. Ce sont des valeurs de mérite, de tolérance, de respect, de dignité, d'ordre, de responsabilité, de liberté. *Mои ценности – это ценности правых республиканцев. Это ценности толерантности, уважения, достоинства, порядка, ответственности, свободы.*

Je crois à l'ordre mais aussi au mouvement. *Я верю в порядок, но также в движение.*

2) **стратегия объективации**: «Существует некая объективная необходимость в ...». О ценностях говорится как бы в общем, при этом используются модальные безличные конструкции (*il faut, il doit, il y a*):

Il faut tourner la page de cette arrogance, de cette provocation; *Необходимо положить конец этому высокомерию и провокации.*

Il y a l'Etat qui doit être impartial *Существует государство, которое должно быть непредвзятым.*

3) **интерпретативная стратегия** состоит в раскрытии смысла того или иного явления, конкретизации и привлечении внимания к данному явлению через другие явления. Отметим, что интерпретация носит формальный характер, как правило, посредством оценочно маркированных слов:

La fierté d'être Français c'est ce que nous voulons partager avec ceux qui veulent devenir Français *Гордость быть французом – это то, что мы хотим разделить со всеми, кто захочет стать французами.*

La citoyenneté ce n'est pas que des droits, la citoyenneté c'est aussi des devoirs. *Гражданство – это не только права, но и обязанности.*

Le civisme c'est une forme de respect des autres et une forme de respect de soi-même; *Гражданский долг – это форма уважения других и в том числе себя.*

La France c'est le nom de notre destin commun. *Франция – это имя нашей общей судьбы.*

La France c'est une solidarité. *Франция – это солидарность.*

La France c'est une identité. *Франция – это самобытность.*

La France c'est une culture. *Франция – это культура.*

La France c'est un projet collectif, c'est la volonté de vivre ensemble et de construire ensemble *Франция – это общий проект, это желание жить вместе и строить вместе.*

В последнем случае интерпретация усилена, во-первых, риторическим повтором ключевого слова “La France”, во-вторых, использованием для интерпретации слов, являющихся именами других ценностей (*solidarité, identité, volonté de vivre ensemble*), тем самым ценностный потенциал “La France” увеличивается.

4) **аффективная стратегия**, жанровым воплощением которой являются лозунги, призывы, риторические вопросы и т.п. Лозунговые слова, по мнению Е. И. Шейгал, обозначают ценностно-значимые понятия, для них характерна высокая эмоциональная заряженность [Шейгал 2000: 287]:

Rassemblons-nous! *Объединимся!*

en avant, en mouvement! *вперед!*

Vive la République! *Да здравствует Республика!*

Vive la France! *Да здравствует Франция!*

Последние два лозунга используются как традиционное завершение речи кандидата, что придает данной стратегии большую силу воздействия.

5) **стратегия обещания**: «нечто является ценностью, я этого хочу и буду за это бороться как будущий президент» (или «нечто является антиценностью, и я буду бороться против этого»). Формальными показателями являются употребление будущего времени и сослагательного наклонения. К семантическим показателям относятся глаголы со значением «хотеть», (*vouloir, proposer, rêver, favoriser, soutenir*), «бороться за или против» (*lutter*)

² Ведущая стратегия политического дискурса – это стратегия убеждения [Шейгал 2000]. Однако прямые высказывания типа «Голосуйте за меня, потому что я лучше других» нетипичны в речах кандидатов. Обращение к ценностям выступает не прямой формой убеждения, своеобразным переключением с личности кандидата на понятия, близкие и понятные всем носителям данной языковой культуры. Поэтому сама по себе стратегия убеждения в таком виде нами не рассматривается, хотя, естественно, она предоставляет говорящему богатые возможности для непрямого апеллирования ценностями.

contre, défendre, mettre le fin à), а также со значением будущности, перспективы, изменения (*projet, reformer, créer, garantir*):

Je veux l'ouverture, l'innovation, la création, le progrès, la justice, la générosité. Я выступаю за расширение контактов, инновации, творчество, прогресс, справедливость и благородство.

Je veux un Etat que les fonctionnaires soient heureux de servir et dont les Français soient fiers. Я выступаю за государство, чиновники которого были бы счастливы нести службу и которыми бы гордились французы.

Je veux un Etat qui lutte contre le communautarisme. Я выступаю за государство, которое борется против коммунаризма.

Данная стратегия активно используется для диффамации противника, в этом случае пропозиция следующая: «я буду бороться за то, чего не обещает мой противник и за что он не выступает»:

Cette gauche-là elle ne parle plus de la République parce qu'elle choisit le nivellement plutôt que l'égalité. Эта самая левая партия больше не ведет речь о Республике, потому что она выбирает уравниловку, а не равенство.

6) оценочно-характеризующая стратегия, где оценочные слова (*précieux, terrible, insupportable, intolérable, fort, faible*) позволяют оценить понятие как положительное или отрицательное:

Notre capacité de vivre ensemble est notre bien le plus précieux. Наша способность жить вместе – это самое ценное наше благо.

la France redeviendra plus forte et chacun d'entre nous le redeviendra aussi. Parce que la France est forte lorsqu'elle est rassemblée. Франция станет сильнее и каждый из нас станет сильнее. Потому что Франция сильна в единстве.

7) стратегия утверждения ценности через противопоставление ее полярному качеству: «Нечто является ценностью, т.к. позволит избежать плохого явления, если сделать выбор в пользу этой цели»:

Nous pouvons avoir la paix ou la guerre, la meilleure part de la civilisation mondiale ou le fanatisme, le dialogue des cultures ou l'intolérance et Мы можем выбирать между миром и войной, лучшей частью мировой цивилизации и фанатизмом, диалогом культур и отсутствием толеран-

ности и расизмом, процветанием и нищетой, долгосрочным развитием и экологическими катастрофами.

Данная стратегия также используется политиками для диффамации противника, когда оппоненту приписываются приоритеты прямо противоположные собственным (которые при этом понимаются как ценности):

Pour le candidat Nicolas Sarkozy, on l'a compris, il y pense, nous dit-il depuis qu'il est tout petit. Son projet, c'est lui. Mon projet, c'est vous, c'est la France, c'est son rassemblement, c'est sa réussite et c'est son espérance. С кандидатом Николя Саркози все понятно, с самого начала его карьеры. Его проект – это он сам, мой проект – это вы, народ Франции, это его объединение, успех и надежда.

8) Стратегия моделирования критической ситуации. Ценность рисуется как то, что можно потерять, или как то, что несправедливо подавлялось. Пропозиция примерно следующая: «Нечто является ценностью, т.к. исчезновение или ослабление этого явления приведет к плохому положению дел»:

C'est notre capacité à vivre ensemble qui se trouve menacée. Именно наша способность жить вместе находится под угрозой.

... et là aussi c'est un drame dans notre pays, combien de talents gaspillés? ... и в этом также заключается трагедия нашей страны – сколько напрасну растраченных талантов?

J'ai voulu parler de la France parce que depuis trop longtemps elle était dénigrée et parce qu'à force de l'abîmer, à force de l'abaisser, à force de renier son histoire, sa culture, ses valeurs, à force de tout détester, de détester la famille, la patrie, la religion, la société, le travail, la politesse, l'ordre, la morale, à force on finit par se détester soi-même. Я всегда хотел говорить о Франции, потому что уже давно ее поносят, но, разрушая ее, унижая, отрицая ее историю, культуру, ценности, презирая в ней все самое святое – семью, родину, религию, общество, работу, культуру поведения, порядок, нравственность, мы кончаем тем, что презираем самих себя.

9) Стратегия консолидации с адресатом состоит в том, что выдвигаемые приоритеты признаются не личными (исходящими от самого политика), а как бы общими, важными для всех представителей данной культуры, по крайней

мере, для избирателей, непосредственно присутствующих на выступлении: «Нечто является ценностью, т.к. в этом заинтересован каждый». Средствами осуществления этой стратегии являются местоимения *nous, vous, notre, votre, tous, chacun*, слова с семантикой «общность» – *commun, ensemble, la France, le peuple français, tous les Français*:

J'en ai assez de voir l'Etat abaissé. Parce que l'Etat c'est nous³. Nous le construirons tous ensemble car ma conception de la France présidente, c'est un pays où chacun et chacune ... sera à même d'apporter sa pierre, sa force, sa contribution à notre projet commun.

Мы построим это все вместе, потому что моя концепция президентской Франции – это страна, где каждый мужчина и каждая женщина ... принесут свой камешек, свою силу, сделают свой вклад в наш общий проект.

Mes valeurs sont les vôtres, celles de la droite républicaine. Ce sont des valeurs d'équité, d'ordre, de mérite, de travail, de responsabilité.

Мои ценности – это ваши ценности, ценности правой республиканской партии. Это справедливость, порядок, достоинство (заслуги), работа, ответственность.

Анализ материала показывает, что наиболее часто политики обращаются к общекультурным ценностям во вступительной и заключительной части своих речей, где кандидаты, как правило, раскрывают свою социально-экономическую и политическую программу, используя большое количество специальных терминов.

Общекультурные (неполитические, неэкономические) ценности, названные в предвыборных выступлениях Н. Саркози и С. Руаяль, можно разделить на несколько групп:

1) *identité française: identité nationale, identité républicain, identité culturelle* – французская идентичность (самобытность): национальная идентичность, республиканская идентичность, культурная идентичность;

2) *solidarité* – солидарность, объединение;

3) *mouvement, changement, créativité, énergie* – движение: изменение, творчество, энергия;

4) *justice: droits de l'homme, liberté, égalité* – справедливость: права человека, свобода, равенство;

5) *la morale* – нравственность;

6) *mondialisation* – глобализация⁴.

³ Ср. известную фразу Людовика XIV – «L'Etat c'est moi!», где *Etat* вряд ли можно квалифицировать как ценность – ценностью, напротив, выступает личность самого Людовика XIV.

⁴ К сожалению, рамки статьи не позволяют рассмотреть все указанные ценности, поэтому будут проанализированы только наиболее, на наш взгляд, значимые как для данных политиков, так и для французской лингвокультуры в целом.

Каждая группа представлена рядом слов, словосочетаний, а также прецедентных текстов, культурных аллюзий (имена исторических, культурных деятелей, их высказывания, исторические события), описаний ситуаций современной жизни. Кроме того, учитываются единицы со значением, противоположным какой-либо ценности (названия антиценностей), которые также свидетельствуют о значимости и представленности этой ценности. Доказательством того, что та или иная номинация, акцентированная в политическом дискурсе, является этнокультурной ценностью, могут служить такие факторы, как специальные оценочные или культурологические пометы в толковых словарях, словообразовательная активность, представленность в идиоматике языка, прецедентных, художественных текстах, других аутентичных источниках, описывающих социально-культурную жизнь страны.

Считаем целесообразным рассмотреть, как представлены данные ценности в речи каждого из политиков, так как кандидаты принадлежат к разным политическим партиям и, очевидно, набор ценностей и их соотношение будут разными. Обратимся вначале к выступлениям Н. Саркози, который защищает идеалы правой республиканской партии, – по словам самого Саркози, это порядок, справедливость, работа, ответственность, сильное государство.

Доминантной в речах Саркози, по нашим наблюдениям, является ценность, которую можно условно обозначить «*identité française*» (принадлежность к французской нации и культуре). В выступлениях политика встретилось довольно много прямых и косвенных указаний на эту ценность. Ее количественная представленность в текстах речей Саркози составляет примерно 720 единиц (слова *France, français, les Français, Nation, Etat, République, républicain, citoyen, citoyenneté, identité, culture, histoire* + имена собственные, имеющие отношение к истории и культуре Франции). В целях нашего исследования ценность «*identité française*» можно разбить на три тесно связанные между собой смысловые группы. Первая группа слов и словосочетаний акцентирует принадлежность к французской нации в широком смысле: *la fierté d'être Français, la Nation, la patrie, identité nationale, identité française, destinée exceptionnelle, la France rassemblée, la France généreuse/ accueillante/ audacieuse, un grand rêve français, grandeur de la France, l'honneur de la France, Renaissance de la France, gloire de la France, la langue française, France qui se relève, respecter/ aimer/ servir la France, France doit être à l'avant-garde de civilisation, meilleur part de la civilisation mondiale*. Ценность для политика представляет сама Франция как страна, которой стоит гордиться и за которую стоит бороться, говорится о целостности и объединении Франции, высоком предназначении Франции, ее

миссии в мире как страны, которая отстаивает гуманистические ценности, о возрождении и передовом развитии страны. Называются такие качества Франции и французов, как щедрость, открытость, смелость. Значимость этих ценностей усиливается упоминанием противоположных отрицательно оцениваемых политиком явлений, указывающих на упадок страны и нации: *declin/morte de la France, fatalité, vestige du passe, dénigrer la France*:

Ma France, c'est une nation ouverte, accueillante, c'est la patrie des droits de l'homme. C'est elle qui m'a fait ce que je suis. J'aime passionnément le pays qui m'a vu naître. Je n'accepte pas de le voir dénigrer. Je n'accepte pas qu'on veuille habiter en France sans respecter et sans aimer la France. Je n'accepte pas qu'on veuille s'installer en France sans se donner la peine de parler et d'écrire le Français.

Ma France, c'est une nation qui revendique son identité, qui assume son histoire. Voici le pays ... qui aujourd'hui semble avoir perdu cette foi en lui-même, cette conviction que le destin l'avait créé pour accomplir de grandes choses et pour éclairer l'humanité.

Вторая смысловая группа внутри ценности *identité française* – это ценность французской государственности и принадлежности к французской республике (*citoyenneté, identité républicain*), которая представлена в речах Саркози следующими (положительно оценочными) словами и выражениями: *la République, liens républicains, l'ordre, l'Etat, l'Etat fort/ impartial /républicain/ capétien, citoyenneté, le civisme, valeurs civiques, la laïcité, le citoyen*, именами авторитетных личностей, внесших свой вклад в укрепление государственности, – *Henri IV, Général de Gaulle, George Pompidou, Leon Gambetta*, а также отрицательно оценочными словами и реалиями (с семантикой упадка и регресса, дискредитации государства): *eclatement de la République, abaisser l'Etat/ la République, l'Etat faible, affaire Dreyfus, pétainisme*:

Моя Франция – это открытая, гостеприимная нация, родина прав человека. Это она сделала меня таким, какой я есть. Я страстно люблю страну, в которой родился. Я не могу видеть, как ее пытаются очернить. Я не понимаю, как можно хотеть жить во Франции, не уважая и не любя эту страну. Я не понимаю, как можно хотеть остаться во Франции, не утруждая себя изучением французского языка.

Моя Франция – это нация, которая настаивает на своей самобытности, утверждает свою историю. Вот страна, которая сегодня, казалось бы, потеряла веру в себя, в то, что судьба создала ее для выполнения великих задач, для того, чтобы освещать путь человечества.

Je veux un Etat qui incarne les valeurs civiques et qui les fasse respecter. Le civisme on l'enseignait jadis dans les écoles. C'est ce que nous devons à notre pays, ce sont nos obligations envers la société, c'est ce qui fait que chacun d'entre nous mérite le titre de citoyen.

Je veux un Etat respecté.

Je veux un Etat impartial.

Si l'Etat veut être respecté, il doit être respectable. Je ne transigerai pas.

J'ai voulu affirmer que la droite républicaine d'aujourd'hui n'était pas l'héritière de la droite antisémite, antidreyfusarde⁵, réactionnaire ou pétainiste⁶ de la IIIe République, mais qu'elle était l'héritière du gaullisme⁷, de la démocratie chrétienne et du libéralisme.

Я за государство, которое воплощало бы гражданские ценности и которое заставило бы их уважать. Сознание гражданского долга некогда прививалось в школе. Это то, чем мы обязаны нашей стране, это наши обязательства по отношению к обществу, чтобы каждый из нас заслуживал звания гражданина.

Я за уважаемое государство.

Я за беспристрастное государство.

Если государство хочет быть уважаемым, оно должно быть достойным уважения. В этом я не уступлю.

Я всегда утверждал, что правая республиканская партия сегодняшнего дня – это не есть наследница правых антисемитов, антидрейфузаров, реакционеров или петенистов 3-ей Республики, но она – наследница голлизма, христианской демократии и либерализма.

Итак, ценность для Саркози представляет французское государство и Республика как форма этого государства, акценты делаются на таких качествах государства, как сила, беспристрастность, светскость (толерантность между христианами, неверующими и представителями других религий), соответственно антиценностями являются ослабление государства и рес-

⁵ Капитан Альфред Дрейфус (еврей по происхождению) был несправедливо осужден за предательство в 1894 году. Левые интеллектуалы отстаивали невиновность Дрейфуса, в то время как правые политики отказывались пересматривать дело.

⁶ Филипп Петен – глава коллаборационистского правительства «Виши» во время Второй мировой войны, которое ликвидировало демократические институты, преследовало деятелей Движения сопротивления и евреев. Во внешней политике Петен пытался проводить политику нейтралитета. 22 июня 1940 Петен подписал Компьенское перемирие с фашистской Германией.

⁷ Шарль де Голль – французский политический и государственный деятель, основатель и первый президент Пятой республики; основатель и руководитель партии «Объединение французского народа». Голлизм – следование ценностям политики Шарля де Голля.

публиканских ценностей. К республиканским ценностям относится, прежде всего, сознание своей гражданственности (прав, свобод, обязанностей гражданина Французской Республики, уважение к государству), которое, по мнению Саркози, должно прививаться детям в школе. Ценностью также является взаимное уважение государства гражданами и граждан государством.

Наконец, третью подгруппу в рамках ценности *identité française* представляют слова, связанные с историей и культурой Франции: *la culture, l'héritage culturelle, le patrimoine, l'histoire*. В данной смысловой группе большой пласт составляют культурные аллюзии (имена исторических, политических, общественных, культурных деятелей, произведения культуры, названия исторических событий и периодов и т.п., значимых для французской культуры), например, *la Révolution Française, la Résistance, le Front Populaire, Rabelais, Zola, Hugo, Balzac, Voltaire, Camus, Jeanne, mai 1968, des 30 Glorieuses*:

La France, c'est un paysage que nous aimons, c'est aussi une grande histoire, certes pas uniforme, mais avec des moments sublimes, quelquefois des abîmes et en arrière plan la grande lumière jamais éteinte de la Révolution française.

Франция – это пейзажи, которые мы любим, но это также великая история, конечно, не всегда равномерная, но с моментами величия, иногда падения в пропасть, и на дальнем плане великий неугасимый огонь французской революции.

Ma France, c'est celle de tous les Français sans exception. C'est la France de Saint-Louis et celle de Carnot⁸, celle des croisades et de Valmy⁹. Celle de Pascal et de Voltaire. Celles des cathédrales et de l'Encyclopédie.

Моя Франция – это страна всех французов без исключения. Это Франция Людовика Святого и также Карно, крестовых походов и Вальми. Франция Паскаля и Вольтера. Соборов и Энциклопедии.

Таким образом, Н. Саркози подчеркивает, что французская идентичность опирается на веками сложившуюся культуру Франции, которой следует гордиться и которая должна быть ценностным ориентиром для французов.

Другую ценность, выявленную в выступлениях Н. Саркози, можно обозначить как **“solidarité”**. Ее количественная представленность в речах Саркози равна 103 единицам

⁸ Карно С. (1796-1832) – французский физик и инженер, один из основателей термодинамики.

⁹ Вальми – селение во Франции, к западу от Вердена. Около Вальми 20 сентября 1792, во время войны революционной Франции против 1-й антифранцузской коалиции, французская армия впервые разбила войска австро-прусских интервентов и французских роялистов.

(слова *solidarité, fraternité, ensemble, rassembler, partager, commun*). Согласно французскому толковому словарю, “solidarité” – это естественное состояние взаимозависимости, которое существует благодаря потребности людей друг в друге: “1. *Dépendance mutuelle entre les êtres humains, existant à l'état naturel et due au besoin qu'ils ont les uns des autres*” (естественная взаимозависимость между людьми, которая существует благодаря их потребности друг в друге): *Solidarité de fait; solidarité humaine, mutuelle, naturelle; solidarité des hommes, avec les hommes, des âmes*. Кроме того, “solidarité” – это связь, установленная благодаря взаимной ответственности людей внутри социальной группы: “2. *Responsabilité mutuelle qui s'établit entre les membres d'un groupe social*” (взаимная ответственность, которая устанавливается между членами социальной группы): *liens de solidarité; sens, sentiment de solidarité; esprit de solidarité*; а также чувство связанности с другими людьми, желание помогать друг другу: “3. *fait d'être solidaire, de se sentir lié aux autres hommes, de vouloir s'entraider*” (факт того, что люди солидарны, чувствуют связь с другими людьми и хотят помогать друг другу) [DAF; CNRTL: www].

В выступлениях Саркози “solidarité” понимается, прежде всего, как «национальная солидарность», т.е. объединение Франции вокруг общих целей, интересов, толерантность к расовым, культурным и религиозным различиям между французами; такое объединение возможно, по мнению политика, благодаря общности культуры и истории. Слова и словосочетания, поддерживающие данную ценность, имеют значение общности и объединения: *fraternité, projet partagé, projet collectif, solidarité nationale, République fraternelle, intégration, volonté/ destin commune, tous ensemble réunis, France rassemblée, vivre ensemble*:

La France c'est le nom de notre destin commun. Франция – это имя нашей общей судьбы.

La France c'est une solidarité. Франция – это солидарность.

Само слово “solidarité” употреблено всего несколько раз, тем не менее синонимичные выражения актуализируют первое и второе значение “solidarité”; третье, более узкое («желание помогать друг другу») не актуализовано. Саркози, как правило, говорит о данной ценности как бы в общем, солидарность, объединение и т.д. выглядят абстрактно и отстраненно от конкретных людей. В центре внимания политика остается Франция, а не «солидарность» как качество французов. О расплывчатости этой ценности свидетельствует, например, использование неопределенного артикля с выражениями, представляющими ценность “solidarité”:

La France c'est une *volonté de vivre ensemble*, en partageant les mêmes valeurs. Франция – это *желание жить вместе*, разделяя общие ценности.

La France c'est un projet collectif, c'est la volonté de vivre ensemble et de construire ensemble. Франция – это *коллективный проект*, это желание жить вместе и строить вместе.

Je veux rassembler sur des convictions et non sur des étiquettes pour que la République redevienne une idée neuve et un projet partagé. Я хочу объединения на основе убеждений, чтобы Республика вновь стала актуальной идеей и *общим проектом*.

Интересно, что Саркози, наряду со словом "solidarité", употребляет слово "fraternité", хотя в целом не различает эти два понятия. Словарное толкование слова "fraternité" указывает на более тесные и более глубинные связи между людьми: "Liaison étroite que contractent ensemble ceux qui, sans être frères, se traitent néanmoins comme des frères" (*тесная связь*, которая *сплачивает* тех, кто не будучи братьями, относятся друг к другу почти как братья). *Il y a fraternité entre ces deux hommes, entre ces deux familles, entre ces deux républiques. Fraternité d'esprit. Fraternité de sentiments. Fraternité d'armes* [DAF: www]. В толковом словаре приводятся следующие синонимы "fraternité": *accord, amitié, amour, camaraderie, charité, concorde, confiance, ensemble, harmonie, intelligence, lien, solidarité, sympathie, union, unité* (слаженность, дружба, любовь, товарищество, доверие, согласие, целостность, гармония, взаимопонимание, связь, солидарность, симпатия, союз, единство), многие из которых называют более тесные и прочные отношения между людьми, хотя "fraternité" – наиболее близкий синоним "solidarité" [CNRTL: www].

Fraternité является третьим элементом знаменитого республиканского девиза "Liberté, Égalité, Fraternité", который стал основным принципом Республики со времен Великой Французской революции. Во время революций *fraternité* было призывом объединиться, независимо от того, француз ты или нет, в борьбе за свободу и равенство. Таким образом, это слово имеет четкие исторические и патриотические коннотации, указывающие на великое прошлое Франции, возможно, именно это хочет подчеркнуть Саркози, употребляя это слово для описания своих наиболее значимых ценностей:

Dans les valeurs de la République, *la fraternité* n'est pas une valeur moins importante que les autres. C'est peut être la plus importante de toutes. *La* Среди ценностей Республики *братство* – это не менее важная ценность. Это, возможно, самая важная из всех. *Братство* – это *желание*

fraternité, c'est la volonté de vivre ensemble, de partager un destin commun, une loi commune. Je veux remettre la fraternité au cœur de la politique. *жить вместе, разделяя общую судьбу, общий закон. Я хочу вновь сделать братство центром политики государства.*

Саркози считает, что «солидарность» как ценность особенно необходима Франции в настоящее время, т.к. многочисленные явления социальной жизни сводят эту ценность на нет, поэтому в предвыборных речах кандидата встретилось немало слов, называющих антиценности "solidarité" – слова с семантикой противостояния, отчуждения, разделения: *les uns contre les autres, communautarisme¹⁰, intolérance, concurrence, alienation, racisme, la haine, diviser, séparer, rien à donner aux autres*. Такое противопоставление в целом соответствует, согласно толковому словарю, антонимам "solidarité" – *individualisme, indépendance* [CNRTL: www], однако в оценочном отношении они в большей степени соответствуют антонимам "fraternité" – *désunion, haine, hostilité, mésintelligence, rasisme* [CNRTL: www], т.к. в выступлениях Саркози в качестве антиценностей употреблены слова и выражения с резко отрицательной и эмоциональной оценкой. Подчеркивается, что состояние разобщенности, разделения отрицательно сказывается на жизни, прежде всего, Франции в целом как страны, это то, что ущемляет национальную гордость:

la France est forte lorsqu'elle est rassemblée. ... la France est forte lorsqu'elle est unie. ... lorsque la France est divisée, c'est chaque Français qui se trouve affaibli. *Франция* сильна, когда она объединена. *Франция* сильна, когда она едина. Когда *Франция* *разъединена, разделена, каждый француз* чувствует себя слабым.

Je n'accepte pas *le communautarisme. Je refuse le communautarisme qui rendrait ce qui nous sépare plus fort que ce qui nous unit.* Я не приемлю *коммунотаризм*. Я отказываюсь от *коммунотаризма*, который отражает то, что *нас разъединяет* сильнее, чем объединяет.

¹⁰ > фр. *communauté* – сообщество или община, образованные на основе социальных признаков; во Франции существуют, например, мусульманские, еврейские, гомосексуальные общины, общины эмигрантов. Основная идеология, порождающая *communauté*, – борьба против дискриминации, признание национальных, культурных, социальных, религиозных различий, право на независимость и на другую мораль. Словом *communautarisme* обозначается явление множественности общин и противостояния между отдельными общинами [Mermet 2006: 195]. Таким образом, «солидарность» внутри общины оборачивается разобщенностью в масштабах страны.

Таким образом, акцент смещается с «общечеловеческого» на национальный характер «солидарности», и ценностью для Саркози является именно этот последний аспект.

При обращении Саркози к другим ценностям (например, *mouvement, droits de l'homme, mondialisation*) наблюдается та же тенденция: в фокусе всегда остается «Франция» и «французская идентичность» как та ценность, без которой другие просто не могут существовать.

Так, например, к группе «**mouvement**» можно отнести слова, называющие движение и все то, что способствует развитию, изменениям и продвижению вперед, – творчество, идеи, инновации, смелость, энергия, готовность идти на риск (*activité, innovation, création, mouvement, développement, énergie, changement, audace, le progrès, courage, l'idée, l'initiative, l'effort, grandir, avancer, être en avance sur le temps, prendre des risques, surmonter*), соответственно антиценностями выступают консерватизм, застой, отсутствие энергии или непродуктивная трата энергии (*conservatisme, immobilisme, les archaïsmes, manque de courage, gaspillages d'énergie, heurter, subir*). Все эти качества ценны не сами по себе, а в связи с тем, что они способствуют возвеличиванию Франции и национальной гордости, Франция как бы воплощает эти качества:

... dans les valeurs auxquelles je crois, il y a aussi le mouvement. Je ne suis pas un conservateur. Je ne veux pas d'une France immobile. Je veux l'innovation, la création, la lutte contre les injustices.

Среди ценностей, в которые я верю, есть также движение. Я не консерватор. Я не хочу неподвижной Франции. Я хочу инноваций, творчества, борьбы с несправедливостью.

Comme vous, je crois que rester immobile serait mortel quand tous les autres avancent.

Как вы, я считаю, что оставаться неподвижным, когда все движутся вперед, – это губительно.

Voici le pays qui a inventé l'idée de progrès, ... le pays qui si souvent a été à l'avant-garde de la civilisation.

Вот страна, которая изобрела идею прогресса, страна, так часто идущая впереди цивилизации.

Je veux être le président d'une France qui incarnera l'audace, l'intelligence et la création.

Я хочу быть президентом Франции, которая будет воплощением дерзновенной, разума (способностей) и творчества.

Таким образом, Саркози, говоря о различных ценностях, подчеркивает «*identité française*», которая становится доминантной в его выступлениях, другие ценности при этом не умаляют-

ся, но значимы постольку, поскольку существует доминантная ценность.

Обратимся к текстам речей Сеголен Руаяль. Набор основных слов, называющих ценности, и сами заявленные ценности, на первый взгляд, примерно такие же, как в текстах речей Н. Саркози, – *France, solidarité, mouvement, liberté, égalité, justice, mondialisation*, которые при анализе мы будем обозначать теми же именами.

Указанием на ценность «**identité française**» служат слова и словосочетания с семантикой «французский, гражданский, республиканский, национальный»: *la France, les Français, le peuple français, la Révolution française, puissance/ grandeur de l'Etat, citoyen, citoyenneté, lien républicain, identité républicain, une France généreuse, histoire, la culture, la Nation, francophonie, France grande, ouverte, accueillante*, а также некоторые выражения с семантикой упадка (антиценности): *la France n'est plus à la hauteur, le délitement du lien républicain*.

Количественная представленность ценности «*identité française*» также довольно высока: 500 единиц. Но у Руаяль существенно меньше упоминаются культурные и исторические реалии. Кроме того, словосочетания данной группы развивают не столько ценность «*identité française*», сколько другие ценности, которые значимы для Франции (*solidarité, justice, égalité, droits de l'homme*). Примечательно, что слово «Франция» употребляется в этом случае с неопределенным артиклем:

J'ai besoin de vous, de vos intelligences, de vos exigences, de vos générosités pour construire une France qui se rassemble.

Я нуждаюсь в вас, ваших способностях, ваших запросах, вашей щедрости для того, чтобы строить Францию, которая будет похожа на себя и которая вновь объединится¹¹.

Quand je propose une France plus juste et une France plus forte, on sait bien que c'est de cela que la France a besoin.

Когда я выступаю за более справедливую и более сильную Францию, все прекрасно понимают, что именно в этом Франция сейчас нуждается.

¹¹ Непереводимая игра слов: благодаря тому, что слова *se ressembler* – ‘походить друг на друга’ и *se rassembler* – ‘вновь собираться, воссоединяться’ – похожи по звучанию, они вступают в тесные смысловые связи и становятся контекстуальными синонимами: т.е. Франция похожа на себя, когда ее люди вновь собираются вместе.

Nous allons construire une France qui rassemble toute son histoire, toutes ses trajectoires diverses, une France colorée qui fait de ses diversités une richesse, une France métissée dans laquelle plus aucune discrimination ne sera tolérée.

Мы построим *Францию*, которая объединит свою историю, все свои разные пути, построим *Францию 'цветную'*, богатство которой в различиях, *Францию 'смешанную'*, в которой не останется места *никаким формам дискриминации*.

В других словосочетаниях слово «Франция» определяется с помощью самых общих понятий, не имеющих отношения к истории, культуре и самобытности страны, за счет этого акцент смещается с ценности «*identité française*» на более абстрактные ценности общего порядка (возрождение, вера в будущее и т.п.):

la France ne veut pas se replonger dans l'ombre. *La France* veut la lumière, *la France* veut l'espérance, *la France* veut l'horizon, *la France* veut se redresser, *la France* veut croire en son avenir, *la France* a confiance en elle.

Франция не хочет вновь погружаться в тень. *Франция* хочет света, *Франция* хочет надежды, *Франция* хочет смотреть за горизонт, *Франция* хочет возродиться, *Франция* хочет верить в свое будущее.

La France, ce sont des valeurs exigeantes et belles proclamées par la Révolution française, *la France*, ce sont des valeurs universelles qui nous obligent et que nous devons porter haut pour ne pas décevoir ceux qui ont foi en nous.

Франция – это требовательные ценности, красиво заявленные Французской революцией, *Франция* – это универсальные ценности, которые нас обязывают и которые мы должны нести высоко, чтобы не разочаровать тех, кто верит в нас.

Доминантной ценностью в выступлениях С. Руаяль, на наш взгляд, является «**solidarité**». Она выражена рядом ключевых слов (*solidarité, se rassembler, commun, ensemble, dialogue, partager*), общим числом около 120 словоупотреблений. Кроме этих слов, встретилось много различных словосочетаний, выражающих такие смыслы, как «объединение» (*vivre ensemble*), «общность» (*project commun, France qui se relève grâce a tous*), «связанность с другими» (*lien de solidarité, le lien social*), «взаимопонимание» (*l'intelligence¹² de tout un peuple, l'écoute, compréhension de différences, s'aimer*), «совместная деятельность» (*solidarité active, agir ensemble, participer, insertion sociale, partager, se sentir utile aux autres, donner la parole, travail solidaire action collective, mouvement mutualist*).

Данные смыслы близки к словарному значению слова «solidarité» [DAF; CNRTL: www]. Этим словам и словосочетаниям Руаяль противопоставляет слова и выражения с семантикой индивидуализма (*chacun pour soi, peur des autres, designer celui qui est différent, sentiment d'abandon*), разделения (*division*), ненависти (*brutalité, méfiance, mépris vers les autres, tous contre tous, violence, arrogance*) или отсутствия социальных связей (*réunions stériles, le lien social se délite*), что примерно соответствует словарным антонимам слова «solidarité» – *individualisme, indépendance* [CNRTL: www].

Приведем некоторые цитаты из выступлений:

Rassemblons-nous!

Объединимся!

Nous le construïrons tous ensemble car ma conception de la France présidente, c'est un pays où *chacun et chacune* sera à même d'apporter sa pierre, sa force, sa contribution à notre projet commun.

Мы ее построим все вместе, потому что моя концепция президентской Франции – это страна, где *каждый мужчина и каждая женщина* привнесет свой вклад в наш общий проект.

Il y a d'un côté la voie de la brutalité et de l'autre celle du dialogue, de la concertation et de l'écoute que je vous propose. Il y a d'un côté la voie du *chacun pour soi*, de la concurrence et de l'expérimentation sauvage ou celle de la *solidarité*.

С одной стороны, есть путь *жестокости*, с другой стороны, путь *диалога, обсуждения и умения выслушать*, путь, который я вам предлагаю. С одной стороны, есть путь, где *каждый за себя*, где процветает *жесткая конкуренция и бесконтрольные эксперименты*, и есть путь *солидарности*.

Je crois au contraire à *l'intelligence de tout un peuple*.

Я, наоборот, верю в *единомыслие всего народа*.

Как видим, Руаяль делает акцент именно на гуманистическом аспекте солидарности, где во внимание принимается каждый отдельно взятый человек, мужчина или женщина. Обращает на себя внимание использование слов, маркирующих гендерные различия: *chacun et chacune, tous et toutes, citoyens et citoyennes, Français et Françaises, observateurs et observatrices*.

Косвенным указанием на приоритет ценности «solidarité» может служить более активное, чем, например, у Н. Саркози, использование личных местоимений *vous* «вы, вам» *nous* «мы, нам» и притяжательных прилагательных *votre/ vos* «ваш/ваши», *notre/ nos* «наш/наши», т.к. с помощью этих слов политик подчеркивает во-

¹² «Intelligence» зд. в значении «понимание, согласие, единомыслие» [НФРС 2004].

влеченность своих избирателей в ценностную систему, центром которой является "solidarité". Количественная представленность данных единиц у Руаяль составляет 723 словоупотребления, у Н. Саркози – 328 словоупотреблений. В то же время местоимения и притяжательные прилагательные, выражающие индивидуализм, – *je, moi, ma/mon/mes* «я, мне, моя / мой / мои» составляют у Саркози и Руаяль примерно одинаковое количество словоупотреблений (545 и 552 соответственно), однако, у Саркози эта цифра значительно превосходит частотность употребления слов *vous, nous, votre/ vos, notre/ nos*, а у Руаяль, наоборот: последние преобладают. В этом смысле высказывание Руаяль относительно Саркози "Son projet, c'est lui. Mon projet, c'est vous" (Его проект – это он сам, мой проект – это вы) выглядит довольно обоснованным.

Говоря о "solidarité", С. Руаяль в своих выступлениях опирается на конкретные реалии из социальной, экономической, политической жизни, выражающие эту ценность, а именно: *associations/ mouvement associatif, l'Economie Sociale et Solidaire, la démocratie participative*.

Следует отметить, что перевод данных номинаций на другой язык затруднен, поскольку трудно найти соответствующий денотат. Так, "association" – это общественная некоммерческая организация, члены которой объединены вокруг общей цели или интереса ("Groupement, réunion de personnes autour d'un but ou d'un intérêt commun") [DLF: www]. Члены ассоциаций работают, как правило, на общественных началах. Это могут быть спортивные, культурные, экологические, родительские, гуманитарные и т.п. организации. Цель этих организаций не развлекательная, а скорее благотворительная или социальная адаптация. Число "associations" во Франции увеличивается с каждым годом: в 2004 году их насчитывалось уже 70 000 по сравнению с 20 000 в 1975 году. В настоящее время около 45% французов, согласно данным центра общественных исследований Crédoc, являются членами "associations" [Crédoc 2006]. Как отмечает социолог Ж. Мерме, потребность французов "принадлежать" (*adhérer*) к той или иной ассоциации – это своеобразная реакция на общество потребления, поиск "связей" (*liens*) в противовес "материальным благам" (*biens*), средство перевести взгляд с себя на "других" (*les autres*) [Mermet 2006: 206].

Политический принцип "démocratie participative" особенно акцентирует солидарность между политиками и гражданами, это непосредственное участие граждан в политике, которое осуществляется как через личное общение, так и за счет современных технических средств связи – интернета, телефона: "l'implication et la participation des citoyens dans le débat public et la prise de décisions politiques qui s'en suit – вовлеченность и участие граждан в

общественных дебатах и принятии политических решений" [Démocratie participative: www].

"L'économie sociale et solidaire" обозначает принцип экономики, где центром экономического и социального развития становится личность человека, это способ, когда политика и экономика совершаются с учетом построения человеческих отношений и непосредственного участия граждан [Economie sociale: www]. Последнее понятие получило наибольшее распространение именно во Франции и некоторых франкоговорящих странах (Бельгия, Канада), хотя употребляется и в других странах, но уже как калька с французского [Nancy Neamtan 2002].

В своих выступлениях Руаяль активно использует данные реалии:

je crois dans l'intelligence collective des citoyens, dans la force du mouvement associatif qui, partout, en France, se met en mouvement. Я верю в единомыслие наших граждан, в силу *благотворительного движения*, которое приходит в движение по всей стране.

France c'est une vaste association. Франция – это одна большая *ассоциация*.

la France doit aujourd'hui inventer et mettre en mouvement la démocratie participative que j'ai vu si bien fonctionner au cours de cette campagne. Франция должна сегодня создать и привести в действие *демократию участия*, которая доказала свою состоятельность во время этой кампании.

Je voudrais aussi beaucoup insister sur la valorisation de l'Economie Sociale et Solidaire (ESS). Я также делаю особый акцент на придании большего значения *Социальной и Солидарной Экономике (ССЭ)*.

Что касается других ценностей (*mouvement, liberté, égalité, justice, mondialisation*), не имея возможности проанализировать подробно каждую из них, отметим только, что, несмотря на самостоятельный их характер и лексическую представленность в выступлениях Руаяль, тем не менее во многих случаях можно говорить об их зависимости от "solidarité" даже там, где речь идет не о "solidarité":

Il n'y a pas de grand peuple sans une exigence permanente de liberté, et c'est cette liberté-là que je veux porter avec vous! Не существует великого народа без постоянной потребности в *свободе*, и эту свободу я хочу нести *вместе с вами!*

Nous avons besoin, c'est un combat permanent, un combat inachevé, un combat exigeant. Nous Нам нужна свобода, все свободы, свобода – это суть даже политических, профсоюзных, культур-

avons besoin de *la liberté, de toutes les libertés, la liberté* est l'essence même du débat politique, syndical, culturel, associatif ou religieux.

Je veux que la France *aime tous ses enfants* car elle n'est elle-même que lorsqu'elle lutte contre toutes les formes de *discrimination*.

Таким образом, другие ценности позволяют глубже раскрыть ценность "solidarité": с одной стороны, свобода и равенство нужны всем, они являются объединяющим началом, с другой стороны, солидарность может осуществляться только если люди свободны и уважают друг друга вне зависимости от происхождения, религии и т.п.

В выступлениях Руаяль такие ценности, как "liberté", "égalité", "justice", "mouvement", "mondialisation", в целом представлены как абстрактные и универсальные категории, не имеющие лингвокультурной маркированности.

Le peuple français aujourd'hui est en *mouvement*, il a une soif profonde de *changement*.

je veux une France qui *avance*, ... Je veux libérer les énergies et les talents.

En avant, en mouvement, vive la République, vive la France!

Je crois pouvoir rassembler et je demande à ceux qui pensent que l'on peut réformer la France sans brutalité, que l'on peut *protéger les exclus* tout en étant compétitif sur le plan économique.

Итак, можно сделать вывод о том, что в предвыборных речах Николя Саркози и Сеголен Руаяль, наряду с «политическими ценностями текущего момента», активно используются лингвокультурные ценности, главными из которых являются «французская идентичность» и «солидарность». Первая становится доминирующей

ных, ассоциативных и религиозных дебатов.

Я хочу, чтобы Франция *любила всех своих детей*, потому что она будет самой собой только, когда будет бороться со всеми формами *дискриминации*.

Французский народ сегодня *в движении*, он жаждет глубоких *перемен*.

Я за Францию, которая *движется вперед*, ... Я хочу высвободить энергию и таланты.

Вперед, да здравствует Республика, да здравствует Франция!

Я верю в возможность воссоединения и я обращаюсь к тем, кто считает, что во Франции можно проводить реформы без жестокости, что можно *защитить отверженных*, оставаясь в то же время конкурентоспособным в экономике.

нантной в выступлениях правого республиканца Н. Саркози, вторая превалирует у левой социалистки С. Руаяль. В дискурс данные ценности транспонируются посредством определенных дискурсивных стратегий – перформативной, интерпретативной, аффективной. На семантическом уровне данные ценности представлены, во-первых, лексемами с высокой частотностью использования, непосредственно именуемыми ценности, и их синонимами в составе лексико-семантических групп, во-вторых, – антонимичными лексемами, именуемыми антиценности. На текстовом уровне основным средством актуализации ценностей выступают упоминание и обсуждение лингвокультурных реалий.

ЛИТЕРАТУРА:

Бабаева Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира. Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.

Бакумова Е. В. Ролевая структура политического дискурса. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.

Грбарова Э. В. Концепт "savoir-vivre" во французской лингвокультуре и его русские соответствия. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград, 2007.

Кирнозе З. И. Французское // Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. Нижний Новгород, 2001.

НФРС – Новый французско-русский словарь / Гак В. Г., Ганшина К. А. – 9-е изд., испр. – М., 2004.

Светоноснова Т. А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.

Седых А. П. Языковая личность и этнос. М., 2004.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Фомина Т. Д. Динамика концепта в политическом дискурсе (на материале выступлений Д. Буша и Т. Блэра, посвященных второй военной кампании в Ираке). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

DAF – Dictionnaire de l'Académie française (8e édition) // <http://dictionnaire.mediadico.com/>

Mermet, G. Francoscopie 2007. Paris, 2006.

CNRTL – Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales, 2005 // <http://www.cnrtl.fr>

Condition de vie et aspiration des Français 2003-2004 // Crédoc – Centre de recherche pour l'étude et l'observation des conditions de vie, 2004.

Démocratie participative, 2008 // www.wikipedia.fr

DLF – Dictionnaire de la langue française // <http://www.linternaute.com/dictionnaire/fr/>

DALF – Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXème au XVème siècle / Frédéric Godefroy. // <http://mcworks.ovh.org>

DFDS – Dictionnaires français de définitions et de synonymes, 2007 // <http://dictionnaire.reverso.net>

Economie sociale, 2008 // www.wikipedia.fr.

La fête des voisins. Immeubles en fête, 2008 // www.immeublesenfete.com.

Les symboles de la République, 2006 // http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/les_symboles_de_la_republique/liberte_egalite_fraternite/liberte_egalite_fraternite.76982.html.

Neamtan, N. The Social and Solidarity Economy: Towards an Alternative Globalisation // Symposium on Citizenship and Globalisation organized by The Carold Institute. – Vancouver, 2002.

Nicolas Sarkozy : Discours 2007 // Union pour un Mouvement Populaire <http://www.u-m-p.org/site/index.php>.

Ségolène Royal: Discours et interviews 2007 // Le site officiel de Ségolène Royal <http://www.desirsdavenir.org/index.php>.

TNS-sofres – Sondages, opinions, études, 2008 // www.tns-sofres.com.

© Фенина В. В., 2008

Шаховский В. И.

Волгоград, Россия

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНТЕКСТ
КАК КЛЮЧ К КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ А. МИНКИНА)**

Abstract

Treated is the problem of interrelation between three categories: intertextuality, culture and cultural code. Declared is the thesis of basic cultural taxons that form the cultural code and play the role of keys, helping to decode this code. Proved is that intertexts as a variety of language keys play the role of staples between different layers of culture. Illustrations are based on the material of correspondent A. Minkin's "Moskovsky Komsomolets" publications.

Среди различных произведений, как художественных, так и публицистических, имеются произведения, подобные работам У. Фолкнера, В. Пелевина и др., которые представляют собой смесь культурных пластов конкретного этноса и потому непонятны многим читателям. Фильмы Феллини и Тарковского также понятны не многим, но по другой причине – в силу их специфической элитарности (в старом, возвышенном, значении этого слова).

Публикации же журналиста газеты «Московский комсомолец» (далее – «МК») А. Минкина понятны всем, хотя оцениваются читателями по-разному. Это объясняется различными шкалами ценностей его читателей. Контент-анализ его публикаций показывает, что их всеобщая

понятность объясняется огромной эрудицией этого автора, многослойностью его культурной памяти, искусным владением русским культурным кодом и набором ключей к нему.

А. Минкин в «МК» не только транслирует культурные таксоны (единицы) на читателей, но и индуцирует их в общественном сознании и в общественной памяти его читателей. Своими публикациями он как бы переворачивает содержание пластов культурного фонда и вытаскивает на поверхность те из них, которые звучны современным событиям, фактам, оценкам.

Достигает он этого эффекта, благодаря феномену, получившему в лингвистике название «интертекстуальность», средством экспликации которой, среди прочих, являются интексты, которым и посвящена данная работа.

Остановимся на базовых понятиях категории интертекстуальности.

Теория интертекстуальности начала привлекать внимание лингвистов после опубликования статьи малоизвестного тогда автора Ю. Кристевой (Кристева 1967; 2007). В отечественном языкознании значительный интерес мгновенно вызвала статья И. В. Арнольд (Арнольд 1993) об аллюзиях, ссылках, цитатах, которые повторяются из текста в текст, тем самым, связуя их в единый сверх- или гипертекст. Такая проблема могла родиться только в парадигме текстолингвистики, которую долгое время отрицали довольно крупные учёные-филологи (например, Кривоносов 1986 и др.).

С тех пор было написано множество статей, диссертаций и монографий, как по текстолингвистике, так и по одной из её проблем – межтекстовой связи или интертекстуальности (Петрова 2005; Филиппова 2008 и др.).

В таких исследованиях было установлено, что постоянно создаваемые новые тексты не могут быть «чисто» новыми, а являются вторичными (см., например, Ионова 2006). Они опираются на предыдущие тексты, воспроизводя, тем самым, фрагменты общенациональной когнитивной базы автора и читателя с опорой на их общие культурные знания. Эта идея находит подтверждение в следующей цитате. «В процессе интерпретации художественного произведения встаёт вопрос о межтекстовой компетенции читателей, которая основана на том, что в объёме памяти хранятся следы ранее прочитанного, приёмы литературных описаний, модели разных жанров, тропов, схемы возможных стратегий интерпретации» (Арнольд 1993: 9).

Без этих вкраплений из предыдущих текстов восприятие «новых» текстов было бы чрезвычайно затруднено или невозможно. Вкрапление в «новые» тексты элементов предыдущих текстов теперь уже неоспоримо обозначается термином интертекстуальность.

Под термином «интертекстуальность», в общем смысле, понимают взаимодействие от-

дельных текстов в плане их содержания и выражения (Арнольд 1993; Гончарова 1993 и др.).

По М. М. Бахтину, всё общение человека, в том числе, и через текст, является диалогичным (Бахтин 1976). В случае интертекстуальности эта диалогичность проявляется в межтекстовом общении через аллюзии, цитирование, сноски и т.п.

В современной теории интертекстуальности наиболее широким её толкованием является семиотическое, а именно – воспроизведение в межтекстовых связях одного и того же кода, благодаря чему эта межтекстовая связь понимается и обогащается новыми смыслами, поэтому в каждом «новом» тексте, опирающемся на предыдущий, происходит явление “semantic stretching” - как добавление новых знаний, так и их суммативное выведение. Так, В. Н. Топоров исследует текст как особую «диахроническую матрицу», сквозь которую как бы проступает другой текст (Топоров 1987: 99).

Представляет интерес конкретизирующее определение интертекстуальности Е. А. Гончаровой. По её мнению, интертекстуальность является характеристикой художественной структуры, предполагающей «незамкнутость» художественного текста по отношению, во-первых, к иным художественным системам и структурам, а, во-вторых, к читателю. Тезаурус каждого читателя тоже представляет собой определённую незамкнутую систему пресуппозиций, обуславливающих полноту восприятия читателем элементов художественной структуры в их интегральной целостности (см.: Гончарова 1993: 20-21). Как показывает наше исследование, такая характеристика свойственна для публицистики журналиста А. Минкина.

Кроме того, при рассмотрении понятия «интертекстуальность» следует учитывать, что существует две её стороны: читательская (исследовательская) и авторская. С точки зрения читателя, как показывает в своей работе Н. А. Фатеева, интертекстуальность представляет собой установку на более углубленное понимание текста или разрешение непонимания за счёт установления многомерных связей с другими текстами (или внутри одного текста). С точки зрения этого автора, интертекстуальность – это способ порождения собственного текста и своего «Я» (см.: Фатеева 1997: 322).

В этой связи говорят о существовании аутоинтертекстуальности.

Предшествующие тексты, фрагменты которых находят своё повторение в последующих текстах, в текстолингвистике стали называть прецедентными текстами.

Проблема прецедентности, как часть теории интертекстуальности и как самостоятельная теория, также достигла высокого исследовательского уровня и обширного объёма знаний (Красных и др. 1997).

Проблема прецедентности, зародившись в парадигме текстолингвистики, тесно связала последнюю и с лингвокультурологией (Красных 2001; Телия 2006 и др.). Лингвокультурология, в свою очередь, связала проблемы прецедентности и интертекстуальности с лингвокогнитивными исследованиями языковой картины мира и с концептологией. Это объясняется тем, что когнитивная языковая / речевая / коммуникативная / дискурсивная личность, создавая свой собственный текст, воспроизводит свои или чужие тексты сообразно своему мировоззрению, эмоциональному дейксису (Жура, Шаховский 2002) и эмоциональному интеллекту (Goleman 1997). Тексты такого рода репрезентируют индивидуальную картину мира креативной личности.

Теперь уже никем не оспаривается коммуникативная природа текста, т.е., что текст является единицей коммуникации, а также то, что текст не отображает мир, а лишь его интерпретирует, в том числе, и через отсылки к предыдущим интерпретациям или их фрагментам.

Как отмечает С. Г. Филиппова, интертекстуальные включения маркируют авторскую интенцию и «составляют часть интерпретационной программы художественного текста, т.е. являются сигналами адресованности» (Филиппова 2008: 11).

Важнейшей функцией интертекстуальности, по нашему мнению, в ряду других функций (суггестивная, стилиобразующая, индуктивная, когнитивная, ассоциативно-образная, фасцинирующая, прагматическая и др.), является текстообразующая.

Как известно, интертекстуальность – универсальный семиотический закон, работающий в многомерном интертекстуальном пространстве гипертекста (мегатекста).

Выше приведёнными толкованиями термина «интертекстуальность» нельзя ограничиться, в силу её многомерности. Это видно и из того толкования интертекстуальности, которое даёт Н. В. Петрова: «под интертекстуальностью понимаются формообразующие и смыслообразующие взаимодействия различного рода дискурсов, вербальных и невербальных текстов» (Петрова 2005: 2). Этой своей гранью интертекстуальность примыкает к дискурсивной лингвистике, что ещё раз подтверждает наш тезис о её многополярности и поднимает проблему интердискурсивной интертекстуальности.

Получается, что к тем категориям текста, которые выделяют И. Р. Гальперин (Гальперин 1981), З. Я. Тураева (Тураева 1986) и другие лингвисты, с позиций современного уровня знаний, можно безоговорочно причислить и интертекстуальность как текстовую категорию.

Для теории интертекстуальности ключевыми (знаковыми) являются такие терминопонятия как «общий культурный код», «общая когнитивная база», как для одноязычных, так и для

разноязычных коммуникантов (ср., например, универсальное для всего человечества знание об Иисусе Христе и национально-специфическое о боярыне Морозовой и др.).

Общие знания вертикальны и имеют разную глубину своих когнитивно-культурных пластов. Язык осуществляет межпоколенную связь этих знаний, не только аккумулируя их, но и выстраивая знаниевую вертикаль. Именно язык является главным ключом к этим знаниям для каждого следующего поколения, который открывает кладовую знаний, хранящихся на определённом пласте истории. Межпоколенная связь этих общих знаний не должна прерываться. И при эволюционном развитии она не прерывается. А в случае революционного взрыва (ср. с культурным взрывом по Ю. М. Лотману) происходит отрыв одного поколения от предыдущих. В таких случаях обычно говорят о поколении «иванов, не помнящих родства». Нечто аналогичное наблюдается сейчас в языковом сознании и коммуникативном поведении современных российских подростков, для которых имена Чапаева, Ленина, Пушкина и др., а также события «Великая Отечественная Война», первый полёт в космос и имя Гагарина ничего не значат, т.к. у этого поколения отсутствуют общие с современным старшим поколением культурные знания, что усугубляет проблему отцов и детей в коммуникативном плане.

Базовый культурный пласт советского периода, так же как базовый культурный пласт дореволюционной России и все прочие культурные пласты, транслируются по культурной вертикали времени лишь фрагментарно. Поэтому современному журналисту, писателю, учителю и вузовскому преподавателю – хранителям, носителям таксонов культуры – необходимо особый талант и коммуникативное мастерство, чтобы своими речевыми произведениями вызывать / индуцировать фрагменты базовых культурных знаний.

Интертекстуальные вкрапления в совокупности составляют общие знания определённого этноса. Эта совокупность знаний называется когнитивной базой всех коммуникантов данной общности как аддитивный компонент универсальной когнитивной базы мирового / общечеловеческого языка. Вкрапления, входящие в последующие тексты, становятся интекстами, ключом к пониманию которых выступает культурный код.

Уже более никем не оспаривается положение о том, что язык отражает культуру и транслирует ее из одной языковой среды в другую, о том, что язык осуществляет межпоколенную лингвокультурологическую связь и что сам язык является таксоном культуры, поскольку язык и культура являются двумя семиотическими кодами (см.: Шаховский 2006: 2).

При всём расхождении определений понятия «культура» современная наука уже не от-

рицает того, что культура является продуктом многовековой, многослойной деятельности, беспрестанно развивающейся и меняющей свою конфигурацию в зависимости от изменяющихся форм осознания человеком мира, которая облигаторно инкорпорирована во все языковые знаки, в том числе фразеологические (см.: Шаховский 2006: 5).

Наиболее полным мы считаем определение, приведённое В. Н. Телия: «культура – это результат восприятия мироздания как лона собственного человеческого бытия, творимого человеком в процессе его жизнедеятельностного опыта – трудовых практик, знаний, социальных отношений, религий и фантазий» (Телия 2006: 776).

Любое словесное творчество и, прежде всего, художественное, может служить полигоном для вытягивания на поверхность содержимого культурного кода русского языка (см.: Шаховский 2007 Б: 10).

Все прецедентные имена, события, факты, явления хранятся в этнической или мировой культурной памяти в виде свёрнутых номинаций, например, «30 сребреников», «Павлик Морозов», «Понтий Пилат», «рыцари-псы», «Мамаево побоище», «королева-мать Виктория» и др.

Одним из наиболее ярких примеров таких кодовых ключей к всемирной культурной памяти и общечеловеческому знанию является имя Понтия Пилата. Текст-оригиналом, повествующим о нём, является Библия, в которой представлен эпизод допроса Иисуса Христа прокуратором Пилатом Понтийским.

Перед Понтием Пилатом стояла мучительная задача определить виновность / невиновность Иисуса Христа. Данный эпизод как текст, включающий в себя прецедентное событие и прецедентное имя, является интекстом во многих художественных произведениях. В отечественной литературе впервые мы встречаемся с этим эпизодом в романе «Мастер и Маргарита» М. Булгакова. Значительно позже он почти слово в слово повторяется в романе Ч. Айтматова «Плаха» и совсем недавно этот эпизод с мельчайшими подробностями воспроизводится внутри романа, посвящённого самому Понтию Пилату. Из всех известных нам интертекстуальных вкраплений этого эпизода на фоне всего романа Алексея Меняйлова «Понтий Пилат: психоанализ не того убийства» этот эпизод представляется наиболее развёрнутым и в смысле самого события, и в смысле прецедентного имени. «Понтий Пилат» А. Меняйлова как интекст является, на наш взгляд, более обогащённым, чем библейская информация.

Это объясняется тем, что А. Меняйлов с помощью интерключа «Понтий Пилат» проникает за занавес внутренних механизмов, мотивов и движителя принятого им решения. Из романа А. Меняйлова мы узнаём, что такой вердикт был

отнодь не Пилата, а его супруги – Уны, который она ему сумела незаметно внушить.

В каждом новом контексте один и тот же интекст варьирует свой исходный смысл, обогащается новыми семами из каждого нового текста. И, т.о., культурная память об этом инциденте обогащается и адаптируется к новому мировоззренческому восприятию.

Интексты транслируются в хронотопе (их смыслы либо расширяются, либо сужаются). Некоторая часть сегодняшней российской молодёжи интекст «Понтий Пилат» воспринимает как нулевое знание и как нулевой концепт. Таких интекстов, которые современная российская молодёжь воспринимает как нулевое знание, много. Без тех личностей, которые хоть как-то скрепляют разные временные и культурные пласты и в современной действительности находят им эпентезы, может произойти отторжение двух-трёх поколений друг от друга в культурном пространстве и может произойти разрыв, забвение и разрушение культурного кода. А это приводит к учащению коммуникативных неудач и даже провалов. По нашему мнению, А. Минкин исполняет роль скрепы культурных пластов разных поколений своими публикациями в «МК». И в этом мы видим терапевтическую функцию его «Писем президенту».

Само имя «Александр Минкин» уже стало прецедентным; каждое из его писем – по отношению к следующему – это прецедентный текст, а все письма образуют мегатекст А. Минкина.

По нашему мнению, этнический культурный код – это определённая совокупность знаний о культуре данной языковой общности. Эти знания существуют в свёрнутом виде, включая в себя национальный предметный код. В культурный код входят: этническая картина мира, лингвально-национальное мировоззрение, базирующееся на истории общества, его стереотипах, традициях, нравах, шкале оценок, культурных ценностях. Единицы культурного кода номинируются ментальными, языковыми или предметными знаками (архитектура, Венера Милосская и др.).

Кроме этого, культурный код – это и конгломерат систем знаний о народе, данном языке и правилах пользования им.

Культурный код имеет ядро и периферию; в силу этого не все члены конкретного культурного сообщества владеют всеми необходимыми знаниями – ключами к ядру культурного кода, не все могут добраться до его ядра (как в случае с творчеством Феллини и Тарковского, Фолкнера и Пелевина).

Определение культурного кода дать сложно, как и определение самой культуры, поэтому возможна только его дескрипция, более или менее полно освещающая содержание данного неопредельного понятия.

Базовые культурные знания систематизируются, структурируются, получают кодовое обозначение через так называемые единицы культурного кода, которые могут быть не только вербальными (словными, в виде имён собственных, имён нарицательных, фразеологизмов, паремий, цитат, афоризмов и т.п.), но и авербальными (предметными – природными и артефактными), а также ментальными (стереотипы, нравы, обычаи, традиции, обряды, ритуалы, ценностные ориентации, оценочные стандарты, типические представления, культурные сценарии и др.). Конгломерат всех культурных единиц определённой языковой общности формирует её культурный код. В культурном пространстве любого этноса существует свой собственный культурный код.

В современной теоретической литературе этой проблеме больше всех внимания посвятили В. Н. Телия, В. В. Красных, Д. Б. Гудков.

Под культурным кодом большинство лингвистов понимают «сетку», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его (см., например Красных 2002: 232). Таким образом, в каждом этносе существует своё культурное пространство, которое включает культурные таксоны, имеющие вербальное обозначение. Эти обозначения выступают в роли единиц кода и ключей к нему. С помощью этих ключей, через единицы культуры, коммуниканты развёртывают тексты, закодированные в этих единицах культуры. Этими текстами могут быть события, факты и древнейшие культурные архетипические представления человека данной культурной общности. К кодовым единицам, кроме выше перечисленных, относятся: символы, мифемы, мифологемы, культурные сценарии, эталоны, концепты.

У лингвокультурологов уже не вызывает сомнения, что кодирование культурного пространства посредством символов человек начинает с самого себя. Совокупность культурных кодов (соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, зооморфный, природно-ландшафтный, духовный и др.) и составляет внутри этноса его культурное пространство.

Единицы культурного кода обладают культурными смыслами, значениями, коннотациями и ассоциациями, соотносящимися с определёнными культурными референтами.

Таким образом, сама культура может быть представлена как совокупность различных кодов (например – духовный, соматический и др.).

Д. Б. Гудков определяет соотношение между языковым и культурным кодами как между первичным и вторичным; считает оба кода семиологическими (Гудков 2004).

Культурно значимая информация может быть представлена как в денотативной, так и в коннотативной части слова, что позволяет

креативному автору, каким является журналист А. Минкин, играть импликациями и вызывать ассоциативные смыслы, прецедентные события, факты и имена, даже через намёки, а не через прямые / косвенные номинации. Например, Гулливер и лилипуты – это таксоны британской культуры, вошедшие в общекультурный фонд мирового сообщества, символизирующие антитезу огромного (великого) и маленького (ничтожного), могут быть употреблены для преувеличения или преуменьшения размеров значимости какого-либо человека.

Выше рассмотренные теоретические положения об интертекстуальности, когнитивной базе знаний, культурном коде национального культурного пространства и единицах культурного кода нам были необходимы для того, чтобы, рассматривая творчество журналиста А. Минкина, показать на конкретных примерах таксонов русской культуры их тексто- и смыслообразующую роль / функцию. Напомним, что целью данной статьи является попытка вскрыть механизмы индуцирования у читателя публикаций А. Минкина соответствующих знаний, оценок и эмоциональных чувствований через специальные журналистские приёмы. К этим приёмам мы относим закавыченное и раскавыченное цитирование и сопоставление схожих событий старины и современности.

В частности, нас интересуют количественность классических произведений, прямое и косвенное цитирование конкретных классиков и персонажей современной власти в связи с известными на всю страну событиями и фактами, важными для жизни страны и её международного имиджа.

Главным методом нашего исследования было установление референций между такими событиями и фактами, чтобы через единицы общего для автора и его читателя культурного кода эксплицитировать оценочные проекции автора.

Нами проанализировано около 100 писем А. Минкина президенту. Рассмотрим, например, какие культурные таксоны есть в письме «Разрушение веры. Телепередача пасхального яйца» и через какие языковые единицы автор указал читателю на эти таксоны.

Так, стихотворение Г. Державина «Властиителям и судиям», использованное в письме в качестве одного из интекстов, т.е. в качестве одной из единиц культурного кода России, позволяет А. Минкину воспользоваться им как ключом к современной культуре и как через увеличительное стекло посмотреть на современные взаимоотношения государства и церкви в России. В этом письме А. Минкин через поэму Державина напоминает: *Восстал всевышний бог, да судит / земных богов во сонме их...*

Кроме этого стихотворения, в этом письме используются следующие единицы культурного кода: библеизмы (*Не хлебом единым будет*

жив человек, но всяким словом Божиим, Христос воскрес!, *крестный ход*, *пасхальное яйцо* и др.); единицы современного кода «культуры» (*террор*, *взбудораженные гормоны*, *ящик* и др.); единицы общекультурного кода (*рыцари круглого стола*, *всемирный потоп*, *Содом и Гоморра* и др.).

Таким образом, конвергенция единиц культурных кодов, используемых А. Минкиным в данном письме, состоит из прототипических российских, современных российских, а также общекультурных единиц.

Антитеза прототипических и современных российских культурных единиц на фоне единиц общекультурного кода интенсифицирует и расщепляет смыслы ключевого слова данной статьи А. Минкина – *душа*, которое в различных сочетаниях и в различных формах деривации употребляется здесь более 20 раз. И это неспроста, так как в другом своём письме – «Русская душа» – А. Минкин пишет, что у других народов есть характер, а у русских кроме характера есть ещё и душа. И эта душа, по нашему мнению, подвергается эрозии новыми культурными единицами российской действительности.

Все использованные А. Минкиным в данной статье интексты как ключ к культурному коду прошлого страны говорят об озабоченности А. Минкина-гражданина о душе России. Этой же озабоченностью проникается и читатель.

В своих письмах этот журналист использует свой литературный багаж как ключ к русской душе и душе президента, читателей «Московского Комсомольца», как проекции своих оценок на события, факты и их участников и как средство индуцирования эмоциональных чувствований.

Среди наиболее частотных интекстов А. Минкиным используются закавыченные цитаты из художественных произведений (поэзия, проза, фольклор – анекдоты, частушки, сказки, детские песенки). Все они по своей функции являются аллюзивными намёками, довольно-таки прямыми, на параллели с современными событиями его писем.

Подчеркнём, что нас интересуют лингвистические способности журналиста: его лингвистический, лингво-когнитивный и культурный багаж, методика его оперирования этим багажом в коммуникативных целях. Прежде всего, то, как он использует интексты в качестве ключей к единицам культурного кода своего читателя. Эта методика заключается в том, что, используя эти ключи, он оживляет определённые культурные знания в языковом сознании читателя, соотносит их с современной культурой и с их помощью скрепляет разъединённое сознание читателей в единое культурное сознание, которое позволяет более глубоко осмыслить современные события, факты, явления. Таков, в первом приближении, механизм применения А. Минкиным языковых ключей к культурному коду.

Как известно, всё познаётся в сравнении. И в этом смысле, литературный интекст выступает фоновым слайдом для рассматриваемого А. Минкиным события в жизни российского социума.

В письмах президенту А. Минкиным делаются ссылки, реминисценции, цитации на различных классиков. Наиболее частотно А. Минкин цитирует А. С. Пушкина. По нашему мнению, А. Минкина неосознанно тянет к творчеству А. С. Пушкина – не только потому, что тот был Солнцем русской поэзии, а потому, что их многое роднит друг с другом, что особенно заметно из письма, в котором цитируется «Памятник» и другие произведения А. С. Пушкина (входят в школьную программу): *Всё моё!* – *сказало злато...*, *Властитель слабый и лукавый...* («Разрушение веры. Телепередача пасхального яйца»).

Данные аллюзии выполняют не только экспрессивно-образную, но и ассоциативно-образную функцию, вызывающую у читателей противоречивую оценку того, о чём пишет А. Минкин.

Почему классики в письмах А. Минкина закавычены? Потому что автор этим своим стилизованным жестом устанавливает референцию между прецедентным и современным событиями и, тем самым, прямо напоминает о них адресату. С другой стороны, использование прецедентных имён классиков выполняет функцию культурного слайда прошлого, наложенного на современную культуру. Это наложение высвечивает неприглядную картину современной российской культуры. И такое использование слайдов прошлого является стилистическим приёмом журналиста А. Минкина, повышающим экспрессию и образность его замысла в этих письмах.

Квантитативный анализ прецедентных имён и аллюзий (123) и цитаций (34) классиков показал, что чаще всех А. Минкин упоминает и цитирует А. Пушкина.

Всего А. Минкиным 123 раза упоминается 39 авторов в 94 письмах.

Приведём результаты анализа: Лермонтов: 2-0*, Жуковский: 1-0, Свифт: 0-1, Пушкин: 15-10, Окуджава: 2-2, Есенин: 13-2, Толстой Л.: 2-0, Сент-Экзюпери: 1-0, Гагарин-Михайловский: 1-0, Маршак: 1-0, Метерлинк: 1-0, Гомер: 2-0, Гораций: 1-0, Достоевский: 10-2, Шекспир: 2-0, Фолкнер: 3-3, Рабле: 1-0, Гёте: 1-0, Державин: 2-2, Толстой А.: 1-1, Брэдбери: 2-1, Блок: 1-0, Ахматова: 1-0, Мандельштам: 1-0, Пастернак: 1-0, Бродский: 1-0, Высоцкий: 1-1, Цветаева: 1-0, Рамю: 2-2, Фриш: 1-1, Ружемон: 1-1, Салтыков-Щедрин: 3-1, Некрасов: 1-1, Крылов: 1-1, Дюма: 1-1, Перро: 1-1, Гоголь: 4-1, Чехов: 5-2, Маяковский: 1-1, Лесков: 1-0 (в приводимых цифрах первая обозначает аллюзии, т.е. количество упоминаний фамилий классиков или их произведений, а вторая – количество цитат из их произведений).

Приведённые выше рассуждения и результаты квантитативного анализа писем А. Минкина свидетельствуют об особой силе притяжения между Александром Минкиным и Александром Пушкиным. Это, по нашему мнению, объясняется их душевной близостью, непреходящей актуальностью мыслей А. Пушкина, шкалой его ценностей и сопряжённостью их с А. Минкиным картин мира, хотя их разделяют века.

Каждое упоминание имён классиков в виде цитирования, аллюзии (в том числе, и в виде намёков), которые в данной статье не рассматривались, как и многие другие приёмы А. Минкина, старающегося вызвать у читателя определённые ассоциации, реакции и оценки, является языковым ключом к кладовой культурной памяти читателя, а, другой стороны, свидетельствует об огромном содержании такой кладовой у самого автора и его огромном эмоциональном интеллекте, поскольку все эти ключи эмоциональны сами по себе, и с их помощью журналист своими эмоциями моделирует эмоции адресата (Шаховский А. 2007).

Получается это у него или нет – зависит от адресата. Одна и та же эмоция (например, возмущение) у разных адресатов может быть разновекторной и даже противоположной.

Все использованные А. Минкиным единицы культурного кода маркированы эмотивностью, эмоциональны и эмоциогенны. Межтекстовая компетенция читателя – это один из ключей декодирования смысла текста и единиц культурного кода, содержащегося в нём. Контекст и текст его писем декодируют эти единицы культурного кода, т.е. интексты. Эти письма являются эмоциональным стимулом для читателей, которые не безразличны ни к событиям, которые освещает А. Минкин, ни к тем средствам, которые он использует, чтобы возбудить сопутствующие эмоции у читателей. Особое место среди этих средств занимает интертекстуальность, которая реализует эмотивную функцию текста его писем.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1) Арнольд, И. В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика [Текст] / И. В. Арнольд // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – СПб.: Образование, 1993. – С. 4-12.
- 2) Бахтин, М. М. Проблема текста [Текст] / М. М. Бахтин // Вопросы литературы. – 1976. – № 10 – С. 122-131.
- 3) Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – М.: «Наука», 1981.
- 4) Гончарова, Е. А. К вопросу об изучении категории «автор» через проблемы интертекстуальности [Текст] / Е. А. Гончарова // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – СПб.: Образование, 1993. – С. 20-28.

- 5) Гудков, Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики [Текст] / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. вып. 26. – М., 2004. – С. 39-50.
- 6) Жура, В. В., Шаховский, В. И. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности [Текст] / В. В. Жура, В. И. Шаховский // Вопросы языкознания, 2002, № 5.
- 7) Ионова, С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: Дисс. ... д-ра филол. наук [Текст] / С. В. Ионова. – Волгоград, 2006.
- 8) Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность [Текст] / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – С. 375.
- 9) Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология [Текст] / В. В. Красных – М., 2002. – С. 232.
- 10) Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальность виртуальная. [Текст] / В. В. Красных. – М.: Диалог, 1998. – С. 352.
- 11) Красных, В. В.; Гудков, Д. Б.; Захаренко, И. В.; Багаева, Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации [Текст] / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник Московского университета. Сер. Филология. – 1997. – № 3. – С. 62-74.
- 12) Кристева, Ю. Избранные труды: разрушение поэтики [Текст] / Ю. Кристева. – М.: РОС-СПЭН, 2007. – С. 527-564.
- 13) Петрова, Н. В. Интертекстуальность как общий механизм текстобразования (на материале англо-американских коротких рассказов): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук [Текст]. – Волгоград, 2005.
- 14) Телия, В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Ответственный редактор В. Н. Телия [Текст] / В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
- 15) Топоров, В. Н. Заметки по реконструкции текстов [Текст] / В. Н. Топоров // Исследования по структуре текстов. – М.: Наука, 1987. – С. 99-130.
- 16) Тураева, З. Я. Лингвистика текста [Текст] / З. Я. Тураева. – М.: «Просвещение», 1986.
- 17) Фатеева, Н. А. Интертекстуальность и её функции в художественном дискурсе [Текст] / Н. А. Фатеева // Функциональная семантика языка, семантика знаковых систем и метода их изучения. – Материалы методологической конференции. Ч. 2. – М.: Наука, 1997. – С. 321-323.
- 18) Филиппова, С. Г. Интертекстуальность как средство объективации картины мира автора: Дисс. ... канд. филол. наук [Текст]. – СПб, 2008.
- 19) Шаховский, В. И. Категориальная эмоциональная ситуация в свете теории и семиотики [Текст] / В. И. Шаховский // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: XV Межд. симпозиум по психоллингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г. М. – Калуга: Ин-т языкознания РАН, Росс. новый ун-т, 2006. – С. 347-348.
- 20) Шаховский, В. И. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Текст] / В. И. Шаховский // Журнал польской академии наук Stylistyka: style and time, № 16. 2007Б. – С. 649-658.
- 21) Шаховский, В. И. Эмоциональные валентности журналиста А. Минкина. Коммуникативный стиль и тональность писем к президенту [Текст] / В. И. Шаховский // Политический дискурс в России – 10: Материалы X юбилейного всероссийского семинара / Под ред. В. Н. Базылева. – М., 2007А. – С. 287-299.
- 22) Kristeva, J. Bakhtine, le mod, le dialogue, et le roman [Текст] / J. Kristeva // Critique. – Paris, 1967. – № 23. – P. 438-465.
- 23) Goleman, D. The Emotional Intelligence [Текст] / D. Goleman Bentam Books, 1997.
- 24) Минкин, А. В. Письма президенту [Текст] / А. В. Минкин. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007.
- 25) Минкин, А. В. Письма президенту. 2-е изд., доп. [Текст] / А. В. Минкин. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2008.

© Шаховский В. И., 2008

РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Алексеева М. С.

Нижний Тагил, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК ИСТОЧНИК КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ В РЕКЛАМЕ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕСТОРАННОГО БИЗНЕСА

Abstract

This article deals with the analysis of communicative failures in web advertisement for restaurant business. The research shows that these occurrences can emerge as a result of copywriters' incorrect use of precedent phenomena.

Реклама признана одной из ведущих форм коммуникации в современном обществе [Буткевич, Крикунова 2004, Огородникова 2005, Подгорная 2006, Учёнова 2005, Харрис 2002 и др.]. Специфика рекламной коммуникации в значительной степени связана с характером отношений между адресантом (рекламодателем, копирайтером) и адресатом (потребителем рекламы). И. В. Михайлова выделяет в структуре рассматриваемой коммуникации три составляющих: каузатор (рекламодатель), адресат (получатель) и коммуникант (носитель рекламного сообщения) [Михайлова 2006: 7]. В случае использования в рекламном тексте прецедентных феноменов в качестве адресата предполагается не просто «человек своего круга» но языковая личность с достаточным уровнем коммуникативной компетентности. В сознании адресата должна быть обеспечена соответствующая референция (восприятие, понимание), благодаря которой устанавливается «нужная для автора и адресата система ожидания, лежащая в основе коммуникативного диалога» [Антонова 2007: 22].

Рекламный коммуникативный акт, как и речевой, характеризуется условиями успешности, несоблюдение которых ведет к коммуникативным неудачам. Коммуникативные неудачи – это недостижение инициатором общения коммуникативной (шире, прагматической) цели, а также отсутствие взаимодействия, взаимопонимания и согласия между участниками общения [Виноградов и др. 1999, Земская 1993, Иссерс 1999, Культура русской речи 2003 и др.]. В современных лингвистических исследованиях коммуникативные неудачи или коммуникативный дискомфорт (в терминологии Е. М. Мартыновой [Мартынова, 2000]) рассматриваются в связи с личностными характеристиками коммуникантов, обстоятельствами общения, процессами вербализации и понимания, трудностями достижения коммуникативных и практических целей, нарушением принципа коммуникативной контактности. У адресанта могут возникать трудности с подбором адекватной языковой единицы и вследствие этого неверный выбор слова. Не-

совпадение социокультурных особенностей участников общения также может повлечь за собой неуместные фразы, приводящие к коммуникативному провалу [Атабекова 2002].

Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева и И. Г. Сабурова, авторы коллективной статьи «К типологии коммуникативных неудач» (1985), определяют их как сбой в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения. Отмечается, что при многомерном подходе к классификации коммуникативных неудач следует учесть такие важные критерии, как последствия коммуникативных неудач и источники коммуникативных неудач. Классифицируя коммуникативные неудачи по источникам, исследователи выделяют коммуникативные неудачи, причиной которых является сам коммуникант, и коммуникативные неудачи, вызванные обстоятельствами коммуникативного акта [Городецкий и др. 1985: 67-72].

Н. И. Формановская также указывает на то, что непонимание, недоразумение и сбой в общении могут быть обусловлены самыми разными причинами, как внешними, экстралингвистическими, так и собственно языковыми. Например, к коммуникативным неудачам приводят и различия в картинах мира [Формановская 1998: 232-234].

В статье «К построению типологии коммуникативных неудач (на материале русского диалога)» (1993) О. Е. Ермакова выделяет три типа коммуникативных неудач с точки зрения их причин: 1) коммуникативные неудачи, порождаемые устройством языка; 2) коммуникативные неудачи, порождаемые различиями говорящих; 3) коммуникативные неудачи, порождаемые прагматическими факторами. Причём исследователь предлагает понимать под коммуникативной неудачей не только неосуществление намерения говорящего (например, непонимание высказывания адресатом), но и возникающий в процессе общения нежелательный эмоциональный эффект [Ермакова 1993: 33]. Указанный эффект могут вызывать неудачно подобранные прецедентные феномены. Характер восприятия исследуемых единиц зависит от специфики их когнитивной структуры, которая включает дифференциальные признаки, атрибуты и оценку. Именно аксиологичность прецедентных феноменов позволяет говорить о возможности возникновения отрицательных ассоциаций после знакомства с «неудачным» названием того или иного предприятия ресторанного бизнеса, использующего выразительные возможности прецедентности.

Известно, что отрицательные ассоциации в рекламе привлекают лишь только в 10% случаев, и этот интерес чаще всего пропадает после непродолжительного визуального контакта [Сучков http]. Новая отрасль знания *нейминг* (теория и технология создания и функциониро-

вания имен (людей, организаций, улиц и т. д.) постулирует фирменному имени запоминаться и производить на аудиторию благоприятное впечатление. Неудачное название как самолет с плохими крыльями, оно не летит. А удачное имя — это ценность, публичный капитал, приносящий прибыль. Выбор названия – серьезная научно-практическая проблема [Яковлев 2007].

Предприятиям ресторанного бизнеса часто даются названия, никак не связанные с их деятельностью. Эффекты воздействия таких имен чаще всего неизвестны, потому что масштабные исследования на эту тему не проводились. Мы можем лишь предполагать возможность возникновения коммуникативной неудачи, связанной с нежелательным эмоциональным эффектом. Исследователь описываемого явления И. Яковлев иллюстрирует предположение об отрицательном или угнетающем впечатлении следующим образом: «Ресторан “Помпеи” просуществовал несколько месяцев и исчез. Аналогичный “гибельный” смысл есть и в имени “Титаник”» [Яковлев 2007].

Наше исследование показывает, что чаще всего коммуникативные неудачи связаны с отрицательными ассоциациями, вызываемыми в случаях, описанных ниже.

1. Названия литературных произведений и их содержание.

Ресторан «Идиот».

Название романа Ф. М. Достоевского (1867 – 1869).

Прецедентные феномены обладают способностью воздействовать на потребителя, актуализируя в его сознании комплекс знаний и представлений, обладающих коннотативной окрашенностью и оценочностью. Данное прецедентное имя имеет дифференциальный признак «глупый человек, дурак», обладающий отрицательными коннотациями. В процессе восприятия прецедентных феноменов происходит узнавание, эффективность которого обусловлена прежде всего фоновыми знаниями адресата, и интерпретация, базирующаяся как на наличии указанных знаний, так и на характере функционирования литературного прецедентного феномена в метатексте и / или прототексте. При этом в процессе узнавания прецедентного феномена актуализируется прежде всего память адресата, его литературная (в данном примере) компетентность. Если прецедентное имя не окружено необходимым количеством фоновых знаний (название романа Ф. М. Достоевского), то определение его смысловой нагрузки может вызывать значительные трудности [Боярских 2008: 200].

Ресторан «Демьянова уха».

Название басни И. А. Крылова (1813). Сосед Демьян так усердно угощал своей ухой соседа Фоку, что тот

Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку

Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой —

И с той поры к Демьяну ни ногой.

Иносказательно: слишком настойчивое, назойливое угощение чем-либо [Серов http].

Ресторан «Му-му».

Му-му – имя собаки героя рассказа И. С. Тургенева «Му-Му» (1852) Герасима.

Спортбар «Кошкин дом».

Название пьесы С. Я. Маршака (1954).

Возможная отрицательная ассоциация – опасность пожара.

В данных примерах, напротив, коммуникативная неудача может возникнуть лишь при достаточном количестве фоновых знаний. Адресат непременно должен иметь представление о содержании литературных произведений. Ассоциации, связанные с художественным текстом, послужившим источником подобных прецедентных феноменов – названий ресторанов, влияют как на характер восприятия самого названия, так и на характер интерпретации качества услуг самого ресторана. Это положение в равной степени можно отнести и к следующим случаям «неудачного» использования прецедентных феноменов в названиях предприятий общественного питания.

2. Названия тюрем.

Ресторан “*Матросская тишина*”, представленный как «классический рыбный ресторан Санкт-Петербурга».

Московский следственный изолятор № 1, одна из самых знаменитых тюрем России.

Пьеса А. А. Галича с одноимённым названием (1958) также не вызывает положительных ассоциаций.

Ресторан «*Бутырка*».

«Тут все напоминает о тюремной жизни: интерьер, меню, музыка. Ресторан с живой музыкой для любителей шансона».

Следственный изолятор № 2 «*Бутырская тюрьма*» («*Бутырка*»).

3. Имена преступников.

Клуб «*Аль Капоне*».

Альфонс Габриэль Капоне или Аль Капоне (итал. *Alfonso Capone*; 17 января 1899 — 25 января 1947) — знаменитый американский гангстер, действовавший в 1920—1930-х годах на территории Чикаго, (США). Под прикрытием мебельного бизнеса занимался бутлегерством, игорным бизнесом и сутенёрством. Яркий представитель организованной преступности США, зародившейся и существующей там под влиянием итальянской мафии [wikipedia.org].

4. Названия, актуализирующие негативную историческую память.

Пивная «*Хенде хох*».

Автор рекламного текста намеренно вызывает соответствующие ассоциации: «Пивную “Хенде хох!” я представляла себе подвалом с закопченными потолками, где сидят байкеры в рогатых касках и с кружками в татуированных кулаках. Ну, не *гестано*

же представлять ... С едой же дело обстоит согласно поговорке “*что немцу хорошо, то русскому смерть*”, — или наоборот. К сожалению, ничего, кроме кетчупа, порекомендовать не берусь ... Скорей бы “*Гитлер канут!*”» [afisha.ru].

Согласно положениям современной теории восприятия, наиболее простой формой осмысления предметов и явлений является узнавание. Здесь восприятие тесно связано с памятью. Узнать предмет – значит воспринять его в соответствии с ранее сформированным образом [Боярских 2008: 191]. Прецедентное высказывание «Хенде Хох» вызывает прямые ассоциации с фашизмом и Великой Отечественной Войной. Показательным здесь является индийский прецедент: владельцы ресторана в городе Мумбаи пожелали выделиться среди сотен других ресторанов и дали предприятию название «Адольф Гитлер». «Это название останется в умах людей» – основной аргумент рестораторов. – «Мы не популяризируем Гитлера. Но мы хотим сказать людям, что мы отличаемся так же, как отличался он. Это место не связано с войной и преступлениями, сюда люди приезжают, чтобы расслабиться и поесть». Крест в названии ресторана означает свастику – символ нацистского режима. Свастика уходит корнями в древние индусские традиции и остается священным символом для индусов. Нацистские теоретики присвоили ее, чтобы поддержать свою центральную теорию арийского происхождения немецких людей. Однако открытие ресторана с именем фюрера привело в ярость небольшую еврейскую общину страны, и его переименовали [reuters.ru].

5. Неблагозвучие.

Ресторан «*Who is who*».

Название ежегодных сборников, в которых рассказывается о самых известных людях.

Перевод с английского – «Кто есть кто». Инвариант его восприятия (ассоциация с инвективной лексикой) может акцентировать другие качества рекламируемой услуги.

Понятие «коммуникативной неудачи» тесно связано с понятием ошибки, в частности «энциклопедической», вызванной невладением теми фоновыми знаниями, которые являются общими практически для всех социализированных русских [Лосева http]. Авторы пособия «Культура русской речи» (2003) одной из причин коммуникативных неудач также называют различия фоновых знаний коммуникантов.

Явление, названное А. А. Лосевой «энциклопедической» ошибкой, схоже с ошибкой фактической, возникающей в результате нарушения требования правильности передачи фактического материала. Фактический материал – это элемент действительности и, в то же время, его отражение в сознании. Подобного рода ошибки могут быть обнаружены в том случае, если адресату известна фактическая сторона дела, и он может оценить каждый факт с пози-

ции его достоверности. Проверить весь фактический материал рекламного дискурса невозможно, поэтому исследователи [Жарков http, Гуревич 2004, Лащук 2004, Стилистика и литературное редактирование 2007] рекомендуют ориентироваться на наиболее важные фрагменты и выделять в первую очередь те элементы текстов рекламы, где наиболее часто встречаются фактические ошибки. К таким элементам следует отнести общеизвестные сведения, исторические и другие события, подписи к иллюстрациям, ссылки всех видов, цитаты, цифры, даты, имена, фамилии, названия.

Способы проверки фактического материала весьма разнообразны. Это осмысление содержания, логический анализ, предполагающий установление реальных связей и отношений между фактами, а также сверка материалов с авторитетными источниками.

Основные причины фактических ошибок в текстах рекламы – недостаточность фоновых знаний и невнимательность копирайтера, влекущие за собой следующие виды неточностей. Ещё раз оговоримся, что мы можем лишь предполагать возможность возникновения коммуникативной неудачи, связанной с наличием подобного рода ошибок. Их обнаружение или необнаружение зависит от компетенции потребителя рекламы. Кроме того, в некоторых случаях возможно использование намеренного нарушения правильности фактического материала как способа привлечения внимания к тому или иному ресторану.

1. Искажение биографии исторических личностей.

Ресторан-таверна «Адмирал Бенбоу»: «Любителей изысканных угощений и острых ощущений при входе в таверну встретит *пират в отставке, адмирал Бенбоу*».

Имя Джона Бенбоу большинству носителей языка знакомо по названию гостиницы “Адмирал Бенбоу” из романа Р. Стивенсона “Остров сокровищ”. Бенбоу, популярный в Англии морской герой, вице-адмирал, командующий английским флотом, согласно официальной биографии, никогда не был пиратом.

Кошерный ресторан «Шагал»: «В середине 20-х годов прошлого века на улице Большая Никитская начинал работать знаменитый ученый и романтик Джозеф Розен. Не случайно, что именно в этом месте в 2001 году открылся Еврейский Культурный Центр, а в апреле 2004 года – кошерный ресторан, названный в честь *провинциального витебского художника, великого живописца – еврея Марка Шагала*».

Марк Захарович Шагал детство и юность провёл в Витебске. Но большая часть его творческой жизни была отдана Франции, и во многих энциклопедиях мира после имени Шагала стоит название страны Франция. Поэтому называть его провинциальным витебским художником – фактическая ошибка.

Ресторан «Джоконда»: «Кухня – интернациональная, самого высокого уровня и самого широкого спектра: от *сицилийских* травяных настоек с *родины владельца "Джоконды"* до суши и классических молочных поросят».

Автор рекламного текста под владельцем Джоконды, предположительно, понимает автора картины Леонардо Да Винчи. Изобретатель, художник, скульптор, инженер, архитектор Леонардо Да Винчи родился в городке Винчи, писал Джоконду в Риме, жил во Флоренции и Милане, называть его родиной Сицилию исторически не верно.

2. Ошибки в обозначении места и / или времени события.

Ресторан «Аристократъ»: «Особняк был построен в 1770-1780 г. и включил в себя *палаты конца XVII века*. В череде владельцев, смене эпох, войнах и пожарах сохранился дух старой московской усадьбы. Недаром еще *Иван Грозный*, запретив здесь что-то "этакое", велел порядок навести, "чтобы красиво и чисто было, и сердцу моему приветливо"».

Иван IV (Иоанн) Васильевич Грозный царствовал в XVI веке (с 1547 года), а здание было построено в конце XVII-го.

Ресторан «Автограф»: «Подпись '*Золотого Века Екатерины*', росчерк пера на память от *XIX столетия* в альбоме современной Москвы – это ресторан 'Автограф'. Кто хочет очутиться в прошлом? Вырваться из суеты повседневной жизни и насладиться неторопливой размеренностью *XIX века*? Каждый клиент здесь – желанный гость».

Царствование Екатерины II пришлось на 1762-1796 годы, в рекламном тексте неоднократно говорится о XIX-м веке.

Ресторан «Кавказская пленница»: «Какие ассоциации возникают у Вас, когда Вы слышите название "*Кавказская пленница*"? Конечно же, это добрый и любимый всеми *фильм семидесятых*! Но не только. "*Кавказская пленница*" - это еще и удивительный ресторан кавказской кухни, где Вас ждут встречи с героями одноименного фильма».

Премьера фильма «Кавказская пленница» состоялась в Москве 1 апреля 1967 года, в рекламном тексте он назван любимым фильмом семидесятых.

3. Ошибки при указании литературных источников прецедентных феноменов.

Ресторан «Шереметьевский»: «Можно почувствовать (в меру) дух дореволюционной России. А как же – "И Шереметьев благородный, и Брюс, и Боур, и Репнин..."». Что-то, а покусать российская аристократия любила, если, конечно, Толстой с Тургеневым не врут».

Автор цитирует Пушкина, а после прецедентного высказывания упоминает Толстого и Тургенева.

Ресторан «Хлестакофф»: «Хозяин заказывал повару на завтрашний день: – Сделай ты мне свиной сычуг. Положи в середку кусочек

льду, чтобы он взбухнул хорошенько. Да чтобы к осетру обкладка, гарнир-то, гарнир-то чтобы был побогаче! Обложи его раками, да поджаренной маленькой рыбкой, да проложи фаршем из сметочков, да подбавь мелкой сечки, хренку, да груздочков, да репушки, да морковки, да бобков, да нет ли там еще какого коренья?..» Н. В. Гоголь 'Мертвые души'.

Цитируется большой отрывок (несколько абзацев) из поэмы Николая Васильевича Гоголя «Мертвые души», а назван ресторан в честь героя комедии «Ревизор».

4. Неточное воспроизведение прецедентных имён.

Кафе «Де Марко»: «Мало кто знает, какая фамилия была у *Казановы*, а ведь она была именно *Де Марко*».

Автор допускает фактическую ошибку, основываясь на фоновых знаниях о Джакомо Казанове и Дон Жуане Де Марко. Создается новый герой с двумя фамилиями.

5. Искажение литературного источника прецедентного феномена.

Ресторан «Алые паруса»: «'*Алые Паруса*' – это не просто *красивый рассказ о любви*, романтика и жажда чего-то неизвестного. Теперь так называется замечательный московский ресторан, который открылся всего месяц назад, но уже успел поразить сердца ресторанных критиков и гурманов».

Копирайтер называет «Алые паруса» рассказом, тогда как автор Александр Грин определил жанр «феерия», а в школьной программе (7 класс) произведение изучают как повесть. Фактическая ошибка при указании жанра произведения.

Далее в рекламном тексте того же ресторана: «Конечно, без *парусов* никуда, они *изысканного оттенка шампанского*: так посетителей оградили от взглядов любопытных прохожих». Паруса в произведении Грина алье, а в ресторане оттенка шампанского.

Прецедентные феномены обладают способностью воздействовать на потребителя, актуализируя в его сознании комплекс знаний и представлений, обладающих коннотативной окрашенностью и оценочностью [Чащина 2008: 145]. Вызываемые негативными ассоциациями и фактическими ошибками коммуникативные неудачи ведут к сомнению потребителя в истинности рекламного текста, подрывают доверие к его содержанию, негативно характеризуют копирайтера как личность с недостаточной эрудицией, употребляющей прецедентные феномены не имея полного представления о них. Для адресата любая ошибка в рекламном тексте – это свидетельство неуважительного к нему отношения. Человек же некомпетентный вполне может решить, что ошибки как таковой нет и примет написанное как данность. В любом случае некачественный рекламный текст портит репутацию того предприятия, которому посвящен.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Атабекова А. А. Лингвистический дизайн WEB-страниц: проблемы "коммуникативных неудач" // Материалы международной научно-практической конференции "Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах" – "Коммуникация-2002" ("Communication Across Differences") Ч. 1. – Пятигорск, 2002. – С. 148-153. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.russcomm.ru>.

2. Антонова Л. Г. Отношения «автор»-«адресат» в современном коммуникативном пространстве // Человек. Русский язык. Информационное пространство. Межвузовский сборник научных трудов. – Выпуск 7. – Ярославль, 2007. – С. 20-23.

3. Боярских О. С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004-2007 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Тагил, 2008. – 239 с.

4. Буткевич Ю. А., Крикунова В. В. Реклама как форма социальной коммуникации // Россия и социальные изменения в современном мире. Материалы международной научной конференции «Ломоносов-2004». – Т. 3. – М., 2004 // [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru>.

5. Виноградов С. И., Платонова О. В. и др. Культура русской речи. – М., 1999. – 243 с.

6. Городецкий Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач / Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: Сб.ст. – Новосибирск, 1985. – С. 64-78.

7. Гуревич С. М. Газета: вчера, сегодня, завтра. Учебное пособие для вузов. – М., 2004. – 167 с.

8. Ермакова О. Н. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О. Н. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык и его функционирование: Коммуникативно-прагматический аспект: Сб. ст. – М., 1993. – С. 90-157.

9. Жарков И. А. Технология редакционно-издательского дела. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://hi-edu.ru>.

10. Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект / Отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. – М., 1993. – С. 30-64.

11. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Монография. – Омск, 1999. – 285 с.

12. Культура русской речи / Отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М., 2003. – 560 с.

13. Мартынова Е. М. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога: Дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2000. – 153 с.

14. Лащук О. Р. Редактирование информационных сообщений. – М., 2004. – 159 с.

15. Лосева А. А. К проблеме возникновения речевых конфликтов в билингвальных группах. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ence.ru>.

16. Мартынова Е. М. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2000. – 18 с.

17. Михайлова И. Р. Полорольевые характеристики языковых средств рекламного дискурса (на материале английских «женских» журналов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2006. – 19 с.

18. Огородникова Е. Реклама как форма массовой коммуникации // Научно-культурологический журнал. – № 11. – 2005 // [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.relga.ru>.

19. Подгорная Л. Д. Политическая реклама как форма коммуникации современного общества // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 2006. – № 8 – С. 85-94.

20. Стилистика и литературное редактирование / Под ред. В. И. Максимова. – М., 2007. – 653 с.

21. Сучков А. Игра в ассоциации. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.bdstudio.info>.

22. Учёнова В. В. Философия рекламы. Учебное пособие для вузов. – М., 2005. – 208 с.

23. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения: Учеб. пособ. / Н. И. Формановская. – М. 1998. – 291 с.

24. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. – СПб., 2001. – С. 128.

25. Чашина С. С. Категория «Качество товара» в рекламе // Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2008. Вып. (1) 24. – С. 140-148.

26. Яковлев И. Организационная культура и коммуникации // Персонал-микс. – № 2 (48). – 2007 // [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.personal-mix.ru>.

© Алексеева М. С., 2008

Зырянова И. П.

Нижний Тагил, Россия

**ПОЛИПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ
В ЗАГЛОВКАХ РОССИЙСКИХ СМИ**

Abstract

The article deals with the studying of precedent phenomena in the titles of Russian newspapers and magazines from the viewpoint of their polyprecedency. The research is based on two models according to which polyprecedency in titles is created. As a result, the author points out the source domains with which one precedent phenomenon can correlate.

Теория прецедентности, опирающаяся на основные положения интертекстуальности, стала одной из актуальных и дискуссионных проблем в современной филологии. Выделенные отечественными исследователями (Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных) единицы системы прецедентных феноменов (ПФ) изучаются в качестве материализованных знаков интертекстуальности, тезаурусных форм ее существования. Активное развитие когнитивного и культурологического

подхода к изучению языковых фактов позволяет рассматривать подобного рода вербальные единицы как один из способов хранения и передачи информации, особым образом структурированное знание, обладающее культурно специфическими коннотациями [Боярских, 2008, 5].

Одним из способов классификации прецедентных феноменов является их разделение в соответствии с ментальными сферами-источниками, изначально предложенное Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson, 1980]. Перспективность такого изучения отмечается многими исследователями в связи с определением той сферы фоновых знаний, в которую оказывается «погруженным» адресат соответствующих текстов (М. А. Алексеенко, Е. А. Земская, Ю. Н. Караулов, Г. Г. Слышкин, О. П. Боярских и др.). В результате проведенной нами классификации ментальных сфер-источников ПФ в заголовках российских СМИ был выявлен ряд ПФ, отличающихся полипрецедентностью, то есть возможностью отнесения их к нескольким ментальным сферам-источникам, а следовательно, способных активизировать несколько видов фоновой информации читателя.

Материалом для данного исследования послужили заголовки следующих газет и журналов: «Известия», «АиФ», «Новое Время», «Российская газета», «Российские вести». Общее количество полипрецедентных феноменов от общего количества проанализированного материала (1300 единиц) составляет 6,53%. Согласно нашему исследованию, были выделены следующие пограничные ментальные сферы-источники:

«Художественная литература – Киноискусство» 51,75%

«Художественная литература – Мультфильмы» 14,12%

«Музыка – Киноискусство» 14,11%

«Музыка – Мультфильмы» 5,88%

«Художественная литература – Киноискусство – Мультфильмы» 4,70%

«Мировая политика и история – Киноискусство», 3,5%

«Художественная литература – Мировая политика и история» 2,34%

«Музыка – Киноискусство – Художественная литература» 2,34%

«Художественная литература – Мировая политика и история – Мультфильмы» 1,17%

В ходе исследования полученных результатов были выявлены следующие модели, по которым создается полипрецедентность в заголовке:

Модель 1: отнесение одного и того же прецедентного феномена к двум и более ментальным сферам-источникам.

Данное явление является следствием того, что некоторые прецедентные феномены являются «достоянием» произведений, представ-

ленных в разных видах искусства. Г. Г. Слышкин предлагает ввести понятие «тексты-реинтерпретации» [Слышкин, 2000, 83]. Под ними понимаются прецедентные тексты и их источники, которые не являются «истинными источниками» данного ПФ, но именно благодаря им данный текст становится прецедентным, тогда как «первоисточник» бывает мало известен. Следует также отметить, что полипрецедентность с точки зрения Ю. Н. Караулова обусловлена тем, что прецедентные тексты «перешагивают рамки искусства, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусств..., становясь тем самым фактом культуры в широком смысле слова и получая интерпретацию у новых и новых поколений» [Караулов, 1987, 106].

Часто при знакомстве с реинтерпретацией носитель языка не воспринимает ее как такую. Он разгадывает прецедентный феномен, но не определяет его первоисточник или не придает этому факту значения. В подобных случаях реинтерпретация воспринимается как оригинальный текст [Слышкин, 2000, 83].

Рассмотрим следующий пример.

В заголовке «*От Васи до кота в сапогах*» (Российская газета, № 55, 14.03.08.) прецедентный феномен «Кот в сапогах» занимает промежуточное положение между сферами-источниками «Художественная литература» и «Мультфильмы», как одноименная сказка Шарля Перро, и как мультфильм, появившийся в 1969 году. Визуальный образ кота, возникающий в сознании, связан как с иллюстрациями к книге, так и с мультипликационным героем.

Модель 2: использование двух и более прецедентных феноменов, каждый из которых относится к разным ментальным сферам-источникам. В заголовках, созданных по данной модели, смысл построен на соединении подтекстов первоисточников, которые вместе порождают новый смысл. Ср.:

При создании заголовка «*«Тургеневская девушка», которая поет*» (Российская газета, 13.07.05.) автор использует три ПФ: «Тургеневская девушка», относящийся к сфере-источнику «Художественная литература», «Женщина, которая поет», относящийся к сфере-источнику «Киноискусство» и прецедентное имя «Алла Пугачева» со сферой-источником «Музыка». Последний ПФ не выражен вербально, но, тем не менее, присутствует, так как главную роль в указанном выше фильме исполняет популярная певица, хорошо известная российскому зрителю. Можно предположить, что данный факт также влияет на восприятие данного заголовка, так как читатель будет сравнивать образ певицы с героиней статьи.

Проанализируем выявленные нами пограничные сферы-источники в соответствии с рассмотренными выше моделями.

«Художественная литература – Киноискусство» 51,75%

В данную сферу-источник входят преимущественно художественные произведения (первоисточники ПФ) и их экранизации (реинтерпретации). Это происходит в связи с тем, что в настоящее время кино является более популярным видом искусства, чем литература, и именно оно является одним из главных источников пополнения знаний представителя российского лингво-культурного общества. Ср.:

Заголовок *«Кто защитит детей Арбата»* (Российские вести, № 9, 14.03.-20.03.07.) построен по модели 1. Прецедентный феномен одновременно можно отнести к сфере-источнику «Художественная литература» и «Киноискусство». Прочитав этот заголовок, читатель может соотнести данный ПФ как с романом Анатолия Рыбакова «Дети Арбата», так и с одноименным сериалом, появившемся на телеэкранах в 2004 году. Принимая во внимание тот факт, что абсолютное большинство носителей языка воспринимает в качестве первоисточника прецедентного феномена именно художественный фильм, а не текст художественного произведения, по которому он снят [Черногрудова, 2003, 86], то можем предположить, что именно киноверсия романа послужит источником данного прецедентного феномена.

Заголовок *«Сказка о том, как царь Салтан губернаторов назначал»* (Российские вести, 20-26.07.05.) является примером модели 2. Синтаксическая модель заголовка вызывает в памяти читателя ассоциации с названием кинофильма «Сказ о том, как царь Петр арапа женил», а «Царь Салтан» активизирует в сознании читателя имя персонажа А. С. Пушкина из «Сказки о царе Салтане»

«Художественная литература – Мультфильмы» 14,12%

В данную группу вошли прецедентные феномены, включающие имена героев и фразы из мультфильмов, снятых по известным детским произведениям. Вследствие того, что мультфильмы создаются по популярным детским рассказам и сказкам, можно предположить, что в сознании представителя русского лингво-культурного общества данные ментальные сферы-источники тесно связаны: знание сюжета произведения подкреплено визуальным рядом из мультфильма. Ср.:

В заголовке *«Шапокляк в оппозиции»* (АиФ, № 16, 16-22.04.08.) прецедентное имя «Шапокляк» ассоциируется с вредной старушкой, героиней повести Эдуарда Успенского, написанной в 1966 году. Узнаваемую внешность данный персонаж получил благодаря художнику мультфильма Леониду Шварцману. В совокупности, качества, придуманные писателем, и внешность, созданная затем художником, составляют характеристики прецедентного имени Шапокляк.

Прочитав заголовок *«С улыбкой чеширского кота»* (Российская газета, 12.01.07.), читатель воссоздает визуальный образ кота, увиденный в мультфильме. Тем не менее, данный образ основан на сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес», популярность которой и привела к созданию одноименного мультфильма.

Рассмотренные примеры, построенные по модели 1, составляют абсолютное большинство в данной сфере-источнике.

«Музыка – Киноискусство» 14,11%

Необходимость выделения данной сферы-источника продиктована использованием в заголовках строчек песен из известных кинофильмов. Эти музыкальные произведения часто пишутся для сценариев фильмов и, так или иначе, переплетаются с их сюжетом. Ср.:

Прочитав заголовок *«Письмецо в конверте, подожди, не рви»* (Российская газета, 6.02.07.), читатель вспоминает не только песню, но и сцену из популярного советского фильма «Белое солнце пустыни», вышедшего на киноэкраны в 1969 году.

Песня, процитированная в заголовке *«Думайте сами, решайте сами»* (Российская газета, 3.03.06.), также тесно связана с фильмом «Ирония судьбы, или С легким паром», который известен многим поколениям в России. Следовательно, при восприятии данного заголовка задействованы обе ментальные сферы-источники.

90,9% заголовков в данной пограничной сфере-источнике представляют собой модель 1; соответственно 9,1% заголовков построены по модели 2.

Прецедентный феномен, использованный в заголовке *«Великолепная семерка»* (Новое время, №39, 1.10.06.) можно отнести как к сфере-источнику «Музыка», поскольку он может рассматриваться как цитата из популярной песни «Великолепная пятерка и вратарь», так и к сфере-источнику «Киноискусство» с аллюзией на известный вестерн 1960 года компании «Голливуд».

«Музыка – Мультфильмы» 5,88%

В данную сферу-источник вошли песни из мультфильмов. Целесообразность выделения данной пограничной сферы-источника обусловлена тем фактом, что песня из мультфильма неразрывно ассоциируется с ним самим и в сознании читателя не существует как самостоятельный прецедентный феномен.

Так, прочитав заголовок *«Куда идем мы с Пятачком?»* (Новое время, 4.09.05.), читатель восстанавливает в памяти одновременно как эпизод из мультфильма «Винни-Пух идет в гости», хорошо знакомый с детства, так и продолжение самой песенки.

В следующем примере *«Пусть мама меня непременно найдет»* (АиФ, 25-31.10.06.), как и в предыдущем, с помощью одного прецедент-

ного феномена идет отсылка сразу к двум ментальным сферам-источникам, так как данная песня стала знакома благодаря мультфильму.

«Художественная литература – Киноискусство – Мультфильмы» 5,85%

Основой для выделения данной пограничной сферы послужили детские художественные произведения, по которым были сняты фильмы и созданы мультфильмы. Можно предположить, что читатель не всегда определяет первоисточник прецедентного феномена, что, тем не менее, не мешает ему правильно понять замысел журналиста. Ср.:

«Золушка с оркестром без добрых фей и летающих метелок» (Новое время, № 48, 3.12.06.)

«Остров сокровищ» (Российские вести, № 1-2, 19-25.01.05.)

«Мировая политика и история – Киноискусство» 3,5%

В данную сферу-источник вошли заголовки, созданные в соответствии с моделью 2. Ср.:

«Сталин – агенту 007» (АиФ, 18-24.10.06).

«С "Титаником" все было не так, как в фильме Кэмерона» (Известия, 23.12.05.)

«Художественная литература – Мировая политика и история» 2,35%

Данная пограничная сфера-источник также представлена заголовками, построенными по модели 2. Ср.:

«Гоголь и Троцкий» (Новое время, № 48, 3.12.06.). В сознании российского читателя прецедентное имя «Гоголь» относится к «Художественной литературе», тогда как «Троцкий» принадлежит к сфере-источнику «Политика». Думается, что несовместимость привлекает внимание читателя и заставляет прочитать статью.

В заголовке «Они сошлись – ГУЛАГ и Абвер» (АиФ, №16, 16-22.04.08.) происходит отсылка к строчкам из поэмы «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, хорошо знакомым среднему российскому читателю по школьной программе. Используя данный ПФ и предполагая, что читатель помнит контекст строк из поэмы, журналист проводит параллель между данными явлениями в советской и немецкой истории.

«Музыка – Киноискусство – Художественная литература» 2,34%

Примером может послужить заголовок «Семь бандитов на сундук – это йо-хо-хо» (Новое время, № 34, 28.08.06.). Данная песня встречается как на страницах романа Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ», так и фильме и мультфильме. Поскольку читатель может быть не знаком с ее первоисточником, то может отнести ее к другим указанным нами сферам.

«Художественная литература – Мировая политика и история – Мультфильмы» 1,17%

Заголовок «Красная шапочка и товарищ Волк» (Новое время, № 20, 21.05.06.) создан по модели 2. Его следует отнести к данной сфере-источнику в связи с тем, что, во-первых, обра-

щение «товарищ» прецедентно для носителя русской культуры в связи с советским периодом в отечественной истории, и, во-вторых, как уже отмечалось выше, наблюдается объединение ментальных сфер-источников «Художественная литература» и «Мультфильмы».

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что при классификации прецедентных феноменов по сферам-источникам целесообразно выделять пограничные ментальные сферы. Самыми активными, способными к взаимодействию являются составляющие массовой культуры: сферы-источники «Художественная литература», «Киноискусство», «Мультфильмы», «Музыка». В результате анализа пограничных ментальных сфер-источников нами было выделено 2 модели, по которым создается полипрецедентность в заголовках. Перспективой исследования, на наш взгляд, является исследование отношения текста статьи и полипрецедентного заголовка, а также изучение явления полипрецедентности в иноязычной культуре с целью выделения общих и не совпадающих пограничных ментальных сфер-источников.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боярских О. С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004 – 2007 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Тагил, 2008.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
3. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000.
4. Черногрудова Е. П. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике (на материале центральной, региональной и местной прессы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003.
5. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. – Chicago, 1980.

© Зырянова И. П., 2008

Кушнерук С. Л.

Челябинск, Россия

**ТЕОРИЯ ТЕКСТОВЫХ МИРОВ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Abstract

The article explores the basic notions of the Text World Theory by analyzing the terms scheme, frame, script, scene, MOP, etc. The argument is that the theory is adequate for analyzing the worlds projected in the advertising discourse in order to pursue a definite communicative purpose – to make the addressee buy the product.

В последнее время зарубежные авторы подчеркивают, что творческий потенциал рек-

ламы эффективно реализуется через проектирование вымышленных миров, основной целью которых является втягивание реципиентов в процесс реконструкции воображаемых ситуаций на основе имеющихся у них фоновых знаний (G. Cook, L. H. Downing, E. Semino, P. Werth).

Данное утверждение в полной мере согласуется с мыслью о том, что процесс обработки информации носит динамический характер и зависит от вербальных и визуальных «подсказок», имеющихся в тексте. При этом интерпретируемость текста невозможно описать только в терминах грамматической правильности или наличия эксплицитных связей между предложениями: понимание текста доступно тем, кто способен построить сценарий, текстовый мир, ситуацию, в которой данный текст обретает смысл (N. E. Enkvist).

Текстовые миры – это «когнитивные конструкции (cognitive constructs), возникающие в результате взаимодействия между читателями и языком текста (language of text). В более строгом смысле текстовый мир соответствует конфигурациям схем (schemata), которые задействуются читателем в процессе интерпретации. Сумма схем читателя образует скелет модели мира, служащей системой координат для объяснения и оценивания текстового мира» [Semino 1997: 161].

Логично предположить, что восприятие текста реципиентом будет зависеть от того, как существующие в сознании читателя схемы взаимодействуют друг с другом. Дальнейшие рассуждения требуют экспликации термина «схема».

В зарубежной литературе (A. Ortony, D. E. Rumelhart, P. W. Thorndyke, F. R. Yekovich) высказывается предположение, что понятие схемы, или ментальной репрезентации, уходит корнями в «Критику чистого разума» И. Канта и понимается как одна из форм или правил «продуктивного воображения», через которую понимание способно применить свои категории к различным формам чувственного восприятия в процессе осмысления знания или опыта [Semino 1997: 125–126].

Однако чаще всего происхождение современной теории схем ассоциируется с именем американского психолога Ф. Бартлетта, который пришел к выводу, что при вербализации прошлого опыта люди пользуются стереотипными представлениями о действительности – схемами. Вытесненный бихевиоризмом и психоанализом, концепция ученого, представленная в работе «Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology» (1932), не получила признания почти сорок лет.

Только в 1970-х гг., благодаря развитию искусственного интеллекта, теория схемы стала оцениваться как «модель человеческого познания» (model of human knowledge). Принятие ме-

тафоры компьютера для обозначения человеческого мозга дало толчок к разработке «парадигмы переработки информации» (information-processing paradigm), в которой когнитивная способность рассматривалась как последовательность этапов: от восприятия стимулов до хранения информации в долговременной памяти [Neisser 1976: 5-6].

Дальнейшее развитие теория схемы получила в трудах когнитивного психолога Д. Румельхарта. Центральное в его концепции понятие схемы включает сеть взаимосвязей, удерживающих составляющие элементы концепта. Каждая схема содержит ряд переменных величин (variables), которые реализуются в конкретных условиях. Так, схема ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОКУПКИ содержит четыре переменных – продавец, покупатель, товар, способ оплаты.

Сильной стороной теории американского ученого можно считать попытку объяснить способы, посредством которых происходит изменение и развитие схем при получении нового опыта. Выделяются три основных способа – приращение (accretion), подстройка (tuning), перестройка (restructuring).

Приращение предполагает накопление новой информации в рамках существующих схем. Оно возникает в том случае, если объем имеющихся знаний оказывается достаточным для обработки вводимой информации, то есть не требует изменения схемы. Так, в супермаркете человек может узнать новые цены на те или иные продукты, не меняя существующую схему В СУПЕРМАРКЕТЕ. Другими примерами приращения можно назвать запоминание списков слов, телефонных номеров, имен и пр.

Подстройка имеет место, когда получение нового опыта ведет к изменению существующей схемы (набора схем). Например, разрешение англиканской церкви посвящать в сан женщин в 1992 году привело к изменению схемы СВЯЩЕННИК АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ, в результате чего половая принадлежность перешла из постоянной величины в переменную.

Перестройка влечет за собой создание новых схем при условии, что старые оказываются неадекватными. Одной из форм перестройки является порождение по образцу (patterned generation), то есть на основе существующих схем. Так, Е. Семино приводит пример, указывая на перестройку схемы ОТЕЛЬ (hotel) в более специфическую схему НОЧЛЕГ С ЗАВТРАКОМ (bed & breakfast) в результате изменения жизненных реалий, связанных с переездом в Британию из Италии [Semino 1997: 132-133].

Обсуждая существующие подходы к проблеме, нельзя не согласиться с утверждением В. З. Демьянкова о том, что в процессе интерпретации схемы служат для того, чтобы конкретные переживания и действия соотносить с ментальными репрезентациями: «мир, в той мере, в какой он вообще воспринимаем и вос-

производим, представляет собой «функцию», реализацию схем интерпретации» [КСКТ 1996: 179-181].

Интерес к теории схематических представлений обусловил появление целого ряда альтернативных, но близких по смыслу терминов, описывающих различные типы схем (*schemata* в зарубежной терминологии) – сценарий (*scenario*), скрипт (*script*), фрейм (*frame*).

Английские психологи А. Сэнфорд и С. Гаррод обозначили когнитивные репрезентации в семантической памяти термином *сценарий* [Sanford & Garrod 1981], который, по сути, оказался синонимичным термину *скрипт*, ранее предложенному Р. Шенком и Р. Абельсоном в работе «Scripts, Plans, Goals and Understanding» (1977).

По мнению ученых, скрипт – это «предопределенная последовательность стереотипных действий, характеризующая общеизвестную ситуацию» [Schank & Abelson 1977: 41]. Скрипт относится к динамическим структурам, то есть включает знания о порядке действий, характеризующих событие (напр., посещение ресторана, поликлиники, поездка на пикник и пр.). В теории Р. Шенка и Р. Абельсона элементами, конкретизирующими скрипты, являются слоты (*переменные* в терминологии Д. Румельхарта). Набор слотов может отличаться в зависимости от ролей, задействованных в скрипте. Например, скрипт В РЕСТОРАНЕ с точки зрения клиента предполагает чтение меню, выбор блюда, сообщение заказа официанту, ожидание заказа, получение заказанных блюд в установленном порядке, прием пищи, оплата счета и пр. Этот же скрипт в перспективе шеф-повара приобретает иные очертания.

Скрипты активизируют особого рода текстовые ссылки (*headers*), которые указывают на характерные для него предметы и действия. Р. Шенк и Р. Абельсон выделяют четыре типа ссылок [Schank & Abelson 1977: 49-50]:

1. *Ссылки, содержащие предварительное условие* (*precondition headers*) – обозначают причину возникновения скрипта. Например, *Джон был голоден* объясняет, почему он оказался В РЕСТОРАНЕ.

2. *Инструментальные ссылки* (*instrumental headers*) указывают на действия, которые привели к реализации скрипта. Ср. *Джон поехал на метро в ресторан*.

3. *Ссылки, обозначающие место действия* (*locale headers*) указывают на обстановку, ассоциируемую со скриптом. Ср. *Джон сидел за столиком у окна в китайском ресторане*.

4. *Ссылки внутренней концептуализации* (*internal conceptualization headers*) указывают на любое действие или роль, характерные для скрипта. Ср. *Джон стал читать меню*. Р. Шенк и Р. Абельсон подчеркивают, что по крайней мере два элемента должны быть упомянуты в тексте, чтобы скрипт был «развернут» получателем.

Важно отметить, что в зависимости от того, какие цели ставит исследователь, содержание, скрывающееся за термином «скрипт», предложенным Р. Шенком и Р. Абельсоном, может также называться «фрейм», «сцена», «сценарий», «план», «схема», «культурный сценарий», «МОР». Указанные термины обозначают особым образом организованные структуры представления знаний и широко используются в современной литературе, хотя не совпадают (однако, пересекаются) по семантическому объему.

Так, термин «фрейм» был введен в научный обиход американским специалистом в области искусственного интеллекта М. Минским для обозначения мыслительного образа стереотипной ситуации (напр., модель квартиры) [Minsky 1975].

В понимании М. Минского фрейм близок типу когнитивной структуры, которую Р. Шенк обозначил термином *пакет данных организации памяти* (МОР). МОР может быть представлен через такие структуры памяти как скрипты и сцены (*scenes*). При этом скрипт мыслится как последовательность действий, составляющих сцену. Примерами сцен являются – ЗАЛ ОЖИДАНИЯ, ЗАКАЗ В РЕСТОРАНЕ, ПОЛУЧЕНИЕ БАГАЖА В АЭРОПОРТУ и пр. Пакет данных организации памяти может включать несколько сцен. Например, путешествие самолетом предполагает: ПЛАНИРОВАНИЕ + ПОИСК ДЕНЕГ НА БИЛЕТ + ЗВОНОК В АВИАКОМПАНИЮ + ПОКУПКА БИЛЕТОВ + ДОРОГА В АЭРОПОРТ + РЕГИСТРАЦИЯ + ЗАЛ ОЖИДАНИЯ + ПОСАДКА + ПОЛЕТ + ВЫСАДКА ПАССАЖИРОВ и т.д. [Schank 1982: 100].

Наряду с обозримыми достоинствами, теория Р. Шенка все же не дает точного ответа, какого типа содержание скрывается за каждым пакетом данных организации памяти, и что вообще можно считать такой структурой. Думается, что эта неопределенность оправдана сложностью механизмов человеческого познания – набор схем не является неизменной структурой, претерпевая постоянные изменения в результате когнитивной активности человека. Тем не менее теория динамической памяти обладает мощной объяснительной силой и может быть использована в целях интерпретации наблюдаемых явлений, что в полной мере согласуется с принципом экспланаторности, обозначенным Е. С. Кубряковой.

Общее, что объединяет концепции Д. Румельхарта, Р. Шенка и Р. Абельсона, заключается в том, что человек получает знание на основе запоминания закономерностей предшествующего опыта, выявления регулярных повторений, которые определяют последующую категоризацию, прогнозирование и выполнение действий. Понимание и запоминание предполагают взаимодействие между текущей вводимой информацией и имеющимися знаниями.

Автор настоящего исследования разделяет мысль о том, что человек воспринимает происходящее в терминах ранее приобретенных структур знаний. У каждого человека имеется своя «база данных», наполнение которой зависит как от личностных особенностей индивида, так и от культурно-детерминированных параметров коммуникации.

Принимая во внимание мнение Н. Д. Арутюновой, мы придерживаемся позиции, согласно которой «жизненный контекст дискурса моделируется в форме «фреймов» (типовых ситуаций) или «сценариев» (делающих акцент на развитии ситуации)» [ЛЭС 1990: 137]. По указанной причине будем использовать вышеназванные термины, обозначающие разновидности схем, в качестве рабочих.

Вслед за Дж. Гэвинс (J. Gavins) мы связываем проблему понимания со способностью участников коммуникации распознавать и активировать только то знание, которое необходимо для понимания дискурса. Это знание существует в виде фреймов (frame-based), представляющих результат схематизации опыта. Так, разговор о футболе заставляет участников использовать ассоциируемые с игрой знания, которые в данной ситуации более уместны, чем, скажем, знания о том, как испечь пирог или поменять колесо [Gavins 2000: 19].

Учитывая сказанное, воспользуемся пониманием фрейма, предложенным профессором Амстердамского университета и основателем теории текстовых миров Полем Вертом (Paul Werth) в 1980–90х гг. Фрейм определяется им как «когнитивная структура закрепленных культурой представлений и ожиданий, проистекающих из прошлого опыта поведения в подобных ситуациях» [Downing 2000: 35].

В данной дефиниции подчеркивается, что фреймы активируют культурно-детерминированные знания и представления. Кроме того, из определения логично заключить, что участники коммуникации могут выстраивать репертуар сцен, содержащих ожидания относительно того, как будет развиваться та или иная ситуация.

Преимущества обсуждаемой теории применительно к рекламе проистекают из ее исходных положений, предполагающих анализ как дискурсивных, так и текстовых аспектов коммуникации.

Первым этапом в теории текстовых миров рассматривается *дискурсивный мир* (discourse world), под которым понимается непосредственная ситуация общения говорящего / пишущего и слушающего/читающего, принимающих участие в совместной языковой деятельности [Gavins 2000: 19]. Апеллируя к тем или иным фоновым знаниям, участники вносят часть «багажа личного опыта» (experiential baggage) в каждое языковое событие. Такой «груз» не отягчает условий коммуникации, а задает параметры дискурсивного мира, оказывая влия-

ние на выбор используемых языковых средств, предопределяющих интерпретацию рекламного сообщения.

П. Верт считает, что поведение коммуникантов в процессе общения преследует конкретные цели и регламентируется определенными принципами. Подобно тому, как Г. П. Грайс описывает принципы речевого общения, Верт устанавливает принципы дискурса (Principles of Discourse), ведущим из которых также является кооперация, то есть развитие общения по модели согласия, когда участники договариваются, находя общий интерес (common ground) [Werth 1999]. *Текстовый мир* является тем концептуальным пространством, где общий интерес обнаруживает себя.

Строительными элементами (world-building elements), очерчивающими границы текстового мира, являются дейктические средства, которые могут указывать на участников, обстановку, временную и пространственную локализацию сообщаемого факта и пр. Обозначенный дейктиками, текстовый мир далее заполняется фреймами [Downing: 33].

Л. Даунинг указывает на иерархические отношения между концептуальными сферами (conceptual domains) в процессе построения мира. Так, дискурсивный мир является более широким доменом по сравнению с собственно текстовым миром, представляющим следующий внутренний уровень. Если дискурсивный мир строится на основе непосредственной ситуации общения, то текстовый мир является концептуализацией отдельного события, находящегося в фокусе взаимодействия коммуникантов. Помимо этого, могут возникнуть текстовые уровни более низкого ранга (subworlds).

Дж. Гэвинс выделяет три типа текстовых подмиров. *Дейктические подмиры* (deictic subworlds) возникают в результате отклонений от основных параметров текста по инициативе участников или персонажей и установления новых указаний на время, место, объекты и пр. Ретроспективное изменение временных (и/или пространственных) координат текста погружает читателя в другое время и место, чему способствует употребление глаголов *remember* и *recall*.

Аттitudные подмиры (attitudinal subworlds) делятся на три области когнитивной активности – *desire* (мир желаний), *belief* (мир убеждений) и *purpose* (мир намерений). Строительными элементами мира желаний являются предикаты *wish, want, hope, dream*, мира убеждений – *believe*. Миры намерений включают обещания, предложения, команды, просьбы, имеющие отношения к выполнению действий в будущем.

Эпистемические подмиры (epistemic subworlds) охватывают события, удаленные от исходного текстового мира или гипотетически в нем представленные. Поэтому основными

строительными элементами названы конструкции, содержащие условия (conditional constructions), косвенная речь (Indirect Speech), модальные глаголы *must*, *could*, *might*, а также глаголы *think* и *suppose* [Gavins 2000: 20-22].

Данные рассуждения привели к заключению о том, что обозначенные миры и подмиры можно разделить на две категории – те, которые создаются участниками (participant-accessible), и те, которые создаются персонажами (character-accessible) [Werth 1999: 214-215].

Подчеркнем, что в настоящем исследовании предлагается применить теорию текстовых миров к анализу текстовых и дискурсивных характеристик рекламы. Это позволит устанавить и эксплицировать значимость проектируемого взаимодействия миров участников и персонажей с точки зрения достижения прагматических целей, стоящих перед рекламистами.

По нашему мнению, теория текстовых миров является адекватной моделью для описания способов динамической переработки рекламного дискурса с позиций взаимодействующих коммуникантов. В рамках избранного подхода значимость имеет не только то, как структурирование знаний о некотором явлении действительности отражается в языковом сознании участников общения в условиях социально значимого типа коммуникации, но и то, каким образом рекламист использует имеющиеся знания, проектируя воображаемые миры, которые ори-

ентируют желания людей в коммерчески-выгодном направлении.

ЛИТЕРАТУРА:

Downing, L. H. Text World Creation in Advertising Discourse // www.ucm.es/info/circulo.

Gavins, J. Absurd Tricks with Bicycle Frames in the Text World of The Third Policeman // Nottingham Linguistic Circular, 2000. – № 15. – P. 17–33.

Minsky, M. A Framework for Representing Knowledge // The Psychology of Computer Vision. – New York: McGraw-Hill, 1975.

Neisser, U. Cognition and Reality: Principles and Implications of Cognitive Psychology. – San Francisco, 1976.

Semino, E. Language and World Creation in Poems and Other Texts. – Longman: London and New York, 1997.

Shank, R. C. Dynamic Memory: A Theory of Reminding and Learning in Computers and People. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Shank, R. C. and Abelson, R. Scripts, Plans, Goals and Understanding. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1977.

Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. – London: Longman, 1999.

КСКТ 1996: Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.

ЛЭС 1990: Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

© Кушнерук С. Л., 2008

РАЗДЕЛ 3. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Будаев Э. В., Аникин Е. Е., Чащина С. С.

Нижний Тагил, Россия

РИТОРИЧЕСКАЯ КРИТИКА В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Номинации для новых научных направлений традиционно приходят с опозданием. Прежде чем сформировавшееся направление получит определенное наименование, эта область исследований должна сформулировать свой предмет и опробовать новые методологические подходы. Словосочетание «политическая лингвистика» появилось в конце 80-х гг., но фактические истоки этого направления следует искать раньше, когда устойчивый методологический интерес к исследованию политической коммуникации, риторики, семиотики начал складываться в отдельную область научных изысканий.

Ретроспективный взгляд на политическую лингвистику показал, что в основе ее формирования лежали несколько магистральных направлений, в том числе риторический поход к анализу политической коммуникации [Будаев, Чудинов 2007]. В США умение произносить публичные речи убедительно и действительно долгое время служило основным предметом риторических исследований. Однако эта область анализа (часто именуемая как «public address», т.е. «публичное выступление») к настоящему моменту расширила свой предмет. Теперь в область интересов «public address» включаются исследования риторики на телевидении, радио, в кино и даже анализ убедительности в межличностной коммуникации. Риторическая теория и «public address» доминировали в американской риторике до тех пор, пока не произошел «идеологический поворот», связанный с направлением известным как риторическая критика.

Если аристотелевская методология была направлена на анализ того, насколько используемые риторические формы эффективны для достижения поставленной цели, то критическая методология призвана определить, как «риторический текст формирует ожидания и нормы того, что считать желаемым и нежелательным в определенном обществе» [Borchers 2006: 176]. До этого считалось, что ученые должны давать объективные описания риторической практики, руководствуясь риторической теорией. «Критики» же считают, что необходимо показать скрывающуюся за риторикой идеологическую символику и интенции ораторов; выяснить, как риторика влияет на культурные стереотипы, и как эти стереотипы отражаются в риторике. «Критики» допускают, что риторические факты часто содержат в себе много скрытой для поверхно-

стного взгляда информации [Brummett 1994: 72], поэтому их задача сводится не к деструктивному и враждебному отношению к риторике, а к тому, чтобы показать, что еще, кроме очевидного, есть в риторических фактах. Другими словами, задача критиков «сделать невидимое видимым», например, показать, как в выступлении на определенную тему передаются культурные стереотипы, отображаются (или навязываются) ценности определенного сообщества, или как риторика создает «Третью Персону» – образ того, «кем нельзя становиться» [См. Wander 1984].

Смена акцентов риторических исследований привела к расширению предмета риторических исследований за счет усиления внимания к вопросам идеологии, аксиологии, семиотики и в меньшей степени психологизма. «Идеологический поворот» в риторике и активизация критических исследований послужили одним из источников американской политической лингвистики.

На настоящий момент сложилось несколько направлений риторической критики, которые с полным правом могут быть отнесены к методологическому багажу современной политической лингвистики: критика метафоры, нарративный анализ, жанровая критика, критика пентагмы (pentadic critic), кластерный анализ и идеографическая критика [Foss 2004].

В риторической критике существуют свои исследователи, стоящие «у истоков направления». Среди них – авторы статей, представляемых вниманию читателей: Кеннет Берк и Герман Стелцнер.

Профессор Кеннет Берк преподавал в десяти университетах США, в том числе в Гарварде и Принстоне. Выпустил 18 книг, среди них «Counter –Statement» (1931), «Grammar of Motives» (1945), «Rhetoric of Motives» (1950), «Rhetoric of Religion» (1961) и др. В США К. Берк относится «к наиболее влиятельным исследователям риторики со времен Аристотеля» [Borchers 2006: 145], а как отмечает Т. Бенсон, речевая коммуникация как научная дисциплина «не может быть адекватно представлена без его огромного вклада» [Benson 1993: xi]. К. Берк рассматривал риторику с позиций ее возможности конструирования реальности. Риторика по К. Берку – это исследование того, «как язык и другие символические системы создают риторические миры, в которых мы живем» [Borchers 2006: 144]. Ему принадлежит создание теории риторического драматизма, теории символического действия, разработка методов анализа «драматической пентагмы» и фрейминга символического опыта.

Риторическая критика направлена на изучение того, как символические функции реализуются в текстах и посредством текстов. Что касается методов, то обычно анализ проводится с помощью «подробного текстуального ана-

лиза и исследования исторического и культурного контекста текстов» [Benson 1993: xiii]. Представленные в настоящем разделе статьи как раз отражают два этих способа анализа риторики. Статья Германа Стелцнера, профессора университета Иллинойс и специалиста по политической риторике, посвящена детальному, пословному анализу выступления Ф. Рузвельта от 8 декабря 1941 г. Она ближе к детальному текстуальному анализу. В отличие от большинства работ того времени (статья опубликована в 1961 году [Stelzner 1961]), анализ сконцентрирован не на изучении обстоятельств развития речи, а на речи как таковой и происходящих в ней процессах. Также внимание уделено рассмотрению Обращения Ф. Рузвельта в более широком культурном контексте. Хотя использованный подход к анализу языкового материала является узким, автор высказывает предположение, что он может быть полезным при разработке упорядоченной методологии критического анализа. В статье К. Берка «Риторика гитлеровской «Борьбы» больше внимания уделяется символизму фашистского текста на фоне историко-культурного контекста и трансформации религиозной риторической модели в политической коммуникации. Необходимо подчеркнуть, что исследование Кеннета Берка создано в 1939 году [Burke 1939] и было едва ли не первым серьезным критическим рассмотрением национал-социалистической риторики, в котором разносторонне показаны способы идеологической манипуляции, которые использовал Гитлер.

ЛИТЕРАТУРА:

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007.

Benson T. Beacons and Boundary Markers: Landmarks in Rhetorical Criticism // *Landmark Essays in Rhetorical Criticism*. – Davis, CA: Hermagoras Press, 1993. – xi-xxii.

Borchers T. A. *Rhetorical Theory. An Introduction*. – Belmont: Wadsworth, 2006.

Brummett B. *Rhetoric in Popular Culture*. – New York: St. Martin's Press., 1994.

Burke K. The Rhetoric of Hitler's "Battle" // *The Southern Review*. – 1939. – Vol. 5. – P. 1-21.

Foss K. *Rhetorical Criticism: Exploration and Practice*. – Long Grove, Illinois: Waveland Press, 2004.

Stelzner H. G. "War Message, December 8, 1941: An Approach to Language // *Communication Monographs*. – 1966. – Vol. 33. – P. 419-437.

Wander P. The Third Persona: An Ideological Turn in Rhetorical Theory // *Central State Speech Journal*. – 1984. – Vol. 35. – P. 197-216.

© Будаев Э. В., Аникин Е. Е.,
Чащина С. С., 2008

Стелцнер Г. Г.

Урбана, США

Перевод: Чащина С. С.

«ВОЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ» ОТ 8 ДЕКАБРЯ 1941 г.: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

I

Две последние книги Мари Николс и Эдвина Блэка¹ были ответной реакцией на большое количество риторической критики, появившейся в печати за последнее время. В своих работах авторы надеются стимулировать более глубокий и осмысленный анализ риторических процессов. Они побуждают критиков начать экспериментировать, описывать и оценивать по-новому, способами, почти не использовавшимися ранее.

Однако в последующих рецензиях было указано на ряд трудностей. В своей рецензии на работу Николс Кэрролл Арнольд отмечает отсутствие примеров критического анализа, который предлагается провести: «Николс не приводит примеров того, как критический анализ может на практике решить поставленные проблемы».² В рецензии на работу Блэка Дуглас Энингер соглашается с его пониманием критического анализа, но отмечает, что предложенные Блэком альтернативы разработаны недостаточно детально: «отдельные приемы не образуют единый метод критического анализа», а также «отдельные параметры и варианты не систематизированы в процедуру критического анализа, которая может быть использована критиком».³ Тем не менее, ни Блэк, ни Николс не ставили своей целью создание системы критического анализа. Как отмечает Блэк:

Мы не разрабатывали систему риторической критики, мы только постарались наметить возможные пути ее создания. Ведь намеченный путь, вместе со способностью к осмыслению и индивидуальным стилем – это все, что нужно критику. Если его критический анализ окажется плодотворным, он может перерасти в систему, но он не должен в современном состоянии научного знания начинаться с нее. Мы просто еще не обладаем достаточным знанием риторического дискурса, чтобы доверять системам, и только путем образного критического анализа мы сможем узнать больше.⁴

¹ Marie Hochmuth Nichols, *Rhetoric and Criticism* (Baton Rouge, La., 1963); Edwin Black, *Rhetorical Criticism* (New York, 1965).

² Carroll C. Arnold, review of *Rhetoric and Criticism* in *Southern Speech Journal*, XXX (Fall 1964), 62.

³ Douglas Ehninger, "Rhetoric and the Critic," *Western Speech*, XXIX (Fall 1965), 231.

⁴ Black, p. 177.

Завершая свои рассуждения о И. А. Ричардсе, Николс заявляет:

Наиболее важным и полезным у Ричардса я считаю то, что он ... продемонстрировал возможность разработки упорядоченной методологии. ... Я не имею в виду, что мы должны заимствовать метод Ричардса, ... я считаю, что мы также как и он должны заниматься разработкой упорядоченной методологии.⁵

Сущность анализа Николс и Блэка состоит в широком подходе к объекту исследования. Как отмечает Блэк, в большинстве своем критический анализ сводится к «оценке исторически достоверного воздействия дискурса на свою непосредственную аудиторию».⁶ Он утверждает необходимость использования более широкого подхода, необходимость «такой интерпретации дискурса, которая выявляет всю его сущность, и которая направлена на видение объекта таким, какой он есть в действительности ...».⁷

Риторическое действие является великолепным объектом для исследования, но в то же время сложным. Для его полного рассмотрения потребуются все критические положения и подходы, а также способности самого критика, описанные Стэнли Хьюманом в его «портрете идеального критика».⁸ Изучение объекта во всей его полноте – это идеал.

В данной работе мы используем узкий подход к объекту исследования. Мы сконцентрируемся на языке Обращения Ф. Д. Рузвельта к Конгрессу восьмого декабря 1941 года. Мотивом, побудившим нас к проведению такого анализа, послужил подход к языку в более традиционном критическом анализе. Часто критики членят дискурс, рассматривают выбранные языковые примеры как независимые переменные и делают выводы. Один аналитик, изучив речь Стивенсона во время его избирательной кампании 1952 года, определил стиль его обращений как «средний»: «не простой, но и не высокопарный».⁹ Такой традиционный подход Николс назвала «седым от старости...».¹⁰ По ее мнению, традиционный подход оказался непродуктивным в изучении языка: «Время идет, а в языке, если он вообще становится объектом изучения, проблемам риторических вопросов, антитез и метафор уделяется совсем немного внимания ...».¹¹ В описании Энингером существ-

ующего критического анализа можно найти похожие мысли:

Вместо того чтобы описывать, что происходит в дискурсе при его развитии и выполнении поставленных целей, они (критики) сосредотачиваются на вопросах происхождения дискурса, на обстоятельствах его развития, а также его результатах или реакциях, которые были им вызваны. Примеры анализа самой речи не только весьма малочисленны, но и даже те, которые существуют, по большей части состоят из классификаций тех или иных наиболее явных свойств, втиснутых в рамки традиционных методов и канонов. Все это превращается в механический пересчет или обобщение того, насколько хорошо речь соответствует созданному априори шаблону.¹²

Представленный нами подход к Обращению Ф. Д. Рузвельта к Конгрессу является топографическим. Речь – это «определенное место», и, чтобы понять структуру использующегося в ней языка, необходимо изучить ее «дороги», «реки», «города», «озера» и «рельеф местности». Другими словами, если использовать космическую метафору, языковые фрагменты не извлекаются из речи и не рассматриваются как главные небесные светила, независимые и автономные. Наше внимание будет сосредоточено на созвездии, а не на его главных звездах – на порядке, движении, значениях и взаимодействиях в языке с целью выявить не только то, что именно происходит в языке, но и каким образом это происходит. Нашей целью является изучение объекта во всей его полноте.

План нашего анализа будет следующим. Мы попытаемся при помощи метода индукции провести «статистическое наблюдение»¹³, чтобы выяснить, что происходит в языке и чем это вызвано. Мы проведем последовательный анализ «от исходного вопроса через промежуточный к следующему вопросу»¹⁴. Мы будем переходить от грамматики к синтаксису, стилю, логике, размеру, фигурам речи и так далее, когда этого потребует сам объект изучения – речь для объяснения противоречий в языке. Речь, включая пояснительные жанры, является не просто набором высказываний. Экспликация – это больше чем пересказ: «это *вскрытие* скрытых значений»¹⁵. Мы исследуем возможности употребления слов и словосочетаний в языке. В качестве демонстрации происходящих в речи процессов экспликация является аналогом опи-

⁵ Nichols, pp. 106-107.

⁶ Black, p. 48.

⁷ Там же.

⁸ Stanley Edgar Hyman, *The Armed Vision* (New York, 1955), pp. 386-391.

⁹ Nichols, p. 107.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Ehninger, p. 230.

¹³ Kenneth Burke, *The Philosophy of Literary Form* (New York, 1957), p. 59; на стр. 75 Берк говорит об этом исследовании как об «индуктивном наблюдении».

¹⁴ Там же, стр. 60; курсив автора.

¹⁵ W.K. Wimsatt, Jr., *The Verbal Icon* (Lexington, Ky., 1954), p. 249; курсив автора.

санного Хьюмом метода Берка: «Использовать все возможное», что означает «достаточно спонтанное изучение всего, что обладает каким-либо значением»¹⁶.

Речь сама подсказывает последовательность действий. Мы изучили имеющиеся черновики речи Рузвельта, и если имеющиеся в них различия являются существенными для анализа, мы приводим их¹⁷. Однако, нашей целью является не проследить создание «Обращения восьмого декабря 1941 года», нас интересует сама речь, а не то, как она создавалась.

Мы не считаем, что сам Рузвельт осознанно создавал в своей речи связи, которые мы выявляет и оцениваем. Утверждение того, что «поэт не полностью понимает, о чем его произведение до того, как закончит его создавать»¹⁸ справедливо для всего литературного произведения. Берк утверждает, что связи внутри произведения можно анализировать *«только после его завершения»*¹⁹; их анализ включает в себя «как количественный, так и качественный аспекты»²⁰:

Каждое произведение содержит в себе набор скрытых равенств. ... И хотя процесс создания произведения является сознательным... автор не может осознавать связи между этими равенствами. Побуждением к написанию произведения является желание структурировать совокупность событий и ценностей в процессе написания, и как бы сознательно автор к этому ни подходил, в этих связях есть нечто общее, что не может им осознаваться, так как это общее может быть выявлено только путем анализа *завершенного* произведения²¹.

Так как наш анализ ограничен рамками языка одного речевого произведения, мы не можем делать на его основе выводы относительно «стиля». Неспособность делать выводы на основе одного примера является обратной стороной той трудности, которую рецензенты усмотрели в широких подходах Николс и Блэка: трудности в применении. А анализ с использованием узкого подхода, даже если он успешен, не проливает света на дискурс в общем. Тем не менее, Уильям Е. Лейхтенбург в своем эссе «Новый курс» и аналог войны»²² предлагает

возможности для расширения рамок предпринятого здесь анализа. Он отмечает, что большая часть политики «Нового курса» была проведена при использовании военной метафоры. Сам Рузвельт часто говорил о социальных и экономических проблемах в терминах войны, и в каком-то смысле его Обращение было продолжением военной темы. Тщательное изучение ряда его обращений может дать ключ к пониманию его языка и «стиля» при использовании военной темы; обобщения в этом случае были бы вполне возможны. Говоря об обобщениях, Берк утверждает, что сначала необходимо проследить «те связи, которые просматриваются в объективно существующей структуре самой книги»:

Первым шагом является индуктивное выявление равенств путем обнаружения тех связей, которые просматриваются в объективно существующей структуре самой книги. [В конечном итоге можно] ... предложить наложения обобщений, посредством чего различные формы конкретных изобразительных средств могут быть классифицированы в общие группы. То есть одно произведение может дать нам примеры образного изображения ночи, другое – образного изображения морского дна, третье – образного изображения апоплексического удара ... и мы можем предложить одну общую категорию, ... которая бы оправдала такое обобщение произведений по принципу единой стратегии, несмотря на различия в конкретных изобразительных средствах²³.

Объективно существующая структура речи, так же как и книги, является набором искусно сбалансированных значений; все в языке склоняется по направлению к чему-то, а, значит, по направлению от чего-то; за что-то, а, значит, против чего-то. «Статистическое наблюдение» речи показывает то, о чем рассказывает говорящий, и знание этого помогает выстроить баланс значений в его речи. Например, в «Обращении восьмого декабря 1941 года» центральным концептом является «время». Рузвельт использует прошедшее и настоящее время, когда говорит в настоящем, о настоящем и обращаясь к настоящему. Будущее противопоставлено прошлому, и между этими двумя полюсами шкалы противопоставлены друг другу «добро» и «зло».

В речи Рузвельта прошлое получает негативную окраску, другие концепты, объекты и условия также противопоставлены друг другу, как показано ниже. Расположенные слева – положительные, расположенные справа – отрицательные. По мере развития речи возникают но-

¹⁶ Hуman, p. 390.

¹⁷ В библиотеке им. Ф. Д. Рузвельта (Гайд-парк, Нью-Йорк) имеется четыре черновика этого Обращения. Они изучены и пронумерованы. Различия в них небольшие. Грейс Тулли, секретарь Рузвельта, отмечает, что обращение прозвучало почти в той же форме, в которой оно было продиктовано ей Президентом. См. Grace Tully, *F.D.R., My Boss* (New York, 1949), p. 256.

¹⁸ C. Day Lewis, *The Poetic Image* (London, 1947), p. 71.

¹⁹ Burke, p. 18; курсив автора.

²⁰ Там же, стр. 59.

²¹ Там же, стр. 18; курсив автора.

²² William E. Leuchtenburg, "The New Deal and the Analogue of War", in *Change and Continuity in Twentieth-Century America*, ed. John Braeman (Columbus, Ohio, 1964) pp. 81-143.

²³ Burke, p. 59.

вые сбалансированные значения, образуя структурную модель, которая затем используется для дальнейшего анализа.

Будущее	Прошлое
Бог	«Дьявол»
США	Япония
правительство	правительство
вооруженные силы	вооруженные силы
народ	народ
Отсутствие опасности (мир)	Опасность (отсутствие мира)
Международное вмешательство	Изоляционистское невмешательство
Обращение от первого лица	Третье лицо ²⁴

Совокупность сбалансированных значений Обращения описывает отношения между темами, о которых говорит оратор; но, тем не менее, эта совокупность не выявляет эти отношения. Таким образом, перед нами стоит задача не только выявить вес каждого полюса в том или ином сбалансированном значении, но и показать, как этот вес, а значит, и отношение выражаются риторическими средствами.

Обратимся к тексту речи Ф. Д. Рузвельта.

Обращение Ф. Д. Рузвельта к Конгрессу восьмого декабря 1941 года²⁵

1 Yesterday, December 7, 1941 – a date which will live in infamy – the United States of America was suddenly and deliberately attacked by naval and air forces of the Empire of Japan.

4 The United States was at peace with that nation and, at the solicitation of Japan, was still in conversation with its Government and its Emperor looking toward the maintenance of peace in the Pacific.

7 Indeed, one hour after Japanese air squadrons had commenced bombing in the American Island of Oahu, the Japanese Ambassador to the United States and his colleague delivered to our Secretary of State a formal reply to a recent American message. And while this reply stated that it seemed useless to continue the existing diplomatic negotiations, it contained no threat or hint of war or of armed attack.

²⁴ В речи всегда присутствует «Я» говорящего. Слушатели могут реагировать на его голос и/или реальное присутствие, даже если он имеет дело с фактами денотативного или пояснительного характера. Шкала «присутствие – отсутствие» представляется весьма удобной, определяя полюса и делая возможным определение относительного веса.

²⁵ Этот текст является записью произнесенной речи. Текст из библиотеки Ф. Д. Рузвельта, Гайд-парк, Нью-Йорк.

12 It will be recorded that the distance of Hawaii from Japan makes it obvious that the attack was deliberately planned many days or even weeks ago. During the intervening time, the Japanese Government has deliberately sought to deceive the United States by false statements and expressions of hope for continued peace.

16 The attack yesterday on the Hawaiian Islands has caused severe damage to American naval and military forces. I regret to tell you that very many American lives have been lost. In addition, American ships have been reported torpedoed on the high seas between San Francisco and Honolulu.

20 Yesterday the Japanese Government also launched an attack against Malaya.

21 Last night Japanese forces attacked Hong Kong.

22 Last night Japanese forces attacked Guam.

23 Last night Japanese forces attacked the Philippine Islands.

24 Last night the Japanese attacked Wake Island.

25 And this morning the Japanese attacked Midway Island.

26 Japan has, therefore, undertaken a surprise offensive extending throughout the Pacific area. The facts of yesterday and today speak for themselves. The people of the United States have already formed their opinions and well understand the implications to the very life and safety of our nation.

30 As Commander in Chief of the army and navy I have directed that all measures be taken for our defense. But always will our whole nation remember the character of the onslaught against us.

33 No matter how long it may take us to overcome this premeditated invasion, the American people in their righteous might will win through to absolute victory.

35 I believe that I interpret the will of the Congress and of the people when I assert that we will not only defend ourselves to the uttermost but will make it very certain that this form of treachery shall never again endanger us.

38 Hostilities exist. There is no blinking at the fact that our people, our territory and our interests are in grave danger.

40 With confidence in our armed forces, with the un-
bounding determination of our
41 people, we will gain the inevitable triumph – so help
us God.

42 I ask that the Congress declare that since the unpro-
voked and dastardly
43 attack by Japan on Sunday, December 7, a state of
war has existed between the
44 United States and the Japanese Empire.

II

«Человек, который пишет или говорит о надвигающейся войне... должен выбирать факты из прошлого и будущего»²⁶. Так или иначе он должен говорить об истории. Седьмого декабря 1941 года история вершилась стремительно. Такими же прямолинейными были и первые три строки Обращения. Кроме того, СМИ широко осветили международные события седьмого декабря 1941 года, и слушатели легко могли вписать эту вводную фразу в более широкий упорядоченный контекст.

«Yesterday» быстро привязывает текст Обращения к ближайшему историческому прошлому – событиям седьмого декабря. Это говорит о том, что говорящий не намерен углубляться в прошлое или обсуждать его как часть рекомендаций, которые он, в конце концов, даст²⁷. Ближайшее историческое прошлое является явно менее значимым, чем настоящее или будущее. Такое расположение «yesterday» участвует в создании структуры прошлое – настоящее – будущее в Обращении и формировании в ней коннотаций концепта «время». Открытое заявление (1-3) разрывает «yesterday», которое является временем относительной стабильности и мира. Если слушатель даже на мгновение захочет вернуться назад в прошлое, его остановит приложение «December 7, 1941». Говорящий допускает, что его слушатели поняли (27-29), что вчерашние «безмятежность» и мирное «безвременье» ушли, но он еще раз подчеркивает это.

Приложение, «December 7, 1941», не только выделяет определенное вчера среди множества потенциальных. Оно определяет дату, которая с точки зрения истории более важна, чем день недели, воскресенье, которое в Обращении опущено. Личное ценностное суждение – «a date which will live in infamy» – придает приложению модальность и вводит в речь будущее время. Введенное в речь в виде сделанного про себя замечания, будущее время сразу начинает

предлагать оценку настоящего. Говорящий очень осторожно подбирает слова. Он не говорит: *the date will live in infamy*. Использование определенного артикля вместо неопределенного и исключение относительного местоимения *which* придало бы этому личному суждению категоричность, навязывая историческому будущему то ценностное суждение, которое на самом деле вправе выносить только само историческое будущее.

Тот факт, что чувство истории и чувствительность к ней обладают силой воздействия²⁸, можно увидеть, проанализировав возможные варианты первого предложения: *Yesterday, a date which will live in infamy* ... Здесь приложение опущено, что вполне возможно, так как маловероятно, что кто-либо из слушателей не знал, какое число было вчера. Однако история фиксирует даты, а не дни, и дата упоминается. Опущение приложения также требует замены *a date which* на *a day which*. Первое является более точным и лучше выражает исторический подтекст первого предложения (1-3). Таким образом, первые слова Рузвельта соединяют прошлое и будущее, где настоящее представлено говорящим и его слушателями. А текущий момент в настоящем – нестабильный, нарушенный, внушающий тревогу – стабилизируется включением его в шкалу настоящего-будущего, что создает ощущение непрерывности. Будущее в этом сделанном про себя замечании-суждении говорящего выносит событиям настоящего благоприятный вердикт: имплицитно будущее находится на нашей стороне.

Использование пассивного залога в первом предложении делает возможными определенные отношения между временем, действующими лицами и сделанным про себя суждением об этом времени. Хотя подлежащим в предложении являются военно-морские и воздушные силы Японской империи, в пассивном залоге подлежащее становится второстепенным и легко заменяемым членом предложения и его смысла. Говорящий мог бы сказать: *the United States of America was suddenly and deliberately attacked*. Но в произнесенном варианте в первом предложении Японская империя рассматривается как нечто незначительное и «второстепенное». Пассивный залог подчеркивает, что на США в определенное число было направлено действие; этот день был мирным до начала этой атаки, которая была постыдной. Взаимодействие этих трех фактов позволяет непо-

²⁶ Burke, p. 203.

²⁷ Тулли на стр. 256 сообщает, что когда готовилось обращение, Рузвельт вызвал в Белый Дом Министра иностранных дел Корделла Халла для того, чтобы он посмотрел черновик. «Министр привез с собой другой черновик Обращения, написанный Самнером Уэллсом. Этот вариант был длиннее и более подробно описывал обстоятельства, приведшие к войне. Но Боссу он не понравился...»

²⁸ Рузвельт «рассматривал историю как впечатляющую драму, а себя как выдающегося актера. Раз за разом он ставил ту или иную историческую сцену, как тогда, когда выступая перед Конгрессом восьмого декабря 1941 года, чтобы призвать к объявлению войны Японии, он устроил так, чтобы миссис Вудро Уилсон сопровождала миссис Рузвельт на Капитолий, соединяя таким образом Первую и Вторую мировые войны». Allan Nevins. «The Place of Franklin D. Roosevelt in History». *American Heritage*. XVII (June 1966), 12.

средственной аудитории и истории зафиксировать эти события. Первое предложение могло бы быть использовано в активном залоге: *Yesterday, December 7, 1941, a date which will live in infamy, naval and air forces of the Empire of Japan suddenly and deliberately attacked the United States*. В данном случае Японская империя стала бы активным центром предложения, а США изменили бы свои временные отношения. Однако время является чрезвычайно важным для процветания страны. Прошлое было неблагоприятным для США, будущее (33-34, 40-41) залечит все раны.

Даже когда *yesterday* было разорвано, официальные, упорядоченные и надежные дипломатические переговоры (4-6) продолжались. Они также будут прерваны (9-15), пока говорящий подробно останавливается на отдельных деталях в их ходе. Дипломатическому языку свойственны официальность и высокий слог. «Nation» (4) является более официальным и конкретным понятием, чем *country*. «Solicitation» (4) более официально, чем *request*, а «conversation» (5) более официально, чем *discussion* или *conference*. Официальности языка не противоречат его некоторая небрежность и аллитерация, наиболее четко проявляющиеся в этой части Обращения. Лексема «peace» (4, 6) начинает и заканчивает параграф, ее звуковое значение усиливается слабым эхом аллитерации: «Pacific». Между ними последовательно идут «nation», «solicitation» и «conversation», «maintenance» немного меняет модель, вводя другое, но достаточно близкое звуковое сочетание.

Время остается центральным в развитии Обращения. «The United States was at peace»²⁹ – прошлое, «still in conversation» – настоящее, «looking forward the maintenance» – будущее. Актеры в этой драме находятся на разных полюсах. Отвечая на прошение Японии, мы все еще беспокоились о будущем, даже если Японии оно уже не интересовало. Официальный дипломатический язык (4-6) символизирует маску, скрывающую двуличность. Двуличность, которая является одной из сторон ключевого термина «infamous» (1), органично входит в текст Обращения. Например, тесные отношения между «yesterday» (1, 16, 20) и повторяющимся «deliberately» (2, 13, 14) усиливают и

поддерживают идею двуличности или постыдности нападения. Использование официального языка (4-6) обуславливает дальнейшее перечисление отдельных событий (7-11), предшествовавших нападению.

«Indeed», добавляя выразительности и силы, начинает перечисление и добавляет модальность нейтральному дипломатическому языку. *Yet, still, but*, а также *however* не могли бы так же хорошо выполнить эту функцию передачи официальных, но лживых инициатив с японской стороны. «Indeed» показывает реакцию индивидуального «Я» на еще не упомянутые детали. Более того, «indeed» усиливается и поддерживается упомянутыми ранее «yesterday», «infamy», «deliberately», «at peace», «still in conversation» и «maintenance of peace». За этим вставным словом говорящий произносит фразу «one hour after» (7), а не просто «after». Фраза «one hour after» конкретизирует момент времени, поддерживает эмоциональность лексем «indeed» и предвосхищает низость действий японского посла и двуличность, скрытую за его официальностью. Вторичная временная модель (7-11) также выражает двуличность: «после атаки воздушных эскадр Японии» – прошлое, «посол дает ответ» – настоящее, которое связано с отношениями *будущего*.

«Japanese air squadrons» (7) были средством атаки. Фраза могла бы иметь следующий вид: *after the Japanese air force* или *after Japanese air forces*. Эти варианты больше подходят к первому упоминанию об армии Японии (2), но здесь есть одно слабое место. Хотя этот измененный повтор привносит некоторое разнообразие, более важным является образ, создаваемый этой фразой. Словосочетание *Air force* или *air forces* создает образ некоей огромной массы, которая закрывает собой все небо. Эта масса неповоротливо, с гулом движется. «Air squadrons» – более четкий и определенный образ в сознании слушателя, это образ небольших групп, компактных, четко выделяющихся из общей массы подразделений военно-воздушных сил, пролетающих над целью.

«Air squadrons» – это количественное, определенное и повторяющееся понятие. Так как эскадры являются структурами, возникает образ официальных структур, причиняющих вред. Официальные структуры – это враг: в прошлом – «one hour after» (7), также как и в недавнем настоящем – «the Japanese Ambassador ... delivered» (8-9). Официальность структуры, подразумеваемой словосочетанием «Japanese air squadrons», также эксплицитно переносится на действия посла; он дает официальный ответ, «a formal reply» (9), который контрастирует с менее официальным американским посланием, «American message» (9). Если бы использовалось словосочетание *American note*, оно было бы слишком неофициальным. «The Japanese Ambassador» (8) звучит более официально и

²⁹ В черновиках под номерами I, II и III встречаем следующий текст: «The United States was at the moment at peace...» Фраза «at the moment» излишне акцентирует время, не добавляя сообщению ни ясности, ни смысла, и может быть опущена. Опущение этой фразы уменьшает возможность того, что слушатели немедленно установят для себя баланс: было в определенный момент – существует в этот момент. «А в этот момент» (то есть в момент обращения), США фактически было в состоянии войны. Тем не менее, Президент официально обращался к Конгрессу, которому и принадлежит официальное юридическое право объявления войны. «В этот момент» мы «юридически» были в состоянии мира. Опущение «at the moment» уменьшило возможность ошибочной реакции Конгресса или слушателей.

строго, чем «our Secretary of State» (9). Если в этих строках чувство официальности усилено, и если официальность – это признак врага, вся официальность становится символом, маской для двуличности и постыдности. Закрытая, отстраненная, трудная для понимания «официальность» противопоставлена более доступной для понимания, открытой «неофициальности». Это предположение соответствует существующему около 1941 года на Западе, особенно в США, стереотипному представлению о Востоке и всем восточном. Таким образом, двуличность, замаскированная под официальность, усиливается. На первый взгляд, конструкция одинадцатой строки³⁰ не кажется кульминационной. «War» (11) – понятие более всеобъемлющее и потенциально более опасное, чем «armed attack». Тем не менее, лексема «war» обозначает официальное, открытое объявление военных действий. Японская сторона обошлась без этой формальности, совершив вооруженное нападение, «armed attack», – действие, которое находится вне дипломатических законов.

До сих пор мы не представили каких-либо объективных доказательств обвинений в двуличности. Говорящий рассказывал о дипломатических отношениях (4-6), которые не могли быть проверены слушателями, они должны были поверить ему на слово. Но сейчас мы перейдем к географическим отношениям (12), которые поддерживают выдвинутые нами обвинения. «It will be recorded...» Кем? Безусловно, слушателями, но также и историей. Глагол «record» изменяет установку говорящего, а пассивный залог – также и ракурс рассмотрения. Глагол, используемый говорящим, относится и указывает на мыслительную деятельность человека. Вместе, говорящий и слушатели, выступают как сторонние наблюдатели, измеряющие расстояние, а также как комментаторы. «Makes it obvious» (12) является фразой, подходящей для такой деятельности – видеть, доказывать, понимать. Пассивный залог позволяет представить доказательства в придаточных предложениях, в которых содержатся знаки, важные для принятия решения; это дает ощущение «расстояния», необходимое для объективного, рационального анализа. Все знаки, особенно последний, объективный, говорящий о расстоянии и располагающийся ближе всех к заключению, способствуют возникновению одного суждения – о постыдной двуличности. Фраза «the distance of Hawaii from Japan» (12),

являющаяся конкретным знаком, включена в предложение, что само по себе расширяет его синтаксическое пространство.

Пассивная конструкция делает возможным анализ событий, которые находятся за рамками опыта слушателей. События ближайшего прошлого (14-15) рассматриваются по-другому; они не описываются в придаточных предложениях и не являются объектом объективного, рационального анализа. Говорящий знает об этих событиях непосредственно, и поэтому он переходит к активному залого. Япония выступает как деятель. Языковая реакция является категоричной и убедительной: «deliberately sought to deceive the United States by false statements and expressions of hope...» (14-15). Был ли обман успешным? Двусмысленное «sought» оставляет вопрос открытым, несмотря на то, что акцент говорящего на преднамеренности действий и лживости Японии предвосхищает его.

По мере того, как перечисляются следующие детали, степень важности времени меняется. В словосочетании «The attack yesterday» (16) факт действия является более важным, чем время его совершения. Можно было бы сделать акцент на времени путем использования фразы «yesterday's attack», но такой вариант уже менее экспрессивен. Смена акцента, тем не менее, не изменяет отношений время-действие или действие-время, но другой допустимый вариант мог бы существенно ослабить, даже разрушить эти отношения: *the attack on the Hawaiian islands yesterday...*

В описании событий появляется личное местоимение «I» (17), чтобы соединить говорящего и самое «черное» на данный момент событие – человеческую трагедию. Образы личного местоимения и трагедии формируются из их отношений друг с другом. Если бы говорящий выбрал сложносочиненное предложение, он мог бы избежать отдельного объявления человеческих потерь: *the attack ... caused ... damage to ... forces and very many American lives have been lost*. Или он мог бы сказать просто: *Very many American lives have been lost*. Эти варианты приуменьшают как этическую позицию говорящего, выражаемого личным местоимением, так и достоинство погибших. Личное местоимение показывает (17-18), эксплицитно и имплицитно, что говорящий обеспокоен жизнью людей – он говорит об этом отдельно от военных событий; также это говорит о его представлении о долге как человека, так и Президента и Главнокомандующего. Он показывает свое понимание и уважение к ритуалу объявления печальных новостей. Более того, говорящий появляется в Обращении, чтобы «сказать» («tell»), об этом слушателям (17). Этот обычный глагол говорит о «близости» как говорящего со слушателями, так и наоборот. Чтобы вводить в Обращение глагол «to tell», между приносящим печальные вести и теми, кому они предназна-

³⁰ В черновике II в строках 10-11 читаем следующее: «This reply contained a statement that it seemed useless to continue the diplomatic negotiations, but it contained no threat not hint of war or of armed attack». Черновики III и IV совпадают с последним вариантом текста (стр. 121-122). Предложение в черновике II является сложноподчиненным и не акцентирует фразу «no threat not hint of war...». Исправленный вариант с зависимо-независимым расположением акцентирует фразу «no threat not hint of war...». Он акцентирует двуличность.

чены, должны быть близкие отношения. Когда дистанция сохраняется, появляется тенденция к официальности, нейтральности, использованию возвышенного стиля, таких глаголов как, например, *to inform*, *to report* или *to announce*.

Фраза «In addition» (18) добавляет еще одно событие. Является ли оно так же, менее или более важным, чем другие? Это зависит от реакции слушателя на весь параграф. Но, упоминая о нем, говорящий показывает свою оценку важности этого события. Японские подводные лодки подошли к США, они уже не на далеких Гавайях, а ближе к дому. Для уже обеспокоенных людей эта новость серьезна. Но удар несколько смягчен, так как объявление этой новости следует сразу после объявления о человеческих потерях, которое приняло на себя большую часть, если не весь шок. Предложение, которое следует после этой новости, помогает снизить опасность, исходящую от подводных лодок. Внимание отвлекается быстрым переходом к сообщению о Малайе (20) – так далеко, куда только можно перенаправить опасность.

Далее опасность, исходящая от подводных лодок, уменьшается еще больше; ощущение далекого расстояния достигается путем упоминания о торпедных атаках на корабли между Сан Франциско и Гонолулу. Языковые средства «уводят» опасность от берегов США. Имена собственные, Сан Франциско и Гонолулу (19), необходимы для достижения общего эффекта. Представим, что говорящий сообщает эту новость следующим образом: *In addition, American forces have been reported torpedoed on the high seas*. Срезубы бы последовали вопросы: Где? Везде? Близко к США? Насколько близко? Далеко? Насколько далеко? Имена собственные превосхищают некоторые из этих вопросов. Где? На морском пути между Сан Франциско и Гонолулу. Можно даже мысленно представить это место на карте – узкий, четко видимый морской путь. Близко? Насколько близко? Формируется неясное представление о том, что это далеко. Список возможных вопросов, которые бы возникли, если бы говорящий сказал *on the high seas between Honolulu and San Francisco* или просто *on the high seas*, может быть продолжен.

Выбор и расположение имен собственных уменьшают степень опасности, так же как и туманный термин, использующийся в этом же предложении (18-19). Говорящий сообщил: «have been reported torpedoed...». Лексема «reported» обладает свойством истинности, но это свойство относительно и зависит от источника сообщения и обстоятельств. Новости в то время были довольно беспорядочными и ненадежными, и говорящий намекает на сомнительность и неопределенность этого сообщения. Авторитет президента и главнокомандующего не позволяет ему подтвердить данное сообщение. Другой вариант этих слов мог бы умень-

шить степень сомнительности: *American ships have been torpedoed*. Определенность и конкретность в совокупности с туманностью и двусмысленностью, представленные в одном предложении, уменьшают степень опасности.

Сообщение об атаке на Малайю (20), которое частично снимает обеспокоенность перемещениями японских подводных лодок, имеет другую функцию. Оно незаметно расширяет зону конфликта, в котором США выступают как партнер и союзник Великобритании. США будут полностью участвовать в этой войне. Об этом расширении сигнализирует «also» (20), но необходимо еще услышать о Малайе и Гонконге, чтобы понять смысл этой идеи. Заключительное обобщение, «a surprise offensive extending throughout the Pacific area» (26-27), также незаметно включает страну в число союзников и готовит ее к полному участию в войне без необходимости акцентирования говорящим международного участия³¹.

Сообщение об атаке на Малайю (20) также приводит к изменению в развитии и тональности Обращения. Развитие Обращения ускоряется, а тональность становится более экспрессивной. Сообщение об атаке на Малайю по содержанию повторяет строки 1-3: оно начинается с «yesterday», его темой являются действия японцев. Тем не менее, залог активный, нет ни уточнений, ни придаточных предложений, глагол в простом прошедшем времени. Таким образом, ни одно другое предложение до этого момента в Обращении не было таким сжатым и быстрым по развитию.

Лексема «yesterday», которая вводит сообщение об атаке на Малайю, завершает сжатие всех «yesterday», упомянутых в Обращении – обратите внимание на расстояние между ними (1, 16, 20). Это сжатие времени и расстояния превосхищает, даже если оно и уравнивается ей, сильно сжатую во времени группу предложений, начинающихся с «last night» (21-24), включая и измененное повторение времени «this morning» (25). Это сжатие времени свидетельствует о том, что обсуждение событий ближайшего прошлого завершено. Скоро внимание будет переключено на то (27-29), что должно быть сделано сегодня и завтра.

Тональность группы предложений, начинающихся с «last night» (21-25), определяется двадцатой строкой, которая начинается вполне официально: «the Japanese government». Глагол «to launch», тем не менее, быстро сводит эту официальность на нет. Вместо использования «launched», почему бы не использовать *be-*

³¹ James Reston, *New York Times*, December 9, 1941, p. 5: «В Обращении Президента два момента произвели на Конгресс даже более сильное впечатление, чем слова его речи. Президент ни намеком, ни тоном голоса не дал понять, что события в мире в конце концов оправдали проводимую им политику, что по словам его оппонентов он вполне мог сделать».

gan, commenced или даже просто *attacked*? Но ни один из этих глаголов не усиливает и не поддерживает коннотации фразы «*suddenly and deliberately attacked*» (2) и «*deliberately planned*» (13), которые акцентируют тот факт, что действия со стороны японцев вышли за рамки дипломатии. Если бы они были в рамках дипломатии, «*launch*» был бы неподходящим глаголом. Это глагол обладает достаточной силой и энергией, чтобы включить в себя все другие действия (21-25).

Официальная агентура, «*Japanese forces*» (21-23), становится деятелем в предложении. Затем деятель выражается официальным и несколько двусмысленным словом «*the Japanese*» (24-25). Является ли его референтом правительство Японии и/или его агенты? И не является ли это попыткой включить в референт этого слова также и граждан Японии? Выбор слова «*Japan*» (26) говорит в пользу второго предположения. «*Japan*» – это не Японская империя, не император, не посол и не правительство, это – просто Япония; этот общий термин обозначает нацию. Правительство и его агенты – это явный враг, но подразумевается, что народ также входит в число врагов. До этого момента термин «*Japan*» использовался не так явно. Слово «*Japan*» в пятой строке используется в контексте дипломатического языка с его высоким стилем, а в двенадцатой строке имеется в виду географическая территория. Этот общий термин повторяется далее (43) и становится уничижительным в связи с упоминанием характера нападения – «*unprovoked and dastardly*» (42). В конце концов, название нации становится слишком хорошим, чтобы использовать его при обозначении страны. Унижение Японии происходит с использованием хорошо подобранных языковых средств. Люди на улице могли сказать и говорили «япошки», но говорящий этого сделать не мог. Этим он не только бы унизил самого себя как Президента, но также и показал свое неуважение и к важности проводимого мероприятия, и к месту его проведения. Не менее важным является то, что если бы Президент употребил это слово в Обращении, он бы сменил свою позицию лидера на позицию подчиненных; дистанция, какой бы она не была, необходима для успешного руководства.

Группа предложений, начинающихся с «*last night*» (21-24), поддерживает скорость и характер атак. С точки зрения логики «прошлая ночь» как часть «вчера» является нелогичной. Сжатые предложения, начинающиеся с «*last night*», образно отсчитывая время, приводят «вчера» к кульминационному завершению. Три слова «*yesterday*» (1, 16, 20) расширяют время и пространство, ночь и события ночи движутся быстрее. Простые повествовательные предложения представляют факты – деятель, действие и объект действия. Длинные повторы необ-

ходимы, чтобы показать масштабы атаки японцев. Однако если бы масштабы атаки были увеличены только путем добавления нескольких деталей, ее сила и скорость были бы ослаблены. И, наконец, глагол «*launched*» не только обозначает акт нападения; он начинает ряд предложений, которые структурно (т.е. по своей форме) согласованы с действиями, о которых в них говорится. Действия (т.е. их содержание) и способ их описания (форма) – едины. Синтаксис сам символизирует быстро развивающиеся военные действия.

Коннотации группы предложений, начинающихся с «*last night*», не только поддерживают эмоциональную реакцию на фразу «*in the quiet of the night when we all were abed and defenseless*». Эта группа предложений также является критической точкой в последовательности экспрессивных фраз. До группы предложений с «*last night*» описания относительно спокойны в эмоциональном плане и в основном имеют денотативный характер: «*suddenly and deliberately*» (2), «*deliberately planned*» (13), «*deliberately sought to deceive*» (14) и «*false statements*» (15). За этой группой предложений следует и поддерживается ей ряд еще более напряженных в эмоциональном плане предложений: эмоционально спокойное «*surprise offensive*» (26), немного более напряженное «*premeditated invasion*» (33), напряженное «*this form of treachery*» (37) и резкое «*unprovoked and dastardly*» (42). По мере того как описания атак Японии становятся напряженнее, напряженнее становится и язык описания ответной реакции на них. Чуть позже мы рассмотрим изменения в глаголах и залоге при описании реакции США.

Наконец, ударение в словах поддерживает и усиливает общий акцент в группе предложений, начинающихся с «*last night*» (21-25). В слове «*yesterday*» три слога, с ударением на первом. В словосочетании «*last night*» два ударных слога, которые примерно равны по силе ударения. Каждая фраза «*last night*» окружена словами «*attack*» или «*attacked*». Таким образом, чередование ударных и безударных слогов по ритму напоминает бомбардировку. Последняя строка (25) начинается с союза, который подготавливает слушателя к заключительному «наконец». Таким образом, союз «*and*» также является сильным и ударным. Фраза «*And this morning*», состоящая из четырех слогов с первыми тремя из них ударными, завершает бомбардировку.

Мы можем увидеть эффективность этой ударной-безударной модели путем сравнения нескольких вариантов одного предложения. Сравните: «*Last night the Japanese forces attacked Hong Kong*» (21) и а) *Japanese forces attacked Hong Kong last night*; или б) *last night Hong Kong was attacked by the Japanese forces*. Вариант а) сохраняет активный залог, делая акцент на японских вооруженных силах. Однако

в конечном положении непосредственность «last night» теряется. Расположение ударных и безударных слогов также сводит на нет эффект ударения и акцентирования. Слово «Japanese» состоит из трех слогов – безударный, безударный, ударный. Такая бомбардировка ударениями уже слабее. Далее, вариант а) существенно меняет набор коннотативных значений фразы «last night», которая теперь относится к Гонконгу и переносит часть эмоциональной реакции на эту страну. Сострадание переносится на жителей Гонконга, которые в ту ночь пережили катастрофу, тем не менее, это в определенной мере уменьшает интенсивность негативной эмоциональной реакции, сконцентрированной на японцах, главных действующих лицах той ночи. Вариант б) также неспособен использовать весь потенциал коннотативных значений словосочетания «last night». Пассивная конструкция в варианте б) замедляет темп; также она делает подлежащее, «Japanese forces» второстепенной частью смысловой структуры предложения. Однако группа предложений, начинающихся с «last night» (21-25), является последним заявлением говорящего по поводу вчерашних событий. В скором времени он заставит своих слушателей реагировать положительно (27-29). Их активная реакция сконцентрирована и направлена уже не на нечто второстепенное, а на нечто важное.

Наконец, пассивный залог в варианте б) делает подвергшиеся нападению территории более важными, чем сам факт нападения или нападающих. Названия подвергшихся нападению территорий, Малайя, Гонконг, Гуам, представлены слушателям в первую очередь, и, несмотря на то, что эти территории географически разрознены, упоминание о них в первую очередь объединяет их. Перечисление в предложениях названий территорий делает образ несколько статичным. В активной конструкции (20-25) создается более динамичный образ. Упоминание конкретных мест, на которые направлены атаки, и их достаточно далекое расположение друг от друга увеличивает зону конфликта. Такой образ лучше предвосхищает завершающее открытое провозглашение неожиданного нападения, направленного на всю тихоокеанскую зону – «expanding over the Pacific area» (26-27).

Вывод, сделанный Рузвельтом, вводится официальным, логическим словом «therefore» (26). Завершив перечисление доводов, говорящий снова меняет свою позицию, устраняясь из обсуждения. Он предпочитает, чтобы некая внешняя сила диктовала дальнейшие действия. Он использует прием персонификации: «The facts ... speak for themselves» (27). Это можно было бы сказать и по-другому: *the facts ... are clear, the facts ... are obvious; the facts ... are self-evident, the facts ... are self-explanatory*. Но «facts ... speak...». Кому они говорят? Непосредственно (эта непосредственность невозможна в случае использования других вариантов) народу США, который является подлежащим следующего предложения. Как реагирует народ? Что делают люди? Глаголы (28) показывают, что они используют свой ум и интеллектуальные возможности – «formed their opinions and well understand». Факты были такими убедительными, что говорили; люди были такими разумными, что они сделали выводы без посторонней помощи. Между фактами и разумными людьми не может быть посредников. И к какому выводу уже («already») (28) пришли люди? Поддержать действия, которые, как объявил говорящий, он уже («already») предпринял (30-32).

Как показано, народ США реагирует на опасность раньше, чем правительство. Хотя опасность еще не совсем ясно определена, они понимают ее «последствия» и реагируют положительно. Когда говорящий впервые упоминает опасность, он включает ее в свое упоминание о народе (27-29). Положительная реакция народа включает в себя опасность и, следовательно, минимизирует ее.

То, как говорящий описывает ситуацию, и порядок действий отражают общее правило процесса демократического принятия решений: народ (27-29), Президент (30), армия (30-31) действуют совместно. Но хотя они и действуют совместно, показано, что народ может влиять на принятие решений³². Это представлено путем изменения речи говорящего таким образом, что она нарушает это общее правило:

То, как говорящий описывает ситуацию, и порядок действий отражают общее правило процесса демократического принятия решений: народ (27-29), Президент (30), армия (30-31) действуют совместно. Но хотя они и действуют совместно, показано, что народ может влиять на принятие решений³². Это представлено путем изменения речи говорящего таким образом, что она нарушает это общее правило:

The facts of yesterday and today speak for themselves. As Commander-in-Chief of the Army and Navy, I have directed that all measures be taken for our defense. The people

³² Демократическое государственное устройство является гораздо лучшим по сравнению с государственным устройством страны неприятеля: Император, войска, народ, где последний опущен. Две причины могут частично объяснить отсутствие официального упоминания японского народа, что имплицитно включает его в число врагов. Во-первых, это не конфликт между народами; враг ясно и четко определен, что позволяет сконцентрировать реакцию на нем. Во-вторых, народ необходимо рассматривать как целостность и общность. Если бы даже было возможно одних из них определить как друзей, а других – как врагов, возникли бы большие трудности. Необходимо было бы проводить более четкие логические и юридические различия между ними, что бы замедлило развитие Обращения. Эта проблема совсем не на много бы уменьшилась, если бы говорящий сказал категорично: У США нет врагов среди японского народа. (Замените слово японский на немецкий, и вы получите позицию Вудро Уилсона в его «Обращении к Конгрессу второго апреля 1917 года». Но отношение Рузвельта к японскому народу отличается от отношения Уилсона к немецкому народу). Кроме того, что японцы втянули граждан США в конфликт, говорящий, возможно до того, как это было осознано большинством, понял, что такой намек на добродетель был бы неуместен в середине двадцатого века. Война была мировой. Утверждение того, что японский народ не был вовлечен в конфликт, было бы в худшем случае неправдой, в лучшем – бесполезной риторикой. В этом говорящий ранее обвинял Японию.

of the United States understanding well the implications to the very life and safety of our nation, have already formed their opinions as to the necessity of this action.

Чтобы предпринять действия, которых требует логика людей, необходимо действовать. Говорящий меняет свою установку, чтобы действовать от их лица: глаголы «directed» (30) и «taken» (31) показывают, что он снова начинает принимать участие в происходящих событиях. До этого он сообщал, а теперь он исполняет роль лидера: «I direct» (31), «I believe» (35), «I interpret» (35), «I assert» (36), «I ask» (42). С этого момента силы сгруппированы и воздействуют на обстоятельство, перед которыми оказалась страна. В предложной группе, обозначающей взаимодействие, «between the United States and the Japanese Empire» (43-44), на первом месте находится США, что показывает нас как более сильных. После того, как говорящий объявляет, что «the facts of yesterday ... speak for themselves», США становится активным и положительно реагирует на упомянутые факты. Изменение в развитии становится очевидным, когда оно сравнивается с более ранней деятельностью, одним из примеров которой являются строки 1-3.

Когда поворотный пункт в Обращении достигнут, вчерашние события становятся свидетельством силы страны. Предложение «But always will our whole nation remember the character of the onslaught against us» (31-32)³³ находится в синтаксически зависимой позиции. Несмотря на то, что придаточное предложение звучит несколько неуклюже и неестественно, оно, тем не менее, предвосхищает первое замечание о конечном исходе (33-34): «no matter how long it may take» (33), которое умеряет надежду на скорое разрешение конфликта. Вводной оговорке необходим акцент, чтобы у слушателей не создавалось ложной надежды. Если бы говорящий сказал: *the American people ... will win through to absolute victory, no matter how long it may take*, слушатели могли бы пропустить оговорку. Это предложение подразумевает терпение, упорство и стойкость, которые создают противовес тому рвению, с которым люди, которые уже («already») (28) приняли свое решение, принимают вызов. Рвение не уничтожено, но сохранено: оно часто принимает оттенок нетерпения, когда обходы или отступления мешают развитию. Фраза «the righteous might» (34) не только создает аллитерацию и уравновешивает

«premeditated invasion» (33), но и запускает новую цепочку образов: от «righteous might» (34) до «God» (41) и «Sunday» (43). «God» находится в средней позиции в предложении и относится как к первому члену цепочки, так и к последнему.

Хотя личное местоимение «Я» вводится для обозначения активных действий, эти действия различны. То, кем является говорящий и что он делает, частично раскрывается через глаголы. Три глагола (35-37) указывают на умственную деятельность: «I believe», «I interpret», «I assert». Ранее выполнив действия, обозначаемые глаголами «directed» и «taken» (30-31), сейчас говорящий становится наблюдателем фактов и их комментатором. Медленное прочтение строк 35-37 показывает их осторожный и сдержанный характер. В этих строчках находятся три придаточных предложения: ни одно другое предложение в Обращении не содержит такого количества. Продвигаясь через придаточные предложения, говорящий ищет и изучает присутствующие там знаки, которые могут служить основанием его «утверждения» (36) того, что «this form of treachery shall never again endanger us»³⁴.

После этого утверждения, содержащего результат мыслительной деятельности, длинного в плане расстояния и интонации и самого длинного в Обращении по количеству слов, Рузвельт снова меняет свою позицию, обрушивая на слушателей признание сегодняшних трудностей. «Hostilities exist» (38) является самым коротким и самым прямым заявлением. И, тем не менее, оно такое мягкое, такое объективное и такое прозаичное, что это заставляет его функционировать как некое преуменьшение. Реакция возникает из него и распространяется дальше, и это реакция типа «это еще мягко сказано». Эмоциональная реакция на эти события сильнее, чем само заявление о событиях. Таким образом, реакция переходит на строки 38-39, получая там свое разрешение и обеспечивая поддержку суждения «grave danger» (39).

Фраза «hostilities exist» выполняет и другую функцию. Хотя будущее внушает опасения,

³³ В черновиках за номерами I, II и III эта строчка звучит следующим образом: «Long will we remember the character of the onslaught against us». В варианте III «long» ударно, а «always» заменено. «Always» - позитивное и категоричное, сильнее, чем относительное «long». «Always» также лучше подходит к историческому подтексту Обращения и акценту на будущем. «Long» также появляется в строчке 33, но этот повтор не является риторическим.

³⁴ В черновиках за номером I, II и III строчка 35 начинается следующим образом: «I speak the will of the Congress and of the people...». Эта конструкция более эмфатическая и прямая, чем то, что говорящий сказал в реальности, и он не был бы неточен, если бы использовал ее. Тем не менее, его реальное высказывание лучше соответствует основному закону демократии: Президент выражает волю народа и его представителей. Он не говорит: *Я выражаю вашу волю, скорее, Я говорю по вашей воле*. И создается впечатление того, что он «выяснил» эту волю и отвечает на нее, даже если он знает, какова она. Также в черновиках за номером I, II и III строки 36-37 «but will make it very certain» звучат как «but will see to it». Последний выражает решимость, но не конечность результата. Произнесенное утверждение звучит более категорично, чем фраза «see to it», более того, «see to it» является более разговорным выражением, чем «make it very certain».

слушатели больше не могут проводить рациональный анализ настоящего и будущего. Они могут позволить говорящему размышлять дальше, но их побуждения были направлены на немедленное действие, и они уже («already») (28) приняли свое решение. Сдержанный тон преуменьшения притупляет эмоциональный настрой слушателей; мгновенно отвлекая их внимание от настоящего, оно позволяет разуму получить передышку до того, как он воспримет понятие «grave danger» (39). Когда говорящий переходит от рационального анализа к рассмотрению настоящего, он показывает, что он не забыл о существующих опасениях. Он смело встречает настоящее.

Ранее факты говорили со слушателями. Сейчас они должны посмотреть фактам в лицо: «There is no blinking at the fact that our people, our territory and our interests are in grave danger» (38-39). В первых трех черновиках эта строчка выглядит следующим образом: «There is no mincing the fact...». Новый вариант более понятный и звучит сильнее. Чтобы ввести выражение «no mincing», говорящему возможно пришлось бы искать контекст, который бы помог объяснить его; например, «я не буду смешивать слова». «Blinking at» – более понятно: его значение происходит от названия физиологического процесса, и это выражение используется в повседневной речи. Более того, звуковым и смысловым эквивалентом выражения «blinking at» является «winking at», и если бы дешифровка значения вызвала затруднения, эквивалент легко бы их решил. Звуковым и смысловым эквивалентом «mincing» является «wincing», и слушатель, определяющий значение по аналогии, может быть введен в заблуждение.

Степень опасности показана явно. Хотя лексема «grave» (39) является оценочной, она выступает как факт («fact») (38). До этого существование серьезной опасности подразумевалось различными способами: «character of the onslaught against us», «premeditated invasion». Утверждение «There is no blinking at the fact that our people, our territory and our interests are in grave danger» является измененным повтором и продолжением следующей мысли: «The people of the United States have already formed their opinions and well understand the implications to the very life and safety of our nation». У слова «последствия» появляется новое значение: последствия «серьезные».

Тем не менее, степень этой серьезности (38-39) несколько уменьшается своим положением в общей модели. Ранее находится утверждение, показывающее, что мы должны реагировать таким образом, чтобы «this form of treachery shall never again endanger us» (35-37), а позднее следует утверждение, предсказывающее «inevitable triumph» (40-41). Напряжение, созданное серьезностью положения, урав-

новешивается позитивной перспективой и увеличивающейся силой: «confidence», «unbounding determination», «inevitable triumph», «God». Опасность, хотя и серьезная, является относительной и не связана с полным уничтожением; «unbounding», «inevitable» и «God» позитивны, категоричны и абсолютны. Колебания маятника создания длиннее, сильнее и более мощные, чем колебания маятника разрушения. Свободный, но узнаваемый ямб в строках 40-41 способствует усилению языковой категоричности и показывает устойчивое движение к неизбежной победе, «so help us God».

«With confidence in our armed forces, with the unbounding determination of our people, we will gain the inevitable triumph – so help us God» – это публичная клятва говорящего-лидера страны³⁵. Ее структура, ритм и стиль настолько банальны, что уже будучи произнесенной, ее невозможно ни изменить, ни противостоять ей. Ее размах всеобъемлющ. Благополучие страны находится в бесконечном будущем. Изменение структуры, ритма и стиля нарушает размах утверждения и ослабляет его в плане выражения веры: *We have confidence in our armed forces; our people have unbounding determination; we will gain the inevitable triumph, so help us God.*

Когда клятва дана, дальнейшее тематическое развитие становится излишним. Остается только официально объявить войну (42-44)³⁶. Тем не менее, дополнительные измененные повторы, включенные в официальное провозглашение, подробнее излагают и акцентируют мысли, ценности и чувства в Обращении. «Unprovoked and dastardly» (42) не только уравнивает, но и усиливает и детализирует фразу «suddenly and deliberately» (1). Общеупотребительное «Japan» (43) разрастается до «Japanese Empire» (44), которая копирует официальность фразы «Empire of Japan» (3). Последнее возвышение слога затрагивает только форму; «dastardly Japan» является подлежащим. Ценностью обладает день, а также число. «Sunday» (43) расширяет и усиливает коннотации словосочетания «last night», его близость к слову

³⁵ В черновиках за номерами I, II и III строки 40-41 отсутствуют. Гарри Хопкинс предложил это дополнение, хотя его вторая фраза была следующей: «with faith in our people». Рузвельт изменил это на «with the unbounding determination of our people». Так как все высказывание Рузвельта (40-41) является признанием его веры, опущение слова «faith» во второй фразе Хопкинса вполне уместно. Кроме того, слово «faith» имеет один слог, что делает второе предложение короче, чем первое и третье, а также некоторым образом ограничивает «нарастающее» движение всего признания. Фраза Рузвельта the «unbounding determination of» не только фонетически более выразительна, но и дополнительные слоги также лучше поддерживают ритмическое движение к кульминационной фразе «so help us God».

³⁶ В черновиках за номерами I, II и III строка 42 начинается следующими словами: «I, therefore ask that...». Официальный, логический знак не нужен; риторический и логический вывод Рузвельт сделал в строках 40-41, строки 42-44 являются формальным утверждением, чья необходимость обусловлена характером Обращения и местом его произнесения.

«dastardly» (43) усиливает коннотации последнего, в то время как слово «Sunday» получает ценность и поддержку от своей связи со словом «God».

Общим отрицанием, лексемой, относящейся к Дьяволу, является «dastardly» (42)³⁷. Его появление здесь вызывает удивление, но выбор этого слова вполне уместен. Хотя это слово не является просторечием, оно понятно и показывает степень негодования говорящего. Как лексема, относящаяся к Дьяволу, она противопоставлена лексемам «the righteous might» (34), «Sunday» (43) и «God» (41). У нее есть еще одна функция. Она настолько приближена к сквернословью, насколько это было позволено для Президента в его речи в общественной палате при обращении к народу. От «dastardly» до «bastardly» совсем недалеко, последнее из этих слов воплощает в себе определенный аспект общественных настроений восьмого декабря 1941 года. Постыдная двуличность стала подлой двуличностью. Лидер, выступающий перед своей аудиторией, держит свои эмоции под контролем и снова предпочитает держаться от нее на расстоянии. Тем не менее, находчивый и уместный риторический ход оказывает на слушателей сильное воздействие.

Придаточные предложения в последнем заявлении (42-44) позволяют говорящему ввести свою оценку происходящего: «unprovoked and dastardly» и позволяет вернуться в прошлое: «a state of war has existed». Хотя безопасность и устойчивость официального языка и безопасность и стабильность прошлого нарушены и разъединены этим заявлением, его официальность подразумевает, что США уважают законы дипломатии, даже когда они сталкиваются с подлыми действиями, выходящими за рамки этих законов. Конец Обращения так же официален, как и его начало. Обращение прошло полный круг.

III

Элементы Обращения, которые продвигают демонологическую доктрину Рузвельта, должны быть рассмотрены в более широком культурном контексте. Мы не считаем, что между культурными событиями и речью Обращения существуют прямые причинно-следственные связи. У культурных событий есть множество причин, они очень редко обусловлены какой-либо одной причиной. Мы утверждаем, что Обращение помогает в создании и поддержании «общественного климата», который оправдывает определенные действия, хотя сама речь не является причиной этих действий. Язык Об-

ращения Президента Соединенных Штатов в момент опасности создает и поддерживает определенный «общественный климат». Он также начинает моделировать восприятие и поведение тех, кто его слушает. Правильно подобранные языковые средства влияют на восприятие и поведение, устанавливая между ними связь.

Акцент, который Рузвельт сделал на тех или иных темах, дал слушателям следующий взгляд на Японию и сущность конфликта: все это будет иметь немедленные и долгосрочные последствия. Он подчеркивает постыдную двуличность атак Японии; они тщательно и обдуманно подготовили свое военное вторжение, скрывая свои приготовления за нейтральными и официальными дипломатическими переговорами. В картине мира американцев такое поведение считается низким; его оценка отражена в следующих расхожих выражениях: человек, который носит две шляпы; человек, который работает на обеих сторонах улицы; человек, который говорит двумя ртами. То, как Рузвельт описывает японцев и их действия, вполне соответствует смыслу этих широко известных и всем понятных выражений.

Кроме того, народ США в общем знал о Востоке немного и представлял его достаточно стереотипно еще задолго до событий седьмого декабря 1941 года. Даже в штатах Калифорния, Орегон, Вашингтон и Аризона, в которых живет большинство этнических японцев, их знали мало. Обращение укрепило стереотипы и сделало их более четкими. Эта глубоко укоренившаяся исходная информация была подтверждена. Седьмого и восьмого декабря 1941 года еще больше исходной информации было передано народу через новостные сообщения о конфликте. Эта информация была особенно тревожной и туманной. И Рузвельт придал этим сообщениям значение, сформировав определенное мнение и взгляд на ситуацию.

Президент описал Японскую империю как нечто второстепенное, жульническое, опасное и способное на подло-низкое поведение, и его описание отразилось на отношении к японцам в США. Например, командующий Западного военного округа Джон Л. Де Витт, согласился, как и многие другие, что японцы не начали устраивать диверсии на Западном берегу после трагедии в Перл Харбор. Тем не менее, 14 февраля 1942 года, генерал Де Витт публично заявил, что отсутствие актов вредительства «является тревожным знаком, который укрепляет в нас уверенность в том, что такие акты будут иметь место»³⁸.

Шестого февраля 1946 года мэр Лос Анджелеса Флетчер Браун, «компетентное и чест-

³⁷ Интересные размышления по поводу слова «dastardly», которые имеют отношение к этой статье, вы можете найти в книге Барбары У. Тачмен «History by the Ounce», *Harper's* CCXXXI (July 1965), 74.

³⁸ Carey McWilliams, *Prejudice: Japanese-Americans, Symbol of Racial Intolerance* (Boston, 1945), p. 110; Dorothy S. Thomas and Richard S. Nishimoto, *The Spoilage* (Berkeley, Calif., 1946), p. 6.

ное должностное лицо»³⁹, заявил в своем радиообращении: «Если сейчас плетутся какие-то интриги, вполне возможно, что прямо здесь находится горячая точка, нервный центр шпионской сети по планированию актов вредительства». Мэр рекомендовал «переселить всех японцев, как этнических, так и родившихся на территории США, вглубь страны на несколько сотен миль»⁴⁰. В конце концов, японцы были переселены в лагеря для интернированных, но мы не будем на этом подробно останавливаться.

Политика США в отношении американцев японского происхождения отражала описание Рузвельтом японцев в его Обращении. Американцы японского происхождения, призванные в армию до трагедии в Перл Харбор, сразу после седьмого декабря 1941 года были без объяснения причин с почестями демобилизованы. В марте 1942 года призывникам-американцам японского происхождения без каких-либо оснований дали форму IV-F (непригоден к военной службе по причине физических недостатков); первого сентября 1942 года форма была заменена на IV-C, которая обычно выдается для граждан вражеских государств⁴¹.

До 28 июля 1943 года американские граждане японского происхождения не призывались на военную службу на тех же основаниях, что и американцы. Однако Президент Рузвельт публично заявил: «Ни один... гражданин США вне зависимости от его происхождения не может быть лишен своего демократического права выполнять свой гражданский долг»⁴².

Безусловно, общая тревога гражданского населения после событий седьмого декабря 1941 года привела к развитию враждебности по отношению к американцам японского происхождения. Это также сделало американцев восприимчивыми к словам профессиональных патриотов, так называемых охотников на ведьм, ксенофобов и других людей, преследующих свои личные цели. Пользуясь всплеском военного патриотизма, они хотели достичь того, что они хотели бы сделать в мирное время – избавить Западное побережье от японцев.

Многие граждане и правительственные чиновники пытались помешать таким нападениям на американцев японского происхождения. Например, в колонке редактора журнала *Chronicle* в Сан-Франциско от девятого декабря 1941 года говорилось: «Облавы на граждан Японии в различных частях страны ... не являются призывом к действию для добровольных охотников за шпионами. Также это не является поводом смотреть икоса на японца, родился он в Амери-

ке или нет...»⁴³. Но голоса, призывающие к толерантности и справедливости, были слабее.

Обращение президента Рузвельта подготовили США к длительной военной операции против Японской империи. Сущность политического и военного врага за границей была ясной. Косвенно, он поддержал и гражданскую армию, также стремящуюся выполнить свой долг в борьбе против гражданского «врага» дома. Обращение оставило без защиты американцев японского происхождения. Говоря в терминах проводимого нами анализа, эти люди были лишены какого-либо «веса». Две фразы «народ США» (27-28) и «Американский народ» (33-34) скрыто признают наличие этой группы людей, а как группа они являлись меньшинством и второстепенной частью культуры. Более того, эти две фразы не содержат положительных значений; значения, которые они содержат, являются диалектичными, отражающими ценностные суждения⁴⁴. В этой связи необходимо отметить, что Рузвельт, поддерживая призыв американцев японского происхождения на военную службу, употребил слово с положительным значением, «гражданин», которое переступает эти границы, несмотря на то, что оно присоединяет к себе такие диалектичные фразы как «Американский народ».

Мы не считаем, что если бы в Обращении содержалось и акцентировалось такое слово как «гражданин», это бы уменьшило нападки на американцев японского происхождения в США. Мы только отмечаем отсутствие защиты и веса и приходим к выводу, что Обращение сыграло свою роль в развитии благоприятного общественного климата для нападков путем усиления позиций тех, кто по тем или иным причинам хотел этого. Не менее важно также и то, что те люди, которые хотели противостоять этим нападениям, не могли найти в Обращении Президента почти никакой поддержки ни себе, ни американцам японского происхождения.

Хотя главным объектом анализа был язык Обращения, в этой части работы мы расширили наш анализ и поразмышляли над его возможными культурными последствиями. Это было сделано потому, что основные элементы любой речи воздействуют на восприятие слушателей, а когда начинают играть роль другие факторы, как риторические, так и не риторические, восприятие переходит в поведение.

IV

Мы сконцентрировались на языке Обращения потому, что в опубликованных критических работах языку не уделяется внимания, вместо этого исследователи концентрируются на других факторах риторического окружения. Что же

³⁹ McWilliams, p. 252.

⁴⁰ Alexander H. Leighton, *The Governing of Men* (New York, 1961), p. 20.

⁴¹ Thomas and Nishimoto, p. 56.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. стр. 17-18. См. также McWilliams, стр. 271-273.

⁴⁴ Richard M. Weaver, *The Ethics of Rhetoric*. (Chicago, 1953), pp. 16; 187-188.

происходит в речи – было неясно. Сказать, что предложения, начинающиеся с «last night» (21-25), являются параллельными повторами, сообщая тем самым словам напряжение, значило бы почти ничего не сказать. Мы попытались соединить эту часть Обращения с предшествующими и последующими языковыми структурами, а также внимательно проанализировать ее саму. Предложения, начинающиеся с «last night», не используются в активном залоге потому, что активный залог сообщает прямоту, ясность и акцент. Если бы эти предложения были построены по-иному, создаваемый ими образ стал бы статичным и уже в меньшей степени смог бы поддержать вывод говорящего о масштабах действий Японии: «a surprise offensive extending throughout the Pacific area» (26-27). Эти предложения являются поворотным моментом в Обращении, упоминающиеся далее США позиционируются как активно реагирующие на вчерашние события. Если бы эти предложения были бы построены по-иному, японцы бы не стали главными действующими лицами, а реакцию США было бы труднее направить. Хотя для говорящего является логичным представить Японскую империю как нечто «второстепенное» в своем первом упоминании о враге (1-3), также логичным является расположение Японии в центре событий «прошлой ночи». Чтобы выявить лингвистические стратегии риторики, необходимо рассматривать язык как «движущийся», «соединяющий» и «выстраивающий иерархию».

Наш критический подход был узким, сам анализ – детальным. Такой анализ не позволяет говорить о дискурсе в общем. Тем не менее, он может быть полезным для тех, кто находится в процессе разработки упорядоченной методологии для рассмотрения всех риторических процессов. Взаимодействие широкого и узкого подходов может способствовать пониманию, которое приведет к более плодотворной риторической критике.

1966 г.

© Стельцнер Г. Г., 2008

Кеннет Берк
Гарвард, США

Перевод: Аникин Е. Е.

РИТОРИКА ГИТЛЕРОВСКОЙ «БОРЬБЫ»

Появление полного перевода «Моей борьбы» вызвало слишком много вандальских комментариев. Существует много других способов сжигания книг, кроме костра, а излюбленный метод вспылчивого обозревателя состоит в лишении себя и читателя трезвого анализа, вследствие пренебрежительного отношения. Я считаю настоящим вандализмом, когда критик довольствуется элементарно небольшим количеством поверхностных нападок на книгу и ее автора, качество которых зависит от возможно-

стей этого критика и времени, которое есть в его распоряжении. «Борьба» Гитлера несносна, даже тошнотворна. Тем не менее, факт остается фактом: если обозреватель лишь наскоро выпаливает несколько враждебных оценок и на этом считает свою задачу выполненной, заранее заручившись гарантиями того, что его статья будет благоприятно воспринята здравомыслящими членами нашего общества, то его работа скорее способствует простому удовлетворению вкусов, нежели просвещению.

Перед нами завет человека, увлекшего за собой огромное количество людей. Давайте внимательно изучим его; изучим не просто для того, чтобы получить основу для спекуляций на тему, какой политический шаг должен последовать за Мюнхеном и какой шаг последует за тем шагом и т.д.; давайте также постараемся понять, какое «лекарство» этот доктор состряпал, чтобы точнее знать, чего нам нужно особенно опасаться, если мы хотим предотвратить появление такого же лекарства в Америке.

В настоящий момент во многих уголках нашей страны мы уже «прошли» этап верования в то, что наша *добродетель* спасает нас от Нацизма. Фашистской интеграции до сих пор не произошло, скорее, из-за конфликтов наших пороков. Наши пороки не могут объединиться в великом едином фронте предрассудков; и результат этой «неудачи», если – или пока – им не удастся преодолеть ее, говорит, как могло быть сказано в Библии, во имя демократии. Гитлер нашел панацею – «лекарство от всего, что вас беспокоит», «средство от всех болезней», которое сделало это жуткое единение возможным внутри его нации. Он оказал нам услугу, выложив свои карты на стол, чтобы мы могли внимательно посмотреть на его руки. Давайте же, Бога ради, посмотрим на них. В этой книге – кладезь нацистской магии; грубой магии, но эффективной. Народ, воспитанный прагматизмом, должен изучить эту магию.

1

Каждое движение, которое будет набирать своих последователей из множества разобщенных и разноплановых групп, должно иметь какое-то место, к которому ведут все дороги. Разные люди могут прийти туда разными дорогами, но должен существовать единый пункт назначения для всех. Гитлер внимательно изучил данный вопрос и решил, что данным центром должен стать не просто объединяющий центр *идей*, но Мекка, географически расположенная так, чтобы к ней могли обратиться все глаза в назначенное время молитвы (или – как в данном случае – во время хулы). Так он выбрал Мюнхен в качестве *материализации* своей объединяющей панацеи. Вот как он об этом пишет:

Геополитическое значение центра движения не может быть переоценено. Только наличие

такого центра и места, купающегося в магии Мекки и Рима, может в длительной перспективе дать движению ту силу, которая коренится во внутреннем единстве и признании руки, представляющей эту силу.

Если движение должно иметь свой Рим, оно также должно иметь своего дьявола. Потому что, как показал Рассел много лет назад, важным ингредиентом единства в Средние Века (ингредиентом, который долгие века выполнял свою интегрирующую функцию, несмотря на множество факторов, толкавших к дезинтеграции) являлся символ *общего врага*, самого князя тьмы. Люди, которых ничто больше не может объединить, могут объединиться только в присутствии врага, единого для всех. Сам Гитлер описывает это достаточно кратко:

В общем и целом и в любые времена, эффективность настоящего национального лидера состоит, прежде всего, в предотвращении разделения внимания народа и в постоянном фокусировании его на единственном враге. Чем более единообразно народная воля к борьбе направлена в действие, тем значительнее притягательная сила движения и тем мощнее сила взрыва. Часть гения великого лидера состоит в представлении врагов из разных сфер в виде врагов, принадлежащих лишь одной категории, ибо знание того, что существует несколько различных врагов, быстро приведет слабый и нестабильный характер к рождению сомнений относительно их собственной цели.

Как только колеблющиеся массы обнаружат, что им противостоят многочисленные враги, сразу же слово берет объективность и встает вопрос, действительно ли все остальные не правы и только их нация или их движение правы.

Вместе с этим приходит первый паралич их собственной силы. Поэтому несколько в корне отличающихся друг от друга врагов должны рассматриваться как один таким образом, чтобы в представлении массы сторонников война была обрушена только на одного врага. Это усиливает веру в правоту собственного дела и усиливает ожесточение против врага.

Как каждый знает, данная политика была продемонстрирована при выборе «международного» дьявола, «международного еврейства» (князь был международный, всеобщий, «католический»). Данная *материализация* религиозной структуры, я полагаю, является поразительно эффективным оружием пропаганды во времена, когда религия ослаблена веками капиталистического материализма. Вам остается только вернуться назад к проповедованию о веках, чтобы вспомнить о том, что у религии был могущественный враг задолго до появле-

ния организованного атеизма на сцене. Религия основана на «процветании нищеты», на использовании способов обращения наших страданий и недостатков в добро. Капитализм же, напротив, основан на процветании приобретений, единственной схемы цены, исключительно с помощью которой ее растущее изобилие безделушек могло быть продано, на минуту принимая на веру, что капитализм не так сильно ушел в себя, что он не может продать свои безделушки, даже после того, как адресировал людей верить в то, что человеческое достоинство, «более высокий уровень жизни» могут быть достигнуты только посредством масштабного накопления.

Таким образом, в качестве объединяющего шага номер 1 международный дьявол материализовался в видимой форме людей с особым видом «крови», пародии современного неопозитивистского идеала значения, которое настаивало на *материальном* референте.

Как только Гитлер таким образом выделил своего врага, все «доказательства» стали выводиться автоматически. Если указать огромное количество свидетельств для доказательства того, что рабочий-еврей не соответствует «международному биржевому еврей-капиталисту», Гитлер ответит со стопроцентной вероятностью: «Вот еще одно свидетельство коварства, лежащего в основе еврейского заговора». А если указать на «арийцев», которые делают то же самое, что и евреи в сговоре? Отлично: это доказательство того, что «ариец» поддавался соблазну евреев.

Половой символизм, проходящий через книгу Гитлера, припасенный для того, чтобы дать исчерпывающие ответы на вопросы о современных половых ценностях, легко охарактеризовать: Германия в рассеивании – это «обезроженный Зигфрид». Массы слишком женственны. Поэтому они нуждаются в доминирующем мужчине-лидере. Этот мужчина – оратор – ухаживает за ними, а когда добивается их – командует ими. Мужчина-противник – подлый еврей – напротив, стремится «соблазнить» их. Если он преуспевает, он отравляет их кровь смешением с ним. Следовательно, по логике элементарной ассоциативной связи идей, мы должны броситься в атаку на сифилис, проституцию, инцест и другие подобного рода напасти, что подается как «музыкальный» аргумент, когда он говорит об «отравлении крови» при межнациональном браке или о его «духовном» эквиваленте – инфекции «еврейских» идей, таких как демократия.¹

«Медицинский» аргумент о еврее как о козле отпущения работает и с другого угла. Сред-

¹ Гитлер настаивает на полном отождествлении лидера и народа. Следовательно, ухаживая за людьми, он окольным путем ухаживает за собой. Данная мысль наводит на ответ на вопрос, почему Фюрер, доминировавший над женственными массами своей ораторской манерой, имел стимул оставаться холостяком.

ний класс в сознании каждого своего члена содержит раздвоенность: его члены одновременно подчинены культуре денег и ненависти к этому культу. Если капитализм работает эффективно, данный конфликт проявляется более или менее латентно. Однако если капитализм не оправдывает надежд, он выходит наружу. Стало быть, существует лекарство для «арийских» членов среднего класса в приеме козла отпущения, в соответствии с которым «отрицательные» черты могут быть приписаны «дьяволу», а себя можно уважать, делая различие между «хорошим» капитализмом и «плохим» капитализмом; при этом представители другой логики станут проводниками «плохого» капитализма. Без сомнения, «помощь» данного решения избавила Гитлера от необходимости объяснять, как «еврейский заговор» должен был работать. Нигде в этой книге, которая полна планами военных операций, не предпринимается хотя бы малейшей попытки объяснить те шаги, при помощи которых триумф «еврейского большевизма», который уничтожает все финансы, станет триумфом «еврейских» финансов. Гитлер отлично знает тот момент, в котором его «объяснения» должны опираться лишь на пыл.

Встает вопрос при попытке оценить действия Гитлера: был ли его выбор еврея в качестве объединяющей функции дьявола обычным расчетом. Несмотря на уже приведенную мной цитату, я считаю, что *нет*. Полагаю, что тот напор, с которым он использует его, основан на более сложном положении дел. Представляется, что когда Гитлер поехал в Вену в состоянии, близком к полной нищете, он на самом деле страдал. Он жил среди нищих; и он описывает свои страдания в подробностях. Он глубоко их переживал; и его способ передачи этих переживаний производит на меня такое впечатление, что в этот момент он абсолютно искренен, как и при его содрогании о разорванных семейных отношениях по причине алкоголизма, который – в свою очередь – связан с нищетой. В это время он и начал свои попытки политического теоретизирования; и его беспокойство значительно возросло из-за того мастерства, с помощью которого марксисты поставили его в замешательство. Один из отрывков особенно отчетливо дает основания полагать – если заглянуть между строк – что диалектики классовый борьбы своим умением разрушать его путаные аргументы, ввели его в состояние неуверенности, из которого он в конце концов «вышел» при помощи гнева:

Чем больше я спорил с ними, тем лучше я понимал их диалектику. Поначалу они рассчитывали на невежество своего противника; затем, когда уже не было выхода, они сами стали изображать глупость. Если все это не помогало, они отказывались понимать или меняли тему, когда их загоняли в

угол; они вытаскивали из рукава трюизмы, но незамедлительно переносили их принятие на совершенно другие предметы, а если их атаковали вновь, они уступали и делали вид, что ничего не знают. В каком бы месте ни атаковали одного из этих пророков, руки увязали в слизи; она проскальзывала через пальцы и вновь собиралась в единое целое. Если же кому-нибудь удавалось так основательно разбить одного из них при свидетельствах, что ему не оставалось ничего другого, как согласиться и этот счастливец начинал думать, что сделал шаг вперед, то он был невероятно удивлен на следующий день. Еврей ничего не вспомнит о предыдущем дне, он будет продолжать полемику в старом ключе, как будто ничего не произошло, и если ему негодующе привести доказательства, он изобразит удивление и не вспомнит ничего, кроме того, что его утверждения уже были доказаны днем ранее.

Я был ошеломлен.

Неизвестно, чем в большей степени восхищаться: бойкостью их языка или их умением врать.

Я постепенно начал ненавидеть их.

Полагаю, именно в этот момент он проследивает *спонтанный* подъем своего антисемитизма. Он говорит, что, как только он открыл «причину» своих страданий, он оказался способен бороться с ними. Раньше ему приходилось опускать глаза, теперь он мог *уверенно смотреть* на происходящее. Здесь формируется его *радикальная структура* принятия. Он говорит о «внутреннем счастье», снизошедшем на него.

Это был тот момент, когда произошла величайшая перемена, которую я когда-либо переживал.

Из ничтожного космополита я превратился в фанатичного антисемита.

и отсюда мы двигаемся через ассоциативную связь, выдвинутую им, ко всем стратегическим моментам, к видению конца света, из которого, в свою очередь, он выводит свой слоган: «Я действую от имени Всемогущего Создателя: *Сражаясь с евреями, я борюсь за дело Господа*» (курсив – Гитлера).

Он говорит об этом переходе как о периоде «двойственной жизни», борьбе «разума» и «реальности» против своего «сердца».² Эта борьба

² Другие аспекты карьерного символизма: книга Гитлера начинается следующим образом: «Сегодня я считаю большой удачей то, что волей судьбы мне было суждено родиться в Браунау-ам-инне. Потому что этот маленький городок расположен на границе тех двух германских государств, объединение которых представляется – по крайней мере нам – представителям молодого поколения – задачей, решения которой необходимо добиваться любыми средствами, покуда мы живы. Это проявление его «переходного» состояния разума, то, что Вордсворт назвал бы со-

приносила как «страдания», так и «блаженство». И наконец, разум победил! Что позволяет нам отметить, что те, кто атакует гитлеризм как культ иррационального, должны бы скорректировать свои утверждения примерно до такой степени: культ, конечно, иррационален, но он преподносится под девизом «разума». Точно так же его культ войны построен «во имя» смирения, любви и мира. Конечно, количественный анализ сразу определит книгу Гитлера подпадающей под категорию ненависти. Его злоба повсюду, милосердие – редкость. Но рационализованное генеалогическое древо этой ненависти позиционирует ее в «Арийской любви». Некоторые дальновидные немецкие поэты, чья работа предвещала движение нацизма, также склонялись к мышлению *во имя войны*, иррационального и ненависти. Но Гитлер был не из их числа. В конце концов, когда так легко вывести доктрину войны из доктрины мира, зачем пронизательному политику делать что-то другое, особенно когда Гитлер соединил свои доктрины без малейшей попытки придать им логическую симметрию? Более того, церковное мышление всегда приходило к войнам в гитлеровском «здоровом» ключе; а мыслительные модели Гитлера являлись ничем другим, как испорченными или карикатурными формами религиозной мысли.

Я говорил о ярости Гитлера по отношению к диалектике тех, кто возражал ему тогда, когда его структура находилась на стадии формирования. Отсюда мы можем перейти к другому невероятно важному аспекту его теории: к его атаке на *парламентариев*. Потому что опять-

стоянием человека «на границе». Он не заботится о том, чтобы указать дату своего рождения – 1889 год, которую лишь позднее добавляют издатели. И даже в этом прослеживается определенная «правильность», ибо Гитлер «родится» лишь много лет спустя – но он дает точные даты своих боевых ранений, которые на самом деле были формирующими. В свои молодые годы в Вене и Мюнхене он переживает состояние протеста, вследствие своей «безвестности». А когда его партия наконец организована и эффективно работает, он отмечает, что его период «безвестности» окончен (т.е. он сформировал свою идентичность). Читая некоторые обобщения из ранних пассажей его книги о том, что не следует жестко формулировать свои политические взгляды до тридцати лет, я отметил для себя: «Посмотрим, что Гитлер будет делать в тридцать лет». Я был уверен, что, хотя подобные обобщения могут быть двусмысленны при их приложении к людям в целом, они должны – учитывая особенности сознания Гитлера (при его полной идентификации себя и своих последователей) – являться достоверными утверждениями о нем самом. *Все* должны делать то, что *сделал* он. Догадка подтвердилась: как раз когда Гитлеру было около тридцати, в составе семи человек начала работать его партия, которой суждено будет завоевать Германию. Я слежу за этими этапами прежде всего потому, что считаю, что оратор, который имеет глубокое чувство собственного «воскресения», должен полагаться на это при убеждении своей аудитории, убеждая ее в том, что он дарит им путь в «новую жизнь». Тем не менее, я не вижу категорических возражений против этой позиции; ее угроза исходит исключительно из тех ценностей, которые являются ее воплощением. Они могут быть здоровыми или нездоровыми. Если они нездоровы, но опираются на убеждение, основная искренность убеждения действует как добродетель в поддержку порока – и эта комбинация наиболее катастрофична из всех, которые можно встретить в речи демагога.

таки – я утверждаю – это важнейший аспект его лекарства в функции лекарства для него лично и лекарства для тех, кто позднее станет идентифицировать себя с ним.

У парламента существует «проблема» – и нигде эта проблема не проявилась так остро, как в довоенной Вене, которая стала политической школой для Гитлера. Проблема в том, что парламент – в лучшем случае – это «столпотворение» голосов. Парламент – это постоянные пререкания людей, представляющих интересы с предубеждением друг против друга, иногда противоположные, иногда слабо расходящиеся. Психиатрический анализ «Мисс Бошам» Мортон Принса – случай распада личности женщины на несколько подличностей, не гармонирующих друг с другом, соединяющихся в различных комбинациях под гипнозом и зачастую в состоянии смятения, – является аллегорией демократии, переживающей трудные времена. Парламент империи Габсбургов незадолго до ее краха представлял собой ярчайший пример подобного распада, подобной многоголосой диаспоры, действия которой превратят ее в разобленную массу фрагментов при попытке охватить полноту разногласий. Так и Гитлер, страдавший отчуждением из-за нищеты и смятения, жаждавший найти интегрирующее ядро, пришел к пониманию этого парламента как основного символа того, от чего он отстранится в будущем. Он проклял терпящую крах империю Габсбургов как «Государство национальностей». Множество конфликтующих голов ораторов от множества политических блоков имело своей причиной тот факт, что различные сепаратистские движения националистического толка возникли в рамках католической имперской структуры, сформированной до возникновения национализма и распадавшейся на кусочки после его возникновения. Так вы приходите к столпотворению голосов, и – методом ассоциативных связей, *используя идеи в качестве образов* – оно слилось в риторике Гитлера с Вавилоном, и Вена стала городом нищеты, проституции, аморальности, коалиций, полумер, инцеста, демократии (т.е. мажоритарному правлению, ведущему к «недостатку личной ответственности»), смерти, интернационализма, совращения и чего угодно еще из того, что ассоциативная схема могла добавить в эту сторону уравнивания.

Стыдно об этом говорить, но отношение Гитлера к парламентскому столпотворению в одном важном моменте не слишком отличалось от того, которое мы регулярно встречаем в передовицах наших собственных газет. Любой конфликт ораторов в парламенте представляет собой соответствующий конфликт между материалистическими интересами групп, которые они представляют. Но Гитлер не обсуждал столпотворение с этого угла. Он рассуждал о нем на чисто *симптоматичной* основе. Стра-

тегия нашей радикальной прессы, насмехающейся над какофоническим вербальным продуктом Конгресса, очевидна: концентрируя атаку на *симптомах* деловых конфликтов – так как они проявляются на шкале политических раздоров – и оставляя лежащую в их основе причину и сами деловые конфликты за рамками, они могут удовлетворить ту публику, которую они иначе отвратили бы: конкретно деловых людей, которые и являются активизирующими членами их читательской аудитории. Гитлер, однако, пошел дальше. Он не только провел *симптоматическую* атаку. Он стал искать «причину». И эта «причина», безусловно, была получена им из его лекарства, его расистской теории, с помощью которой он смог дать неэкономическую интерпретацию экономически генерированного явления.

И здесь опять на первый план выходит использование искаженных религиозных моделей. Церковное мышление, в первую очередь занимающееся вопросами «личности», проблемами нравственного совершенствования, естественно и – я думаю – правильно, выделяет в качестве необходимой черты, волевое действие со стороны индивида. Это вытекает из его направленности против объяснений человеческих пороков как результата воздействия среды. Отсюда вытекает акцент на «личности». Отсюда вытекает стремление найти неэкономическое объяснение экономическим феноменам. Предложение Гитлера найти неэкономическую «причину» проблем, таким образом, многое давало с этого угла зрения. И на самом деле, именно Христианско-Социальная Партия Люггера в Вене научила Гитлера тактике связать программу социального усовершенствования с антисемитским «объединителем». Двумя партиями, которые он внимательно изучал в это время, являлись данная Католическая фракция и Пангерманская группа Шенерера. И его анализ их достоинств и недостатков – с точки зрения эффективности демагогии – является весьма проницательным исследованием, раскрывающим, насколько осторожно этот человек использовал создавшееся положение дел в Вене в качестве экспериментальной лаборатории для построения своих планов.

Его тактика объединения – если подвести итог – состояла из следующих важных элементов:

(1) Врожденное чувство достоинства. И в религиозных, и в гуманистических моделях мысли выделяется «естественное врожденное» достоинство человека. И это достоинство считается характеристикой всех людей, если только они сами им воспользуются, благодаря праведным мыслям и праведной жизни. Но Гитлер придает этой благородной позиции зловещий изгиб своими теориями рас и наций, согласно которым «ариец» стоит выше всех остальных, благодаря врожденному дару своей крови, то-

гда как другие «расы», а особенно евреи и негры, изначально второсортны. Этот зловещий светский пересмотр христианской идеологии ставит, таким образом, чувство достоинства на рельсы борьбы под требованием порабощения «низших рас». После поражения Германии в I Мировой Войне ее население испытывало особенно сильную потребность в том, чтобы эта компенсирующая доктрина *врожденного* превосходства сработала.

(2) Прием *проецирования*. Процесс «лечения», связанный с возможностью перекинуть собственные пороки на козла отпущения и таким образом очищающий при помощи отмежевания. Этот прием был особенно целебным, ибо чувство смятения ведет к возникновению вопросов к себе. Следовательно, если человек может перевести свои недостатки в сосуд или «причину» вне себя, он сможет бороться с внешним врагом вместо борьбы с внутренним. И чем сильнее внутренние недостатки человека, тем больше пороков можно навесить на шею «врага». Этому приему придается схожесть с причиной, потому что индивид четко понимает, что не он один виноват в своем состоянии. Существуют неблагоприятные факторы в самой ситуации. И он хочет «определить им место» и предпочтительно таким способом, который потребовал бы наименьших изменений тех способов мышления, к которым он привык. Это особенно отвечало интересам средних классов, которых поощряли считать, что они могут вести свой бизнес вообще без серьезных изменений, как только бизнесмен иной «расы» будет устранен.

(3) Символическое возрождение. Еще один аспект уже отмеченных двух характеристик. Прием проецирования на козла отпущения, соединенный с гитлеровской доктриной врожденного расового превосходства, гарантирует своих сторонников «позитивным» мировосприятием. Они вновь могут испытать чувство *движения вперед*, к *цели* (обещание, которое Гитлер активно использует). В Гитлере – как в пророке группы – это возрождение включало символическую смену генеалогии. Здесь, прежде всего, мы видим, как Гитлер придает зловещий уклон благородному аспекту Христианской мысли. Ибо если Папа, в соответствии с семейными канонами мысли, основополагающими для Церкви, утверждал, что древнееврейские пророки были *духовными прародителями* христианства, то Гитлер использует ту же самую модель в точности до наоборот. Он отвергает данное «наследие» «материалистическим» образом, определяя себя и членов своей логики как обладателей «группы крови», отличной от еврейской.

(4) Коммерческое использование. У Гитлера, безусловно, было, что продать – и это было лишь делом времени (т.е. ему просто необходимо было найти финансовую поддержку для

своего движения). Потому что оно предоставляло *неэкономическую интерпретацию экономических проблем*. В таком виде оно функционировало с максимальной эффективностью, отвлекая внимание от экономических факторов, вовлеченных в современный конфликт; атаку «еврейские финансы» вместо просто *финансов*, оно стимулировало ярое движение, которое оставляло «арийские» финансы под контролем.

С этого момента Гитлер больше не отклоняется в своей книге от приведенной выше формулы. Неизменно он заканчивает свою обличающую критику современных экономических проблем переходом к требованию добраться до «истинной» цели, которая кроется в «расе». «Арийцы» - конструктивны, «евреи» – деструктивны; «ариец», чтобы продолжить *созидание*, должен *уничтожить* еврейский *деструктивизм*. Ариец – как вместилище *любви* – должен *ненавидеть ненависть* еврея.

Возможно, наиболее находчивое использование данного метода можно обнаружить в главе «Причины краха», в которой он отказывается каким-либо образом связывать плачевное состояние Германии с последствиями войны. Он настаивает, что экономические факторы имеют «только вторичную или даже меньшую значимость», тогда как «политические, нравственно-этические, а также факторы крови и расы имеют наибольшую значимость». Его риторические шаги особенно интересны в этом месте, где он, как кажется, насмехается над национальной чувствительностью: «Военное поражение германского народа не является незаслуженной катастрофой, а скорее заслуженным наказанием за вечное возмездие». Затем он представляет военный крах как «последствие морально-отравления, очевидного всем, как последствие ослабления инстинкта самосохранения... которое уже начало подрывать основания народа и Рейха много лет назад». Моральный упадок исходит из «греха крови и деградации нации», поэтому его внутренний характер – в конце концов – является внешним: это евреи, на которых сваливают все смешение пороков, среди которых капитализм, демократия, пацифизм, журнализм, плохое жилье, модернизм, большие города, потеря религии, ухудшение состояния здоровья и слабость монарха.

2

У Гитлера был еще один психологический ингредиент, на который можно было положиться. Когда государство находится в состоянии экономической катастрофы (а его теории, принимавшие лишь приблизительные формы в довоенной Вене, были окончательно разработаны в послевоенном Мюнхене), можно вывести чувство достоинства из экономической стабильности. Прежде всего, должно быть чувство достоинства – а если оно есть и работает, то из него можно вывести и экономическую составляющую.

В этой линии аргументации немало справедливого, поэтому она работает. Народ, переживающий крах, страдающий от экономического смятения и попражнения национальной гордости в то время, как главное воплощение его общих усилий – армия – в состоянии развала, не имеет особого выбора, кроме как опереться на «духовный» базис, с которым он мог бы связать свое национальное достоинство. Следовательно, безоговорочное достоинство высшей расы стало прекрасным рецептом выхода из ситуации. Этим рецептом было «духовное», поскольку оно лежит в плоскости «над» грубыми экономическими интересами, но оно было «материализовано» в психологически «правильном» моменте – в том, что «врага» можно было *увидеть*.

Более того, у вас есть желание к единению – обсуждение классового конфликта на основе конфликта интересов не могло его удовлетворить. Тоска по этому единению настолько велика, что народ готов присоединиться к вам на полпути, если вы дадите его ему в форме вердикта, четкого утверждения вне зависимости от фактов. Следовательно, Гитлер настойчиво отказывался рассматривать внутренний политический конфликт на основе конфликта интересов. Тут он опять обращается к религиозной модели, настаивая на *личной* интерпретации отношений между классами, отношений между лидером и последователями, при которых каждая группа в своем роде воплощает одну и ту же общность интересов, точно так же, как рядовые и капитаны в армии разделяют общий интерес в победе. Людям настолько чужда идея внутреннего разделения, что там, где подобное разделение реально имеет место, это неприятие может быть направлено против человека или группы, осмеливающихся хотя бы объявить об этом разделении – не говоря уже о предложении действовать. Их естественное и оправданное неприятие самого внутреннего разделения направлено против диагноста, говорящем о нем как о *факте*. Этот диагност становится *причиной* той разобщенности, которую он назвал.

Рассматривая проблему с другого угла, мы отмечаем, как два набора уравнений были выстроены Гитлером с помощью комбинирования или объединения *идей* подобно тому, как поэт комбинирует и объединяет *образы*. С одной стороны – идеи или образы разобщенности, сконцентрированные на парламентских пререканиях «Государства Наций» Габсбургов. Они были поданы в качестве антитезы германской нации, представленной в качестве средства для единства, сфокусированного вокруг славы Прусского Рейха, Мекка которого теперь переместилась в «народную» Вену. Потому что, хотя Гитлер сначала и атаковал «народные» движения с их верой в мифологию германских истоков Вагнера, он впоследствии взял «народ-

ное» в качестве основного магического слова убеждения. В конце концов, это был еще один базовый ориентир. Сначала мы видим, как он не соглашается с теми, «кто слоняется со словом 'народный' на своих шапках», и утверждает, что подобное многоголосие мнений не может служить базой для политического движения борьбы». Но позднее, как кажется, он – как оно и следовало бы – понимает, что эта неопределенность как раз и была решающим аргументом в его пользу. Поэтому это слово и было инкорпорировано в великую коалицию его идейной образности, или образной идеологии: Глава XI с видением «Государства, представляющего не механизм экономических расчетов и интересов, враждебный народу, но народный механизм».

Таким образом, на фоне уравнений разобщенности, уже кратко перечисленных нами при анализе его выпадов против парламентаризма, мы получаем новый очищающий набор; с парламентскими распрями может быть покончено, если дать *один* голос всему народу, который должен стать «внутренним голосом» Гитлера, единым внутри границ Германии, так как лидер и народ должны быть согласны во всем. Таким образом, голос Гитлера равняется отождествлению лидера с народом, равняется единству, равняется Рейху, равняется Мекке-Мюнхену, равняется плугу, равняется мечу, равняется труду, равняется войне, равняется армии как главному элементу всего, равняется ответственности (личной ответственности абсолютного правителя), равняется жертвенности, равняется теории «германской демократии» (свободный народный выбор лидера, который затем принимает ответственность и требует абсолютного повиновения в обмен на его жертвенность), равняется любви (в которой массы представляют женское начало), равняется идеализму, равняется покорности природе, равняется расе, нации.³

И, конечно же, двумя основными принципами этих противоположных уравнений стали

³ Уравнение можно продолжить, как со стороны разобщенности, так и со стороны единства. В поле эстетики, например, у нас экспрессионизм на стороне неодобрения, в противовес эстетической гигиене на стороне одобрения. Это еще один иронический момент стратегии Гитлера. Движение экспрессионизма, несомненно, являлось нездоровым симптомом. Оно отражало растущее отчуждение, которое шло вместе с движением, по отношению к мировой войне и дезорганизации после мировой войны. Оно было «потерянным», обладало смутной идентичностью, являлось паразитически точным отражением ответа на смятение материализма, патетической попыткой искренних художников сделать свое жалкое существование, по крайней мере, сносным до такой степени, которая исходит из возможности выразить его. Оно достигло своего расцвета в период дикой инфляции, когда мир капитализма, который базируется на нравственности труда и накопленный на здоровье своей монетарной системы, лишился последнего своего оплота стабильности. Коротко говоря, это мучение отражало именно тот тип раскола, который подготовил людей для Гитлера. Оно было первым членом во фразе, в которой Гитлеризм был последующим членом. Но, обрушиваясь на этот *симптом*, он получал убедительность, хотя таким образом он и атаковал *предзнаменование себя самого*.

арийские «героизм» и «жертвенность» в противовес еврейским «подлости» и «высокомерию». И здесь мы вновь наталкиваемся на паразитическую карикатуру религиозной мысли. Потому что Гитлер представляет концепцию «арийского» превосходства – в любых смыслах – в терминах «арийской скромности». Эта «скромность» выводится благодаря очень тонкому процессу, который требует – как я опасаясь – значительной степени «доброй воли» со стороны читателя, который примет эту идею:

Церковь, как мы помним, провозглашает нераздельную взаимосвязь между Божественным Законом и Законом Природы. Закон Природы являлся выражением Воли Божьей. Таким образом, когда в средние века некоторые люди были крепостными, а другие дворянами, это было результатом закона природы, работавшего согласно этой традиции. Каждый добродетельный член Церкви был «покорен» этому закону. Каждый подчинял себя ему. Таким образом, крепостной смирялся со своей нищетой, а дворянин – со своим богатством. Монарх смирялся со своим положением представителя народа. А священнослужители иногда смирялись с необходимостью представлять народ вместо него. Данная модель являлась симметричной, так как любое традиционное «право» предполагало соответствующие «обязательства». Точно так же арийская доктрина является доктриной отказа, то есть покорности. В соответствии с законами природы «арийская кровь» стоит выше любых других кровей. Точно так же «закон выживания сильнейшего» – это закон Бога, работающий посредством закона природы. Таким образом, если арийская кровь наделена огромной ответственностью вследствие своего врожденного превосходства, носители этой крови, «создающей культуру», должны бороться во имя ее победы. Иначе закон Божий не будет соблюден, в результате чего человечество придет к упадку. Мы должны сражаться, говорит Гитлер, чтобы «заслужить право на жизнь». Арийцы «подчиняются» природе. Это лишь «еврейское высокомерие» говорит о «завоевании» природы посредством идеалов равенства.

У этой картины несколько отличительных черт, за которыми следует проследить. Основное достоинство арийской расы состояло в ее инстинкте самосохранения (состоящем в покорности закону природы). Основной порок еврея заключался в его инстинкте самосохранения; потому что, если у него этот инстинкт не был развит в полной мере, он не будет «совершенным» врагом – то есть он не будет достаточно силен, чтобы рассчитывать на вездесущность и всемогущество своего заговора с целью разрушить мир и стать его повелителем.

Как же в таком случае нам различать благодетельный инстинкт самосохранения у корней арийства и злокачественный инстинкт самосохранения у корней семитизма? Мы должны

различать их следующим образом: арийское самосохранение базируется на *жертвенности*, жертвенности индивида группе; отсюда – милитаризм, армейская дисциплина и один большой союз. Однако еврейское самосохранение базируется на индивидуализме и еврей достигает своих подлых целей, эксплуатируя мир. Как же тогда могут эти отъявленные индивидуалисты осуществить свой всемирный заговор? С помощью своего «стадного инстинкта». С помощью одного лишь своего «стадного инстинкта» индивидуалисты могут следовать вместе к своей общей цели. У них отсутствует настоящая солидарность, но они оппортунистически объединяются, чтобы соблазнить арийцев. Однако это по-прежнему не решает еще одной технической проблемы. Поскольку мы очень многое слышали о важности *личности*. Нам говорили, как на основе «закона выживания сильнейшего» существует просеивание людей на основе их индивидуальных способностей. У нас даже есть глава о чистом арийстве: «Сильный Человек Един Всемогущ». Следовательно, необходимо еще одно различие: евреи представляют индивидуализм; арийцы представляют супериндивидуализм.

Я полагал, когда подходил к главе «Сильный Человек Един Всемогущ», что она окажется самой слабой у Гитлера. На самом деле, она оказалось самой сильной (я имею в виду не *качество*, а *демагогическую эффективность*). Потому что глава – хотя так можно было бы решить из заглавия – не написана в манере «подъем Адольфа Гитлера». Напротив, она повествует о нацистском постепенном впитывании множества разобщенных «народных» групп. И она добивается своего посредством спонтанного отождествления лидера и народа. Следовательно, «единственность» Сильного Человека представлена как *общественный* атрибут, в плане тактики для борьбы против разъединения *Партии* под давлением конкурирующих спасителей. О Гитлере в главе вообще явно не говорится. Просто *его* лидерство представляется как *нечто, само собой разумеющееся*, как норма, а любое другое лидерство – как отклонение от нормы. Нет ничего вроде ницшеанской «философии сверхчеловека». Напротив, лезть Гитлера настолько объединяет лидера и народ, так неразрывно связывает их, что политик даже не представляет себя как кандидата. Непонятно как, но борьба уже окончена, решение принято. «Германская демократия» выбрала. А развертывание политики, можно сказать, является картированием мозга Гитлера, переведенным на язык националистических мероприятий. Он выражает то, что *он думает*, говоря, что *партия сделала это*.

Здесь, я полагаю, мы видим отличительное качество метода Гитлера как средства убеждения в отношении вопроса о том, искренен Гитлер или нет, является ли его видение всемогу-

щего конспиратора поистине критическим случаем паранойи или же просто пронизательностью демагога, натренированного в реалполитике макиавеллизма.⁴ Нужно ли нам выбирать? И не следует ли нам, скорее, заменить «или... или...» на «как... так и...»? Не собрали ли мы уже достаточно оснований для утверждения, что потрясающая сила убеждения Гитлера исходила из того факта, что он спонтанно изобрел свою «панацею» в ответ на внутренние потребности?

3

Таким образом, очень многое было «спонтанным». Затем оно было направлено по каналу антисемитской модели мотивами, почерпнутыми Гитлером из Католической Христианско-Социальной Партии в самой Вене. Теперь добавьте немного *критики*. Не той критики сомнения в «парламентском» понимании – обращении внимания на оппозицию и попытке создать политику в свете контр-политики – но «единого» типа критики, которая просто ищет сознательных путей сделать определенную позицию более «эффективной», сделать эту позицию более отчетливо самой собой. Это тот тип критики, ярим сторонником которой был Гитлер. В результате он мог *спонтанно* обратиться к механизму козла отпущения и мог – при помощи сознательного планирования – совершить симметрию того решения, к которому он спонтанно обратился.

Здесь кроется смысл резкой критики «объективности» со стороны Гитлера. Гитлер хотел такого типа критики, которая стала бы чистым и простым коэффициентом могущества, предоставляя ему возможность наиболее эффективно следовать в направлении, избранном им. И «внутренний голос», о котором он говорит, с этого момента диктовал бы ему наибольшее количество реализма в плане тактики эффек-

⁴ Я не хочу использовать слово «макиавеллизм» без принесения извинений господину Макиавелли. Мне кажется, что в защиту Государя Макиавелли можно сказать больше, чем обычно говорится. Стратегия Макиавелли – насколько я понимаю ее – состояла примерно в следующем: Он принял ценности правления Ренессанса как *факт*. То есть вне зависимости от того, нравятся вам эти ценности или нет, они существовали и работали, и бесполезны были попытки убедить амбициозного правителя принять другие ценности, как то ценности Церкви. Эти люди верили в культ материального могущества, и у них была сила, чтобы следовать своим убеждениям. Когда столь многое представлено как «данность», может ли что-нибудь быть спасено на пути благ для народа? Макиавелли разработал типично «макиавеллианский» аргумент в защиту народных благ на основе собственной системы ценностей государя. То есть: правитель, чтобы достичь максимальной силы, нуждается в поддержке масс. Для того, чтобы эта поддержка была настолько эффективной, насколько это возможно, массы должны быть настолько сильны, насколько это возможно. А чтобы массы были настолько сильны, насколько это возможно, с ними надо хорошо обращаться. Их благодарность позднее принесет дивиденды в форме возросшей лояльности.

Макиавелли надеялся, что за этот «окольный» проект его наградят хорошо оплачиваемым постом в административном аппарате государя.

тивности. К примеру, решив, что массам необходима определенность, и только лишь определенность, которая была нужна и ему самому, он стал работать над программой из 25 пунктов, которая станет платформой Национал-Социалистической Рабочей Партии Германии. И он решительно отказывается заменить хотя бы один пункт из своей программы, даже в целях ее «усовершенствования». Он чувствовал, что *устойчивость* платформы была важнее в пропагандистских целях, чем любой возможный пересмотр слоганов, даже если бы пересмотр этих слоганов намного улучшил бы их. Поразительная вещь состоит в том, что, хотя подобная позиция давала немалое оснований сомневаться в гитлеровских обещаниях, он мог открыто объяснить свои тактики в своей книге и по-прежнему применять их без какой-либо потери в эффективности.⁵

Гитлер также говорит о своей ораторской технике, как только Нацистская партия полностью сформировалась и обрела свою армию телохранителей – или вышибал – чтобы справиться с крикунами и выбросить из зала. По его воспоминаниям, он то и дело наполнял свою речь *провокационными* замечаниями, при произнесении которых его вышибалы становились в полетный строй, размахивая кулаками в направлении любого, кто решался бы ответить на эти провокационные замечания. Эффективность гитлеризма – это эффективность одного голоса, воплощенного через организацию в целом. Вот триединство правительства, которое он, в конце концов, предлагает: *популярность* лидера, *сила* для поддержки популярности, а также *популярность* и *сила*, на протяжении долгого времени *удерживаемые* вместе, поддерживаемые *традицией*. Является ли такой тип мышления спонтанным или преднамеренным – или же и тем, и другим?⁶

⁵ По данному вопросу Гитлер заявляет следующее: «Здесь тоже есть чему поучиться у католической церкви. Хотя структура ее доктрин во многих случаях вступает в абсолютно лишнее противоречие с точными науками и исследованиями, она, тем не менее, не соглашается пожертвовать ни одним слогом из своих догм. Она справедливо признала, что ее стойкость заключается не в более или менее удачном приспособлении к научным результатам современности, которые на самом деле все время меняются, но скорее в строгой приверженности догмам, однажды выдвинутым, что и придало целой структуре характер веры. Именно по этой причине в настоящий момент Католическая Церковь стоит на ногах крепче, чем когда-либо. Можно предсказать, что настолько же, насколько видимость изменчива, сама Церковь – как опорный пункт изменчивости видимости – продолжит завоевывать все больше и больше слепых последователей».

⁶ Гитлер также уделял огромное внимание тем условиям, при которых политическая риторика особенно эффективна. Он подводит итог следующим образом:

«Все эти случаи предполагают посягательство на свободу воли человека. Конечно, это больше всего относится к тем встречам, на которые приходят люди с противоположной ориентацией желаний, и которых теперь необходимо завоевать для новых свершений. Представляется, что утром и даже в течение дня сила воли человека сопротивляется с наибольшей энергией любым попыткам попасть под влияние другой воли и другого мнения.

Фрейд дает нам краткий абзац, объясняющий аспект спонтанности мании преследования Гитлера. Мании преследования, необходимо добавить, отличной от чистого продукта в том, что она была построена на *общенародном* материале; все те ингредиенты, которые Гитлер замешал в свое варево, уже и так присутствовали в изобилии, имели своих ораторов и массу последователей еще до того, как Гитлер «принял их на себя». Как довоенный, так и послевоенный период были испещрены различного рода спасителями, как националистического, так и народного толка. Это размножение происходило аналогично тому размножению бартерных схем и валютных махинаций, что обрушилось на Соединенные Штаты после обвала 1929 года. Кроме того, коммерческая часть политики Гитлера – в самом узком понимании термина – являлась общенародным правом, вытесняя ее из области «чистой» паранойи, при которой страдающий вырабатывает полностью *личную* структуру интерпретаций.

Цитирую из «Тотема и Табу»:

«Еще одна черта в отношении примитивных рас к своим вождям напоминает механизм, который обязательно представлен при психических расстройствах и отчетливо проявляет себя в так называемых маниях преследования. В данных обстоятельствах значение определенной личности чрезвычайно возрастает и ее всемогущество поднимается до невероятной высоты, для того чтобы облегчить приписывание ей ответственности за все болезненное, что происходит с пациентом. Дикари – на самом деле – действуют таким же образом по отношению к своим вождям, наделяя их властью над дождем и солнцем, ветром и погодой, а затем свергают и убивают их, потому что природа не оправдала их ожиданий в плане неудачной охоты или жатвы. Тот прототип, который параноик выстраивает в своей мании преследования, может быть также обнаружен в отношении ребенка к своему отцу. Подобное всемогущество обычно приписывается отцу воображением ребенка, а недоверие к отцу, как было показано, очень тесно связано с возросшим уважением к нему. Когда параноик называет одного из своих знакомых своим «преследователем», он таким образом поднимает его до уровня своей генеалогической линии и ставит его в условия, по-

Однако вечером они с большей легкостью поддаются доминирующей силе более могущественной воли. На самом деле, любая такая встреча представляет собой борцовский поединок между двумя противоборствующими сторонами. Более талантливый оратор доминирующей апостолической природы теперь имеет больше шансов преуспеть в завоевании воли тех людей, которые сами, в свою очередь, чувствуют ослабление своей силы к сопротивлению самым естественным образом, чем тех, которые до сих пор сохраняют власть над энергией своего разума и силы воли.

Той же цели служит и искусственно созданный, но, тем не менее, таинственный сумрак католических церквей, свечей, лада, кадилницы и т.д.

зволюющие накладывать на него ответственность за все невзгоды, которые он переживает».

Я уже предлагал свою версию данных расчетов при обсуждении символической перемены в генеалогии, связанной с проектом Гитлера «новый образ жизни». Гитлер символически отказывается от «духовного наследия» иудейских пророков в пользу «лучшего» наследия «арийства», и придает своей истории нечто вроде незаконной реконструкции, в рамках натуралистической, материалистической «науки», посредством своего мифа о «кровотоке». Он выбирает себе новую идентичность (нечто противоположное хаосу Вавилона Габсбургов – утешающее национальное единство); с этого момента сосуды прежней идентичности становятся «плохим» отцом, т.е. преследователем. Несложно увидеть, как – ибо неприязнь получает свое воплощение благодаря поддержке организации – роль «преследователя» модифицируется в роль преследуемого, когда он отправляется со своей бандой, мыслящей в том же направлении, «разрушать разрушителя».

Если бы Гитлер был просто поэтом, он мог бы написать работу в антисемитском ключе и на этом успокоиться. Но Гитлер, который начал как студент живописи, а затем переключился на архитектуру, сам рассматривает свою политическую деятельность как продолжение своих художественных устремлений. В своих собственных глазах он остался «архитектором», строящим «народное» Государство, которое должно было не уступать – в политических терминах – «народной» архитектуре Мюнхена.

Мы можем подойти к вопросу следующим образом (по-прежнему пытаюсь уточнить отношения между отчаянной искренностью и откровенным умыслом): многих ли авторов мы знаем, которые кажутся – когда меняют роль гражданина на роль оратора – покидающими одну комнату и входящими в другую? Или тех, кто – при удобном случае – не говорил с человеком наедине, а потом был поражен той трансформацией, которую претерпевает этот человек при обращении к массовой аудитории? Мне доводилось знать людей, которые пишут статьи на академические и философские темы, а также политические памфлеты и стиль и метод изложения которых целиком меняется при изменении их ролей. При написании статей в академической манере, они осторожны, старательны, склонны рассматривать все значимые аспекты проблемы, которой они занимаются; но при обращении к жанру политического памфлета, они пускаются в злобные нападки, систематически искажают позицию своих оппонентов, приходят в состояние некоего политического транса, в котором – во время своей агонии – они становятся похожими на локомотив, стучащий колесами; мгновение спустя, осознав про-

исходящее, они выходят из этого транса и вновь становятся самыми умеренными из людей.

Можно найти несколько страниц у Гитлера, читая которые его взгляды можно назвать «умеренными». Но существует также множество страниц, на которых он оценивает сопротивление и возможности с «рационализмом», присутствующим опытному рекламному агенту, планирующему новую коммерческую кампанию. «Политика, – говорит он – должна продаваться, как мыло». А мыло не продается в состоянии транса. Но он все же впадал в состояние транса, когда ликовал по поводу своего антисемитизма. И позднее, когда он уже стал успешным оратором (он настаивает, что революции совершаются исключительно силой произнесенного слова), он полагался на свою «поэтическую» роль, а также на то поразительное утешение, которое она давала ему, как способ уклониться от бремени логического анализа в пользу «духовности» оскорбительных пророчеств. Что же тогда может быть более естественным, чем то, что человек, так настаивающий на единении, будет комбинировать это построение с мгновениями меньшего экстаза, в особенности, когда он нашел последователей и сторонников, которые назначили цену – как духовную, так и материальную – за это единение?

Как только это счастливое «единство» становится на свой путь, появляется «логика» развития метода. Известно, когда необходимо «оухотворить» материальный вопрос, а когда «материализовать» духовный. Таким образом, когда вопрос касается материалистических интересов, которые создают конфликт между работодателем и рабочим, Гитлер пренебрежительно переходит к возвышенно нравственному. Он «выше» этих низких проблем. Все становится вопросом «жертвенности» и «личности». Становится грубо рассматривать работодателя и рабочего как разные *классы* с соответствующим отличием в классификации их интересов. Вместо этого отношения между работодателем и рабочим должны рассматриваться на «личностной» основе руководителя и ведомого, и «всему, что может оказать эффект разъединения на национальную жизнь, необходимо дать объединяющий эффект армии». Тем не менее, говоря о национальном соперничестве, он делает очень пронзительное материалистическое сравнение Британии и Франции в их отношении к Германии. «Франция – говорит он – желает «Балканизации Германии» (т.е. распада на сепаратистские движения – вновь тема «разобщенности») для того, чтобы добиться коммерческой гегемонии на континенте. Британия, однако, желает «Балканизации Европы», а потому предпочитают достаточно сильную и единую Германию, которую можно было бы использовать в качестве противовеса гегемонии Франции. Германская националь-

ность, тем не менее, объединена *духовными* качествами арийства (что построит национальную структуру посредством Партии), а это, в свою очередь, материализуется в мифе о кровотоке.

Что мы узнаем из книги Гитлера? Одним моментом, который он, по моему мнению, продемонстрировал до неприятно высокой степени, является сила бесконечного повторения. Каждый рекламный проспект, оповещавший о собрании «Нацистов», внизу имел два слогана: «Евреи не принимаются» и «Жертвам войны вход бесплатный». Вся сущность нацистской пропаганды была построена вокруг этих двух взаимодополняющих тем. Он описывает силу зрелища; настаивает на том, что массовые собрания являются фундаментальным способом, позволяющим дать индивиду чувство защищенности благодаря окружению движения, чувство «общности». Он также бросает один мудрый намек, на который, я считаю, американским властям необходимо обратить внимание при рассмотрении нацистских собраний. Он говорит, что присутствие специальной нацистской охраны, в нацистской форме, имело огромное значение для культивирования среди его последователей тенденции возлагать центр власти на нацистскую партию. Я полагаю, здесь нам можно поймать его на слове, но я предлагаю использовать его совет в точности до наоборот, настаивая на том, чтобы там, где нацистские собрания разрешены, они бы охранялись исключительно властями и чтобы нацистская охрана не имела права охраны порядка.

Возможно ли, чтобы в равной степени важной чертой успеха являлась не столько повторяемость как таковая, но тот факт, что с ее помощью, Гитлер давал «мировоззрение» людям, которые ранее видели только мир, раздробленный на части? Не исходила ли большая часть его соблазнов от *плохого* удовлетворения *хорошей* потребности? Не те ли, которые настаивают на сугубо *непланируемой* работе рынка, просят людей небрежно принять схему человеческой цели, небрежную схему, которая может быть принята, только пока она работает с достаточным количеством удовлетворения, но становится ненавистной для жертв принесенного ей хаоса. Не готовы ли они психологически для логического объяснения, *любого* логического объяснения, если оно дает им некое правдоподобное «универсальное» объяснение? Я, таким образом, сомневаюсь в том, что привлекательная сила состояла единственно в элементе выкрикивания слоганов (особенно потому, что слоганами можно стучать, речь за речью два или три часа подряд, используя бесконечное варьирование тем). Гитлер сам в определенной степени подтверждает мою интерпретацию, особенно сильно выделяя *полумеры* политиков среднего класса и противопоставляя им *определенность* своих собственных методов. Он не

предлагал людям *соперничающее* мировоззрение; он скорее предлагал мировоззрение людям, которым было нечего ему противопоставить.

Относительно основного фокуса нацистов: идея «лечебного» объединения посредством вымышленного дьявола постепенно стала убедительной благодаря повторяемости стандартной рекламной техники – противопоставление должно быть способным пережить любые нападки на него. Вполне может быть, что люди – при всей их человеческой хрупкости – также нуждаются во враге, как в цели. Прекрасно: гитлеризм сам наделяет нас таким врагом; четким примером этой операции является гарантия того, что мы имеем – в нем и во всем, за что он выступает – не чистого «дьявола», избранный в виде угрожающего миру красноречия, а реальность, чей зловещий характер становится ясен при изучении ее истории до настоящего момента. Выбрав этот класс доктрины в качестве нашего «козла отпущения» и попытавшись проследить его эквиваленты в Америке, мы попадаем в точку. Сами нацисты облегчили задачу разъяснения. Добавьте к ним Японию и Италию и вы получите *практическую историю развития* фашизма у тех, кому представлялся более сложным подход к пониманию империалистических помыслов посредством исключительно экономических объяснений.

Но я полагаю, прежде всего нам необходимо отчетливо показать, что Гитлер привлекает к себе, опираясь на искажение фундаментально религиозной модели мышления. В этом утверждении – если все правильно представлено – нет неуважения к религии. В самой по себе религии нет ничего такого, что предполагало бы обязательное создание фашистского государства. В религии существует много того, что – в случае неправильного использования – может привести к формированию фашистского государства. Существует латинская пословица – *Corruptio optimi pessima* – «осквернение лучшего – это хуже всего». И это как раз те, которые оскверняют религию, представляют наибольшую опасность современному миру, придавая глубинным моделям религиозной мысли грубые и устрашающие искажения.

Следовательно, наша задача – наша антигитлеровская борьба – состоит в том, чтобы отыскать доступные способы демонстрации гитлеровского искажения религии, чтобы политики подобного толка в Америке не смогли провернуть подобную аферу. Стремление к единству – искренне и достойно восхищения. Стремление к национальному единству – при современном состоянии мира – искренне и достойно восхищения. Но единство, достигнутое на основе обмана и при помощи эмоциональных уловок, которые сдвигают фокус нашей критики с настоящего локуса наших проблем, вовсе не является единством. Ибо, даже если мы оказы-

ваемся теми счастливыми, кому довелось родиться арийцами, мы не решаем никаких проблем даже для себя самих с помощью подобных решений, поскольку факторы, приближающие катастрофу, остаются. Таким образом, в Германии – после уже пережитого хаоса – мы не видим ничего другого, кроме движения к большему хаосу именно потому, что «новый образ жизни» не являлся на самом деле новым, а лишь представлял собой угнетающе старый способ чистого обмана. Следовательно, после всей этой «перемены», факторы, двигающие к хаосу, остаются нетронутыми, они даже усиливаются. Это правда, что немцы испытывали чувство негодования по поводу проигранной войны, что усилило их восприимчивость к риторике Гитлера. Однако в более широком смысле – это уже неоднократно было подмечено – весь мир проиграл войну, и накопившиеся пороки капиталистического порядка придали ему сильный толчок в направлении хаоса. И здесь вновь возникает чувство негодования и фрустрации по поводу неспособности мужчин работать и зарабатывать деньги. В этот момент какой-нибудь промышленный или финансовый монополист, раздосадованный противоположными голосами в нашем парламенте, может пожелать кратковременного спокойствия, которое дарит один голос, усиленный социальными организациями, и когда все остальные голоса не просто успокоились, а их успокоили. Так он может – по подсказке нацистов – захотеть поддержать группу бандитов, которые, став политическими руководителями государства, защитят его от оправданных требований рабочих. Его бандиты, таким образом, станут его гарантией от его рабочих. Но кто будет его гарантией от его бандитов?

© Берк К., 2008

Серио П.

Лозанна, Швейцария

Перевод: Филатова К. Л.

**ДЕРЕВЯННЫЙ ЯЗЫК,
ЧУЖОЙ ЯЗЫК И СВОЙ ЯЗЫК.
ПОИСК НАСТОЯЩЕЙ РЕЧИ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЕВРОПЕ
1980-Х ГОДОВ**

Связь между типом политики, осуществляемой режимами различных социалистических стран, и способом словесного выражения этой политики, как правило, не подвергается сомнению. Так, недавно обсуждался «свинцовый язык» китайского режима и был сделан вывод о том, что «деревянный язык» в СССР умер (газета *Le Monde*, май и июнь 1989). Однако читатель найдёт здесь исследование не политического языка в странах Восточной Европы, а того, что в самих этих странах о нём говорится. Объектом данного исследования является ме-

тадискурс о деревянном языке, складывающийся именно там, где этот язык функционирует. При этом мне кажется возможным попытаться решить две задачи: выделить образ языка, работающего в этих метадискурсивных текстах (или дискурс о языке другого), и исследовать оригинальный подход разных стран Восточной Европы, сравнивая их отношение к «политическому языку».

Моя гипотеза заключается в установлении связи не столько между политикой и её дискурсом, сколько между эпистемологической установкой по отношению к паре язык / власть и степенью развития политической рефлексии, причём сама эта связь зависит как от местных обстоятельств, так и от национальной специфики каждой из этих стран.

Представленные здесь тексты были собраны исходя из их доступности и для того, чтобы показать различные условия их создания: различны их авторы – лингвисты, социологи, журналисты, различен сам их предмет: язык буржуазного противника, язык пропаганды коммунистической власти, свой язык. Но во всех случаях сам объект этих текстов совершенно однороден: мы имеем дело с металингвистической рефлексией, топологией языка другого и своего языка, плохого языка и хорошего языка. Этот объект-язык может называться *nowo mowa* (Польша: «новояз», «*newspeak*», «*novlangue*»); *jezyk propagandy* (Польша: «язык политической пропаганды»); «официальная пропаганда» (П. Фиделиус, Чехословакия); «тоталитарная пропаганда» (там же); «пропагандистские слова» (там же); «пропагандистский дискурс» (там же), «*язык буржуазной пропаганды*» (СССР); «*язык политики*» (там же); *politicki govor* (Сербия: «политическая речь») *jezik mnoznicnih obcil* (Словения: «язык средств массовой информации») *uradovalni jezik* (там же: «бюрократический язык»). Какова степень метафоризации в выражении «язык» пропаганды, бюрократический «язык»: идёт ли здесь речь о языке? Происходит ли в социалистических странах появление нового «языка», которому лингвисты становятся свидетелями, как астрофизики, наблюдающие рождение новой звезды? Или же это всего лишь удобная метафора, поспешное сравнение? Тогда какие последствия имеет этот терминологический сдвиг?

Как организуется эта топология, что такое *другой язык*, тот, который не сделан из дерева? Как будет определяться альтернативный язык (настоящий язык, свой язык, и т.д.)? Последний, но не по значимости, вопрос: какое отношение имеют ко всему этому лингвисты? Читатель найдёт здесь попытку типологии, построенную на принципе расстояния от объекта: следуя логике, восходящей к М. Бахтину, речь идёт о классификации по признаку метадискурсивного отношения, по степени интерпретации Себя и Другого.

1. Язык другого – это другой язык

На одном конце шкалы отчуждённости, как мы её представляем, можно обозначить максимальное расстояние между наблюдаемым объектом и наблюдателем. Тем не менее, этот объект наблюдается не с точки зрения Сириуса, потому как он определяется как язык противника, антимодель, от которой свой язык должен радикально отличаться. Такая позиция отражена в издании “Язык и стиль буржуазной пропаганды”, вышедшем в Москве в 1988 году. Это сборник статей, явно предназначенных для журналистов, но, что интересно, написанных лингвистами и психолингвистами МГУ. Эта работа мало соответствует образу той перестройки, которую себе представляют на Западе. Если, конечно, не интерпретировать этот анализ политического дискурса в США (война во Вьетнаме, Никарагуа) и в Великобритании (Фолклендская война) как пример “Эзопова языка”, столь любимого Чернышевским: как обходной способ избежать цензуры, чтобы на самом деле говорить о деревянном языке советской власти.

Проблематика книги сразу располагается «в духе нового мышления» (с. 5) и отсылает к выступлению М. Горбачёва на 27 съезде КПСС в 1986 году. В то же время, неоднократно настаивается на международном положении в плане «обострения идеологической борьбы» (с. 9, с. 33). Таким образом, роль лингвистов является ключевой для «выявления закономерностей использования лингвистического аппарата в буржуазной пропаганде» (с. 3). Эти лингвисты работают в рамках “марксистского языкознания”, которое определяется как «системный подход к языку, неразрывность связи языка и мышления, подход к языку как к социальному, общественному явлению» (с. 9).

Лингвистическая дисциплина, призыв к которой здесь звучит, – это “марксистская прагматика” (с. 14). Цитаты берутся чаще из прагматики англо-американской (Сёрль, Грайс, Хэллидей), чем из “марксистской прагматики”, которую надо ещё определить. Постоянно предполагается, что этот прагматический подход будет раскрывать те “средства и приёмы”, при помощи которых пропагандисты могут эффективно влиять на сознание своей аудитории (с. 14), что делает из прагматики риторику, а из политического языка – убеждающий язык (с. 12).

Важное следствие прагматического подхода: в отличие от французских теорий дискурса (будь то М. Фуко или М. Пеше), у любого текста (пропаганды) есть свой субъект-автор – буржуазный пропагандист (с. 72), и конкретный адресат – “получатель”, объект политической эксплуатации (с. 67). Отталкиваясь от оппозиции “субъективность / объективность”, которая кажется само собой разумеющейся, исследования сборника концентрируют своё внимание на

выражении субъективности (определяющейся как учёт интересов и намерений говорящего) в синтаксических структурах текстов буржуазной пропаганды. Они выделяют такие формальные признаки, как: пассивный залог, сослагательное наклонение, безличные конструкции, модальные глаголы, повелительное наклонение, пресуппозиция, глаголы пропозиционального отношения (“косвенный комментарий”), перформативы (с. 25). Обратим внимание на то, что большая часть этих характеристик были уже отмечены на Западе по отношению к советскому или польскому деревянному языку. Но возможная связь между “субъективацией” и безличными конструкциями здесь никак не выражена.

Если для авторов сборника модальные высказывания являются чертой «колебания семантики высказывания, её неустойчивости», то мне кажется, что выводимая модель идеального языка политики – это простое утвердительное законченное предложение в изъявительном наклонении (аристотелевское суждение). Таким образом, субъективность рассматривается как “приложение” по отношению к этому образцовому высказыванию, и говорящий является “экстралингвистическим параметром” (с. 26).

Этому обесцениванию субъективного есть две причины. С одной стороны, присутствует потеря референциальной функции: «проходя через фильтр буржуазной идеологии, объективное содержание оценки искажается, субъективируется, превращаясь зачастую в свою противоположность» (с. 19). С другой стороны, эта потеря объясняется тем, что “субъективный смысл” не является “надивидуальным” (с. 65, выражение принадлежит А. Н. Леонтьеву). И здесь также велик контраст с французскими теориями субъективности в идеологии (Л. Альтюссер): мы говорим о разных *субъектах*.

Необъективный язык и «орудие контроля» (с. 6), язык буржуазной пропаганды обладает эффективностью, которая основана на его иррациональности: он производит “эффект оглушения”: человек теряет способность логически мыслить, рационально интерпретировать факты, поскольку всё сделано для того, чтобы спровоцировать эмоциональную реакцию, всё основано на чувствах, разум в некотором роде «отключается» (с. 93).

Эффективность происходит также от сознательного и намеренного использования приёмов импликации (имплицитная номинация, имплицирование, с. 18) и стереотипизации (оценка событий даётся “в готовом виде”, с. 89). Стереотипам удаётся повлиять на мышление, так как «языковые формы мыслей могут продолжать существовать, даже когда мыслительное содержание уже давно утратило своё прежнее значение» (с. 22). В этой риторике манипулирования язык функционирует уже не затем, чтобы сказать правду, а затем, чтобы заставить пове-

рять и, тем самым, заставить сделать. То же самое происходит и с употреблением метафор (или “ложных номинаций”): после Фолклендской войны, британская пропаганда пытается убедить население в том, «забастовки трудящихся – это война против всей нации», превращая бастующих во внутреннего врага (с. 194). Цель – заставить получателей реагировать в соответствии с интересами пропагандиста, «сформировать мнение и отношение к политическим событиям, происходящим в мире» (с. 5) и, главное, сделать так, чтобы это принятие точки зрения «не ощущалось как давление извне, а воспринималось как результат собственного добровольного волеизъявления» (с. 73).

Этот способ рассматривания языка политики как манипуляционной техники основывается на идее полного господства говорящих над своим языком; они осуществляют осознанный и намеренный выбор, вплоть до того, что могут «вмешиваться в язык» (с. 197), в основном посредством «лексико-семантических смещений в значении слов, подмены понятий» (с. 15), нацеленных на проведение в коммуникации “идеологических сем” буржуазной пропаганды. Пропагандист, самостоятельный субъект, прекрасно осознает, что он лжёт и намеренно манипулирует языком, осуществляя тем самым “двуличное мышление”. Крайне любопытно, что этот сборник цитирует именно Дж. Оруэлла: У. Смит, герой романа “1984”, используется как модель лживо использующего язык пропагандиста (с. 61).

Видение языка политики как намеренного обмана, ложной номинации (пример: называющий Контрас «борцами за свободу Никарагуа» прекрасно знает, «что в действительности стоит за этими словами», с. 68) предполагает моральное отношение к двойному языку: *достаточно сказать правду*, что напоминает о моральном требовании у другого русского – А. Солженицына. Это отношение к языку основано на идее, что существует непосредственный доступ к действительности, и ей можно дать номинацию, которую можно немедленно оценить в соответствии с единственным критерием истинность / ложности, или адекватности / неадекватности слов вещам.

Итак, сборник даёт множество примеров ложных номинаций реальности в буржуазной пропаганде, которые затем переводятся “как на самом деле”. Пример: “советская военная угроза” (ложно) = “оборонительные меры в единстве с мирной инициативой” (верно). Это “словесное искажение реальности” (с. 70) возможно потому, что язык используется как инструмент убеждения и навязывания ложных представлений об истинных фактах (с. 75, с. 168, с. 180).

Следует подчеркнуть, что в отличие от польских тезисов о *nowo towa*, язык другого здесь – это не полностью отрезанный от “естественного языка” язык, а нечестное использо-

вание этого естественного языка. Как следствие, очень большое доверие будет оказано языкознанию, которое тем самым станет герменевтикой, служащей «определению идеологической позиции адресата, его ‘точки зрения’, то есть отношения к событиям, явлениям реальной действительности, несмотря на стремление скрыть или завуалировать их» (с. 13), и советские лингвисты получают роль в «анализе форм отражения буржуазной идеологии в языке» (с. 32), делая возможной работу «контрпропаганды» (с. 72).

Наконец, эксплицитное требование прозрачности значения (с. 37) позволяет нам воссоздать основные черты альтернативного языка, предложенного в сборнике: “естественный язык” (с.13), “общенародный язык” (с. 31) – это язык объективный, без субъекта, составленный из простых утвердительных предложений в изъявительном наклонении и из существительных прямой номинации. Но причины эффективности языка политики не изучаются по настоящему, в частности, не рассматривается возможность, что “адресат” в некоторой мере и неоднозначно разделяет политический дискурс, участвует в нём, присоединяется к нему.

2. Язык другого – это плохой язык

Многочисленны примеры того, как в странах Восточной Европы исследователи изучают язык политики в своём собственном языке – более или менее тайно, в зависимости от цензуры. Кажется, что чем критичней их отношение, тем меньше они допускают возможность интерпретации: собственный язык не затрагивают, это свободное пространство, которое следует расширить борьбой.

Именно так обстоит дело с книгой югославского социолога Слобадана Инича “*Govorite li politicki*” («Говорите ли Вы на политическом?», Белград, 1984), краткое изложение которой представлено в этом номере. В русле рассуждений, которые не могут не напомнить критику языка (Sprachkritik) К. Краусса, он предлагает “борьбу за язык” (borba za jezik), основанную на анализе приёмов “политической речи” (*politicki govor*), которая противопоставляется по всем пунктам речи “народной”, повседневному языку, предположительно, означаемому напрямую и лишённому двусмысленностей.

Язык власти и здесь состоит из “семантических сдвигов”, из “злоупотреблений”, направлен на то, чтобы “маскировать действительность” (с. 22). Используемым приёмом и здесь является ложная номинация, когда “белое” называется “чёрным” и наоборот (с. 90). Хотя политический язык и не называют здесь *newspeak* (*novogovor* по-сербохорватски), предложенная модель соответствует ему в общих чертах. Речь власти в Югославии, зашифрованный язык, сделанный из революционных формул, позаимствованных из дискурса прошлых времён, это “словесная магия” (с. 115), совершенно

неадаптированная к современной действительности. Она противопоставляется “аутентичной речи”, например, рабочих, которые живут в ситуации строгой диглоссии, зная правила “двух языковых систем” – антагонистов (с. 116). Альтернативный язык описан мало, но это также язык народа, настоящий язык, защищённый от любой контаминации со стороны “застывшего” и “отдающего прошлым” (*passéiste*) языка власти. Здесь также не рассматривается возможность конформизма, молчаливой причастности народа к дискурсу власти.

Намного больше нюансов можно найти в тексте круглого стола, организованного “неофициальным” журналом Краковского университета *Tumult* (11' 1, 1988), в котором участвовали лингвисты, семиологи, журналисты, историки и литературные критики: “Czy koniec powomowu?” (Конец деревянного языка?). Здесь обсуждается следующая проблема: изменился ли язык современной пропаганды политической власти в Польше (*jezyk wspolczesnej propagandy*). Этот круглый стол, к чести своей, показал, что участвовавшие в нём учёные далеки от консенсуса не только по поводу ответа на этот вопрос, но также и в самом определении деревянного языка (*nowo towa*: новояз).

То же можно сказать и о роли лингвистов. Подводя итог исследованиям, проводившимся в Польше в течение многих лет, лингвист Й. Рокошова высказывает мнение, что сугубо лингвистический подход к деревянному языку не принёс ожидаемых результатов. Она видит в этом подходе методологическую ошибку (с. 17) и полагает, что у языка политической власти не существует никаких специфических черт, которые радикально отличали бы его от различных типов речевых актов, которые используются, чтобы повлиять на адресата.

Аналогично, для называющего себя “филологом” Ц. Михальски, модель Оруэлла – которую не следует рассматривать иначе, как метафору – никогда не осуществлялась на практике: даже в худшие времена сталинизма, никогда не было абсолютного контроля над частной жизнью, который проявлялся бы в языке.

Тем не менее, *nowo towa* поддаётся описанию. Так, исследования совместного распределения в языке прессы 1980-х годов дали неожиданные результаты. Слово “идеология”, например, появляется в основном в негативных контекстах: “идеология” всегда чужая, враждебная. То же самое справедливо и для “людей” (*ludzie*): они “ошиблись”, “дали себя увлечь эмоциям”. Й. Рокошова делает на основании этого заключение о полной “идеологической пустоте” официальной прессы. Но новизна языка современной власти в том, что он менее “безличен”: люди власти (Раковски, Урбан) говорят от своего имени.

Тем не менее, здесь также существует альтернативный язык: это “обычный язык” (*jezyk potoczny*), который находится вне досягаемости языка пропаганды. Если слова последнего используются в разговорной речи, возникает ироническая дистанция, это факт “метаязыка” (с. 21). Последний пример критики языка другого: *Пост-тоталитарный дух* (Париж, Издательство Грассе, 1986), сборник подпольных текстов, написанных под псевдонимом Петр Фиделиус, чешским лингвистом, вынужденным заниматься физическим трудом.

Автор предлагает скрупулёзный “филологический” подход к языку политической пропаганды в Чехословакии: следует воспринять пропаганду буквально, вплоть до самых её устоев, и взорвать её логические парадоксы. Он упрекает оппозиционную интеллигенцию своей страны в их презрении к пропаганде. Напротив, говорит он, её нужно принять серьёзно. Так, считать, что пропаганда лжёт – неточность:

“Когда официальная пресса говорит нам, что “партия – это ядро власти”, или что задача синдикатов, как внешних по отношению к партии организаций, состоит в исполнении программы партии, нам сложно поставить под сомнение истинность этих утверждений. Когда газета *Rudé Pravo* провозглашает, что результаты политики партии “повсюду ощутимо видны”, погрешности стиля могут нас шокировать, но нужно признать, что автор говорит правду” (с. 84).

Только внимательное чтение слов пропаганды может, по мнению Фиделиуса, позволить выйти из пассивного сопротивления.

Основная часть книги посвящена изучению трёх ключевых слов: *народ*, *демократия*, *социализм*. Фиделиус анализирует «сбивающую с толку полисемию» слова “народ” в пропаганде (с. 275), непревзойденного по всем своим “традиционным значениям” (с. 268). Например, “большинство народонаселения” показывает не арифметику, а онтологию: интеллигенция относится или не относится к народу, по обстоятельствам (с. 279). Аналогично, отношения целого и части переменчивы: целое может быть редуцировано до ядра, не изменив при этом сущности. Для Фиделиуса, неизменным остаётся одно: Партия – властелин слов, потому как лишь она одна определяет расширение концепта народ (с. 269). Битва, в которую вступает Фиделиус, – это моральное и филологическое сопротивление “семантическим переворотам”, борьба за “хорошее использование” слов, за “денотацию” (с. 268), то, что А. Глюксманн в предисловии переводит французским выражением “истинная речь” (*parler vrai*).

3. Словарь настоящего языка: свой язык – это хороший язык

В статье «Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языкового сопротивления» (*Language in Society*, том 9, № 1, март 1990,

с. 1-60) польский лингвист Анна Вежбицка предлагает детальный семантический анализ “контр-языка”, “спонтанно” созданного поляками для того, чтоб защищаться от тоталитарного языка власти. Согласно концепции, которая, кажется, широко распространена в Польше, она устанавливает абсолютную оппозицию двух “сфер”: власть / общество. Тезис А. Вежбицка основан на представлении о том, что две эти сферы не пересекаются (ср. красноречивый подзаголовок части статьи: “мы / они”, где “мы” – “это большинство населения”, “они” – “люди власти”). Эта ситуация, по мнению А. Вежбицка, более характерна для Польши, чем для других социалистических стран.

Аргументация здесь следующая: манипулирование языком в тоталитарной стране производит официальный тоталитарный язык. Он, в свою очередь, порождает “антитоталитарный язык”. Это язык разговорный, “народный”. Между нормами языка Государства (официальная сфера) и нормами “спонтанной коммуникации” в индивидуальной, частной сфере, существует полная антиномия, что приводит к диглосии: тоталитарный язык / антитоталитарный язык (как форма “языковой самозащиты”). Этот последний состоит из производных выражений: тайных слов и оборотов, которые дают “чувство облегчения и освобождения пленённому населению”.

Эти тайные речевые употребления может разделить каждый, значит, они создают социальные связи. Тайный язык – это “национальная самозащита против промывания мозгов со стороны пропаганды”, он помогает превозмочь страх, сохранить национальную идентичность и внутреннюю свободу. Принцип таков: в Польше сложилось антиобщество как сознательная альтернатива тому обществу, которое навязывается населению. Это антиобщество производит антиязык, который является “родным языком для подавляющего большинства населения”, даже если он не отражён в словарях. Этот тайный язык, “отражающий ценности общества”, направлен против номенклатуры, которая сама по себе есть что-то вроде антиобщества.

Антиязык касается не только лексики и терминологии, но также проявляется в согласовании и изменении флексий: некоторые несклоняемые сиглы или акронимы склоняются в антиязыке, другие изменяют род. Также наблюдается сатирическое использование русских слов, изменённых на польский манер: польское слово *humanizm* издевательски превращается в *gumanizm*, произносимый с русской фонетикой, в выражении «*socjalistyczny gumanizm*», чтобы показать, что речь идёт лишь о пародии на гуманизм. Аналогично, русское слово *naczel'stvo* (“шефы”, “управляющие”) используется в антиязыке в опояченной форме *naczal'stvo*, чтобы обозначить управление предприятием, с сильной коннотацией деспотизма. “Пуристы” про-

тестуют против опасности вторжения русизмов в польский язык, но А. Вежбицка не видит никакого риска: напротив, это противоядие от русификации и советизации, которая поощрялась режимом, эффективный механизм самозащиты.

Задача данной статьи – изучить антитоталитарный язык через разговорные наименования польской политической полиции со времён установления коммунистической власти. Пример: UB (*Urząd Bezpieczeństwa Publicznego*, “Комитет общественной безопасности”, польский аналог советского КГБ). А. Вежбицка начинает лингвистическую работу над эволюцией образа политической полиции, изучая элементы, отражающие изменения политической ситуации и изменения народного отношения. Таким образом, она предлагает семантический метаязык, одновременно “независимый от языка” и основанный на естественном языке. Через парафразы слов, выражений, конструкций на интуитивно понятном метаязыке и в “простых терминах” станет возможным провести точно сравнение сходств и различий между различными понятиями.

Этот метаязык, бесконечно более обеднённый, чем *basic English* Огдена, состоит из пятнадцати “семантических примитивов”, элементарных концептуальных блоков, которые сами не получают определения, и в терминах которых можно определить все другие слова или конструкции. В него входят: “я, вы, кто-то, что-то, это, хотеть, думать (о), говорить, воображать, знать, место, мир, становиться, плохой, хороший”. В данном случае, добавляется базовая (= не определяемая) семантическая единица: “институт”.

Возьмём пример UB, “акронима, который приобрёл столько негативных коннотаций” (ср. *Gestapo*), который никогда не использовался в официальном языке (где говорится *Bezpieczeństwo*, “Безопасность”, или *organy*), как будто бы официальный язык не осмеливался использовать это слово перед народом”. “Семантическое разложение”, которое предлагает А. Вежбицка, даёт следующие результаты:

- институт X и люди, которые в него входят
- я думаю о нём что-то плохое
- я думаю о нём как:
 - а) он делает плохие вещи людям
 - б) он не хочет, чтобы люди знали, что он делает
 - в) он может сделать плохие вещи кому угодно
- я знаю, что другие люди думают о нём то же самое
- я ощущаю что-то плохое, думая о нём
- я знаю, что другие люди ощущают то же самое
- я знаю, что не нужно ничего о нём говорить.

Термин UB – это явно слово антиязыка, поскольку оно никогда не употребляется в официальном языке. В этом последнем прибегают

либо к пассивным или безличным конструкциям: “операция проводится против...”, либо к описательным выражениям, как *aparat bezpieczeŃstwa* (“аппарат безопасности”). UB стало настоящим словом, произносимым как «*ube*», среднего рода, в то время как заглавное слово синтагмы (*urząd*) – мужского рода.

По той же схеме, слово *ubowscy* (члены UB) будет раскладываться так:

- люди, которые принадлежат институту X
- я думаю про них:
- а) они хотят делать одно и то же вместе
- б) они делают людям плохие вещи
- в) они могут сделать плохие вещи кому угодно
- я знаю, что другие люди думают про них то же самое
- я ощущаю что-то плохое, думая о них
- я знаю, что другие люди думают то же самое.

А. Вежбицка подчёркивает, что такие слова как *ubowscy*, *ubowski* (прилагательные) не зарегистрированы в словарях, “типичный пример того, как при тоталитарном режиме работает лексикография”.

Большое внимание уделяется морфологической деривации: слово *bezpieka*, «полусознательное искажение *bezpieczeństwo*», имеет тот же суффикс, что и слово *klika*, *banda*, который означает “люди, которые хотят делать что-то плохое вместе”, и который в то же время является увеличительным, что включается в “семантическую формулу”: “большая вещь, которая делает плохие вещи и хочет делать плохие вещи”.

Статья стремится показать “социальную связь”, которая основывается на этом антиязыке: что делают люди, когда используют такие производные формы, как *ubek* или *ubal* (образованные от UB), чтобы вложить в эти слова те же “прагматические значения”, что и другие люди? Как люди могут уверенно использовать новые слова, как *esbecja*, *ubecja*, не сомневаясь, что будут поняты так, как они этого хотели? Ответ в том, что “прагматическое значение” легко расшифровать благодаря суффиксальному словообразованию. Если новые слова, как *ubecja*, могут очень быстро “прижиться” и начать использоваться в сходных контекстах, то это потому, что их прагматический смысл немедленно определяется (на подсознательном уровне) благодаря формальным и семантическим связям, которые связывают их с другими словами.

Итак, задача лингвиста – сформулировать эти связи на сознательном уровне, сделать их очевидными. Исходя из положения о том, что “язык – это зеркало истории”, А. Вежбицка может таким образом показать, что народное отношение к политической полиции глубоко изме-

нилось в период между террором при Беруте и активным сопротивлением при Ярузельском.

Это изменение может быть измерено благодаря сведению терминов антиязыка к семантическим примитивам, позволяющим проводить сравнение.

Другой способ добиваться чистоты *своего языка* находим в издании *Prestavba hospodarského mechanismu* (“Перестройка экономических механизмов”), очень официальном тексте издательства Praze (Труд), вышедшем в Праге в 1987 году. Книга подаётся как словарь базовых понятий социалистической экономики в том виде, в котором она осуществляется в данный момент в Чехословакии. Это алфавитное представление правильной интерпретации слов собственного языка, задающее конкретные рамки, в которых то или иное слово должно быть понято и использовано. Такое внимание, уделяемое семантической точности словоупотребления, косвенно указывает на то, что вероятно могли быть и другие способы интерпретировать эти понятия, отсюда и необходимость перевода на правильный язык.

В целом объясняемые слова принадлежат области экономики; так, слово *chozrascot*, фонетическая транскрипция русского слова *хозрасчёт*, обозначающего бухгалтерскую автономию предприятий, или *vedeckotechnická revoluce*, “научно-техническая революция”, калька с русского. Но другие понятия вводятся в более широкий контекст, например, “информирование трудящихся: неотъемлемая часть демократического стиля управления”; “уровень жизни: /... / содержание этого понятия сейчас относительно стабилизировалось”; “догматизм: см. ревизионизм”; “информация: правильный субъективный образ объективного мира”.

4. Деревянный язык – это язык, который мы производим

Случается, что авторы официального дискурса металингвистически осознают свой собственный текст и что власть задаётся вопросами по поводу своей языковой практики. Но в таком случае рефлексия направлена скорее на те языковые формы, которые служат препятствием для получения сообщения и его эффективности, а не на сам “язык” как таковой. Так происходит в книге *Povejmo naravnost!: Jezikovni odsevi birokratskih odklonov v samoupravni družbi in jezik množnicnih občil* (Давайте говорить прямо! языковые отражения бюрократических отклонений в обществе самоуправления и в языке средств массовой информации), опубликованной в Любляне в 1985 году. Это текст конференции, организованной рабочей группой по языку средств массовой информации (“словенский язык в его общественном употреблении”), в рамках Союза синдикатов Словении. Конференция принимает исходную посылку: социализм самоуправления основывается на “языковом соглашении”. Вот

почему “непонятно, как за 30 лет усилий по развитию самоуправления мы дошли до того, что язык, используемый органами и представителями общества самоуправления, совершенно запутан и остаётся серьёзным препятствием для коммуникации” (с. 7).

Эта работа задумана не только как “борьба против индивидуальных языковых слабостей”, но также и как “подготовка к выявлению и ликвидации социальных отношений, которые эти языковые слабости производят или позволяют” (с. 5). Речь идёт о том, чтобы бороться не только против английского и сербохорватского влияния на словенский язык, но ещё и против его “бюрократизации”. “Язык бюрократии” самоуправления очень далёк от альтернативного языка, который здесь получает название “повседневный язык” (*vsakdanji jezik*). Часть работ, представленных в этой книге, пытается численно представить этот разрыв при помощи статистических методов, сравнивая научно-технические и бюрократические тексты и газетные статьи о политической жизни. Осуществляется подсчёт слов, чтобы высчитать процент абстрактных существительных, пассивных и безличных конструкций, определить синтаксическую сложность предложений, и т.д. Одна из характеристик бюрократического языка – это злоупотребление безличными оборотами: вместо того, чтобы сказать “я объявляю приговор обвиняемому”, скорее скажут “обвиняемому объявляется приговор” (с. 9). В бюрократическом языке, автор текста “пытается нейтрализовать свою причастность, чтобы перевести возможный конфликт на абстрактный уровень” (там же). Отмечаются другие характерные черты: обилие аналитических сказуемых (*imeti mosan vpliv*, “осуществлять сильное влияние” вместо *močno vplivati* “сильно влиять”), использование эвфемизмов (*negativni finančni saldo*, «негативное финансовое сольдо» вместо *izguba*, «убытки»).

В книге предлагается ряд решений, чтобы “говорить прямо”, в частности, *называть вещи своими именами* (пример: работник социополитической сферы = политик).

По сравнению с предыдущими, подобная работа представляет для нас интерес, так как она является рефлексией над своим языком. Тем не менее, этот свой язык не ставится под сомнение, он просто наводнён плохими элементами, которые, будучи плохими, не являются внешними, а принадлежат языку.

5. Язык этого другого, который тоже – мы: язык других нас?

Все тексты, рассмотренные до настоящего момента, носили общий характер: будь то сознательное противостояние (А. Вежбицка) или сознательная пропаганда (“Язык и стиль буржуазной пропаганды”), всегда выражена абсолютно очевидная оппозиция: “они / мы”. Эта не вызывающая сомнений идентичность описыва-

ется в лингвистическом анализе, который исходит из принципа, что “язык” есть отражение истории и общества (ср. С. Инич: застывшая политическая речь в Югославии свидетельствует о глубоком кризисе в обществе; ср. А. Вежбицка). Поэтому столь важная роль и уделяется лингвистам, роль равно (если не более, чем) этическая и техническая. Поэтому обнаруживаются и константы в методах работы: “Язык и стиль буржуазной пропаганды” изучает три ключевых слова в пропаганде соперника: “агрессия / коммунизм / свобода”; книга П. Фиделиуса делает то же самое, со словами “народ / демократия / социализм”. Аналогично, результаты анализа языка другого, какой бы язык ни рассматривался, иногда обнаруживают удивительные совпадения. Так, избитые безличных и пассивных фраз отмечается почти во всех работах (“Язык и стиль буржуазной пропаганды”, с. 25; А. Вежбицка; П. Фиделиус, с. 211; “Давайте говорить прямо...”, с. 9). Более того, язык другого всегда получает имя – указатель, мы видели его аватары, часто вдохновлённые Дж. Оруэллом (*powo towa* в польском, ср. также П. Фиделиус, с. 238, “Язык и стиль буржуазной пропаганды”, с. 61).

Наконец (за исключением двух текстов, которые не дают в открытую конфликтного описания общества, “Реструктурирование, ‘перестройка’ экономических механизмов” и “Давайте говорить прямо...”), общество анализируется по модели меньшинства (которое намеренно говорит на плохом языке) и подавляющего большинства (говорящего на хорошем языке).

Но главное, все эти тексты, какими бы они ни были, оставляют неприступным одно святое место: альтернативный язык, будь он назван “общенародный язык” (“Язык и стиль буржуазной пропаганды”), “естественный язык” (там же); “народный язык” (А. Вежбицка), “антиполитарный язык” (там же); “обычный язык” (Тумулт); “повседневная речь” (С. Инич); “аутентичная речь” (там же); “повседневный язык” (“Давайте говорить прямо...”).

Даже когда лингвисты выражают скептицизм относительно возможности описания деревянного языка, остаётся непоколебимая определённость: определённость “настоящей речи”. Все эти тексты, так или иначе, предлагают программу борьбы: “отвоевать язык”, по выражению С. Инича.

Однако, существуют работы, которые отдалаются от этого успокоительного манихейства, тексты, в которых идентичность больше не основывается на прочности формально описываемого социолекта, вступает в игру, где границы высказывания нарушаются, накладываются друг на друга. И этим открытием мы обязаны не лингвистам, а авторам странной литературы – югославских афоризмов. В этом тексте, который резюмируется одной фразой – “Наш путь

действительно уникален, больше никому не пришло бы в голову по нему пойти!”, – сила и эффективность анализа, как мне кажется, происходят из колеблющейся идентичности говорящего, раскачивающейся между несколькими интерпретациями, в зависимости от того, инклюзивно или эксклюзивно это “мы”, сближается ли оно с универсальным или конкретным говорящим, или от того, может ли первая часть предложения принадлежать автору официального дискурса; тогда это предложение может становиться искажённым, пародийным дискурсом, в которое просачивается речь говорящего.

Так, человек может вобрать в себя речь другого, чтобы обратить её в насмешку, но в ответ она захлёстывает речь принимающую, ломая границы, размывая определённости. Тогда на язык другого больше нельзя указать, он больше не находится в стороне, он является частью своего языка. Больше невозможно держать дистанцию: они это мы, мы это они, между нами – один язык...

В этом кажущемся нигилизме не предлагается решение, и главное, нет поиска “настоящей речи”. И всё же мне кажется, я вижу здесь особенно удачный подход к проблеме места дискурса Другого, одновременно вне себя и в себе. Ведь не существует языка-убежища, где можно было бы укрыться от речей Другого. И вывод, который следует из этого извлечь, – не обязательно нигилистское отчаяние, возможно, это начало осознания связи дискурсивных механизмов и разделения субъекта. И если литература здесь обгоняет лингвистику, это совсем другой вопрос. Но сейчас нужно выполнить срочную работу, поразмышлять над объёмом понятия, которое во Франции редко ставится под вопрос – понятия “настоящей речи”. Вот действительная проблема, исследование которой должно бы было занимать все умы куда более, чем проблема “деревянного языка”.

© Серю П., 2008

РАЗДЕЛ 4. ХРОНИКА

Филатова К. Л.

Екатеринбург, Россия

Орлеан, Франция

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЗЫК, КОММУНИКАЦИЯ И КОГНИЦИЯ» (Лондон, 4-7.02.2008)

Международная конференция «Язык, Коммуникация и Когниция» проводилась 4 – 7 августа 2008 года в Университете Брайтона, Великобритания, при поддержке Британской Академии и в сотрудничестве с Ассоциацией когнитивной лингвистики Великобритании. Участие в конференции приняли около 400 человек со всех континентов; состоялись шесть пленарных заседаний с выступлениями ведущих мировых специалистов в области когнитивной науки; на протяжении четырех дней одновременно работали семь тематических сессий устных докладов; в постерной сессии было представлено около 50 стендовых докладов.

Междисциплинарный характер конференции предопределил основные направления, представленные в работах её участников:

- изучение трансформирующей роли языка и коммуникации в человеческой когнитивной деятельности;

- анализ языка и речи как предоставляющих доступ к неязыковым когнитивным процессам и структурам;

- исследование отношения между языковой структурой и когнитивными процессами и культурными факторами, включая культурные практики и знания, заложенные в материальной культуре;

- описание природы языковых универсалий как когнитивных ограничителей для языкового разнообразия;

- разработка прикладных аспектов изучения языка, коммуникации и когниции в таких областях, как педагогика, перевод, литература и науки об обществе.

Среди ведущих тем конференции следует назвать взаимодействие языка, креативности и воображения; использование языка в речи; взаимосвязь значения и грамматики; процессы коммуникации, концептуализации и жест; влияние языка на мышление; усвоение языка и формирование концептов; происхождение и развитие языка и сознания. Пленарные лекции были прочитаны крупными исследователями в области когнитивных наук, которые также впоследствии принимали участие в дискуссиях, организованных по итогам тематических сессий.

Конференцию открыл **Джордж Лакофф** (Университет Калифорнии, Беркли) лекцией на тему «Природа мышления: множественные ро-

ли нейронной теории метафоры»¹. Основоположник теории концептуальной метафоры предостерег слушателей от чтения исключительно классической книги «Метафоры, которыми мы живём», написанной за три месяца, и представил подробное изложение новой нейронной теории метафоры (НТМ), серьёзно ориентированной на биологическое объяснение метафоры как феномена. Метафора была определена им в данной лекции как «физическая нейронная цепь»². Дж. Лакофф остановился на понятии первичной метафоры, которое было введено в 90-е годы, прежде всего, в работах Джозефа Грэди, и затем самого Дж. Лакоффа. Первичные метафоры характеризуются более сильными синапсами в одном из двух направлений (по выражению автора, «Ваш мозг всегда работает с вертикальностью, но не всегда с качеством; всегда обрабатывает температуру, но не всегда привязанность»³). Особое внимание он уделил разведению понятий нейронного наложения (neural mapping) и нейронного связывания (binding). Именно последним механизмом (ср. интеграция формы и цвета) автор объяснил все случаи блендинга (blends), что явилось своеобразным заочным ответом Марку Тёрнеру и Жилю Фоконнье. Дж. Лакофф также прокомментировал соотношение терминов «фрейм» и «метафора», между которыми существует «нейронная разница»: метафорическое наложение происходит на уровне семантических ролей во фрейме, при этом специфические роли не переносятся в метафору (ср. в метафору LOVE IS A JOURNEY переносится семантическая роль транспортного средства из фрейма путешествия).

Лера Бородицки (Стэнфордский университет) прочитала пленарную лекцию на тему «Как языки, на которых мы говорим, определяют способы нашего мышления»⁴, где тезисы, производные от гипотезы языковой относительности (может ли изучение новых языков изменить наше мышление? думают ли билингвы по-разному, когда говорят на том или ином языке? определяет ли язык наше мышление только в момент речи или оказывает более широкое влияние на когнитивные паттерны?), проверялись на примерах их четырёх областей: времени, цвета, описания объектов и описания событий. Л. Бородицки детально описывала методику проведения эксперимента в когнитивной психологии (задания на запоминание, на указание сходства, на описание стимула; использование методики вербальной интерференции, сопоставление билингвов и монолин-

¹ George Lakoff, The nature of thought: the multiple roles of the neural theory of metaphor.

² «Metaphor is a physical neural circuit».

³ «... your brain is always computing verticality and not always quantity; ... always temperature, but not always affection».

⁴ Lera Boroditsky, How the languages we speak shape the ways we think.

гвов, работа с билингвами последовательно на двух языках). Постановка эксперимента иллюстрировалась яркими примерами межъязыковых и межкультурных сопоставлений; приведём только один. Так, пространственная концептуализация времени – горизонтальная слева направо (европейские языки) / справа налево (иврит) vs вертикальная (мандарин) выявляется при помощи задания разложить в правильной последовательности картинки, изображающие сменяющие друг друга события или состояния. Особо примечателен австралийский народ *kuik thaayugge*, в языке которого не представлены концепты «право» и «лево», но зато крайне развита пространственная ориентация по сторонам света, и время течёт с «востока на запад». Соответственно, выполнение задания на реарранжировку фотографий разных возрастов одного человека выполняется по-разному, в зависимости от положения испытуемого в пространстве относительно сторон света.

Адель Голдберг (Университет Принстона) выступила с докладом «Обобщения в языке»⁵, посвящённым группе английских прилагательных на *a-* с ударением на последний слог (*afraid, asleep, aware...*), которые употребляются исключительно в постпозиции по отношению к определяемому существительному. А. Голдберг привела данные корпусного и экспериментального исследований, показывающих, что носители языка обладают как конкретным языковым знанием, привязанным к языковой единице, так и тенденцией генерализировать это знание при встрече со сходными языковыми феноменами. Автор продемонстрировала влияние фонологии на синтаксис, а также роль исторической перспективы в синхронном состоянии грамматической системы.

Майкл Томазелло (Институт Макса Планка по изучению эволюционной антропологии, Лейпциг) прочитал пленарный доклад на тему «Роль прототипических конструкций в раннем языковом развитии»⁶. Крупный специалист в области эволюционной лингвистики, развития языка как в фило-, так и в онтогенезе, в данной лекции М. Томазелло представил результаты исследований по усвоению немецкоговорящими детьми конструкций SVO и определение ими отношений агенс – пациенс. Если прототипические варианты конструкции усваиваются довольно рано, непрототипические формы вызывают затруднения и у намного более старших детей. Он рассматривал три основных фактора, влияющих на психологическую силу показателя (*cue strength*): частота показателя, последовательность в употреблении показателя и сложность показателя. М. Томазелло продемонстрировал, что раньше всего у ребёнка формиру-

ется схема, использующая избыточные показатели (например, в немецком языке порядок слов + падеж), и изолирование отдельных показателей вызывает трудности (ср., конфликтное условие при использовании нечастотного порядка слов при падежном маркировании в немецком: OVS). Также были приведены результаты экспериментов с англоговорящими и с немецкоговорящими детьми на повторение относительных придаточных; для обоих языков прототипической конструкцией в данном случае является придаточное, относящееся к подлежащему, другие варианты конструкции представляют значительную сложность для детей.

Пленарная лекция **Сотаро Кита** (Университет Бирмингема) была посвящена теме «Жест, язык и мышление»⁷. Отталкиваясь от базовой классификационной триады – анафорические жесты, репрезентативные и битовые (четвёртый вид, метафорические жесты, не обсуждался на пленарном заседании, но был подробно рассмотрен в докладах на тематической сессии), С. Кита предложил свой вариант: деление жестов на сопровождающие речь (*co-speech gestures*) и сопровождающие мышление (*co-thought gestures*). Сопровождающие речь жесты могут варьироваться от культуры к культуре в зависимости от способа репрезентации концептуального содержания в языковых структурах (ср. один жест для «покатился вниз» для носителя английского языка, где глагол объединяет направление движения и способ движения; пара жестов для носителей турецкого и японского языка, где это действие описывается при помощи двух глагольных форм, «двинулся вниз» и «переворачиваясь»). Несмотря на то, что жестикουλация становится более оживлённой при необходимости организовать концептуальное содержание в целях вербализации (ср. эксперименты с пересказом насыщенных передвижениями и действиями мультфильмов), жесты могут сопровождать и невербальное решение когнитивных задач, что показывалось на примере экспериментов с ментальной ротацией объектов. Заключение, к которому пришёл С. Кита в своём докладе: механизм производства жестов независим от процессов речепорождения, но очень тесно связан с ними.

Закрытием конференции стало пленарное выступление **Герберта Кларка** (Стэнфордский университет) на тему «Изображение в коммуникации»⁸. Автор представил коммуникацию как совокупность трёх когнитивно различных методов подачи сигнала: описание (например, языковое); указание (например, жестом); изображение (*depiction*, как, например, в случае иконических жестов). Повседневное общение складывается из комбинации данных методов, причём изображение в чистом виде встречается

⁵ Adele Goldberg, Generalizations in language.

⁶ Michael Tomasello, The role of prototype constructions in early language development.

⁷ Sotaro Kita, Gesture, language and thought.

⁸ Herbert H. Clark, Depiction in communication.

довольно редко. Используя это понятие для анализа ряда феноменов в различных модальных контекстах, Г. Кларк представил более широкий взгляд на процесс коммуникации. Особое внимание было заострено на цитате как дискурсивном средстве изображения.

Самые крупные тематические сессии, совпадающие по направлению с профилем работы приглашённых пленарных докладчиков, заканчивались всеобщей дискуссией. Стоит отметить работу сессий по метафоре (ведущие дискуссии – Вив Эванс и Джордж Лакофф), по усвоению языка/конструкциям (ведущие – Адель Голдберг и Ив Кларк), по лингвистической относительности (ведущие – Лера Бородицки и Дэн Слобин), по глухоте (ведущие – Терри Янцен и Марти Серено), по эволюции (ведущие – Крис Синха и Майкл Томазелло), по жесту (ведущие – Сотаро Кита и Алан Ченки), по использова-

нию языка (ведущие – Герберт Кларк и Пол Хоппер).

Окончание конференции сопровождалось проведением сателлитного симпозиума – Второй британской конференции аспирантов по когнитивной лингвистике (8 августа 2008 года)⁹; в пленарных заседаниях на данной конференции акцент был сделан на детальное обсуждение методологии работы с эмпирическим материалом и построения эксперимента (Даниель Касасанто, Ева Дабровска). Теоретическая лекция была прочитана при открытии главным организатором конференции «Язык, Коммуникация и Когниция» Вивом Эвансом.

© Филатова К. Л., 2008

⁹ Веб-сайт конференции: www.languageandcognition.net/pgcc1.

Пирогов Н. А.
Екатеринбург, Россия

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ПО ЗАЩИТЕ ДОКТОРСКИХ И КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ Д 212.283.02

Код совета	Д 212.283.02
Год открытия совета	1994
Специальности совета	10.02.01 – Русский язык (по филологическим наукам) 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание (по филологическим наукам)
Председатель	Чудинов А.П., д-р филол. наук, проф.
Зам. председателя	Томашпольский В.И., д-р филол. наук, проф.
Ученый секретарь	Пирогов Н.А., канд. филол. наук, проф.

28 марта 2008 года

1. Грецова Светлана Валерьевна (УрГПУ). Переводческие псевдозэквиваленты в лексике французского и русского языков. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. В. И. Томашпольский. Эксперты – д.филол.н., проф. Н. В. Пестова и д.филол.н., проф. О. А. Турбина. Оппоненты – д.филол.н., проф. О. А. Турбина (ЮУрГУ) и к.филол.н., доц. О. Л. Соколова (УрГПУ). Ведущая организация – Уральский государственный университет.

2. Боярских Оксана Сергеевна (Нижнетагильская ГСГА). Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в современных СМИ. Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – д.филол.н., проф. А. П. Чудинов. Эксперты – д.филол.н., проф. Т. А. Гридина и д.филол.н., проф. К. И. Демидова. Оппоненты – д.филол.н., проф. К. И. Демидова (УрГПУ) и к.филол.н., доц. И. М. Волчкова (УрГАХА). Ведущая организация – Уральский государственный технический университет – УПИ.

11 апреля 2008 года

3. Рахимбергенова Майра Хаджимуратовна (ОмГУ). Лингвокогнитивные стратегии отражения образа «чужого» в российской прессе. Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – д.филол.н., проф. О. С. Иссерс. Эксперты – д.филол.н., проф. А. П. Чудинов и д.филол.н., проф. Н. Б. Руженцева. Оппоненты – д.филол.н., проф. Н. Б. Руженцева (УрГПУ) и к.филол.н., доц. Ю. Б. Феденева (УрГЮА). Ведущая организация – Кемеровский государственный университет.

4. Тюленева Наталья Александровна (ОмГУ). Лингвокогнитивные стратегии позиционирования и продвижения туристических услуг в российской и англо-американской рекламе. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. О. С. Иссерс. Эксперты – д.филол.н., проф. А. П. Чудинов и к.филол.н., проф. Н. А. Пирогов. Оппоненты – д.филол.н., проф. Е. Н. Ремчукова (УДН) и к.филол.н., доц. Е. А. Нахимова (УрГПУ). Ведущая организация – Уральская государственная архитектурно-художественная академия.

6 июня 2008 года

5. Василенко Ольга Ивановна (УрГПУ). Отфитонимная семантическая деривация в русском и английском языке. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. З. И. Комарова. Эксперты – д.филол.н., проф. Г. Н. Плотникова и д.филол.н., проф. Н. Б. Руженцева (УрГПУ). Оппоненты – д.филол.н., проф. Н. Б. Руженцева и к.филол.н. проф. О. Г. Скворцов. Ведущая организация – Уральский государственный университет.

6. Чемезова Ирина Анатольевна (УрГПУ). Прецедентная модель языковой игры в газетном заголовке. Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – д.филол.н., проф. Т. А. Гридина. Эксперты – д.филол.н., проф. Э. А. Лазарева и д.филол.н., проф. К. И. Демидова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Э. А. Лазарева (УрГАХА) и к.филол.н., доц. С. А. Еремина. (УрГПУ). Ведущая организация – Московский государственный областной университет.

20 июня 2008 года

7. Курячая Евгения Игоревна (ОмГУ). Разрушение стандарта как доминанта идиостиля Б. Виана и способы ее репрезентации в тексте оригинала и перевода. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. Н. А. Кузьмина. Эксперты – д.филол.н., проф. В. И. Томашпольский и д.филол.н., проф. Е. Г. Доценко (УрГПУ). Оппоненты – д.филол.н., проф. Н. Н. Лыкова (ТюмГУ) и к.филол.н., доц. О. Л. Соколова (УрГПУ). Ведущая организация – Удмуртский государственный университет.

8. Косарев Михаил Иванович (УрГПУ). Прецедентные феномены со сферой-источником «Кино» в политической коммуникации Германии и США. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – к.филол.н., проф. Н. А. Пирогов. Эксперты – д.филол.н., проф. Н. В. Пестова и д.филол.н., проф. Н. Б. Руженцева. Оппоненты – д.филол.н., проф. Н. Н. Белозерова (ТюмГУ) и к.филол.н., доц. М. А. Шабаяева (УрГПУ). Ведущая организация – Уральский государственный университет.

27 июня 2008 года

9. Бурмистрова Татьяна Николаевна (УрГПУ). Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект. Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – к.филол.н., доц. Н. И. Коновалова. Эксперты – д.филол.н., проф. М. Л. Кусова и д.филол.н., проф. К. И. Демидова. Оппоненты – д.филол.н., проф. М. Л. Кусова и к.филол.н., доц. М. В. Слаутина (УрГУ). Ведущая организация – Московский государственный областной университет.

10. Русова Ирина Александровна (СурГУ). Когнитивное исследование метафор в сонетах В. Шекспира и их переводах на русский язык. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – к.филол.н., доц. Л. В. Черепанова. Эксперты – д.филол.н., проф. Н. Б. Руженцева и д.филол.н., проф. З. И. Комарова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Н. М. Нестерова (ПермГТУ) и к.филол.н. проф. Г. Н. Бабич. Ведущая организация – Тюменский государственный университет.

11. Корюкина Наталья Васильевна (ПермГТУ). Комическое в художественном тексте и его межкультурная транслируемость (на материале произведений М. Зоценко и С. Довлатова и их англоязычных переводов). Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. Н. М. Нестерова. Эксперты – к.филол.н., проф. Н. А. Пирогов и д.филол.н., проф. А. П. Чудинов. Оппоненты – д.филол.н., проф. Е. В. Ерофеева (ПермГУ) и к.филол.н. доц. Н. А. Красильникова (УрГПУ). Ведущая организация – Башкирский государственный университет.

12 сентября 2008 года

12. Киреева Наталья Викторовна (ОмГУ). Концепт «книга» в антропоцентристском освещении (на материале современного русского литературного языка). Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – к.филол.н., проф. М. И. Одинцова. Эксперты – д.филол.н., проф. К. И. Демидова и д.филол.н., проф. М. Л. Кусова. Оппоненты – д.филол.н., проф. К. И. Демидова (УрГПУ) и к.филол.н., доц. А. М. Плотникова (УрГУ). Ведущая организация – Новосибирский государственный университет.

13. Илюшкина Мария Юрьевна (УрГПУ). Прецедентные феномены в российской и британской рекламе услуг для туристов. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. А. П. Чудинов. Эксперты – к.филол.н., проф. Н. А. Пирогов и д.филол.н., проф. М. Л. Кусова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Э. А. Лазарева (УрГАХА) и к.филол.н., доц. Н. А. Красильникова (УрГПУ). Ведущая организация – Удмуртский государственный университет.

19 сентября 2008 года

14. Прошина Александра Александровна (УрГПУ). Моделирование двуязычного словаря-тезауруса по экономике. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. З. И. Комарова. Эксперты – д.филол.н., проф. Г. Н. Плотникова и д.филол.н., проф. Н. В. Пестова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Г. В. Пестова и к.филол.н., доц. Т. Н. Сивкова. Ведущая организация – Уральский государственный технический университет - УПИ.

15. Филиппова Анастасия Анатольевна (ПермГУ). Внутриотраслевая полисемия в русском и немецком методическом дискурсе. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., доц. С. Л. Мишланова. Эксперты – д.филол.н., проф. З. И. Комарова и к.филол.н., проф. Н. А. Пирогов. Оппоненты – д.филол.н., проф. З. И. Комарова и к.филол.н., доц. А. Б. Насырова (ПермГПУ). Ведущая организация – Пермский государственный технический университет.

3 октября 2008 года

16. Романова Ксения Михайловна (УрГПУ). Средиземноморские субрегиональные реалии лингвокультурной сферы «виноделие» (на материале итальянского, испанского и французского языков). Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. В. И. Томашпольский. Эксперты – д.филол.н., проф. З. И. Комарова и д.филол.н., проф. А. П. Чудинов (УрГПУ). Оппоненты – д.филол.н., проф. Н. Н. Лыкова и к.филол.н., доц. И. Д. Белеева. Ведущая организация – Удмуртский государственный университет.

17. Окружная Мария Ивановна (ЧелГПУ). Сопоставительное исследование французских арготических и американских сленговых фразеологизмов. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. В. И. Томашпольский. Эксперты – д.филол.н., проф. О. А. Турбина и д.филол.н., проф. З. И. Комарова. Оппоненты – д.филол.н., проф. О. А. Турбина (ЮУрГУ) и к.филол.н., доц. Е. В. Шустрова (УрГПУ). Ведущая организация – Челябинский государственный университет.

18. Жучкова Елена Владимировна (УрГПУ). Сопоставительное моделирование отраслевой словарной типологии (на материале русских и английских словарей по психологии). Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. З. И. Комарова. Эксперты – К. И. Демидова и Э. Э. Лазарева. Оппоненты – д.филол.н., проф. Табанакова и к.филол.н., проф. О. Г. Скворцов. Ведущая организация – Пермский государственный университет.

24 октября 2008 года

19. Соломина Наталья Владимировна (ОмГУ). Интертекстуальный тезаурус современной языковой личности. Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – д.филол.н., проф. Н. А. Кузьмина. Эксперты – д.филол.н., проф. Т. А. Гридина и д.филол.н., проф. А. П. Чудинов. Оппоненты – д.филол.н., проф. Т. А. Гридина (УрГПУ) и д.филол.н., проф. Ю. В. Казарин (УрГУ). Ведущая организация – Пермский государственный университет.

20. Талапина Марина Борисовна (УрГПУ). Сопоставительное исследование русских и английских прилагательных белый/черный и white/black в когнитивно-дискурсивном аспекте. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. З. И. Комарова. Эксперты – д.филол.н., проф. Т. А. Гридина и д.филол.н., проф. Т. В. Попова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Л. М. Алексеева и д.филол.н., проф. Т. В. Попова. Ведущая организация – Тюменский государственный университет.

31 октября 2008 года

21. Запевалова Людмила Александровна (УрГПУ). Функционально-семантическая категория единичности в русском и английском языках. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. З. И. Комарова. Эксперты – М. Л. Кусова и Г. Н. Плотникова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Г. Н. Плотникова и д.филол.н., доц. Е. В. Шустрова. Ведущая организация – Российский государственный профессионально-педагогический университет.

22. Мальцева Инга Геннадьевна (УрГПУ). Цветовые концепты как проблема перевода. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. Н. В. Пестова. Эксперты – д.филол.н., проф. З. И. Комарова и к.филол.н., проф. Н. А. Пирогов. Оппоненты – д.филол.н., проф. Н. Красавский и к.филол.н., проф. О. Г. Скворцов. Ведущая организация – Нижегородский государственный лингвистический университет.

14 ноября 2008 года

23. Полухина Валентина Владимировна (УрГПУ). Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – д.филол.н., проф. Т. А. Гридина. Эксперты – д.филол.н., проф. М. Л. Кусова и Э. А. Лазарева. Ведущая организация – Пермский государственный университет.

24. Зайкова Елена Сергеевна (УГТУ–УПИ). Русская деривационная лексикография: история, теория и практика. Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – д.филол.н., проф. Т. В. Попова. Эксперты – д.филол.н., проф. Л. И. Майданова и д.филол.н., проф. Г. Н. Плотникова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Г. Н. Плотникова и к.филол.н., доц. А. В. Цыганкова. Ведущая организация – Тюменский государственный университет.

28 ноября 2008 года

25. Лукина Ольга Ивановна (УрГПУ). Сопоставительное исследование фонетической терминологии в русском и французском языках. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. В. И. Томашпольский. Эксперты – д.филол.н., проф. А. П. Чудинов и д.филол.н., проф. З. И. Комарова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Н. Н. Лыкова и к.филол.н., доц. И. Д. Белеева. Ведущая организация – Пермский государственный педагогический университет.

26. Антропова Анастасия Викторовна (УрГПУ). Названия американских и российских кинофильмов: сопоставительная характеристика и проблемы перевода. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – к.филол.н., проф. Г. Н. Бабич. Эксперты – д.филол.н., проф. Н. Б. Руженцева и д.филол.н., проф. М. Л. Кусова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Л. М. Алексеева (ПермГУ) и к.филол.н., доц. Е. Л. Богуславская. Ведущая организация – Уральский государственный университет.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, ЧЛЕНАХ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ И ПЕРЕВОДЧИКАХ

АЛЕКСЕЕВА, МАРИЯ СЕРГЕЕВНА – аспирант Уральского государственного педагогического университета

АНИКИНА, ТАТЬЯНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – аспирант Уральского государственного педагогического университета

АНИКИН, ЕВГЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – кандидат филологических наук, преподаватель Челябинского государственного университета

БУДАЕВ, ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

БУРК, КЕННЕТ (Kennet Burke) – доктор философии, профессор, один из основоположников американской политической лингвистики, специалист в области риторической критики.

ВАЙС, ДАНИЭЛЬ (Daniel Weiss) – доктор философии, профессор, заведующий кафедрой Цюрихского университета (Швейцария).

ВАСИЛЬЕВ, АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор Сибирского юридического института МВД (Красноярск).

ГАВРИЛОВА, МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

ДЕЛЬ МАР РИВАС КАРМОНА, МАРИЯ (Maria del Mar Rivas Carmona) – доктор философии, профессор Севильского университета.

ЕРЕМИНА, СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета.

ЗЫРЯНОВА, ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА – аспирант Уральского государственного педагогического университета.

ИВАНОВА, СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА – доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного университета

ИГОШЕВ, БОРИС МИХАЙЛОВИЧ – профессор, ректор Уральского государственного педагогического университета.

ИНЬИГО-МОРА, ИЗABELЬ (Izabel Iñigo-Mora) – доктор философии, профессор Севильского университета (Испания).

КАЛЫГИНА, МАРИНА ЮРЬЕВНА – аспирант Уральского государственного педагогического университета

КУШНЕРУК, СВЕТЛАНА ЛЕОНИДОВНА – кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного педагогического университета

ЛАССАН, ЭЛЕОНОРА РУФИМОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Вильнюсского государственного университета (Литва).

МАРКЕС, АУРЕЛИЯ КАРАНЦА (Aurelia Carranza Márquez) – доктор философии, профессор Севильского университета.

НАДЕЛЬ-ЧЕРВИНЬСКА, МАРГАРИТА (Margarita Nadel-Czerwińska) – доктор филологии,

профессор Силезского университета (Катовицы, Польша).

НАУМОВА, ИРИНА ОЛЕГОВНА – кандидат филологических наук, профессор Харьковской государственной академии городского хозяйства

НАХИМОВА, ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета.

ПИРОГОВ, НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета, ученый секретарь диссертационного совета Д 212.283.02.

ПОЛЯКОВА, ИРИНА СЕРГЕЕВНА – преподаватель Шадринского государственного педагогического института.

РУЖЕНЦЕВА, НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА – доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета.

САДУОВ, РУСЛАН ТАЛГАТОВИЧ – аспирант Башкирского государственного университета.

СЕНКОВСКА, ЭЛЬЖБЕТА (Elżbieta Sękowska) – доктор филологии, профессор Варшавского университета (Польша)

СЕРИО, ПАТРИК (Patrick Seriot) – доктор философии, профессор университета Лозанны (Швейцария)

СТЕЛЬЦНЕР, ГЕРМАН (Hermann G. Stelzner) – доктор философии, в шестидесятые годы прошлого века профессор университета штата Иллинойс (США), широко признанный специалист в области риторической критики

СТРЕЛЬНИКОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

ТАРАТЫНОВА, ТАТЬЯНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – аспирант Уральского государственного педагогического университета

ФЕНИНА, ВИКТОРИЯ ВЛАДИМИРОВНА – аспирант Саратовского государственного университета

ФЕРНАНДЕС-ДИАС, ГАБРИЭЛА (Gabriela Fernandez-Diaz) – доктор философии, профессор Севильского университета.

ФИЛАТОВА, КСЕНИЯ ЛЕОНИДОВНА – аспирант Орлеанского университета (Франция) и Уральского государственного педагогического университета

ЧАЩИНА, СОФЬЯ СЕРГЕЕВНА – аспирант Уральского государственного педагогического университета

ЧУДИНОВ, АНАТОЛИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета.

ШАХОВСКИЙ, ВИКТОР ИВАНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Волгоградского государственного педагогического университета

ШЭТЕЛЯ, ВИКТОР МЕЧИСЛАВОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент Московского педагогического государственного университета.